

Мифы древнего Китая (Юань Кэ)

Источник: *Юань Кэ Мифы древнего Китая.* - М.: Наука, 1965 г.

Предисловие

В 1924 г. Шэнь Янь-бин в своей работе «Исследование китайских мифов» писал: «Мифы Китая не только не собраны в специальной книге, но и отдельные записи их, разбросанные в древних сочинениях, крайне отрывочны, поэтому составить свод китайских мифов исключительно трудно». За последние 20-30 лет учёные создали немало исследований в этой области, на целине проторили дорогу, по которой уже можно идти, но никто ещё не систематизировал древних китайских мифов и не представил их в виде отдельной книги, а проделать это очень важно и необходимо.

В детстве и в юношеские годы я всегда любил сказки, мифы, легенды - эти образцы устного народного художественного творчества. Когда же впоследствии я натолкнулся на материал по мифологии в древних книгах, то был поражён богатством и красотой образов и одновременно не мог не сожалеть о лапидарности сведений. Поэтому я в конце концов решился, несмотря на несовершенство своих знаний, собрать воедино мифы и дать относительно систематическое и законченное изложение их. Так получилась книга «Мифы древнего Китая», выпущенная в 1950 г. издательством «Шаньу иньпугуань» («Коммерческое издательство»). Хотя в этой маленькой книжечке и были недостатки и ошибки, но она каждый год переиздавалась, так как была нужна читателям, и к концу 1955 г. было выпущено шесть изданий. За эти несколько лет мне часто хотелось найти время, чтобы дополнить и исправить её, но в силу разных обстоятельств это желание долго не могло осуществиться. И только в прошлом году, подталкиваемый читателями, получив поддержку и одобрение издательства, я осуществил своё желание, переписав всю книгу заново.

Новый вариант книги почти в четыре раза больше первого, многие главы и параграфы в первом издании вообще отсутствовали, а те, которые были, сильно отличаются от прежних, можно сказать, что они не просто переписаны, а как бы переплавлены в другой печи. Кроме статьи материалов, перенесённых в эту книгу, в неё добавлены новые, в несколько раз превышающие своим объёмом те, что были привлечены в первом издании. В комментариях к книге приведено не менее тысячи осколков мифов, а если считать и те, что использованы, но не отмечены в примечаниях, то их гораздо больше. Нужно было собрать эти осколки мифов, расположить их в определённой последовательности, исследовать, очистить от наслоений, устранить противоречия, отбросить то, что было привнесено от себя историками, философами, авторами сочинений о бессмертных, вернуть мифам их первоначальный облик, поставить каждый миф на соответствующее место, пропустить их через печь искусства и сердце автора, чтобы выплавить кристаллическую массу; этот труд был воистину сложен и труден. Я попытался сделать так, но, конечно, получилось ещё недостаточно хорошо, разве что, сравнивая с прежней маленькой простенькой книжечкой, можно сказать, что сделан ещё один шаг вперед.

Когда я заново переписывал эту книгу, я не только добавил много новых материалов по мифологии; но и включил в неё многочисленные повествования о бессмертных и легенды. Прежде я не решался так широко привлекать весь этот материал, впоследствии же, извлекая из безбрежного моря мифы, легенды, повествования о бессмертных, включённые в «Вопросы к небу» великого поэта Цюй Юаня, я понял, что эти жанры не следует разделять так решительно, ведь и в устных повествованиях древних людей всё это, наверное, было взаимно связано и не разделялось. Поэтому я раздвинул сферы маленькой книги, включив в неё некоторые исторические предания и сказания о бессмертных, и тем самым как бы продлил

эпоху мифов, расширил область мифологии и соприкоснулся со смежными областями, в результате чего даже в некоторых философских притчах обнаружил мифологический материал, как, например, история о фантастической рыбе и птице из философского трактата Чжуан-цзы, история о том, как Жёлтый император потерял чёрную жемчужину, повествование о бессмертном Мяо Гу-шэ и многие другие, которые я включил в изложение.

Расширяя поле деятельности, отыскивая материал, касающийся легенд и сказаний о бессмертных и дополняя содержание разделов о мифах, конечно, я не включал всего, что попадало под руку. Я, естественно, производил отбор. К примеру, в легендах приходилось по возможности избегать близости к истории; из повествований о бессмертных также выбраны рассказы о деяниях бессмертных древности: Чи Сун-цзы, Нин Фэн-цзы, Пэн Цзу, Ши Мэнь, Сяо Фу, Ван Цзы-цяо и др., и вовсе не включены все рассказы о бессмертных, собранные в «Жизнеописаниях знаменитых бессмертных» (Ле сянь чжуань) и «Жизнеописаниях бессмертных» (Шэньсянь чжуань). Если же в повествование иногда включаются некоторые короткие рассказы о постижении пути бессмертно об этом либо говорится с насмешкой, либо разбиваются их построения, и тут достаточно видны авторское отношение к этому материалу и разница в его использовании по сравнению с мифологическими рассказами.

Древние обычаи и обряды, такие, как сжигание на солнце шаманки во время моления о дожде, шествие с криками, чтобы отогнать мор, пение и пляски перед храмами богов во время принесения жертвы с молением о даровании детей правителю, - все очень интересны и тесно связаны с мифами, поэтому я, не боясь многословия, вставил их описания. Когда же в мифах речь заходит о прекрасных горах и реках нашей. Отчизны, знаменитых памятниках и древних развалинах, то я сознательно расширял описания и добавлял краски.

В переработанном издании я снял некоторые ненужные рассуждения и добавил много литературных пассажей и описаний. Сейчас я отказался от тех построений, которые были недостаточно обоснованы, и более полно выразил другие свои мысли и гипотезы. Это особенно заметно в разделах, посвящённых легендам о временах, следующих за эпохой Ся, например в изложении истории Ван-хая и Ван-хэна, встречи Цзян тай-гуна с Вэнь-ваном и др., где элементы авторского домысла сделали повествование более живым и художественным. Однако эти домыслы и предположения всё же базируются на определённом фундаменте, а не есть плод безудержной фантазии. Некоторые товарищи хотели бы, чтобы я написал книгу мифов в художественной форме, а не составлял бы ее, как сейчас, из отдельных кусочков, то излагая миф, то комментируя его. Я благодарен им за добрые пожелания молодому автору и за размышления о литературе. В будущем я, возможно, попробую это сделать и наберусь храбрости написать такую книгу. Но сейчас, когда я делаю предварительную собирательскую работу, составляя мифы из разрозненных осколков, если бы отказался от этой формы, то многие вещи оказались бы невключёнными. Принятая манера изложения даёт возможность, оставаясь в строгих рамках, чувствовать себя довольно свободно, поэтому я и пользуюсь ею.

Комментарии и тексты, приведённые в конце книги, отняли у меня не меньше времени и сил, чем основной текст. Они приложены для того, чтобы показать, на каком материале строилось повествование, правильно ли он расположен, верно ли понят (некоторые цитаты и комментарии дополняют основной текст). Одновременно я преследовал цель возбудить у молодежи интерес к исследованию. Вовсе не ради пустого комментаторства и цитатничества приводил материалы. Поэтому я стремился к тому, чтобы комментарии тоже были краткими. Если встречался сравнительно большой текст, то я давал выборочные цитаты. Вначале я вместо пропусков вставлял многоточия, но оказалось, что их слишком много, они мешают глазу, занимают место, и при переписке я выкинул их, кроме тех случаев, где приводится несколько цитат из разных частей. Я думаю, что это не затруднит отыскания соответствующих мест в первоисточнике и понимание приведенного материала.

И, наконец, тем, что эта книга завершена, я в значительной мере обязан руководству Сычуаньского университета и некоторым товарищам из библиотеки, особенно сотрудникам библиотечного абонемента, которые так охотно помогли мне, за что я приношу им

благодарность.

Октябрь 1856 г., г. Чэнду

Хотя книга по просьбе читателей печаталась несколько раз, в ней всё же ещё немало недостатков и ошибок, поэтому перед изданием я вновь критически просмотрел её. Чтобы сохранить старые матрицы, я не вносил больших изменений, а провёл только небольшую редактуру. Однако в общей сложности получилось не менее ста с лишним крупных и мелких изменений - от нескольких иероглифов до исправлений в несколько сот знаков. Были учтены драгоценное мнение редактора, критика и поправки читателей. Были исправлены также опечатки в иероглифах и знаках препинания, - и на душе стало спокойнее. Единственно, что беспокоит меня, это ограниченность собственных знаний и построений, невысокий уровень изобразительных средств и то, что я не смог достигнуть задуманного совершенства. Остаётся только надеяться, что, продолжая упорную исследовательскую работу, я смогу в будущем продвинуться ещё на один шаг.

Пекин, канун праздника 1 октября 1959 г.

Юань Кэ

Глава I. Введение

1. Миф не есть пустая фантазия. Связь происхождения мифов с трудом. Появление божеств-богоборцев.

Что такое миф? На этот вопрос ответить нелегко. С древних времён в нашей стране не знали даже самого слова «миф», оно возникло под влиянием других языков лишь в прошлом веке. Само слово «миф» очень легко вводит в заблуждение, так как оно включает в себя понятие удивительного и необычайного. Многие считают, что мифы - это плод человеческой фантазии, не имеющий ничего общего с действительностью. Это глубокое заблуждение. У нас в стране не много работ, посвященных мифологии, поэтому, разясняя, что такое миф, мы можем привести только слова Горького о том, что мифология «в общем является отражением явлений природы, борьбы с природой и отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях». Это высказывание объясняет происхождение мифов, а также то, что в их основе лежит реальная жизнь, а отнюдь не вымыслы, возникшие в головах людей.

О теснейшей связи мифов с реальной жизнью Горький далее говорит: «Крайне трудно представить двуногое животное, которое тратило все свои силы на борьбу за жизнь, мыслящим отвлечённо от процессов труда, от вопросов рода и племени». Поэтому, когда мы изучаем источники возникновения мифов, вопрос о специфическом содержании, заключённом в каждом из мифов древности, и другие подобные вопросы нельзя отрывать от реальной жизни людей того времени, их труда и борьбы и опираться лишь на пустые домыслы.

Позволю себе остановиться на истоках мифов. История развития общества говорит нам, что первобытные люди вступают в историю «ещё как полуживотные, ещё дикие, беспомощные перед силами природы, не осознавшие ещё своих собственных сил; поэтому они были бедны, как животные, и не намного выше их по своей производительности».

Таким образом, хотя при первобытном строе отсутствовала эксплуатация человека человеком, первобытные люди сами были рабами природы. Задавленные нуждой и трудностями борьбы за существование, в те далекие времена они ещё не отделяли себя от окружающей природы. В течение длительного периода времени первобытные люди ни о самих себе, ни об окружающей их природе не имели каких-либо связных представлений. Постепенно у них появились весьма ограниченные, наивные представления о себе и окружающем их мире.

И лишь в процессе социально-культурного роста людей, когда, по выражению Горького, «руки учат голову, затем поумневшая голова учит руки, а умные руки снова уже

сильнее способствуют развитию мозга», первобытные люди в своем воображении начали наполнять окружающий мир сверхъестественными существами, добрыми духами и дьявольскими силами.

Разнообразные явления природы, например ветер, дождь, гром, молния, большие лесные пожары, движение солнца и луны, радуга, облака, зори и др., вызывали у первобытных людей чувство глубокого изумления. Не будучи в состоянии объяснить эти явления, первобытные люди считали их одушевлёнными силами - духами; причём не только солнце, луну и т.п. они считали духами, но одухотворяли и различные растения и животных, вплоть до мельчайших насекомых, например саранчу, и поклонялись им. Это так называемый анимизм. Из этих невежественных представлений возникли первобытные мифы и первобытная религия, которые в свою очередь, будучи созданными в сознании людей, умнеющих в процессе труда день ото дня, одновременно определённым образом отражали и низкий уровень производительных сил первобытного общества.

Для первобытного общества характерно, с одной стороны, отсутствие эксплуатации человека человеком, а с другой - низкий уровень производительных сил. Первобытные люди, угнетаемые трудностями борьбы с природой за своё существование и стремясь победить эти трудности, часто слагали энергичные и воодушевляющие песни, воспевающие труд и героев труда. Они воспевали Пань-гу, который топором отделил небо от земли, Нюй-ва, создавшую людей и починившую небо расплавленными пятицветными камнями, Суй-жэня, научившего людей добывать огонь из дерева при помощи трения, Шэнь-нуна, научившего людей распознавать целебные травы, Ван-хая, приручившего животных, Хоу Цзи, научившего людей возделывать землю, Гуня и Юя, обуздавших наводнение, и др. Все эти герои, своей трудовой доблестью облегчавшие жизнь людей, пользовались наибольшим почитанием. Они были духами и в то же время людьми, о которых как раз говорил Горький, называя их мастерами своего дела, учителями людей и их товарищами по труду. Из мифа мы узнаём о многих знаменитых героях, которые научили людей пахать, изобрели земледельческие орудия, повозку и лодку, лук, стрелы и другое оружие для защиты от врага; придумали музыку и танцы, музыкальные инструменты и т.д. Все эти изобретения и открытия, о которых рассказывается в преданиях, лишней раз свидетельствуют об уме и трудолюбии наших далеких предков.

С разложением первобытного общества и появлением частной собственности возникает деление на классы и эксплуатация человека человеком. С этого времени человечество вступает в новый продолжительный период своего существования - эпоху классового антагонизма. Уже в очень давние времена люди мечтали о возможности летать по воздуху - так появилась сказка о «ковре-самолёте»; мечтая быстро передвигаться по земле, люди создали сказку о «сапогах-скороходах». Эти мифы возникли в других странах. В нашей мифологии тоже есть легенды и сказания о людях из Чанбиги - Страны долгоруких, о летающей телеге из страны Цигуго, об умиротворителе наводнения Юе, превратившемся в медведя, чтобы пробиться сквозь гору Хуаньюаньшань, о семи сёстрах - бессмертных феях, соткавших за одну ночь десять кусков парчи, тонкой, как облака, и другие увлекательные истории, с одной стороны, созданные примитивной, непосредственной фантазией, а с другой - содержащие глубокий социальный смысл.

Среди мифов древнего Китая есть ещё особые сказания о жизни на Земле радости, в краю бессмертных, где можно не сеять и не пахать, а иметь пищу, не ткать, а носить одежду, т.е. счастливо жить не трудясь. В мифе о Стране Крайнего Севера рассказывается, что жители её пьют воду из волшебного источника Шэньфэнь в священных горах и им не надо трудиться, чтобы быть сытыми и одетыми. Может показаться, что этот миф характеризует китайцев как людей ленивых, однако в действительности он является обычным приёмом, при помощи которого эксплуатируемые в древние времена высмеивали эксплуататоров и выражали протест против них. Давно появилась у людей мечта об облегчении тягот труда. Боги создавались людьми в соответствии с их трудовыми представлениями, и первоначально их назначение заключалось в том, чтобы воодушевлять людей в труде. И когда общество

разделилось на классы, то правители несправедливо стали считать, этих героев труда своими предками, вознеся их на девятое небо. Один из них стал верховным владыкой, другие превратились в грозные и страшные небесные божества, а рабы поклонялись и молились им. Боги были призваны подавлять протест народа, внушать людям страх и беспрекословное повиновение. Чем могущественнее был рабовладелец, тем выше он возносил своих предков - духов на небе.

Но и в народе рождалось желание противостоять этим духам, и народный гений также создавал свои божества, подобные Прометею в греческой мифологии, а в китайской - Хоу И, который мог стрелой попасть в солнце, Гунь и продолжатель его дела Юй, усмиривший потоп и тайком взявший у верховного владыки сижан. Если же нужно было усилить войско «мятежников», древними людьми создавались образы великанов - Чи-ю, Куа-фу, Син-тяня, которые, подняв знамя протеста, боролись с угнетателями и были готовы скорее умереть, чем сдаться.

В мифах непосредственно отражался мир человеческих отношений. Поэтому мифы по своей сущности можно рассматривать как сказания о людях. Они возникли как надстройка над определённым общественным базисом и являются произведениями искусства, выражающими идеологию определённого общества.

Мифы, созданные в глубокой древности народом, основывались не на отвлечённых идеях, а на конкретных потребностях и стремлениях, возникавших в трудовой деятельности, и потому мы считаем что истоки мифов - в труде.

2. Причины того, что китайские мифы сохранялись лишь в осколках. Историзация мифов. Сохранение, и исправление мифов поэтами и философами.

Нам известно несколько древних цивилизаций мирового значения: китайская, индийская, греческая и египетская. Каждая из них имела богатую мифологию, причём наиболее полно сохранились мифы греков и индийцев. К большому сожалению, китайские мифы в значительной степени утрачены, и от них сохранились лишь разрозненные осколки, которые, будучи рассеяны в сочинениях древних авторов, не представляют какой-либо системы и не могут соперничать с мифологией древней Греции.

Лу Синь в «Краткой истории китайской художественной прозы» говорит о причинах того, почему китайская мифология сохранилась лишь в незначительных фрагментах.

Во-первых, предки китайского народа жили в бассейне реки Хуанхэ, где природа не баловала их своими дарами. Они очень рано начали возделывать землю. Жизнь их была трудной, и основным для них была практическая деятельность, а не размышления о фантастическом, поэтому они не смогли из древних преданий создать монолитные произведения большой литературной формы.

Во-вторых, с появлением Конфуция изучалась лишь этика, наставления о семейных устоях, об управлении государством и умиротворении Поднебесной, а древние фантастические предания о богах и злых духах решительно отвергались Конфуцием и его учениками. Поэтому позднее, когда конфуцианская идеология стала господствующей в Китае, мифы постепенно стали рассматриваться конфуцианцами как история.

Третья причина в том, что добрые и злые духи у древних чётко не различались. Хотя они и знали небесных богов, духов земли и души умерших, но в их представлениях души умерших могли превращаться в небесных и земных духов. При этом смешении человеческого и божественного, когда ещё сохранялись первобытные верования, но уже появлялись новые предания, старые вытеснялись и умирали. «Новые» же предания, именно в силу того, что они были новыми, не могли стать популярными, поэтому они тоже почти не сохранились.

Из этих трёх причин первая несколько дискуссионна, вторая же - превращение мифов в историю - одна из основных причин гибели китайских мифов. И на этом следует остановиться подробнее.

Историзация мифов, заключающаяся в стремлении очеловечить действия всех мифических персонажей, была главной задачей конфуцианцев. Стремясь привести

мифические предания в соответствии с догмами своего учения, конфуцианцы немало потрудились для того, чтобы превратить духов в людей, а для самих мифов и легенд найти рациональное объяснение.

Так мифы стали частью традиционной истории. После того как миф записывался на бамбуковых дощечках, его первоначальный смысл искажался, а люди стали доверять только тому, что было записано. И постепенно стали исчезать мифы, передававшиеся из уст в уста.

Примеров этому можно привести очень много: так, согласно мифическому преданию, Хуан-ди - Жёлтый император - имел четыре лица, а в результате ловкого толкования этого мифа Конфуцием получилось, что Хуан-ди послал в четырёх направлениях четырёх чиновников управлять прилегающими землями. Или, например, Куй первоначально, согласно Шаньхайцзину - «Книге гор и морей», был странным существом с одной ногой, а в Шуцзине - «Книге исторических преданий» в разделе «Установления Яо» он превратился в чиновника, ведавшего музыкой при императоре Шуне. Ай-гун, князь государства Лу, которому была не совсем ясна эта легенда, спросил Конфуция:

«Говорят, Куй - одноногий. Действительно ли у него была только одна нога?»

«Выражение "Куй и цзу",- незамедлительно ответил Конфуций,- вовсе не следует понимать, как "Куй - одноногий", оно значит: "Людей, подобных Кую,- и одного было бы достаточно"».

(Выражение "Куй и цзу" в силу того, что иероглиф цзу имеет два значения: "нога" и "достаточно", может быть понято двояко. На этом основывается приведённая выше интерпретация Конфуцием этого выражения, как "[подобных] Кую,- и одного достаточно".)

Можно сомневаться в том, происходила ли действительно эта беседа, однако она даёт представление, как конфуцианцы толковали содержание мифов таким образом, чтобы их можно было рассматривать как историческую реальность.

В течение продолжительной человеческой истории мифы испытывали всевозможные превратности судьбы, и в результате различных изменений и переосмыслений немало ценного в них было утрачено, а то, что история создавалась из переработанных мифов, нельзя считать счастливым для неё обстоятельством.

Вплоть до Ло Би, жившего во времена сунской династии и написавшего книгу Луши - «Древнейшая история», продолжался процесс переосмысления содержания мифов. При написании Луши автор использовал много мифов, однако все они были превращены в историю. Даже сказание из книги Хуай-нань-цзы о стрелке И, который победил диких кабанов и уничтожил змей, обработано так, что кабаны и змеи, вопреки всему, были там представлены как люди.

Всё это достаточно определённо объясняет, почему искажались и исчезали мифы.

В чём же причина исторического переосмысления мифов? При более глубоком рассмотрении становится очевидным, что оно вызывалось стремлением привести содержание мифов в соответствие с интересами господствующего класса. То, что в мифах не соответствовало его интересам, не получало широкого распространения, и, напротив, то, что могло благоприятно распространяться и сознательно распространялось в народе, несомненно соответствовало интересам господствующего класса. Представители господствующих классов превратили героев труда, чьи образы были созданы народом в мифах и преданиях, в своих предков, подняли их на небо и мечтали, чтобы деяния их, записанные в истории, были окружены царственным ореолом, а деяния героев устных преданий трудового народа рассматривались как «неизящные», о которых даже «говорить неудобно тому, кто носит чиновничий пояс». Поэтому «исправление» Конфуцием облика четырёхликого Хуан-ди и одноногого Куя, безусловно, вызывало одобрение представителей господствовавших классов.

Хун Син-цзу (1090 - 1155 гг.) в дополнениях и комментариях к «Вопросам к небу» Цюй

Юаня приводит такой миф из книги Хуайнань-цзы, общий смысл которого сводится к следующему.

После того как Юй обуздал наводнение, он, превратившись в медведя, пробрался на гору Хуаньюаньшань. Его жена Тушаньши, перепугавшись и застыдившись, убежала в сторону горы Сунгаошань. Юй нагнал её у подножия этой горы, но она превратилась в камень. Впоследствии из этого камня родился их сын Ци.

Мы уверены в том, что этот очень интересный в своём первоначальном виде миф не подвергся сколько-нибудь значительной переделке и сохранил свой первобытный облик. Однако то, что он отсутствует в дошедшем до нас тексте Хуайнань-цзы, может быть объяснено только тем, что он как «вульгарный» был исключён из этой книги «господами, носящими чиновничий пояс». Их редакторские топоры и секиры подвергли совершенно неисторическую по своему содержанию книгу Хуайнань-цзы тщательной переделке и переработке в соответствии с желанием господствующих классов.

Не только Хуайнань-цзы, но и более раннюю книгу Чжуан-цзы постигла такая же участь. Книга Чжуан-цзы дошла до нас уже не в первоначальном виде, многие из её глав утрачены. Основываясь на «Предисловии к толкованию классических книг» Лу Дэ-мина, можно сказать, что глава «Цзапьянь» из Чжуан-цзы по своему содержанию во многом была похожа на «Книгу гор и морей» и какую-то книгу гаданий и толкований снов. Чрезвычайно пёстрая по содержанию, она не нашла одобрения со стороны последующих поколений, значительная часть её погибла. Кроме того, мне кажется, что многое из этой книги было сознательно выброшено «учёными».

В сохранившихся до наших дней мифах, кроме той большей их части, которую господствующие классы включили в свою родословную, превратив их героев в «истинных богов», имеется ещё немало «злых и коварных божеств», мифы о которых Горький называет «богоборческими». Таковы образы стрелка И, Гуня, Чи-ю, Куа-фу, Син-тяня и др., которые постоянно не давали покоя высокопоставленным учёным. Что делали эти «учёные», если узнавали о распространении какого-либо «мятежного» мифа, который, разумеется, мог повлиять на положение правителей? Лучше всего было, считали они, «исправить» его и превратить в историю. «Богоборческие мифы» на страницах истории принимали иной вид. Стрелок И, уничтоживший чудовищ, чинивших вред людям, в истории выступает как низкое животное, погрязшее в разврате, не совершавшее добра для людей; Гунь, укравший у небесного правителя сижан, чтобы прекратить наводнение, в истории фигурирует как строптивый, не подчинившийся приказу свыше и не совершивший благих дел. Трудно сказать, совершал ли Чи-ю добрые дела. Первоначально он был лишь богом-мятежником. Когда же его образ появился на страницах истории, ему приписали массу преступлений и дурных дел. А правители последующих поколений даже делали его изображения на кубках в знак предостережения от жадности. «Исправление» мифов и превращение их в мнимую историю делалось для того, чтобы привести их в полное соответствие с интересами правящих классов. Естественно, что мифы терялись и исчезали. К счастью, осколки мифов сохранились благодаря поэтам и философам. Однако сохранение мифа как такового вовсе не было их целью. Когда поэты использовали мифологические образы, они лишь стремились с их помощью глубже раскрыть свой замысел и неизбежно приукрашивали и переделывали их. Поэтому Лу Синь не без основания говорил, что «поэты - враги мифов». То же, самое можно сказать и о философам, которые использовали мифы, чтобы пояснить свою мысль; они неизбежно искажали первоначальный облик мифа, приводя его в соответствие с толкованием той или иной части своего учения.

Например, в главе «Сяояю» книги Чжуан-цзы есть описание превращений рыбы кунь и птицы пэн. Без глубокого анализа этого отрывка всякий считает его только притчей, а не мифом. На самом же деле он напоминает один из древних мифов. Или описание страны Хуасюйши из главы «Хуан-ди» в трактате Ле-цзы и Чжунбэйго из главы «Вопросы Тана», - всё это красивые мифы, однако философская обработка делает их сухими и неинтересными.

Но всё-таки поэты и философы сохранили немало осколков мифов. Какой богатый

материал оставил нам Цюй Юань в «Элегии отрешённого», «Девяти напевах», «Дальнем путешествии» - этих красивых стихах и поэмах! Особенно его «Вопросы к небу» с их удивительной фантазией, поднимающейся в небо и спускающейся на землю, объёмлющей всё, что только есть в мире. Как жаль, что, ограниченный стихотворной формой, да к тому же только вопросами, поэт оставил нам произведение, которое трудно толковать. Если первый комментатор «Чуских строф» Ван И, живший 1800 лет назад, уже сам не избежал произвольных толкований и во многом опирался на собственные домыслы, то последующие поколения привнесли ещё больше спорного и неясного, придерживаясь совершенно неверных толкований. Однако если мы потратим время и изучим их, то всё-таки сможем отыскать в общих чертах ключ к ним, и уже немало учёных добились успехов на этом поприще. Если не считать «Бесед и суждений», записанных учениками Конфуция, где, кроме фразы «не говорить о чудесных силах и всяких духах», действительно не найдёшь ничего, связанного с мифологией, то в таких сочинениях философов, как Мо-цзы, Чжуан-цзы, Хань Фэй-цзы, «Вёсны и осени Люя», Хуайнань-цзы, Ле-цзы, можно найти немало мифов. Даже из таких конфуцианских трактатов, как Мэн-цзы или Сюнь-цзы, можно извлечь осколки некоторых древних легенд. Сюнь-цзы в главе «Фэйсян» при описании святых правителей и мудрых сановников древности даёт много материала для мифолога. Конечно, больше всего мифов сохранилось в даосских трактатах Хуайнань-цзы и Ле-цзы. Хотя последнее сочинение есть подделка цзиньских авторов (III - V вв. н.э.), оно не очень далеко отстоит от древности. Тогда ещё немало мифов бытовало в народе и попадалось в записях; их-то и включили в трактат Ле-цзы, возможно, обработав, но едва ли придумав полностью (ведь те, кто подделывал книги, должны были добиться доверия современников, и если бы они придумывали от себя, то никто бы им не поверил), поэтому нам следует доверять мифологическим элементам Ле-цзы, как имеющим определённую ценность.

3. «Книга гор и морей» как наиболее богатый древний источник материалов по мифологии. Рисунки и текст «Книги гор и морей». Необходимость глубокою и тщательного изучения текста памятника.

Единственным сохранившимся до наших дней сочинением, содержащим значительное количество материалов по древнекитайским мифам, является Шаньхайцзин - «Книга гор и морей», состоящая из восемнадцати цзюаней. Раньше она приписывалась императору Юю и Бо И, в действительности автор её неизвестен. Она создавалась разными людьми в различные времена. Её центральная часть «Уцзаншань цзин», можно с уверенностью сказать, является произведением эпохи Восточного Чжоу; «Хайнэйвай цзин», включающая восемь глав, создана, по-видимому, в период Чунь-цю - Чжаньго; «Хуан цзин» из четырёх глав и «Хайнэй» из одной главы, должно быть, написаны в начале династии Хань. Мифы, рассказанные в этом произведении, хотя и представляют собой разрозненные отрывки, однако сохранили свой первоначальный облик.

«Уцзаншань цзин», иначе называемая просто «Книга гор» - «Шань цзин», содержит в себе описания растений и животных, знаменитых гор и величайших рек Китая, а также населявших их злых и добрых духов. Достоверность всех многообразных сведений, сообщённых в ней, сейчас уже проверить невозможно. Благодаря тому что после каждого раздела следует моление духам с упоминанием петухов, яшмы, зерна и т.д., можно заключить, что это была, по-видимому, книга заклинаний, которой пользовались шаманы.

Разделы «Книга о том, что в морях и за морями» и «Книга пустынь», иначе вместе называемые просто «Хай цзин» - «Книгой морей», содержат описания различных удивительных перевоплощений духов и описания внешнего облика и обычаев народов далёких стран. Их стиль в общем одинаков с «Книгой гор», а текст не отличается такой связностью. Как могло так случиться? Думаю, что ответ на этот вопрос можно найти, исследуя связи между рисунками и текстом в «Книге гор и морей».

Первоначально, в древние времена, в «Книге гор и морей» имелись иллюстрации, которые, по всей вероятности, делались к важнейшим местам книги, и поэтому её еще называли «Изображения гор и морей». В качестве доказательства этого можно привести

слова из стихотворения поэта IV в. Тао Цяня: «...рассматриваю "Изображения гор и морей"». Однако связи между иллюстрациями и текстом в «Книге гор» и «Книге морей» различны, и это требует дополнительного исследования. По-видимому, «Книга морей» первоначально состояла из рисунков, потом появился текст, причём он служил лишь пояснением к рисункам. «Книгу гор», напротив, следует рассматривать как книгу, первоначально состоявшую из связного текста, в которую лишь впоследствии были включены иллюстрации. Наилучшим доказательством этого является то, что в современном тексте «Хайнэйвай цзин» мы часто встречаем выражение «и юэ» («также говорят»): «Юй-шицзе жила к северу от него, она была человеком с чёрным телом, с двумя головами, на каждой из которых было по змее: на левом ухе - зелёная змея, а на правом - красная».

«Также говорят: в десяти днях пути на север жили люди с чёрными телами и человеческими лицами, у каждого на голове было по черепахе» («Хайвай дун цзин»). «Тао-цюань похожа на собаку, зелёная, ест людей, начиная с головы; Цюн-ци напоминает тигра, но с крыльями, поедает людей, начиная с головы; они прикрываются [от него] волосами, живут к северу от Тао-цюаня. Также говорят: начинает с ног» («Хайнэй бэй цзин»).

Когда Лю Сю редактировал это сочинение, уже было два или более различных текстов, с разными рисунками и соответственно с разными пояснениями; например «змея» вдруг превратилась в «черепаху», а выражение «ест людей, начиная с головы» превратилось в «начинает с ног». Но эти расхождения были незначительны. Би Юань, который в середине XVII в. комментировал «Книгу гор и морей», писал: «Рисунки к "Хайвай цзину" и "Хайнэй цзину" и есть [то, что было изображено] на треножнике [императора] Юя». Это в общем верно, когда мы говорим о ранних временах - об изображениях, распространённых в начальные годы периода Борющихся царств, однако позднее уже появились совершенно очевидные расхождения. Би Юань далее отмечал: «Рисунки с объяснениями в последующих пяти разделах "Дахуан цзина", должно быть, и есть те рисунки, которые распространялись во времена династии Хань». Многие с этим согласны, однако если мы сравним «Хай цзин» и «Нэй цзин», то увидим два различных объяснения столь значительных расхождений в тексте. Би Юань по поводу этих различий постоянно замечает: «Это, по-видимому, поясняет то-то из такого-то раздела "Вайхай"». «Это, по-видимому, поясняет то-то из такого-то раздела "Нэйхай"».

С нашей точки зрения, дело отнюдь не в пояснениях, а в том, что рисунки, распространявшиеся в начале династии Хань, сильно отличались от тех, которые были раньше. А поскольку текст создавался в соответствии с рисунком, то естественно, что эти две книги приобрели различный вид. Однако так как в «Книге гор» тексты больше чем в остальных частях соответствуют изображениям, мы можем предположить, что сначала появился текст, а только затем рисунки к нему.

«Книга морей», сохранившаяся до наших дней, даёт очень много материалов по древнекитайской мифологии и является настоящей сокровищницей для исследователей мифов древнего Китая. Так как в ней за основу были взяты рисунки, а текст - лишь пояснение к ним, то неизбежно встречаются расплывчатость и недосказанность. Например, в разделах «Хайнэй» и «Хуан цзин» «Книги морей» мы читаем:

«На горе Змеиной шаманки - Шэу есть человек, держащий в руке бокал (?). Он стоит лицом к востоку. Эта гора ещё зовётся Черепашьей - Гуйшань. Си-ван-му сидит на возвышении, в волосах у неё украшение шэн. К югу от неё три синие птицы, что приносят ей пищу. Они живут к северу от Кунь-луньсюй. Есть человек по имени Тайхан-бо, он держит в руках копьё... ("Хайнэй бэй цзин").

За Восточным морем большая пустыня. Это страна Шао-хао. От Шао-хао родился Чжунь-сюй. Он выбросил его цитру и гусли. Есть гора Сладкая - Ганьшань. Из неё течёт Сладкая река - Ганьшуй и берёт начало Сладкий источник - Ганьюань. К юго-востоку от большой пустоши есть гора Пимудицю. За Восточным морем посреди большой пустыни стоит гора Даянь, откуда выходит солнце и луна...» («Дахуан дун цзин»).

Действительно, этот текст соответствует рисункам, каждый из абзацев самостоятелен, и они совершенно не связаны между собой. В самом последнем разделе, «Хайнэй цзине», мы обнаруживаем, что области, рассматриваемые в ней, обозначены произвольно, без какой-либо последовательности: с востока на запад, с запада на юго-запад, на юг, на север. В тексте много непонятного, недосказанного, например в «Хайвай нань цзин» говорится: «Государство трёх племён мяо находилось на восток от реки Чишуй, Красная вода, население его походило на людей». По этому описанию трудно представить, каким был в действительности их облик. А в «Хайвай дун цзин» говорится: «Туньтунь находились на север от них, каждый из них имел две головы». Облик этих странных существ мы тоже не можем представить себе.

В «Дахуан дун цзине» сказано: «Была разноцветная птица, напоминающая деревню (?) и бросающая песок. Только с Ди-цзюнем она вела дружбу». Это выражение также трудно объяснить. В «Дахуан нань цзине» сказано: «Был дух, который назывался Иньиньху... Жил на далеком юге, выпускал и загонял обратно ветер»; или ещё: «Был человек по имени Ши И... жил на северо-западе, наблюдал за величиной солнца и луны».

Аналогичных примеров можно привести немало. Когда был текст, пояснявший рисунки, такие неясности не имели значения, достаточно было лишь взглянуть на изображения, и всё становилось ясным, поэтому нет ничего странного в том, что Тао Юань-мин с удовольствием и интересом рассматривал «Изображения гор и морей». Однако, после того как древние изображения были утрачены и до нас дошёл лишь пояснительный текст, неизбежно приходится бродить в потёмках.

Несмотря на всё сказанное выше, «Книга гор и морей» представляет собой произведение, сохранившее для исследователей больше всего мифологического материала. Многие специально занимались изучением памятника, однако все их исследования были бессистемными, да и сам текст «Книги гор и морей» очень отрывочен. Никто не рассматривал его под углом изучения мифов, а такое исследование было бы весьма важно, оно бы очень помогло в систематизации древнекитайских мифов.

Следует ещё отметить, что «Книга гор и морей» среди прочих древних книг является весьма трудной, в ней временами нелегко объяснить текст, а провести глубокое исследование, естественно, еще труднее. Поэтому работа по исследованию древнего текста и комментированию (особенно это касается части «Книги морей») весьма полезна. В настоящее время существуют два комментария к «Книге гор и морей»: «Комментированный текст к "Книге гор и морей"» Би Юаня и «Комментарии и толкования к "Книге гор и морей"» Хао И-сина. Обе эти книги, сохранившие древние комментарии Го Пу, очень неплохи, причём в последней из них встречаются весьма глубокие толкования. До появления двух этих работ уже имелась работа У Жэнь-чэня «Обширные комментарии к "Книге гор и морей"», в которой приводится исключительно богатый материал. К сожалению, она превратилась в библиографическую редкость.

Так как у комментаторов при изучении мифов не было своей определённой точки зрения (в те времена, разумеется, ещё не знали самого термина «миф»), поэтому всем им присущ один общий недостаток: они не избежали стремления всё необычное, сказочное сделать возможным и реальным. Например, в «Хайвай бэй цзине» сказано: «Приблизжённый Гун-гуна сказал, что Сяв Лю [имел] девять голов» Совершенно ясно, что речь идет о девятиглавом чудовище. Би Юань же стремится истолковать это следующим образом: «По-видимому, выражение "девять голов" означает девять человек», т.е. создаёт исторически правдоподобное явление.

Или ещё в «Хайнэй цзине» сказано: «Имелось дерево с синими листьями, с коричневым стволом. Оно цвело чёрными цветами, приносило жёлтые плоды и называлось цзяньму. Тай хао юань го, то, что сделал Хуан-ди». К словам «Тай хао юань го» есть комментарий Го Пу: «Имеет смысл: "Фу Си проходил под ним"». Хао Итин даёт следующее толкование: «Сказано: "Фу-си, родился в Чэнцзи, отойдя недалеко, он без труда прошёл мимо него"». Оба эти толкования не разъясняют смысла выражения «юань го». Основываясь на нашем

исследовании, мы считаем, что «го» имеет более широкий смысл, а всё выражение означает: «По цзяньму поднимались на небо и спускались на землю» (гл. II, разд. 4, где говорится о небесных лестницах). Подобное объяснение правильнее двух упомянутых выше. Мною приведены эти два примера лишь для того, чтобы объяснить следующее: глубокое и детальное изучение этой книги, проведённое на базе научного исследования, представляется необходимым.

4. Эволюция и развитие мифов. Мифы и суеверия. Миф и легенда. Миф и сказание о бессмертных. Зачем нужно изучать мифы?

Многочисленные народности, населявшие территорию древнего Китая, находились в тесном соприкосновении друг с другом, мифы этих народностей постоянно контаминировали друг с другом, изменялись и подверглись значительному смещению. Древние мифы записывались уже в течение весьма продолжительного времени - начиная с эпохи Восточного Чжоу до периодов Вэй, Цзинь и Шести династий, что составляет более тысячи лет. Нечего и говорить, что время, равно как и те, кто записывал мифы, накладывали на них свою печать. Поэтому исследовать и реконструировать по отдельным осколкам древние китайские мифы и воссоздать их прежний облик действительно весьма трудно. Кроме того, сами мифы всё время изменялись и развивались. Это хорошо видно на примере эволюции мифа о Си-ван-му. Си-ван-му, судя по описаниям в «Книге гор и морей», первоначально была жестоким духом «с хвостом барса, зубами тигра и всклокоченными волосами», насылавшим болезни и ведавшим наказаниями. Три синие птицы приносили ей пищу. В «Жизнеописании государя Му» рассказывается о том, как чжоуский Му-ван, восседая на колеснице, запряжённой восемью прекраснейшими скакунами, отправился в горы Янь-шань повидать Си-ван-му, с которой он там сочинял стихи и пел песни. По-видимому, Си-ван-му в то время была царицей в человеческом облике. В более поздней работе Хуайнань-цзы говорится: «Стрелок И попросил у Си-ван-му лекарство бессмертия», и Си-ван-му вдруг превратилась из злого духа в доброго. В «Истории о ханьском У-ди», приписываемых Бань Гу, Си-ван-му приобретает иное значение - она превращается в «ван-му» (царицу-мать) Запада. Здесь мы имеем лишь некоторое упрощение имени, что же касается трёх птиц, то их описание не подверглось каким-либо изменениям. В несколько более позднем сочинении Ханьунэй чжуань, которое также приписывается Бань Гу, образ Си-ван-му ещё более приукрашен - она изображается в виде прекрасной женщины «тридцати с лишним лет», «красотой покорявшей мир», а три синие птицы, которые раньше приносили ей пищу, превратились в весёлых и красивых служанок. Разница между образами Си-ван-му «с хвостом барса, зубами тигра и всклокоченными волосами», жившей в горной пещере, и ван-му - царицей - такая же, как между небом и землёй!

Подобные изменения являлись следствием намеренного исправления и приукрашивания со стороны литераторов и не могут рассматриваться как результат естественного развития и эволюции мифов.

Однако не следует пренебрегать тем влиянием, которое оказывали - эти исправления и приукрашивания на мифы. Каждый из мифов, претерпевший подобные исправления, в свою очередь превращался в источник новых народных мифов. Например, Си-ван-му в народном предании - это не злой дух с «хвостом барса и зубами тигра», а прекрасная хозяйка Запада. В «Книге гор и морей» говорится только о Си-ван-му, а в «Книге о чудесном и необычном» появляется Дун-ван-гун, не кто иной, как супруг одинокой Си-ван-му. Первоначально я считал, что это всего-навсего лишь выдумка литераторов, и не придавал этому какого-либо значения. Однако недавно я прочитал о Пике духа женщины из народных преданий местности Сянься, собранных Тянь Хай-янем, где Дун-ван-гун, вопреки моим представлениям, выступает в роли духа супруга Си-ван-му. Это, невольно удивив, заставило меня задуматься: был ли Дун-ван-гун первоначально создан литераторами, а затем уже проник в фольклор или его образ возник на основе уже бытовавших в народе устных

преданий? Вопрос заслуживает изучения. Исследовательская работа по мифологии не может быть успешной без детального и тщательного изучения эволюции мифов.

При работе над мифами следует ещё обратить большое внимание на то, как из мифов выделить суеверия.

Чжоу Ян говорит: «Безусловно, мифы и суеверия первоначально отражали определённые примитивные представления древних людей о мире, отражали их верования в сверхъестественные силы. Однако значение мифов и суеверий различно. Суеверия, которые не имеют отношения к сверхъестественным силам, следует; просто отбросить; многие же мифы часто носили активный характер по отношению к окружающему миру и нередко были подлинно народны, а суеверия, пассивные по своей природе, нередко отражали интересы господствующих классов. Это различие между мифами и суевериями можно очень рельефно проследить по их отношению к судьбе.

Мифы часто выражали нежелание человека покориться судьбе, а суеверия, напротив, проповедовали фатализм, возмездие, заставляя людей верить в то, что всё заранее предопределено и самое лучшее - склонить голову перед судьбой.

Поэтому и сами духи, управляющие судьбой, были различны. Персонажи мифов часто смело выступали против могущества духов, например Сунь У-кун против яшмового императора Юйхуана, Пастух и Ткачиха против царицы-матери - ван-му. Суеверия же проповедовали бессилие человека перед духами и таким образом делали людей рабами духов, готовыми принести себя в жертву. Мифы всегда воодушевляли людей освободиться от рабства и стремиться к жизни, достойной человека. Суеверия, воспитывая в людях чувство рабской покорности, приукрашивали оковы рабства. В этом заключается причина того, почему мы, выступая против суеверий, восхваляем мифы». Таким образом, мифы - совсем не то, что суеверия. Однако в мифах в большей или меньшей степени имеются элементы суеверий, которые составляют их органическую часть, и их невозможно отделить от мифов. Например, в древних мифах немало удивительных преданий о рождении великих деятелей. Так, в «Книге песен» в стихотворении «Тёмная птица» говорится о том, что «небо послало тёмную птицу спуститься на землю и родить Шана». В сунской энциклопедии «Императорское обозрение годов Тайпин» - Тайпин юлань в цз. 78 приведены из «Шихань шэнь» следующие слова: «Появились огромные следы на берегу Лэй-цзэ, а Хуа-сюй наступила на них и [после этого] родила Фу-си». Все эти предания содержат много элементов суеверий. Однако Фу-си и Шан Ци являлись в глазах древних людей истинными героями, и поэтому, несмотря на то что в преданиях, воспевающих героев, содержатся некоторые элементы суеверий, их следует рассматривать как мифы. Они отличаются от тех «мифов», которые создавались в последующие времена специально для того, чтобы воспеть чудесное происхождение императоров и князей. Эти два типа мифов следует отличать друг от друга. Кроме того, появление чертей и духов нельзя считать только влиянием суеверий. Необходимо обращать внимание на то, проповедует ли с помощью образа того или иного духа покорность судьбе или же, напротив, он выступает против этого. Духи, таким образом, часто выражали ненависть древних к правителям. Мо-цзы в главе «Мингуйпянь» приводит рассказ о том, как Ду Бо превратился в духа отмщения и убил чжоуского Сюань-вана. Такие персонажи можно рассматривать как мифические. Следует очень осторожно проводить подобную тонкую работу по разграничению суеверий и мифов.

Мне хочется здесь также сказать несколько слов о различиях между мифами и легендами, между мифами и сказаниями о бессмертных.

Что такое миф и что такое легенда? Дать точное определение их очень трудно. Обычно мы не можем провести строгого разграничения между теми и другими, так как сами легенды возникают из мифов. Но в общем можно сказать, что мифы постепенно эволюционируют, главные персонажи в них очеловечиваются, а поступки их записываются в виде человеческих деяний - так создаётся легенда. То, о чём обычно повествует легенда, это или могучие герои древности, подобные стрелку И, поймавшему дикого кабана и перерубившему змею, или небесные влюблённые, подобные Ткачихе и Пастуху, которые раз в год

встречаются на мосту из сорочьих хвостов, или же, наконец, истории о культурных героях, например о Пань-гу, о приручении шелкопряда и лошадей.

Легенды, формируясь в процессе развития цивилизации, постепенно отбрасывали всё необычайное, присущее мифам, и заимствовали то, что более или менее соответствовало реальному в представлении людей. Благодаря этому мы можем видеть, как чаяния народа приобретали характер реальности и как совершался переход людей от сравнительно низкого уровня культуры к более высокому этапу её развития. Что же касается различия между мифами и сказаниями о бессмертных, то этот вопрос мы можем выяснить на примере легенды о Пань-гу. Об этом герое Сюй Чжэн в «Исторических записях о трёх правителях и пяти императорах» говорит, что Пань-гу родился в хаосе, когда небо и земля напоминали куриное яйцо. Вдруг небо и земля отделились друг от друга: ян, светлое и чистое, стало небом, инь, тёмное и нечистое, стало землёй. После этого небо стало каждый день подниматься вверх на один чжан, а земля за день становилась толще на один чжан, и сам Пань-гу за день вырастал на чжан. Прошло восемнадцать тысяч лет, и небо поднялось высоко-высоко, а земля стала плотной и толстой. И сам Пань-гу стал высоким-высоким.

В этом рассказе, несмотря на наслоения фантазии, можно различить облик первобытной легенды, ещё не потерявшей характера прекрасного мифа. Однако, попав в сочинения даосов, он превратился в подлинную чепуху. Так, например, в «Записках о первых бессмертных» имеется запись, смысл которой таков.

Когда земля и небо ещё не были разделены, Пань-гу, назвавший себя первым небесным царём, путешествовал среди этого хаоса. Потом, когда небо и земля отделились, Пань-гу отправился жить во дворец на Гору яшмовой столицы - Юйцзин-шань, питался небесной росой и пил воду из земных ключей. Через несколько лет в горном ущелье из собравшейся там крови родилась девушка невиданной красоты, имя которой было Тайюань-юйнюй, что значит «Первая яшмовая дева». Спустившись с горы погулять, Пань-гу увидел её, и они поженились, он привёл её во дворец, где они и стали жить. У них родился сын, которого они назвали Тяньхуан - Небесный император, и дочь Цзюгуансюаньнюй - Чистая дева девяти лучей и т.д., и т.п. Разве всё это не измышления даосов? Такого рода сочинения мы обычно называем «сяньхуа» - сказания о бессмертных. В сяньхуа, как в даосском учении, на первый план выдвигается достижение счастья для одного человека. Поэтому в сяньхуа не могли появиться такие персонажи, как Нюй-ва, Гунь, Юй и подобные им герои мифов, готовые пожертвовать собой. По этому признаку мифы легко отличить от сяньхуа. Однако сяньхуа, которые входят в состав мифов, трудно отделить от последних. Например, надо полагать, что в рассказ из Хуайнань-цзы о стрелке И, который просил лекарство бессмертия у Си-ван-му, и Чан-э, укравшей его и убежавшей на луну, вкраплены элементы сяньхуа, а мы по-прежнему причисляем это к мифам. С другой стороны, сяньхуа, которые повествуют о деяниях бессмертных, весьма часто и по содержанию, и по стилю близки к мифам и отличаются от сяньхуа, которые подверглись переделке даосов. Эти сяньхуа мы и должны при исследовании и изучении рассматривать в рамках мифологии.

Что касается вопроса, зачем исследовать мифы, то ниже попытаюсь объяснить это.

Мифы созданы на заре истории человеческого общества. По мифам мы можем судить, каковы были представления и мысли у трудовых людей древности: как они представляли мироздание, как воспевали народных героев, каким образом стремились улучшить свою жизнь, как прославляли труд и борьбу и т.д., и т.п. Кроме того, исследуя мифы, мы ещё лучше поймем, как надо любить жизнь и народ.

Представляя сами по себе весьма большой интерес, мифы оказали значительное влияние на литературу и искусство, придав им особую прелесть и свежесть. Скульптура древних греков прекрасна именно своей теснейшей связью с мифами. То же самое можно сказать о Тао-те, Кув, Кув-драконе, Кув-фениксе, водяном и однорогом драконах, об удивительных птицах и зверях, изображения которых украшали треножники и сосуды эпох Инь и Чжоу. Мифологические представления наложили свой отпечаток на эти произведения искусства. Великий Цюй Юань в «Элегии отрешённого», в «Вопросах к небу», «Девяти

напевах» обращается к образам героев мифов, скорбя о гибели княжества Чу. Его поэзия, подобно египетской стенной росписи и индийскому эпосу, насыщена элементами мифологии.

Но следует иметь в виду, что мифы, не будучи историческими свидетельствами, в какой-то мере смогли отразить историю. Разумеется, абсурдно во всех персонажах мифов видеть древних императоров и князей, однако в равной степени неправильно пренебрегать содержанием мифов в какой-то степени исторического характера. В мифах мы можем обнаружить отражение исторической действительности. Например, под борьбой между Хуан-ди и Чи-ю скрывается имевшее место в центральной равнине столкновение людей монгольского плато и племен южной части Тихого океана, под историей о горах Куньлунь и Си-ван-му - возникновение культурных связей между китайскими и тибетскими племенами.

Мифы отражают и национальный характер. Так, китайские мифы в какой-то мере отражают особенности китайской нации. Наш народ с гордостью может говорить о героях древних мифов. Повествующие о необычайной выносливости и силе, о разнообразных чаяниях народа, китайские мифы выражают дух самоутверждения наших далёких предков. В самом деле, для нас, их потомков, это прекрасные образцы для подражания. Изучая мифы, мы можем понять истоки нашего национального характера.

Глава II. Как создавался мир

1. О чём вопрошал Цюй Юань в стихотворении «Вопросы к небу»? Как Шу просверлил Хунь-туню семь отверстий. Боги тьмы и света управляют небом и землёй. Цзюй-лин создаёт горные потоки, прокладывает русла рек. Как были наказаны ленивые супруги, усмирившие наводнение. Гуй-му проглатывает своих сыновей. Дракой, держащий свечу, с горы Чжуншань.

«Кто мог донести до нас рассказы об изначальных временах? На основании чего можно судить о той поре, когда земля ещё не отделилась от неба? Кто мог проникнуть взором в глубь тогдашнего хаоса и как можно различить, что вращалось в этом круговороте?

Из бескрайней тьмы возник свет.- Почему он возник? Соединившись, образовались силы Инь и Ян.- Что их породило и откуда они взяли начало? Девять кругов имеет небесный свод.- Кто их воздвиг? Кто мог быть первым строителем этого величественного сооружения?».

Две тысячи триста лет тому назад поэт Цюй Юань в одном из своих знаменитых стихотворений вопрошал о том, как возникли небо и земля, как образовалась вселенная и кто отделил небо от земли.

В его «Вопросах к небу» отразились мифы и легенды древности, осколки которых содержатся в ранних философских трактатах. Цюй Юань только ставит вопросы, но не отвечает на них, записи в древних книгах также крайне скудны и лаконичны, и нам, живущим более двух тысяч лет спустя, очень трудно восстановить подлинный облик древнейших мифов.

Вот басня, напоминающая миф из древней книги Чжуан-цзы, более ранней, чем приведенное выше стихотворение. История такова: «Владыку Южного моря звали Шу - Быстрый, владыку Северного моря звали Ху - Внезапный, а владыку Центра - Хунь-тунь - Хаос. Шу и Ху часто ради развлечения навещали Хунь-туня. Хунь-тунь встречал их необычайно приветливо и предупредительно. Однажды Шу и Ху задумались о том, как отплатить ему за его доброту. Каждый человек, сказали они, имеет глаза, уши, рот, нос - семь отверстий на голове для того, чтобы видеть, слышать, есть и т.д. У Хунь-туня не было ни одного, и жизнь его не была по-настоящему прекрасной. Самое лучшее, решили они, пойти к нему и просверлить несколько отверстий. Взяли Шу и Ху орудия, подобные нашим топору и сверлу, и отправились к Хунь-туню. Один день - одно отверстие, семь дней - семь отверстий. Но бедный Хунь-тунь, которого лучшие его друзья так издырявили, печально вскрикнул и

приказал долго жить». Эта басня с некоторым комическим оттенком включает в себя мифологическую концепцию сотворения мира. Хотя Хунь-тунь, на теле которого Шу и Ху, олицетворявшие быстротечность времени, просверлили семь отверстий, умер, но в результате возникли вселенная и земля.

«Книга гор и морей» рассказывает, что в западной части гор Тянь-Шань жила священная птица, напоминавшая своим видом жёлтый мешок; она могла краснеть и тогда становилась похожей на огненно-красный шар, у неё было шесть ног и четыре крыла, но не было у неё ни ушей, ни глаз, ни рта, ни клюва; она понимала песни и пляски; звали ее Ди Цзян.

Ди Цзян - это то же, что и Ди Хун, то же, что и Хуан-ди, которого считают верховным владыкой Центра. Поэтому в притче Чжуан-цзы он выступает уже как верховное божество Центра. Некоторые считают Хунь-туня сыном Хуан-ди. Это предание, пожалуй, возникло в более поздние времена.

Но был ли Хунь-тунь самим небесным императором или же его сыном,- тёмный, бесформенный хаос не нравился никому, кроме даосов, которые стремились к «возврату к природе», «пассивному восприятию», «управлению без действия» и т.д. Поэтому в преданиях последующих поколений Хунь-тунь превратился в нечто неприятное. В «Книге о чудесном и необычайном» говорится, что Хунь-тунь - это дикий зверь, похожий сразу на собаку и бурого медведя, имеющий глаза, но ничего не видящий, имеющий уши, но ничего не слышащий. Так как глаза его слепы, то сам он передвигается с большим трудом. Но стоит кому-нибудь забрести в те края, как он тотчас же почует это. Столкнется с добродетельным человеком - и в дикой ярости набрасывается на него, а если встретится со злым насильником, то, низко припадая, кивая головой и махая хвостом, начнёт ластиться к нему. Такой подлый характер был дан ему природой. Когда ему нечего делать, он, кружась, с удовольствием кусает свой собственный хвост, задирает голову, смотрит на небо и громко хохочет. Из этого предания можно заключить,- что слово «хуньтунь» - «мрак» воспринималось тогда явно как отрицательное.

Общеизвестный миф о возникновении вселенной записан в книге под названием Хуайнань-цзы, созданной во II в. до н.э. В глубокой древности, когда ещё не было ни неба, ни земли, мир представлял собой лишь мрачный, бесформенный хаос. И в этом мраке постепенно родились два больших духа - Инь и Ян, которые с огромным усилием начали упорядочивать мир. Впоследствии Инь и Ян разделились, и установилось восемь главных направлений в пространстве. Дух Ян стал управлять небом, дух Инь - землёю. Так был создан наш мир.

Этот миф, с явным философским оттенком, не представляет большого интереса с точки зрения мифологии.

Более интересен для нас миф о небесном духе Цзюйлин. Говорят, что он появился одновременно с первоначальной субстанцией, его же называют истинной матерью девяти начал. Он был настолько всемогущ, что смог создать горы и долины, пустить большие и малые реки, поэтому его можно считать первотворцом. Говорят, происходил он из верховьев реки Фынь-шуй и первоначально был духом реки. Издревле поперёк Хуанхэ стояла гора Хуашань. Цзюйлин, «пиная ногами и раскачивая её руками», расколел её и раздвинул, так что река потекла прямо. По сей день ещё сохранились на горе Хуашань следы, похожие на отпечатки рук и ног духа Цзюйлина.

Можно предположить, что для подобных преданий даосы взяли излюбленный ими образ духа реки и сделали его первотворцом, отделившим небо от земли. Благодаря этому искусственному приукрашиванию от мифа не осталось и следа.

Когда речь заходит о духе реки Цзюйлине, невольно вспоминается одно древнее предание о двух ленивых супругах-великанах, которые прокладывали русла для разлившихся вод.

Согласно преданию, когда небо и земля были только что созданы, на земле был потоп, поэтому верховный правитель Шан-ди послал великана Пу-фу и его супругу усмирить

разлившиеся воды. Оба они не имели себе равных, ростом были в тысячу ли и по стольку же в объёме. Эти два огромных толстяка, конечно, очень мало заботились о порученной им трудной работе и выполняли её без всякого усердия, лишь бы поскорее закончить. Руслу рек, которые они проложили, в одних местах были вырыты глубоко, в других - мелко, где засорены, а где запружены,- одним словом, вся работа пошла насмарку. Поэтому спустя много лет трудолюбивый Юй вновь усмирил разлившиеся воды. Небесный император, разгневанный нерадивостью супругов, в наказание оголил их тела и, совершенно обнажённых, поставил рядом друг с другом посреди обширной пустыни на юго-востоке. Ни в холод, ни в жару они не пили и не ели, лишь небесной росой утоляли свой голод и жажду. И только когда очистилась вода в Хуанхэ, этим супругам было разрешено «вернуться к своим обязанностям».

Согласно преданию, чтобы очистить воды Хуанхэ, нужно было прервать связь реки с морем. Разумеется, это было делом неосуществимым, и поэтому чете великанов только и оставалось, что вечно стоять в пустыне, обнажёнными, под лучами солнца.

В истории о супругах Пу-фу в некоторых моментах проступает облик древнего мифа. Деятельность этих двух людей, упорядочивших воды, также несколько напоминает деятельность первотворца вселенной. Однако, к сожалению, записанная история кажется незаконченной.

Вот ещё один миф о матери бесов - Гуй-му. Гуй-му, жившую в горах Сяюйшань у Южного моря, называли ещё Гуй-гушань. У неё была голова тигра, ноги дракона - луна, брови, как у четырёхпалого дракона, глаза, как у водяного дракона, облик её был удивительно причудлив. Она смогла породить небо, землю и чертей. За один раз она могла родить десяток чертей, утром рожала, а вечером проглатывала их, как лакомство. Этот персонаж чем-то напоминает создателя всех вещей, но, к сожалению, будучи бесовкой, съевшей своих детей, что весьма неэтично, она так и осталась «матерью бесов».

Перебирая мифических первосоздателей вселенной, в заключение нельзя не вспомнить о духе Чжу-лун - драконе со свечой с горы Чжуншань, рассказ о котором записан в древней «Книге гор и морей». Этот дух с лицом человека, телом змеи, с кожей красного цвета был длиной в тысячу ли. У него были необычные глаза, похожие на два вертикально стоящих оливковых дерева, а когда он закрывал их, они были как две прямые вертикальные щели. Стоило ему лишь приоткрыть глаза, как в мире наступал день, а когда он закрывал глаза, на землю спускалась ночь; стоило ему подуть, как появлялась пелена красных облаков, падал хлопьями сильный снег, и наступала зима; дохнёт - тотчас красное солнце начинало палить, текли металлы и плавилась камни, и наступало лето. Он лежал, свернувшись, как змея: не ел, не пил, не спал и не дышал,- как только дохнет, подует ветер на десять тысяч ли. Светом свечи, которую Чжу-лун держал во рту, он мог освещать высочайшие сферы неба и глубочайшие пласты земли и, где царил вечный мрак. А так как он всегда держал во рту свечу и освещал мрак в небесных воротах на севере, то его ещё называли Чжу-инь (чжу - значит "свеча", инь - "темнота") - Освещающий мрак.

Чжу-лун и в самом деле похож на первотворца. Однако, сохранив явные черты живого существа,- он всё-таки не смог, подобно другим знаменитым небесным духам, превратиться в человека. Он не стал в глазах людей первотворцом и остался лишь духом одной из гор, несмотря на свой удивительный облик и необычайную силу. Можно сказать, что ему действительно не повезло.

2. Сказание о драконовой собаке Пань-ху. От Пань-ху к Пань-гу. Пань-гу отделяет небо от земли. Божественная сила Пань-гу и его превращение. Пань-гу и дракон, держащий свечу. Место погребения Пань-гу.

Кто сотворил небо и землю? Прежде чем говорить об этом, я позволю себе рассказать одну историю об удивительном и отважном псе, который уничтожил врага и в награду получил в жёны прекрасную принцессу.

Рассказывают, что в древние времена, когда правил Гао-синь-ван, у его жены неожиданно заболело ухо. Ровно три года не прекращались боли, сотни врачей пытались

вылечить её, но безуспешно. Потом из уха выскочил маленький, напоминающий шелкопряда, золотистый червячок длиной около трёх вершков, и болезнь тотчас же прошла. Княгиня очень удивилась, посадила этого червячка в тыкву-горлянку и прикрыла блюдом. Кто мог знать, что червячок под блюдом превратится в прекрасного пса, словно покрытого парчой с ослепительно блестящими разноцветными узорами? А так как он появился в тыкве-горлянке под блюдом, ему дали имя Пань-гу (пань - по-китайски "блюдо", гу - тыква). Гао-синь-ван, увидев Пань-гу, очень обрадовался и с этого времени не отпускал его от себя ни на шаг. В то время князь Фан-ван неожиданно поднял мятеж. Гао-синь-ван испугался за судьбу государства и обратился ко всем сановникам со словами: «Если найдётся человек, который принесет мне голову Фан-вана, я отдам ему в жёны свою дочь».

Сановники знали, что войско у Фан-вана сильное, победить его трудно, и не решались отправиться навстречу опасности. Рассказывают, что в тот же день Пань-гу исчез из дворца, и никто не знал, куда он убежал. Искали несколько дней подряд, но не нашли никаких следов, и Гао-синь-ван был очень опечален.

Тем временем Пань-гу, оставив дворец Гао-синь-вана, прямехонько направился в военный лагерь Фан-вана. Увидел Фан-вана - и завилял хвостом, и завертел головой. Фан-ван чрезвычайно обрадовался и, обратившись к своим сановникам, сказал:

Боюсь, что Гао-синь-ван скоро погибнет даже его собака бросила его и прибежала служить мне. Посмотрите, это принесёт мне успех!

Фан-ван устроил большой пир по случаю радостного предзнаменования. В тот вечер Фан-ван хватил лишнего, захмелел и заснул в своём шатре. Воспользовавшись этим, Пань-гу подкрался к нему, вцепился ему зубами в горло, отгрыз голову и стремглав бросился обратно во дворец. Увидел Гао-синь-ван, как его любимый пес, держа в зубах голову врага, вернулся во дворец, и радости его не было предела, и приказал он людям дать псу побольше мелко нарубленного мяса. Но Пань-гу только понюхал блюдо, отошёл прочь и печально лег спать в углу комнаты. Пань-гу перестал есть и лежал без движения, а когда Гао-синь-ван звал его, он не вставал на зов. Так продолжалось три дня.

Гао-синь-ван не знал, что и делать, и наконец спросил Пань-гу:

- Пёс, почему ты ничего не ешь и не подходишь, когда я зову тебя? Неужели ты думаешь получить в жёны мою дочь и злишься на меня за то, что я не сдержал своего обещания? Не в том дело, что я не хочу сдерживать обещания, но ведь пёс в самом деле не может взять в жёны девушку. Пань-гу вдруг сказал человеческим голосом:

- Не печалься об этом, князь, а только посади меня на семь дней и семь ночей под золотой колокол, и я смогу превратиться в человека.

Очень удивился князь, услышав такие слова, но исполнил просьбу своего пса и посадил его под золотой колокол, чтобы посмотреть, как произойдёт превращение.

Прошел день, второй, третий... Наступил шестой день. Добрая принцесса, с нетерпением ожидавшая свадьбы, боялась, что пёс умрет от голода, и тихонько приподняла колокол, чтобы посмотреть на Пань-гу. Тело Пань-гу уже превратилось в человеческое, и только голова всё ещё была собачьей, но теперь она уже не могла превратиться в человеческую. Пань-гу выбежал из-под колокола, накинул на себя одежду, а принцесса надела шапку в форме собачьей головы. И они стали мужем и женой. Потом Пань-гу со своей женой ушёл в Южные горы и поселился в пещере среди диких гор, куда никогда не ступала нога человека.

Принцесса сняла дорогие и красивые одежды, надела простое крестьянское платье, принялась трудиться и не роптала, а Пань-гу каждый день уходил на охоту. Так они и жили в мире и счастье. Через несколько лет у них родились три сына и дочь. Тогда они взяли детей и отправились во дворец навестить тестя и тещу. А так как у детей ещё не было имени, то они попросили Гао-синь-вана дать им имена. Старшего сына после рождения положили на блюдо, вот его и называли Пань - Блюдо, второго сына после рождения положили в корзину и называли его Лань - Корзина. Младшему сыну никак не могли придумать подходящего имени. Вдруг небо разверзлось и загрохотал гром, поэтому его называли Лэй - Гром. Когда дочь стала

взрослой, её выдали замуж за отважного воина, и она получила его фамилию - Чжун - Колокол. Впоследствии люди из этих четырёх родов - Пань, Лань, Лэй и Чжун - пережились между собой и из их сыновей и внуков возник народ, среди которого все почитали Пань-гу как общего предка.

В дальнейшем миф о Пань-гу ещё более развился. Это проявилось, в частности, в эпизоде с топором. В книге Чжоу Ю «Сказание о сотворении мира», написанной в начале XVII в., говорится: «[Пань-гу] вытянулся, толкая небо дальше ввысь, а землю вниз. Всё же между небом и землёй оставалась перемычка. Тогда он взял в левую руку долото, в правую руку - топор и принялся долбить долотом и рубить топором. И так как обладал он волшебной силой, в конце концов сумел отделить небо от земли» (глава I, «Пань-гу отделяет небо от земли»).

Итак, у Пань-гу появляется не только топор, но и долото; следовательно, он овладевает двумя могучими орудиями труда. «Принялся долбить долотом и рубить топором» - в этом развитии мифа о Пань-гу романтически и в то же время реалистически отражена великая мысль о том, что всё на земле создано трудом.

Это же предание с теми или иными изменениями распространено среди народностей Южного Китая - яо, мяо, ли и др.

Известно, что люди яо приносят жертвы Пань-гу, называя его Пань-ваном - князем Пань. По их представлениям, жизнь и смерть людей, долголетие, богатство и бедность - всё находится в его руках. Всякий раз, когда случается засуха, они непременно молятся Пань-вану, при этом они выходят с его изображением на поля и обходят посевы.

У народности мяо также имеется предание о Пань-ване, напоминающее рассказ о сотворении мира из Ветхого завета. Народ мяо воспевает его как создателя различных орудий и вещей. В III в. н.э. Сюй Чжэн написал «Исторические записи о трёх правителях и пяти императорах», в которых использовал предания о Пань-гу, распространённые среди народностей Южного Китая. Добавив философские элементы из древних классических книг, а также свои собственные представления, он изобразил его творцом вселенной, отделившим небо от земли во времена всемирного хаоса, и превратил его в общего предка всех китайцев.

Как же были в конце концов отделены земля и небо, как создавалась вселенная? В китайской мифологии есть ответ и на этот вопрос.

Согласно преданиям, в то время, когда ещё земля и небо не отделились друг от друга, вселенная представляла сплошной хаос и по форме напоминала огромное куриное яйцо. В нём зародился наш первопредок Пань-гу. Он вырос и, тяжело дыша, заснул в этом огромном яйце. Прошло восемнадцать тысяч лет, прежде чем он вдруг проснулся. Приоткрыл глаза, чтобы осмотреться, но, увы! - ничего не увидел: вокруг него был сплошной чёрный и липкий мрак, и сердце его наполнилось тоской. Не зная, как выбраться из этого яйца, Пань-гу схватил невесть откуда взявшийся огромный топор и с силой ударил им мрак перед собой. Раздался оглушительный грохот, какой бывает, когда трескаются горы,- хуа-ла! - огромное яйцо расколосось. Всё легкое и чистое тотчас же поднялось вверх и образовало небо, а тяжелое и грязное опустилось вниз и образовало землю. Так небо и земля, представлявшие вначале сплошной хаос, благодаря удару топором отделились друг от друга. После того как Пань-гу отделил небо от земли, он, опасаясь, что они вновь соединятся, уперся ногами в землю и подпёр головой небо. Так он стоял, изменяясь вместе с ними. Каждый день небо становилось выше на один чжан, а земля становилась толще на один чжан, и Пань-гу вырастал на один чжан.

Прошло ещё восемнадцать тысяч лет - небо поднялось очень высоко, земля стала очень толстой, а тело Пань-гу также выросло необычайно. Какого же роста стал Пань-гу? Говорят, что его рост равнялся девяти тысячам ли. Как высочайший столб стоял великан Пань-гу между небом и землёй, не позволяя им вновь превратиться в хаос. Так стоял он, один-единственный, поддерживая небо и упираясь в землю, и не заметил в этой тяжёлой работе, как прошли целые эпохи. Наконец небо и земля, видимо, стали достаточно прочными, и Пань-гу мог больше не опасаться, что они соединятся вновь,- ведь ему тоже

надо было отдохнуть. В конце концов он, подобно всем людям, упал и умер. Вздох, вырвавшийся из его уст, сделался ветром и облаками, голос - громом, левый глаз - солнцем, правый - луною, туловище с руками и ногами - четырьмя странами света и пятью знаменитыми горами, кровь - реками, жилы - дорогами, плоть - почвою, волосы на голове и усы - звездами на небосклоне, кожа и волосы на теле - травами, цветами и деревьями, зубы, кости, костный мозг и т.п. - блестящими металлами, крепкими камнями, сверкающим жемчугом и яшмой, и даже пот, выступивший на его теле, казалось бы, совершенно бесполезный, превратился в капельки дождя и росу. Одним словом, Пань-гу, умирая, всего себя отдал тому, чтобы этот новый мир был богатым и прекрасным.

Существуют и другие предания о волшебной силе и превращениях Пань-гу. По одной версии, слёзы, вытекшие из его глаз, превратились в реки, вздох - в порыв ветра, голос - в раскаты грома, блеск глаз - в молнию.

Рассказывают ещё, что ясная погода бывает тогда, когда Пань-гу радуется, а стоит только ему рассердиться, как небо заволакивается тяжёлыми дождевыми тучами. Существует еще одно удивительное сообщение о том, что Пань-гу имел голову дракона и туловище змеи. Когда он вдыхал - поднимались ветер и дождь, а когда выдыхал - гремел гром и сверкала молния, открывал глаза - наступал день, закрывал - спускалась ночь, - почти как дух Чжу-лун с горы Чжуншань, описанный в «Книге гор и морей».

При всех расхождениях в описании Пань-гу общим является то, что все люди почитали его как парвопредка, отделившего небо от земли. Поэтому предание рассказывает, что в Южном море есть могила Пань-гу длиной триста ли. А ещё есть рассказ о государстве Паньгуго, в котором все жители носили фамилию Пань-гу, и т.п.

3. Боги создают людей. Фу-си и Нюй-ва на ханьских картинах. Заточение и бегство бога грома. Великая роль одного зуба. Фу-си и Нюй-ва прячутся в тыкве-горлянке от потопа. Женитьба брата и сестры. Откуда пошли люди?

Мы уже рассказали о том, как были сотворены небо и земля. Но как же появились люди на земле? Сравнительно ранней версией о появлении людей является версия о том, что люди, как об этом уже говорилось в первой главе, произошли в результате взаимодействия двух великих богов Инь и Ян.

После того как были созданы небо и земля, из оставшихся грубых частиц они сотворили животных, птиц, рыб и насекомых, а из чистых частиц - людей. Этой версии никто не верил, и в конце концов она исчезла бесследно, не оставив сколько-нибудь значительного следа.

Согласно более позднему преданию, люди произошли из паразитов, ползавших по телу Пань-гу, когда он «лежал на смертном одре», а ветер их развеял повсюду. Эта версия, разумеется, ещё более возвеличивала заслуги Пань-гу, однако в то же время ущемляла человеческую гордость и поэтому также не получила широкого распространения.

Согласно еще более позднему преданию, у Пань-гу была жена. Она, как и полагается, родила ему сыновей, от них и пошёл род человеческий. Эта версия не получила широкого признания и исчезла, так как лишала образ Пань-гу фантастичности.

Ещё существует удивительное и прекрасное сказание о том, как небесные духи сообща создали людей. Хуан-ди создал у людей различия между мужчиной и женщиной, Шань-пянь - уши, глаза, рот и нос, Сан-линь - руки и ноги. Следует упомянуть и о Нюй-ва, которая участвовала в этой совместной работе, но что она создала - нам не ясно.

Миф о том, как духи сотворили людей, в самом деле очень интересен, но, к сожалению, записи о нём в древних книгах весьма скудны, и о божествах Шань-пань и Сан-линь нам ничего не известно. Мы совершенно не знаем, при каких обстоятельствах их совместными усилиями были созданы люди. Поэтому данный миф также не получил широкого распространения. Напротив, миф о сотворении людей одной богиней Нюй-ва, среди всех ранее упомянутых мифов пользовавшийся наибольшим доверием, так как он и необычен и в

то же время близок пониманию людей, составил богатую поэтическую часть в китайской мифологии.

Когда речь заходит о Нюй-ва, вспоминается и герой другого предания - Фу-си, которого ещё называют Пао-си, Бао-си и т.д. Все эти имена встречаются в древних книгах как разнописи.

Фу-си является также одним из знаменитых героев среди наших предков. По преданиям, он и Нюй-ва первоначально были братом и сестрой или позднее мужем и женой. Достоверность этого «древнего уже в древности» предания подтверждается рельефами на камне и кирпичачах эпохи Хань, а также преданиями, распространёнными среди народностей Юго-Западного Китая - мяо, яо, и, тун и др. В резьбе по камню и кирпичу эпохи Хань мы часто видим Фу-си и Нюй-ва, имеющих голову человека и туловище змеи. Фу-си и Нюй-ва изображаются до пояса в виде людей, одетых в шапку и халат, а ниже пояса - в виде змеи (иногда дракона), с крепко переплетёнными хвостами и лицами, обращенными друг к другу, или, наоборот, спиной друг к другу. Он держит в руках аршин, она - циркуль. На некоторых изображениях Фу-си держит солнце, в которое вписана золотая ворона, а у Нюй-ва в руках луна с изображением жабы. Некоторые изображения украшены облаками, среди которых парят крылатые посланцы неба с человеческими головами и змеиными телами. Встречаются картины с наивным маленьким мальчиком на кривых ногах, который тянет взрослых за рукава,- это изображение символизирует семейное счастье.

После изучения этих изображений не остаётся никаких сомнений в том, что Фу-си и Нюй-ва в древних преданиях изображались мужем и женой. На основании этих изображений и записей в древних книгах мы с уверенностью можем сказать, что, согласно китайской мифологии, род человеческий пошёл от небесных божеств - наполовину людей, наполовину зверей.

Они были обожествленными первопредками и превратились также в духов-охранителей. В древности люди часто вырезали на могилах и в храмах изображения Фу-си и Нюй-ва, чтобы умерший под их защитой мог спокойно наслаждаться радостями потустороннего мира.

Миф о том, что брат с сестрой Фу-си и Нюй-ва вступили в брак и положили начало человеческому роду, зафиксирован уже в книге танского автора Ли Жуна «Описание неповторимого и странного» (Ду и чжи). Там мы читаем: «В старину, когда вселенная была только что создана, жила Нюй-ва со своим братом на горах Куньлунь, людей же в Поднебесной ещё не было. Решили они стать мужем и женой, но устыдились. Тогда брат повёл сестру на вершину Куньлуня и произнес заклинание: „Если небу угодно, чтобы мы поженились, пусть дым устремится столбом ввысь; если нет,- пусть дым рассеется". Дым поднялся столбом. Тогда сестра приблизилась к брату, сплетя при этом из травы веер, чтобы прикрыть лицо. Нынешний обычай держать на свадьбе веер произошёл как раз отсюда».

Если не считать эпизода с веером, отражающего подчинённое положение женщины в более поздние времена, эта запись является весьма ценной, так как сохраняет облик древнего мифа и соответствует сказаниям о браке Фу-си и Нюй-ва, поныне бытующим у национальных меньшинств Юго-Запада.

Интересны предания, распространённые среди народностей Юго-Западного Китая - яо и мяо. Согласно этим преданиям, Фу-си и Нюй-ва являются не просто супругами, а родными братом и сестрой, вступившими в брак. В различных местностях в этих преданиях встречаются некоторые расхождения. Ниже мы приводим предание народа яо, записанное в г. Лочэн уезда Юнсянь провинции Гуанси.

Вот-вот должен был разразиться ливень, туч становилось всё больше, ветер крепчал, в небе грохотал гром. Дети очень перепугались, а те, кто работал в поле, ещё не вернулись домой, да и не очень беспокоились, потому что всем известно, что летом часто бывают грозы и в этом нет ничего удивительного.

В тот день один мужчина взял мох из высохшей канавы и полез чинить крытую древесной корой крышу, чтобы она не протекала. В это время двое его детей, мальчик и

девочка, которым было немногим более десяти лет, играли на улице под открытым небом и смотрели, как их отец работает. Закончив работу, он взял детей и вошёл в дом. И в это время внезапно хлынул дождь. Отец и дети закрыли двери и окна и в маленькой тёплой комнате радовались домашнему уюту. Дождь становился всё сильнее, завывал ветер, раскаты грома усиливались, как будто бог грома Лэй-гун разгневался и, чтобы внушить страх людям, намеревался ниспослать на них большое бедствие.

Отец как будто предвидел приближение большого несчастья, поэтому он взял давно приготовленную железную клетку, поставил под карниз крыши, открыл её, а сам, взяв в руки рогатину для охоты на тигров, бесстрашно стал ждать около клетки.

Небо почернело от сплошных туч, грозные раскаты грома раздавались один за другим. А смелый человек, спрятавшись под карнизом, оставался бесстрашным. Вслед за вспышкой молнии и мощным ударом грома, подобным звуку обрушившейся горы, Лэй-гун с синим лицом, схватив деревянный топор, быстро спустился с крыши, взмахивая крыльями, глаза его излучали резкий яркий свет.

Храбрец, притаившийся под карнизом, увидев Лэй-гуна, быстро схватил рогатину и бросился на него. Зацепив за пояс, запихнул его в клетку и втащил в дом.

- На этот раз я поймал тебя, что ты теперь можешь сделать? - насмешливо спросил мужчина бога грома.

Лэй-гун понуро опустил голову и не сказал ни слова. Человек позвал своих детей посмотреть на плененного Лэй-гуна.

Дети очень испугались этого странного синеликого бога, но вскоре привыкли.

На следующее утро отец отправился на рынок, чтобы купить ароматных палочек, намереваясь убить Лэй-гуна и приготовить из него еду. Перед уходом он наказал своим детям:

- Ни в коем случае не давайте ему пить.

Когда он ушёл, Лэй-гун притворно застонал, прикинулся, что страдает, и сказал:

- Мне очень хочется пить, дайте мне чашку воды.

Мальчик, который был постарше, сказал Лэй-гуну:

- Я не дам, отец не велел давать тебе воды,

- Если не можешь дать чашку, дай хоть глоток, ужасно хочется пить!

Мальчик не соглашался:

- Нет, не могу, узнает отец, будет ругать меня.

- Тогда зачерпни из котла хоть несколько капель, - упорно продолжал Лэй-гун, - а то я совсем умираю от жажды. - Он закрыл глаза и разинул рот в ожидании.

Девочка, видя страдания Лэй-гуна, почувствовала в своём добром сердце жалость к нему и подумала, что, с тех пор как отец запер его в клетку, прошли уже день и ночь и за это время Лэй-гун не выпил ни капли воды. В самом деле жаль его! И она сказала брату:

- Давай дадим ему несколько капель.

Брат подумал, что от нескольких капель ничего плохого не случится, и согласился. Брат и сестра пошли на кухню, зачерпнули из котла немного воды и вернулись, чтобы вылить их в рот Лэй-гуну.

Выпив воды, бог грома повеселел и с благодарностью сказал:

- Спасибо вам! Теперь выйдите ненадолго из комнаты.

Дети в страхе выбежали, и тотчас же раздался сильнейший грохот, потрясший небо и землю: это Лэй-гун, сломав клетку, вылетел из дома. Лэй-гун торопливо вырвал изо рта зуб и передал его детям со словами:

- Возьмите его скорее и посадите в землю, и, если случится беда, вы сможете спрятаться в его плодах.

После этого снова загремел гром, и бог взлетел на небо. Дети стояли как вкопанные и смотрели ему вслед.

Через некоторое время, накупив благовоний и всего для того, чтобы приготовить из Лэй-гуна еду, вернулся домой отец.

Он увидел сломанную клетку и очень удивился, что Лэй-гун исчез. Он быстро разыскал детей, расспросил у них, что произошло, и только тогда понял, в чём дело. Почувствовал он, что приближается большая беда, но не стал наказывать неразумных детей, а взялся за работу и, не разбирая ни дня, ни ночи, мастерил железную лодку, чтобы спастись от беды.

Дети же, играя, посадили в землю подаренный Лэй-гуном зуб. И странно - не успели они это сделать, как из глины появился нежный зелёный росточек. Он на глазах стал расти, и в тот же день на нём появилась завязь. На следующий день утром дети увидели на нём огромный плод - это была невиданная по величине тыква-горлянка. Брат и сестра вернулись домой, взяли нож и пилу, отпилили верхушку тыквы, и то, что они увидели внутри, могло бы испугать хоть кого: в горлянке тесными рядами росло бесчисленное количество зубов. Однако дети не испугались, они повырывали эти зубы и выбросили их, сами залезли в пустую тыкву, и оказалось, что места в ней как раз столько, чтобы спрятаться им обоим. Они перетащили тыкву в укромное место и спрятались в ней.

На третий день, как только отец закончил железную лодку, погода внезапно резко переменялась: со всех сторон подул чёрный ветер, жестокий ливень хлынул с неба, как из перевернутого таза, на земле забурлили потоки воды, будто промчался табун диких коней. Исчезли холмы, высокие горы окружила вода; поля, сады, жилища, леса и деревни - всё превратилось в сплошное бурлящее море.

- Дети!- стараясь перекричать дождь и ветер, крикнул отец.- Прячьтесь скорее! Это Лэй-гун устроил наводнение, чтобы отомстить нам!

Дети быстро забрались в тыкву-горлянку, а отец сел в свою железную лодку. Вскоре поток подхватил её, и волны то бросали её на восток, то относили на запад.

Вода всё прибывала и достигла уже неба. Храбрец, смело управляя железной лодкой под ветром и дождём среди бушующих волн, приплыл прямо к воротам неба. Он встал на носу лодки и начал стучать в ворота. Громкие звуки «пэн-пэн!» разнеслись по небосводу.

- Откройте скорей, впустите! Впустите меня!- кричал он, нетерпеливо стуча кулаками.

Дух неба испугался и приказал духу вод немедленно отогнать воды. Дух вод исполнил приказание, и через несколько мгновений дождь прекратился и ветер стих. Вода спала на тысячу чжанов, и на земле, как и прежде, появилась суша. Когда наводнение прекратилось, смельчак вместе со своей лодкой упал с неба на землю. Железная лодка разбилась на мелкие кусочки. И бедного храбреца, вступившего в борьбу с Лэй-гуном, постигла такая же участь - он разбился насмерть.

Дети же, сидевшие в тыкве-горлянке, остались в живых. Тыква была мягкой, и, упав на землю, она только подпрыгнула несколько раз, но не разбилась. Брат и сестра выбрались из неё целыми и невредимыми.

Во время потопа все люди на земле погибли. В живых остались только двое детей. У них не было имени, а так как они спаслись в тыкве-горлянке, их назвали Фу-си. Фу-си это то же, что и Пао-си, т.е. «тыква-горлянка». Мальчика назвали «братец-тыква», а девочку - «сестрица-тыква».

Род человеческий на земле прекратился, но смелые мальчик и девочка стали трудиться и зажили весело и беспечно. В те времена небо и земля не были так далеки друг от друга, а небесные ворота были всегда открыты. Брат и сестра часто, взявшись за руки, поднимались по небесной лестнице играть в небесный дворец.

Прошли годы, дети выросли и стали взрослыми людьми. Брат захотел жениться на сестре, но она не согласилась и сказала:

- Как можно? Мы ведь с тобой родные брат и сестра!

Брат просил снова и снова, и сестра не смогла ему отказать и предложила:

- Попытайся меня догнать, если догонишь, то я согласна, и мы поженимся.

Она была ловкой и быстрой, и он долго гонялся за ней, но так и не смог поймать. В голове брата родился хитрый план: он неожиданно повернулся, и запыхавшаяся сестра, не

ожидавшая этого, столкнулась с ним лицом к лицу и оказалась в его объятиях. Вскоре они поженились и стали мужем и женой.

Прошло немного времени, и женщина родила комочек мяса. Муж и жена очень удивились, разрезали его на мелкие кусочки, завернули их и вместе со свёртком поднялись по небесной лест-Вяце в небесный дворец развлечься. Но на середине пути неожиданно налетел порыв сильного ветра, разорвал свёрток, и кусочки мяса разлетелись во все стороны. Упав на землю, они превратились в людей. Тот, который упал на листву деревьев, получил фамилию Е (лист), упавший на дерево - фамилию Му (дерево); на что и куда падал кусочек мяса, такую фамилию и давали человеку. Так в мире вновь появились люди. Супруги Фу-си возродили человеческий род, и они в сущности "Мало чем отличаются от первотворца Пань-гу, а вполне возможно, что Фу-си и Пань-гу - один и тот же образ.

4. Страна Хуасюй. След великана у Болота грома. Лестницы на небо. Дерево в пустоши Дугуан. Бог дерева и одновременно божество жизни. Гоу-ман. Творения и изобретения Фу-си. Древняя легенда о добывании огня трением. Потомки Фу-си.

Выше мы коротко пересказали миф о Фу-си и Нюй-ва и о происхождении людей. Сейчас мы вновь, в соответствии с древними легендами китайцев, расскажем в отдельности о каждом из мифов, посвящённых Фу-си и Нюй-ва, так как в записях древних книг до циньской и ханьской династий Фу-си и Нюй-ва вовсе не связаны между собой.

Сначала остановимся на мифе о Фу-си, а затем уже о Нюй-ва, и тогда вопрос, откуда произошли люди по представлению древних китайцев, станет совершенно ясен.

Мифов о Фу-си, сохранившихся до наших дней, очень немного. В нашем рассказе мы можем основываться лишь на некоторых разрозненных материалах.

Рассказывают, что в сотнях тысяч ли к северо-западу от Китая находилась процветающая страна и называлась она Страной рода Хуасюй.

Эта страна была так далеко, что ни пешком, ни в повозке, ни на лодке до неё нельзя было добраться и можно было только «направляться туда в мыслях». В той стране не было ни правителей, ни вождей, люди не имели ни стремлений, ни страстей, следовали лишь своим естественным желаниям, и поэтому все жили очень долго, красиво и весело. Они могли ходить по воде, не боясь утонуть, проходить через огонь, не боясь сгореть, летать по воздуху так же свободно, как и ходить по земле. Облака и туманы не мешали им видеть, раскаты грома не тревожили их слуха. Люди этой страны были чем-то средним между людьми и божествами, и их можно было считать земными шэньсянями - бессмертными.

В этой райской стране жила девушка. У неё не было имени, и все её звали Хуа-сүй-ши (урождённая Хуа-сүй). Однажды она направилась на восток погулять к красивому заросшему травой и деревьями большому Болоту грома - Лэйцзэ. Вдруг увидела она на берегу след ног какого-то великана. Удивилась и шутки ради наступила на этот след. Только ступила, внезапно почувствовала какое-то волнение. Потом она забеременела и родила мальчика, которого называли Фу-си.

Что же это за великан оставил свои следы на Болоте грома? Об этом в древних книгах ничего не сказано. Но мы знаем, что главным духом Болота грома был Лэй-шэнь - бог грома. Он был получеловек, полузверь с человеческой головой и телом дракона. Кто же, кроме Лэй-шэня, мог оставить следы в тех местах? Кроме того, по легенде, у Фу-си было «лицо человека и тело змеи» или «тело дракона и голова человека». Поэтому можно говорить о кровном родстве между Фу-си и Лэй-шэнем, т.е. что Фу-си и в самом деле был сыном бога грома.

Фу-си, будучи сыном бога и женщины из райской страны, от рождения был божеством. Одним из доказательств этого является то, что он мог по небесной лестнице свободно подниматься на небо и спускаться на землю. Мы уже рассказывали о том, как Фу-си и его сестра поднимались на небо. Но что же это была за лестница? Давайте поговорим об этом.

Конечно, эта лестница не была создана руками человека, подобно тем лестницам, по которым мы взбираемся на стены или поднимаемся в домах. В мифах говорится о лестницах в виде гор и лестницах-деревьях. Появились они сами собой. Представления древних были

наивны и просты, и им казалось, что боги и бессмертные поднимались на небо и спускались вниз, «не вскочив на облако и не взнуздав тучу», а шаг за шагом поднимались на небо и спускались на землю по горам или лестницам-деревьям.

Это было не лёгким делом. Надо было знать, где находятся такие горы или деревья, по которым можно забраться прямо в небесный дворец, да и лазать надо уметь. Например, всем известна, что горы Куньлунь - Нижняя столица Тянь-ди, небесного императора, а их самая высокая вершина доходит до небесного дворца. Однако не так уж всё просто. По преданию, подножие гор окружено глубоким и стремительным потоком реки Жошуй - Слабой воды и огненными горами и взобраться на них чрезвычайно трудно. Подниматься по лестнице-дереву также нелегко, поэтому в древних книгах говорится, что свободно подниматься и спускаться по небесным лестницам могли только боги, бессмертные да ещё шаманы.

На небо, помимо Куньлуня, вели и другие горы. Ведь бессмертный Бо Гао поднялся на небо по горе Чжаошань, что к востоку от горы Хуашань и реки Циншуй. А в западной пустыне была гора Дэнбаошань, по которой прямо в небесный дворец поднимались шаманы, чтобы узнать волю богов и передать её людям.

Лишь одно дерево - цзяньму - доходило до самого неба. Хотя дерево саньсан и сюньму, что росло за Северным морем, и дерево фусан, которое росло за Восточным морем, и дерево жому в западной пустыне и другие и были в несколько десятков или тысяч чжан и даже тысяч ли, но в древних книгах не говорится, можно ли было по ним добраться до неба.

Дерево цзяньму росло на юго-западе Дугуана, где, считалось, находился центр неба и земли. Это было удивительное место: что только там ни росло - рис, просо, бобы, пшеница; зёрна их были белые, гладкие, будто наполненные жиром. А сеять их можно было в любое время - будь то зима или лето. Там пела волшебная птица луань, кружились в танце фениксы, собирались самые разные птицы и звери, потому что деревья и травы зеленели в Дугуане зимой и летом. И дерево линшоу, похожее на бамбук, чей крепкий ствол мог служить посохом старцу, распускало там прекрасные благоухающие цветы. Одним словом, это был райский сад на земле. Некоторые считают, что он находился на месте Чэнду в современной провинции Сычуань. И по географическому положению и по описанию пейзажа это действительно несколько напоминает Сычуань.

Дерево цзяньму росло посередине сада, находившегося в центре неба и земли. И когда наступал полдень и солнце освещало его вершину, от дерева не было никакой тени. Если около этого дерева громко кричали, то звуки терялись в пустоте и эхо не повторяло их. Дерево цзяньму было очень странным на вид: его тонкий длинный ствол врезался прямо в облака, на нём не было веток и только на верхушке росло несколько изогнутых и кривых ветвей наподобие зонта; корни дерева были тоже изогнутыми и переплетались между собой. Была у этого дерева ещё одна особенность: его эластичная и прочная кора отделялась так же, как женский пояс или кожа жёлтой змеи.

Небесная лестница была расположена в центре неба и земли, и боги разных мест поднимались и спускались по этому топкому, уходящему прямо в облака стволу. Фу-си взобрался по этому дереву, и вполне возможно, что он был первым, поднявшимся по нему. Одно это уже подтверждает его волшебную силу.

Согласно преданию, он создал музыкальный инструмент сэ - гусли - и прекрасную мелодию цзябань. У этих гуслей первоначально было пятьдесят струн, но случилось так, что однажды Фу-си заставил святую Су-нью из пустыни вблизи Дугуана играть ему на гусях сэ. Её исполнение вызвало у него глубокую печаль, и он просил не продолжать игру, однако своевольная женщина его не послушалась. Тогда Фу-си сломал инструмент попалам, и у сэ осталось лишь двадцать пять струн, а мелодия стала менее печальной. Поэтому сэ в последующие времена имели девятнадцать, двадцать три и самое большее двадцать пять струн. То, что Фу-си мог заставить Сунью играть для себя, ещё раз говорит о том, что он действительно необычайный, удивительный персонаж китайской мифологии.

В мифах и легендах древности Фу-си выступает как верховный владыка Востока. Его

помощником был дух дерева, по имени Гоу-ман. Гоу-ман держал в руках циркуль и вместе с владыкой Востока Фу-си управлял вёснами. У него было квадратное лицо человека и тело птицы. Он носил белое одеяние и восседал на двух драконах. Рассказывают, что он был сыном владыки Запада Шао-хао из рода Цзинь-тянь, а вот стал помощником владыки Востока. Его имя было Чун, а люди называли его Гоу-ман, и это значило, что весенние травы и деревья причудливы и извилисты, а слово «Гоу-ман» стало символом весны и жизни. Есть предание о том, что во времена Вёсен и Осеней жил мудрый князь по имени Цинь Му-гун, который умел подбирать мудрых сановников. Однажды в княжестве Чу за пять бараньих шкур он выкупил некоего Бо Ли-си и назначил его на самый важный пост в государстве. Он был очень добр к людям. Когда триста кочевников Цися убили и съели убежавших от него прекрасных скакунов, он простил их. В благодарность за его милосердие они помогли ему разбить войско княжества Цзинь и захватить в плен цзиньского правителя И. Небесный владыка за эти добрые поступки приказал духу дерева и вёсей Гоу-ману продлить ему жизнь на девятнадцать лет. Этим верховным владыкой несомненно был владыка Востока тайхао Фу-си.

У Фу-си была прекрасная дочь по имени Ми-фэй. Переправляясь через реку Ло, она утонула и превратилась в духа реки Ло. Поэты воспели её красоту в самых высоких одах и гимнах. О ней мы расскажем подробно в главе «История стрелка И и его жены Чан-э».

Фу-си очень много сделал для народа, об этом написано в исторических сочинениях.

Рассказывают, что он начертал восемь триграмм:

цянь означало небо,
кунь - землю,
кань - воду,
ли - огонь,
гэнь - горы,
чжэнь - гром,
сюнь - ветер,

дуй - болота. Эти несколько знаков обнимали разнообразные явления вселенной, и люди использовали их для того, чтобы записывать различные события своей жизни. В исторических сочинениях также говорится о том, что Фу-си впервые оплёл из веревок сети и научил людей ловить рыбу. Его приближённый Ман (по-видимому, это и есть Гоу-ман), подражая ему, сделал силки и научил людей ловить птиц. Всё это облегчило жизнь людей.

Однако, пожалуй, самой большой заслугой Фу-си было то, что он дал людям огонь, чтобы они могли есть варёное мясо и избавиться от болей в животе. В известных нам древних исторических книгах не говорится определённо, кто научил людей пользоваться огнём: это приписывается и Суй-жэню, и Фу-си, и даже Хуан-ди. Фу-си ещё называли Пао-си, что значит «мясо, жаренное на огне», или «мясо из кухни» («Хронологические записи об императорах и правителях» - Диванши-цзи), «перестали питаться сырым мясом» (Ван Цзя, Шицизи - «Записи о забытых событиях»). Слово «Йао-си» (букв.: «жареное мясо») в сущности выражает идею применения огня. Люди научились у Суй-жэня пользоваться огнём прежде всего, чтобы готовить пищу.

Фу-си в китайской мифологии является сыном Лэй-шэня - духа грома и одновременно верховным владыкой Востока, который ведал вёснами и ростом деревьев. Какие же явления возникали от ударов молнии о деревья? Нет никакого сомнения, что в результате этого начинались пожары, возникало большее пламя. Таким образом, само появление Фу-си и его обязанности как духа очень легко отождествить с появлением огня на земле. Поэтому мы считаем, что применение огня нужно прежде всего связывать с именем Фу-си, это наиболее обоснованно. Конечно, огонь, который добыл Фу-си, был, по-видимому, природным огнем, возникшим в результате пожара в горном лесу после грозы. Открытие же Суй-жэнем способа добывания огня трением было сделано явно позже.

О получении огня при помощи трения имеется очень интересное предание.

Рассказывают, что в глубокой древности на западе обширной пустыни находилась страна Суйминго. Она была расположена в таком месте, куда не достигали ни лучи солнца, ни свет луны, а так как жители этой страны не видели солнца, то они не знали ни дня, ни ночи. В этой стране росло дерево суйму. Оно было необычайно велико, с очень извилистым стволом, кривыми ветвями и свернутыми листьями и занимало огромное пространство. Как-то один мудрец отправился путешествовать по земле и зашёл очень далеко, в те места, где не было видно ни солнца, ни луны, и добрался до страны Суйминго. Он решил немного отдохнуть под причудливым и огромным деревом суйму. В стране Суйминго не было солнечного света, там, как в большом лесу, казалось, царил полный мрак, но, только приглядевшись внимательно, можно было убедиться, что это отнюдь не так. В этом лесу всюду зажигались прекрасные огоньки, как будто сверкали блестящие жемчужины и драгоценные камни, освещавшие всё вокруг. Люди страны Суйминго круглый год не видели солнца на небе, но трудились и отдыхали, ели и спали при свете этих блестящих и прекрасных огоньков.

Мудрый человек захотел разузнать, откуда возникали эти - огоньки. А появлялись они оттого, что большие птицы, напоминавшие птиц-рыболовов, с длинными когтями на лапах, чёрной спинкой и белым брюшком били своими короткими и твёрдыми клювами по стволам деревьев (по-видимому, они склёвывали насекомых). Ударят они клювом по дереву - вспыхнет яркий огонёк. И мудрецу внезапно пришла в голову мысль, что так можно добывать огонь. Он отломил несколько веточек с дерева суйму; взял маленькую ветку и начал ею как бы сверлить большую, и действительно вспыхнул огонёк, но пламени от него не было. Он стал брать ветки других деревьев, вновь пытаясь получить огонь. Мудрец потратил больше сил, чем в первый раз, чтобы в конце концов от вращения ветки появился сначала дымок, а затем и огонь - ветка загорелась, и он добыл настоящий огонь.

Он вернулся в свою страну и передал людям способ добывания огня трением. Теперь люди могли добывать огонь тогда, когда он им понадобится, а не ждать грозы. Отныне им не нужно было охранять костёр круглый год, опасаясь, что он погаснет. И люди назвали человека, который открыл способ добывания огня трением дерева, именем Суй-жэнь, что значит «добывший огонь».

В последующие эпохи после Фу-си, как нам известно, на юго-западе существовала страна Баго. Согласно преданию, от Фу-си родился Сянь-няо, от Сянь-няо родился Чэн-ли, от Чэн-ли - Хоу-чжао, который и стал родоначальником народа Баго.

Страна Баго находилась недалеко от тех мест, где росло дерево цзяньму. А поблизости была страна Люхуансиныпи, занимавшая территорию в триста ли. Она была окружена горами и реками, удалена от мирской суеты и была чистой, как обитель бессмертных. Страна Баго, судя по описанию её, почти не отличалась от неё.

5. Нюй-ва делает людей из жёлтой глины. Нюй-ва устанавливает систему бракосочетания. Весёлое торжество перед храмом богов во время принесения жертвы с молением о даровании детей правителю. Борьба бога вод Гун-гуна и бога огня Чжу-жуна. Нюй-ва чинит небосвод.

Первое упоминание о Нюй-ва мы находим в «Вопросах к небу» Цюй Юаня, где говорится: «Кем был тот, кто создал самое Нюй-ва?». Этот вопрос очень странен, потому что если именно Нюй-ва создавала людей, то кто же мог создать её? Ван И в комментариях к Цюй Юаню, основываясь на другой легенде, обрисовывает образ Нюй-ва. По его словам, она имела голову человека и тело змеи. Это совпадает с изображением ее в храме Улянцы, но, к сожалению, он не говорит, какого пола была Нюй-ва. В самом раннем китайском словаре под иероглифом ва даётся следующее объяснение: «Ва - женщина-дух, в древние времена сотворившая все вещи в мире». По существу лишь из этого объяснения мы узнаем, что Нюй-ва была женским божеством.

Наделена она была исключительной божественной силой и в один день могла совершить семьдесят перевоплощений. Можно предположить, что она имела известное отношение к созданию человеческого рода. Здесь мы не будем касаться вопроса о её перевоплощениях, а лишь перескажем историю о том, как она создала людей.

В те времена, когда земля отделилась от неба, хотя на земле уже были горы, реки, трава и деревья, и даже птицы и звери, насекомые и рыбы, на ней ещё не было людей, и поэтому мир был пустынен и безмолвен. По этой безмолвной земле бродил великий дух - Нюй-ва. В сердце своём она ощущала необычайное одиночество и понимала, что, для того чтобы оживить землю, необходимо что-то ещё сотворить.

Она присела на корточки на берегу пруда, взяла горсть жёлтой глины, смочила её водой и, глядя на своё отражение, вылепила нечто вроде маленькой девочки. Как только она поставила её на землю, вдруг - и сказать-то странно - эта маленькая фигурка ожила, закричала «уа-уа» и радостно запрыгала. Её имя было Жэнь - «человек».

Первый человек был очень маленьким, но ведь, согласно преданию, его создала богиня. Он отличался от летающих птиц и от четвероногих животных, да и держался он как хозяин вселенной. Нюй-ва была очень довольна своим творением и, продолжая это дело, вылепила из глины множество человечков обоего пола. Голые человечки, окружив Нюй-ва, танцевали и радостно кричали. Затем они в одиночку и группами разбежались в разные стороны.

Удивившись и успокоившись, Нюй-ва продолжала свою работу. Из её рук на землю продолжали падать живые человечки, и она, слыша вокруг себя смех окружающих её людей, уже не чувствовала себя одинокой среди безмолвия, потому что мир был заселён её сыновьями и дочерьми. Она, желая заселить всю землю этими разумными маленькими существами, трудилась очень долго и, ещё не успев выполнить желаемого, очень устава. Под конец она взяла нечто вроде верёвки, по-видимому, это была сорванная с горного обрыва лиана, опустила её в топь и, когда та покрылась жидкой жёлтой глиной, стряхнула эту глину на землю. В местах, куда падали кусочки глины, появлялись кричащие «уа-уа», радостно прыгающие маленькие человечки.

Так она упростила свою работу - тряхнёт верёвкой, и сразу возникает много живых человечков. Вскоре на земле повсюду виднелись следы людей.

На земле появились люди, и, казалось бы, труд Нюй-ва мог этим завершиться. Однако она задумалась, что ещё можно сделать, чтобы продолжался род человеческий, - ведь люди умирали, а создавать их всякий раз заново было слишком утомительно. Поэтому она, соединив мужчин и женщин, заставила их самих продолжать свой род и возложила на них обязанности по воспитанию детей. Так стал продолжаться род человеческий, и день ото дня людей становилось всё больше и больше.

Нюй-ва установила для людей форму брака и, соединив мужчин и женщин, стала самой первой свахой. Поэтому последующие поколения почитали её как богиню сватовства и бракосочетания. Люди приносили жертвы этому божеству, церемонии были необычайно пышными: за городом в поле строили алтарь, воздвигали храм и во время праздника приносили ей в жертву свиней, быков и баранов. Из года в год во втором месяце весны юноши и девушки, собравшись вместе около кумирни, развлекались и веселились. Каждый, найдя себе по сердцу пару, мог без каких-либо обрядов свободно вступить в брак. Под открытым небом при свете звёзд и луны они сооружали шалаши, ковёр из зелёной травы служил им постелью, и никто не мог нарушать их отношений.

Это было то, что называется «соединение по воле неба». Во время этих встреч исполнялись красивые песни и танцы, посвящённые богине, и молодые люди могли веселиться, сколько хотели. Те, у кого не было сыновей, приходили к храму просить мужское потомство. Так Нюй-ва стала не только богиней бракосочетания, но и богиней, дарующей детей.

В каждом княжестве жертвоприношения этой богине совершались в разных местах, будь то в горах или лесах, как, например, в тутовом лесу - Санлинь в княжестве Сун, или на озёрах и реках, например на озере Юньмэн в княжестве Чу, и т.д., одним словом, в какой-либо красивой местности. На алтаре, обыкновенно вертикально, стоял камень, к которому люди относились с необычайным почтением. Значение этого символа не вполне ясно, но, по-видимому, он связан с популярным в древние эпохи фаллическим культом.

После того как Нюй-ва создала род человеческий и установила систему брачных

отношений между людьми, она в течение многих лет жила в полной безмятежности. Неожиданно бог воды Гун-гун и бог огня Чжу-жун неизвестно из-за чего подрались и нарушили счастливую и спокойную жизнь людей.

Гун-гун слыл на небе злым духом, у него было лицо человека и тело змеи, голова его была покрыта красными волосами, он был невежественный и злой. У него был сановник, по имени Сян-лю, самый главный его помощник, который имел девять голов с человеческими лицами и синее тело змеи, жестокий и жадный. У Гун-гуна ещё был сановник по имени Фу-ю, который также помогал ему творить зло. Как выглядел Фу-ю при жизни, мы не знаем, известно лишь, что после смерти он, превратившись в бурого медведя, прибежал в дом цзиньского князя Пин-гуна, лёг за пологом и, внимательно подсматривая оттуда, в конце концов так напугал хозяина, что тот заболел.

У Гун-гуна был еще сын, не имевший имени, который был не лучше этих помощников отца. Он умер в день зимнего солнцестояния, превратившись после смерти в злого чёрта, напускавшего на людей наваждения. Этот чёрт ничего не боялся, кроме красных бобов. Умные люди знали это и, чтобы избежать его наваждений, каждый год в день зимнего солнцестояния варили из них похлёбку. Завидев эту еду, он немедленно убежал.

Из всего окружения Гун-гуна только его сын Сю был хорошим. Нрав у него был мягкий, он не имел никаких пороков, любил бродить и любоваться знаменитыми горами и реками, и везде, куда можно было добраться в повозке, на лодке и пешком, были следы его беззаботных и весёлых путешествий.

Люди с благодарностью относились к нему и после его смерти почитали его как бога путешествий. В древние времена люди всякий раз, отправляясь в путь, прежде всего приносили ему жертву, называя его Цзу-дао или Цзу-цзянь, выставляли вино и угощение, чтобы испросить у него безопасности и благополучного пути уезжающему. Во время борьбы Гун-гуна и Чжу-жуна Сю, надо полагать, находился в дальнем странствии и не принимал в ней участия. Но и без него силы у Гун-гуна были очень велики, так как вместе с ним бились девятиглавый Сян-лю с телом змеи и превратившийся после смерти в медведя Фу-ю, а также тот самый сын-чёрт, который боялся красных бобов. Однако в древних книгах имеются лишь краткие записи об этом событии и неизвестны подробности битвы, поэтому нам остается опустить её. Известно лишь, что эта битва была чрезвычайно жестокой и с неба она перешла на землю. Стихии воды и огня по сущности своей несовместимы, поэтому нет ничего удивительного в том, что Гун-гун, как говорится в одной из легенд, - сын Чжу-жуна, обычно восседавшего на колеснице из облаков, запряжённой двумя драконами, в конце концов встретился в бою со своим отцом - духом огня.

Гун-гун и его помощники сели на большой плот и, поднимая огромные волны, поплыли по реке, чтобы напасть на Чжу-жуна. Все водяные существа большой реки, видимо, служили ему боевыми конями. Наконец дух огня, не сдержав своего гнева, направил на них всепожирающее пламя и изрядно опалил полководца и его воинов. В конце концов добро победило зло - дух огня, выразитель светлого начала, победил, а зловредный и воинственный дух воды, носитель мрака, потерпел поражение.

Для воинства духа воды, потерпевшего поражение, обстоятельства сложились весьма печально. Нетерпеливый Фу-ю не переводя дыхания бежал до самой реки Хуай, сын-чёрт, который боялся красных бобов, по-видимому, сразу же после поражения испустил дух, девятиглавый Сян-лю остался жив, но, исполненный стыда, бежал в северную часть гор Куньлунь и там, прячась, избегал людей. Гун-гун, видя, что из его затеи ничего не получилось, пал духом, со стыда и обиды решил покончить с собой и стал биться головой о гору Бучжоушань, что находится на западе, но остался жив. Придя в себя, он отправился к великому Юю, чтобы помешать ему усмирить потоп.

Когда он ударился головой о гору, земля и небо изменили свою первоначальную форму, и миру стало угрожать великое бедствие.

Прежде гора Бучжоушань служила опорой, подпиравшей небо, а от удара духа воды

Гун-гуна она сломалась и одна из сторон земли разрушилась, а часть небосвода отвалилась и на небе возникли большие зияющие проёмы, а на земле - чёрные и глубокие ямы.

Во время этих потрясений горы и леса охватил огромный жестокий пожар, воды, хлынувшие из-под земли, затопили сушу, и земля превратилась в сплошной океан, волны которого достигали неба. Люди не могли спастись от настигавшей их воды, а им ещё угрожала гибель от различных хищных животных и птиц, которых потоп выгнал из лесов и гор. Это был настоящий ад.

Нюй-ва, видя, как страдают её дети, очень опечалилась. Не зная, как наказать злого зачинщика, которому не суждено было умереть, она принялась за тяжёлый труд, чтобы починить небо. Работа ей предстояла большая и трудная. Но это нужно было для счастья людей, и Нюй-ва, горячо любившая своих детей, нисколько не испугалась трудностей и смело одна взялась за дело.

Прежде всего она собрала множество камней пяти различных цветов, расплавил их на огне в жидкую массу и ею заделала отверстия в небе. Посмотришь внимательно - вроде бы есть некоторая разница в расцветке неба, однако издали оно кажется таким же, как и раньше.

Для того чтобы впредь не опасаться обвала, Нюй-ва убила огромную черепаху, отрубила у неё четыре ноги, поставила их вертикально с четырёх сторон земли, как подпорки, которые поддерживали бы небо наподобие шатра. Эти подпорки были очень прочными, и поэтому можно было не бояться, что небо вновь обвалится. Позднее она поймала на Центральной равнине чёрного дракона, долгое время творившего зло, и убила его. Она изгнала злых и хищных зверей и птиц, чтобы они не пугали людей. Потом она сожгла тростник, сгребла пепел в кучи и преградила дорогу потопу. Великая Нюй-ва избавила от бедствий своих детей и спасла их от гибели.

6. Большой краб и рыба-холм. Пять священных гор в Гуйсюй. Бог моря и ветра Юй-цян. Смех великанов из страны Лун-бо. Предание о горах бессмертных. «Золотой век» древности. Губные органчики и тростниковые шэны. Лунные пляски. Десять полубогов из Лигуана. Пюй-ва уходит на покой.

Хотя Нюй-ва и хорошо починила небосвод, но не смогла сделать его таким, как прежде. Рассказывают, что северо-западная часть небосвода немного перекосилась, поэтому солнце, луна и звёзды стали в своём движении клониться в сторону этой части неба и заходить на западе. На юго-востоке земли образовалась глубокая впадина, поэтому воды всех рек устремились в её сторону, и там сосредоточены моря и океаны.

Моря и океаны легко возбуждали воображение у людей древности. Фантастические изменения очертаний облаков несущихся по небу, и бескрайние, с изменчивой окраской, огромные пространства воды люди населили удивительными, необыкновенными и прекрасными существами. Мы не будем здесь рассказывать о дворце морского царя драконов, духах-устрицах, дочерях царя драконов, черепахах-оборотнях и волшебных змеях. Лишь кратко перескажем две легенды об огромном крабе и человеке-рыбе.

Жил в море огромный краб в тысячу ли. Таких огромных крабов редко приходится видеть людям! А по другой легенде, этот краб был таким огромным, что занял бы целую телегу. Уже по своим размерам он представлял нечто удивительное, но людям этого казалось мало, и они создали такую легенду.

Некогда жил один купец. Однажды отправился он на лодке в море по своим торговым делам. Неизвестно, сколько прошло дней, когда в безбрежном море он вдруг увидел маленький островок, поросший изумрудно-зелёными деревьями. Купец удивился и велел морякам пристать к острову. Разом все выпрыгнули на берег и привязали судно. Затем они нарубили веток и разожгли костёр, чтобы сварить еду. Но не успела вода закипеть, как они почувствовали вдруг, что островок задвигался и деревья стали погружаться в воду. Перепуганные люди в смятении бросились к судну, перерубили канат и, спасая свою жизнь, поплыли прочь от тонущего островка. Присмотрелись, - а это огромный краб, которому огонь костра опалил панцирь.

Ещё интереснее легенда о человеке-рыбе. В наиболее ранней записи легенды

говорится, что человека-рыбу ещё называли линьёй, что значит рыба-холм. У неё было лицо человека, а тело рыбы, человечески руки и ноги. Она могла выходить из воды и передвигаться по суше. Поэтому-то её ещё называли сухопутной рыбой. Этот персонаж фактически то же самое, что и рыба-дракон, на котором ездила женщина-колдунья и о котором речь пойдет в главе «История стрелка И и его жены Чан-э». Этот получеловек-полурыба был очень жестоким существом, а позднейшие легенды сделали его прекрасной нимфой.

Рассказывают ещё, что в южных морях живёт человек-рыба, называемая цзяожэнь - нимфа. И хотя она живёт в море, но, как и в прежние времена, часто садится за ткацкий станок и ткёт. Глубокой и тихой ночью, когда море спокойно и нет волн, стоя на берегу при свете луны и звёзд можно услышать исходящий из глубины моря шум ткацких станков. Это ткут нимфы. У цзяожэнь, как и у людей, была душа, и они могли плакать, каждая слезинка их превращалась в жемчужину.

По другому преданию, люди-рыбы очень похожи на людей - у них такие же брови, глаза, рот, нос, руки, ноги. Все они - и мужчины и женщины - необычайно красивы, с тонкой белой кожей, напоминающей нефрит, их волосы, наподобие конских хвостов, были длиной до пяти-шести чи. Стоило им выпить немного вина, и всё их тело розовело, как цветы персика, и они становились ещё прекрасней. Если у прибрежных жителей умирала жена или муж, люди-рыбы ловили их и оставляли у себя как своих мужей и жён.

Есть ещё предание о том, как один чиновник отправился в Корею и увидел, что там на прибрежной отмели лежала женщина, на локтях которой росли красные, как пламя, волосы. По-видимому, это тоже была нимфа.

Все эти предания о рыбах-людях очень близки по содержанию к знаменитой сказке Андерсена «Русалка». Вообще таких преданий можно было бы привести много. Море всегда возбуждало в людях фантазию, и будь то в древности или теперь, в Китае или в других странах,- всюду возникало много сходных легенд.

Море народило у древних ещё одно сказание. Наблюдая, как воды рек днём и ночью беспрерывно текут в море, они задумались над тем, не угрожает ли это морю: хотя море и велико, однако разве не может оно переполниться и всё затопить? Как тогда быть? В ответ на этот трудный вопрос возник миф, согласно которому в восточной части залива Бохай, далеко-далеко от берега находится большая бездонная пропасть, называемая Гуйсюй. Воды всех рек, морей, океанов и даже небесной реки (Млечного Пути) текут в неё и поддерживают постоянный уровень воды, не повышая и не понижая его. И люди успокоились: раз есть такая бездонная пропасть, то чего же горевать?

Около Гуйсюй, согласно преданиям, было пять священных гор: Дайной, Юаньцзяо, Фанху, Инчжоу, Пэнлай.

Высота и окружность каждой из этих гор равнялась тридцати тысячам ли, расстояние между ними составляло семьдесят тысяч ли, на вершинах гор были ровные пространства в девять тысяч ли, на них высились золотые дворцы с лестницами из белого нефрита. В этих дворцах жили бессмертные. И птицы и звери там были белого цвета, повсюду росли нефритовые и жемчужные деревья. После цветения на деревьях появлялись нефритовые и жемчужные плоды, которые были хороши на вкус и тем, кто их ел, приносили бессмертие. Бессмертные, по-видимому, одевались в белые одежды, на спине у них росли маленькие крылья. Маленьких бессмертных часто можно было видеть свободно летящими в голубой лазури неба над морем подобно птицам. Они летали от горы к горе, разыскивая своих родственников и друзей. Их жизнь была весёлой и счастливой.

И лишь одно обстоятельство омрачало её. Дело в том, что эти пять священных гор плавали в море, не имея под собой твёрдой-опоры. В спокойную погоду это не имело большого значения, а когда поднимались волны, то горы перемещались в неопределённых направлениях, и для бессмертных, перелетавших с горы на гору, это создавало много неудобств: они думали быстро долететь куда-то, а путь их неожиданно удлинялся; направляясь в какое-либо место, они вдруг обнаруживали, что оно исчезло, и его приходилось искать. Это задавало работу голове и отнимало много сил. Все жители страдали

и в конце концов, посоветовавшись, отправили нескольких посланцев с жалобой к Тянь-ди - небесному правителю. Тянь-ди решил, что это-то пустяки. А вот если в одно прекрасное утро огромные волны отнесут эти плававшие без опоры горы к Северному пределу и они там утонут,- тогда бессмертные потеряют свои жилища. Вот о чём стоило подумать. И он приказал духу Северного моря Юй-цяну немедленно придумать, как помочь им.

Бог моря Юй-цян, внук Тянь-ди от первой жены, был одновременно и богом ветра. Когда он являлся в образе духа ветра, это было страшное божество с ликом человека и телом птицы, из ушей у него свисали две синие змеи, а ещё двух он топтал ногами. Стоило ему взмахнуть огромными крыльями, как поднимался страшный ураган. Ветер нёс болезни и мор; у тех, кого он настигал, появлялись язвы, и они умирали.

Когда же Юй-цян являлся в образе бога моря, он был сравнительно добрым и подобно «сухопутным рыбам» имел тело рыбы, руки, ноги и восседал на двух драконах. Почему же у него было тело рыбы? Дело в том, что первоначально он был рыбой в большом Северном море и звали её Гунь, что значит «рыба кит». Кит был огромен, нельзя даже сказать, во сколько тысяч ли. Он мог вдруг закачаться и превратиться в птицу пэн, огромного злого феникса. Он был так велик, что одна спина его простиралась неизвестно на сколько тысяч ли. Разгневавшись, он улетал, и два его чёрных крыла затмевали небо наподобие туч, простиравшихся до горизонта. Каждый год зимой, когда течения в морях меняют своё направление, он из Северного моря отправлялся в Южное, из рыбы превращался в птицу, из бога моря - в бога ветра. И когда поднимался ревущий и стонущий, леденящий и пронизывающий до костей северный ветер, это значило, что дунул превратившийся в огромную птицу Юй-цян, бог моря. Когда он превращался в птицу и вылетал из Северного моря, то одним взмахом крыльев вздымал огромные, доходившие до неба морские волны высотой в три тысячи ли. Подгоняя их ураганным ветром, он взбирался прямо на облако в девяносто тысяч ли. Полгода летело это облако на юг, и, лишь достигнув Южного моря, Юй-цян опускался, чтобы немного передохнуть.

Вот этому-то духу моря и духу ветра небесный владыка и приказал найти подходящее место для бессмертных с пяти священных гор.

Дух моря не осмелился медлить и поспешно послал в пропасть Гуйсуй пятнадцать громадных чёрных черепах, чтобы они головами поддерживали пять священных гор. Одна черепаха держала на голове гору, а две другие поддерживали её. Так в течение шестидесяти тысяч лет по очереди несли они свои обязанности. Но черепахи, державшие священные горы, выполняли эту работу очень недобросовестно. Держат они, держат, но вдруг найдёт на них что-то, и они всей компанией, ударяя лапами по воде, начинают весело приплясывать. Эта бессмысленная игра, разумеется, причиняла бессмертным некоторые беспокойства, однако по сравнению с прошлым, когда ветер и волны свободно носили их горы, это было пустяком. Бессмертные радовались безмерно и так, счастливо и спокойно, прожили несколько десятков тысяч лет. Но вот свалилось на них большое, как небо, несчастье - великан из Лунбо безжалостно напал на них.

Лунбо, страна великанов, находилась за десятки тысяч ли к северу от гор Куньлунь. Люди этой страны, по-видимому, происходили от драконов, поэтому-то их и называли «лунбо» - родственники драконов. Говорят, что среди них жил один великан, который затосковал от безделья и, взяв с собой удочку, отправился к большому океану, что за Восточным морем, ловить рыбу. Только он ступил ногами в воду, как оказался в местности, где были расположены пять священных гор. Сделал несколько шагов - и обошёл все пять гор. Забросил удочку раз, другой, третий и вытащил шесть голодных, давным-давно ничего не евших черепах. Недолго думая, взвалил он их себе на спину и побежал домой. Он содрал с них панцири, стал калить их на огне и гадать по трещинам. К несчастью, две горы - Дайюй и Юаньцзяо - потеряли опору и волны унесли их к Северному пределу, где они потонули в великом океане. Как бы мы ни старались, мы не сможем узнать, сколько бессмертных, металось взад и вперёд по небу со своим скарбом и сколько потов сошло с них.

Небесный владыка, узнав об этом, разразился могучим громом, призвал свои великие

волшебные силы и сделал так, что страна Лунбо стала совсем маленькой, а жители низкорослыми, чтобы впредь не ходили они в другие земли и не творили бы зла.

Ко времени Шэнь-нуна жители этой страны стали такими крохотными, что уж меньше и нельзя, но людям того времени они всё ещё представлялись великанами в несколько десятков чжанов.

Из пяти священных гор в Гуйсую потонули только две, а черепахи, державшие на головах другие три горы - Пэнлай, Фан-чжан (её ещё называли Фанху) и Инчжоу, стали более добросовестно выполнять свой долг после того, как их проучил великан из Лунбо. Они держали свою ношу ровно, и с этих пор не было слышно о каких-либо несчастьях.

Однако, после того как великан из Лунбо напал на эти священные горы, слава о них быстро распространилась по свету. Когда люди на земле узнали о том, что недалеко в море находится место, где возвышаются столь прекрасные и таинственные горы, все захотели побывать на них. По-видимому, случилось так, что неожиданно налетавший ветер пригонял близко к этим священным горам судёнышки рыбаков и рыбачек, ловивших рыбу вблизи берега. Жители гор приветливо встречали трудолюбивых гостей издалека. Затем, пользуясь попутным ветром, рыбаки благополучно возвращались на своих суденышках домой. И вскоре в народе стало распространяться ещё более интересное сказание об этих священных горах, а также и о том, что у жителей тех гор хранится лекарство, дающее бессмертие людям.

Эта легенда достигла в конце концов и ушей князей и императоров. Правители, богатству и могуществу которых не было предела, предававшиеся всем радостям и удовольствиям земной жизни, боялись лишь духа смерти, который мог неожиданно прийти и отобрать у них всё. Услышав, что на священных горах есть лекарство бессмертия, они затрепетали от желания добыть его и, не жалея денег и сокровищ, стали снаряжать большие корабли, снабжали их провиантом и посылали даосов в море к священным горам, стремясь во что бы то ни стало заполучить самую большую в мире драгоценность.

В период Борющихся царств (IV-III вв. до н.э.) Вэй-ван и Сюань-ван, князя государства Ци, Чжао-ван, князь государства Янь, Цинь Ши-хуан, первый циньский император, хань-ский император У-ди и другие делали такие попытки, но безуспешно. Все они умерли, как обычные люди, так и не раздобыв лекарства бессмертия и даже не увидев очертаний священных гор. Увы! Увы! Невежественные и алчные владыки!

А люди, которые возвращались после тщетных поисков эликсира бессмертия, рассказывали, что они и в самом деле видели издали эти священные горы, далеко-далеко, как плывущие по краю неба облака. Однако стоило им приблизиться, как священные горы, ослепительно сверкая, погружались в пучину, причём с корабельных мачт можно было ясно различить на них и бессмертных, и деревья, и птиц, и животных. Стоило им приблизиться ещё, как налетал неожиданный порыв морского ветра и им не оставалось ничего другого, как повернуть обратно. Так они и не могли подплыть к этим горам.

Вероятно, бессмертные не хотели принимать у себя посланцев от господ князей и императоров, а может быть, это всего-навсего прекрасный вымысел, сочиненный даосами, которые пытались достигнуть священных гор,- и только. Одним словом, это ведь лишь легенда, и ничего достоверного нам неизвестно.

Вернёмся к нашей предыдущей теме и расскажем ещё о Нюй-ва. Она потратила много сил, чтобы починить небо, выровнять землю и избавить человечество от бедствий. Люди вновь заселили землю; времена года следовали в обычной последовательности, без каких-либо нарушений: летом, как полагается, было тепло, зимой - холодно.

Рассказывают, что к этому времени часть диких зверей давно уже погибла, а те, что остались, были постепенно приручены и стали друзьями человека. Наступила для людей счастливая жизнь, без печалей и забот; стоило только захотеть - и через мгновение у человека была лошадь или бык. На обширных просторах росли съедобные растения, не нужно было заботиться о них, а есть можно было вволю. То, что не могли съесть, оставляли на краю поля, и никто этого не трогал. Если рождался ребенок, его клали в птичье гнездо, висевшее на дереве, и ветер качал гнездо как люльку. Люди могли таскать тигров и барсов за

хвосты и наступать на змей, не опасаясь укуса. По-видимому, это было время, ещё более древнее, чем «золотой век», который впоследствии рисовался в воображении людей.

Нюй-ва сама радовалась, видя, что её детям живётся хорошо. В преданиях сказано, что она ещё создала для них музыкальный инструмент шэнхуан. В сущности это был губной органчик шэн с тоненькими листочками-язычками хуан, стоило только подуть, как из него лились звуки. Он имел тринадцать трубочек, которые были вставлены в полую половину тыквы-горлянки, и по форме напоминал хвост феникса. Нюй-ва подарила его людям, и жизнь их стала ещё веселее.

Значит, великая Нюй-ва была не только богиней-творцом, но также и богиней музыки.

У народов мяо и тун в Юго-Западном Китае до сих пор играют на шэне, созданном Нюй-ва. Его называют «лушэн» («тростниковый шэн»), он отличается от древнего шэна лишь материалом, из которого его изготавливают. В древности его делали из тыквы-горлянки, а сейчас из выдолбленного дерева, да и трубочек стало меньше. Но в целом он сохраняет свои древние черты. Известно, что на лушэне у древних народностей играли во время радостных сборищ, которые так тесно связаны с чистой юношеской любовью. Каждый год во втором или третьем весеннем месяце, когда цветут персики и сливы, а небо безоблачно, ночью при ярком свете луны люди выбирали среди полей ровное место, которое называли лунной площадкой; юноши и девушки надевали праздничные одежды, собирались на этой площадке, играли на шэне весёлые и радостные мелодии, становились в круг, пели и танцевали «лунные танцы».

Иногда танцевали парами: юноша шёл впереди, играя на лушэне, а девушка следовала за ним, звеня колокольчиками. Так они кружились в танце всю ночь без устали. Если их чувства были взаимны, они могли, взявшись за руки, уйти от остальных в какое-либо укромное место. Как похожи эти танцы на пляски и песнопения юношей и девушек, которые исполнялись в древности перед храмом высшего божества бракосочетания! Ведь создание шэна первоначально было тесно связано с любовью и с бракосочетанием.

Закончив свою работу для человечества, Нюй-ва решила наконец отдохнуть. Этот отдых мы называем смертью, но это вовсе не бесследное исчезновение. Она, подобно Пань-гу, превратилась в различные вещи во вселенной. Так, например, в «Книге гор и морей» говорится о том, что кишки Нюй-ва превратились в десять святых, поселившихся на равнине Лигуан; их поэтому называли «Нюй-ва чжи чан» («Кишки Нюй-ва»). Если только из одних её кишок получилось десять святых, то мы можем предположить, во сколько удивительных вещей превратилось всё её тело.

По другим вариантам, великая Нюй-ва вовсе не умерла, а, только кончив трудиться для людей, села в колесницу грома, вапрягла двух драконов, послала вперёд белых безрогих драконов прокладывать дорогу, а змеям велела лететь позади. Над колесницей её плыли жёлтые тучи, все духи и демоны неба и земли шумной толпой следовали за ней. На этой колеснице она поднялась прямо на девятое небо, прошла сквозь небесные ворота и, представ перед небесным императором, рассказала о том, что она сделала. После этого она тихо и спокойно жила в небесном дворце, подобно отшельнику, ушедшему от мира, не кичилась своими заслугами и не ослеплялась славой. Все свои заслуги и славу приписала она великой природе, считая, что все свои деяния она совершила, только следуя влечению естества, и что для людей она сделала так мало, что не стоит об этом и говорить. Люди из поколения в поколение вспоминали с благодарностью эту великую мать людей, любвеобильную и добрую Нюй-ва, слава о заслугах которой «дошла до девятого неба и до Жёлтого источника под землей», и она навеки осталась жить в сердцах людей.

Глава III. Как создавался мир (продолжение)

1. Бог солнца Янь-ди учит людей сеять злаки. Вклад Янь-ди в медицину и фармакологию. Потомки Янь-ди. Младшая дочь Янь-ди, преследовавшая Чи Сунь-цзы, становится бессмертной. Утренние облака и вечерний дождь на Горе

шаманов. Цзин-вэй засыпает море.

Неизвестно, сколько прошло времени после смерти Нью-ва, как появился великий Янь-ди - бог солнца. Вместе со своим правнуком, богом огня Чжу-жуном, он управлял на юге землями в двенадцать тысяч ли и был верховным правителем Юга. Рассказывают ещё, что он был братом Хуан-ди, и каждый из них ведал половиной Поднебесной. Братья были очень разными. Поэтому впоследствии между ними произошло сражение у Чжолу, которое было настолько кровопролитным, что палицы воинов, острые, как волчьи зубы, плавали в крови. В следующей главе мы расскажем, что представляла собой битва при Чжолу. А что Янь-ди и Хуан-ди - единокровные братья, об этом говорится и в других сочинениях.

Бог солнца Янь-ди был милосердным, и если уж говорить о его «гуманных деяниях», то он, пожалуй, сделал больше, чем Хуан-ди. Когда он появился на земле, людей было уже много, а пищи, доставляемой природой, не хватало. Милосердный Янь-ди научил людей сеять хлеба, собственным трудом добывать средства к жизни. В те времена люди трудились сообща, помогая друг другу, не было ни рабов, ни хозяев, урожай делили поровну, и люди относились друг к другу, как братья и сёстры. Чтобы хлеба росли, Янь-ди заставил солнце давать достаточно света и тепла, и с этих пор люди уже не беспокоились об одежде и пище. Все с благодарностью вспоминали его заслуги и почтительно называли Шэнь-нуном - богом земледелия. По преданию, у него была голова быка и туловище человека. Это, вероятно, означало его особые заслуги в земледелии: подобно быкам, он в течение тысячелетий помогал людям пахать землю.

Рассказывают, что в той местности, где появился на свет бог солнца и земледелия Янь-ди, сразу же, без вмешательства людей, сами по себе, забили девять колодцев, сообщавшихся между собой. Если зачерпнуть воды из одного, то в восьми других вода колебалась. Говорят также, когда он захотел научить людей сеять хлеба, с неба упало множество зёрен. Он собрал их и посеял на вспаханном поле. Из них выросли хлеба, которые люди употребляли в пищу.

Об этом есть ещё более красивое предание: в те времена в небе пролетела красная птица, держа в клюве девять колосьев. Зёрна упали на землю, а Янь-ди собрал их, посеял и вырастил высокие и сильные хлеба. Они не только спасли людей от голода, но и были вечнорастущими.

Каковы бы ни были эти предания, все они говорят о том, что люди во времена Шэнь-нуна уже научились сеять злаки.

Янь-ди был не только покровителем земледелия. Он был и богом-исцелителем, потому что солнце - источник силы. Предание гласит о том, что Янь-ди пользовался волшебной «красной плетью», чтобы определять целебные травы. Ударит красной плетью и видит, ядовитые это травы или нет, помогают они против лихорадки или жара. Свойства трав обнаруживались сами собой, и так он лечил людские недуги. Другое предание говорит, что он сам пробовал различные целебные травы, чтобы определить их свойства, и в день отравлялся семьдесят раз. Ещё одно народное предание гласит, что Шэнь-нун перепробовал множество трав, и в конце концов, когда попробовал траву, вызывающую сильное отравление кишечника, он умер, пожертвовав жизнью для блага людей. До сих пор в народе относятся с опаской к ползучему растению с маленькими жёлтыми цветами, вьющемуся по стенам и изгородям. Говорят, что яд этой травы настолько силен, что от него умер даже Шэнь-нун.

О том, как Шэнь-нун пробовал лекарства, говорится в «Сказании о сотворении мира» Чжоу Ю: «Рассказывают, будто у Шэнь-нуна тело было из прозрачного нефрита и можно было видеть все его внутренности; и это правда. Как иначе удалось бы избавить его от опасности, когда он пробовал по двенадцати ядов в день? Но вот рассказывают, будто Янь-ди пробовал лекарства и спасался от всех ядов, когда же проглотил сороконожку, каждая её нога превратилась в червяка, те тоже начали размножаться, и Янь-ди, не сумев побороть их, умер... Это явная нелепость, ложная версия!»

Этот несколько взбалмошный автор смешон: из двух одинаковых народных преданий одному он почему-то верит, другому - нет. Все же спасибо ему за то, что он довольно точно записал сказание о Шэнь-нуне, бытовавшее в народе свыше трех столетий назад.

Люди не забыли, что бог Янь-ди отдал жизнь на благо народа. Поэтому до нас дошли оба предания о том, как он определял лекарства плетью и на вкус.

Говорят, в Шэньфугане, что в г. Тайюань провинции Шаньси, ещё сохранился сосуд, из которого Шэнь-нун пробовал лекарства, а в горах Чэньяншань можно найти места, где Шэнь-нун плетью определял свойства лекарств. Эти горы называются также Шэнь-нунюань - Источник Шэнь-нуна, или Яоцаошань - Горы целебных трав.

Бог солнца Янь-ди видел, что у людей достаточно одежды и пищи, но жизнь их всё ещё трудна. Поэтому он создал для народа рынки, где люди выменивали вещи, в которых нуждались. Тогда ещё не было часов и не было никакого другого способа определять время, поэтому невозможно было установить время. Предназначенное для обмена. Не могли же люди, бросив трудиться, весь день проводить на рынке! Янь-ди научил их счёту времени, установив исходной точкой самого себя, или, точнее, подчинённое ему солнце. Когда солнце достигало зенита, на рынке начиналась торговля. Проходило некоторое время, и люди расходились. Вскоре они убедились, что такой счёт времени точен и прост, и очень обрадовались.

Сейчас существует не много мифов о самом боге солнца Янь-ди. Сохранилось лишь только то незначительное, что было рассказано выше, с некоторым добавлением исторических элементов. Напротив, о его потомках и в особенности о его дочерях имеются интересные сказания.

Рассказывают, что у него был внук по имени Бо-лин. Он вступил в любовную связь с прекраснейшей женщиной на свете - А-нью-юань-фу - женой У Цюаня. Она была беременна три года и родила трёх сыновей: Гу, Яня и Шу. Шу сделал мишень для стрельбы из лука, Гу и Янь смастерили чжун - колокол и создали различные песенные мелодии. Мы не знаем, как выглядели Янь и Шу, а про Гу говорят, что у него была заострённая голова и нос, смотрящий в небо.

Ещё упоминают о стране Ху, где все жители походили на человека-рыбу, описанную нами во второй главе. Лицо у них было человечесьё, а туловище рыбье. У них были только руки и не было ног, а нижняя часть туловища напоминала рыбий хвост. Они могли передвигаться на облаках, управлять дождём, свободно подниматься на небо и спускаться на землю. Говорят, это были прямые потомки Янь-ди.

Знаменитыми потомками Янь-ди наряду с упомянутым выше богом огня Чжу-жуном были также бог воды Гун-гун, бог земли Хоу-ту, бог, создавший двенадцатилетний животный цикл, Е-мин и другие.

По одному тому, что у Янь-ди - бога солнца - было столько славных потомков, можно судить о величии его.

Предание гласит, что у Янь-ди было три дочери, судьбы их были совершенно различными.

У одной из дочерей не было имени, и называли её просто «младшая дочь Янь-ди». Но в легендах говорится, что и другие его дочери также назывались «младшие дочери» - шао-ньюй, или цзи-ньюй. Вообще неясно, которая из дочерей была старше, которая младше. По всей вероятности, шао-ньюй было общим названием молодой девушки и необязательно указывало на младшую из дочерей. Как бы там ни было, интересно то, что в предании рассказывается, как безымянная дочь Янь-ди, последовав за знаменитым бессмертным древности, удалилась от мира.

Этот бессмертный по имени Чисун-цзы во времена Янь-ди управлял дождями. Чтобы закалить своё тело, он часто принимал драгоценное лекарство шуйюй - водяной нефрит, т.е. горный хрусталь.

Долго закалял себя Чисун-цзы, и наконец он мог уже прыгать в большой огонь и жечь самого себя. В бушующем пламени его тело то поднималось вверх вместе с дымом, то

опускалось, и в конце концов плоть его превратилась в кость, и он стал бессмертным. Потом он отправился в горы Куньлунь и поселился в каменном доме, в котором некогда жила Си-ван-му. Всякий раз при приближении дождя и ветра его необычайно лёгкое тело возносилось над обрывистыми краями высоких гор, носилось взад и вперёд по ветру. Безымянная младшая дочь Янь-ди завидовала ему и отправилась вслед за Чисун-цзы. Впоследствии, вероятно, закалив себя тем же способом, она, как и Чисун-цзы, стала бессмертной и вместе с ним ушла в отдалённые края.

Другая дочь Янь-ди по имени Яо-цзи умерла, едва достигнув совершеннолетия, ещё не успев выйти замуж. Душа этой полной горячих чувств девушки улетела в горы Гуяо и превратилась в драгоценное растение с необычайно густой и пышной листвой, а когда на нём опадали жёлтые цветы, то появлялись плоды, похожие на плоды повилики, и тот, кто съедал их, был любим.

Бог, скорбя о ранней смерти Яо-цзи, назначил её богиней облаков и дождя в горах Ушань. По утрам она превращалась в красивое утреннее облако, которое свободно и беззаботно блуждало между горными хребтами и ущельями. Когда наступали сумерки, она становилась порывистым вечерним дождём, изливая свою печаль горам и рекам. В конце периода Борющихся царств, когда чуский князь Хуай-ван, путешествуя по Юньмэн, остановился в башне Гаотан, эта бессмертная, полная горячего порыва, среди бела дня прибежала в башню и излила свою любовь спавшему полуденным сном Хуай-вану. Хуай-ван, проснувшись, вспомнил свой странный и печальный сон и построил в честь Яо-цзи храм вблизи Гаотана, назвав его Чжао-юнь - Утреннее облако.

Во время царствования чуского Сян-вана придворный поэт Сун Юй, по преданию, увидел такой же сон и по поводу этих двух странных снов написал две оды. Одну из них он назвал «Гаотан», другую - «Фея».

Этот миф в последующие века дал начало сказанию том, как фея Яо-цзи помогала великому Юю усмирять потоп. Даос Ду Гуан-тин (850-933 гг.) в книге «Записки о бессмертных из Юнчэна» (Юнчэн цзи сянь лу) пишет об этом так.

Госпожа Юнь-хуа по имени Яо-цзи, двадцать третья дочь Ван-му, постигла даосское искусство управлять ветром, совершенствовать дух и летать, превращаясь в иные существа. Однажды, возвращаясь с Восточного моря, она пролетала над рекой. Перед ней открылась Гора шаманов - Ушань с её вздымающимися пиками, укромными лесистыми ущельями, похожими на алтари огромными камнями. Долго не могла она оторваться от этого зрелища. Как раз в это время под горой остановился великий Юй. Вдруг налетел неудержимый ветер, затряслись скалы, осыпались склоны ущелий. Тогда Юй приблизился к госпоже и с поклоном попросил у неё помощи. Она повелела служанке передать Юю письма, с помощью которых он мог бы призывать бесов и духов. Она приказала также своим духам Куан-чжану, Юй-юю, Хуан-мо, Да-и, Гэн-чэню и Тун-люю помочь Юю дробить камни, отводить воды, убирать запруды и расширять теснины, чтобы проложить новые русла рек. Юй откланялся, благодарный.

Впоследствии Юй хотел навестить её на вершине утеса, но она в мгновение ока превратилась в камень. Она то плавно улетала и рассыпалась тучами, то легко останавливалась и изливалась вечерним дождём; обращалась то в скользящего дракона, то в парящего аиста, словом, принимала тысячи видов и форм. Юю подумалось, что она не настоящий небожитель, а хитрый оборотень. Он сказал об этом Тун-люю, тот ответил: «Госпожа Юнь-хуа - дочь Цзинь-му (Ван-му). Она не обычной смертной природы, а порождение благородного духа. Среди людей она человек, среди вещей становится вещью. Что для неё эти тучи и дожди, драконы и аисты, летящие лебеди и возносящиеся фениксы!» Юй согласился с этим. Когда он вновь пошёл к ней, он вдруг увидел облачные терема и яшмовые террасы, целый лес нефритовых дворцов и узорных ворот. Прислуживали чудесные существа, которым он не знал даже имени; львы сторожили засовы ворот, небесные кони влекли колесницу, а ядовитые драконы и изрыгающие молнии чудища охраняли её. Госпожа спокойно восседала на яшмовой террасе. Юй отдал земной поклон и

попросил её раскрыть истинное учение. Она распорядилась, чтобы служанка Лин-жун-хуа подала ящичек из алой яшмы и достала оттуда чудесные письма. Юй с поклоном взял их и удалился. После этого с помощью Гэя-чэня и Юй-юя он отвёл воды, расчистил реки и завершил свой подвиг. (Текст дан в сокращении.)

Хотя в этом изложении мифа сильно влияние даосских легенд, всё же чувствуется его народное происхождение. Так как рассказывалось, что Юй умирал потоп возле горы Ушань, которая в древних книгах считалась обиталищем феи, люди, как это часто бывало, соединили оба эти предания.

Наконец, есть ещё одна история, рассказывающая о стойкости третьей дочери Янь-ди, по имени Нюй-ва (Следует отличать от богини Нюй-ва). Эта история по своей трогательности превосходит две предыдущие и всегда производит глубокое впечатление.

Рассказывают, что Нюй-ва отправилась однажды на прогулку по Восточному морю. К несчастью, на море разыгралась буря, и она погибла в волнах. Её душа превратилась в птицу цзинвэй, несколько напоминавшую по своему облику ворона. У неё была пёстрая голова, белый клюв, красные лапки. Она жила на севере, на горе Фацзюшань. Глубоко скорбя о том, что её молодая жизнь так безжалостно загублена морской пучиной, она постоянно приносила маленькие камешки и веточки с Западных гор и бросала их, надеясь засыпать огромное море. Подумать только, какая трогательная стойкость была у маленькой птички, стремившейся засыпать бушующее море, сбрасывая в него с небесной высоты маленькие веточки или камешки! Какое сердце не тронет образ столь безвременно погибшей девушки, кого не восхитит её наивное и непреклонное упорство! Ей действительно не стыдно называться дочерью бога солнца, и её образ, как солнце, бесконечно древен и в то же время всегда близок нам. Поэтому в стихотворении «Читаю „Книгу гор и морей"» поэта Тао Юань-мина, жившего в эпоху Цзинь, есть такие строки: «Цзинвэй в клюве носит веточки, чтобы засыпать безбрежное море». Чувства скорби и преклонения выражены в словах поэта. По преданию, эта птичка на берегу моря сочеталась браком с буревестником. Их потомки женского пола были похожи на цзинвэй, а мужского - на буревестника. И по сей день в Восточном море указывают место, где цзинвэй дала клятву не пить воду там, где когда-то утонула Нюй-ва. Поэтому её ещё называют ши-няо (ши значит "клятва") или чжи-няо (чжи - "воля"), а также юань-цин (юань - "скорбь", "обида"; няо и цин имеют одинаковое значение - "птица"), в народе же её зовут ди-нюйцяо - «птица - императорская дочь».

2. Миф о рождении Шао-хао. Княжество интересных птиц. Цитра и гусли, выброшенные в море. Божественные обязанности Шао-хао и Хао-шоу. Правитель Чоу получает заслуженное наказание. Потомки Шао-хао. Церемония великого изгнания болезней. Цюн-ци поедает мелких гадюк.

Спустя немного времени после Янь-ди появился великий бог Хуан-ди. Мифы о Хуан-ди мы расскажем в специальной главе. А сейчас поговорим о небесном правителе Запада Шао-хао и правителе Севера - Чжуань-сюе.

Рождение Шао-хао было весьма необычным. Согласно преданию, его мать Хуан-э была бессмертной. Она жила в небесном дворце и усердно ткала полотно, частенько засиживаясь до глубокой ночи. Однажды она, устав от работы, отправилась на прогулку по Серебряной реке на деревянном плоту. Обычно она плавала вверх по течению до дерева цюнсан, что стояло на берегу Западного моря. Это было огромное тутовое дерево высотой в десять тысяч чжанов. Листья его были красные, как у клёна, ягоды - будто блестящие коричневые кристаллы, крупные и сочные. Это дерево приносило плоды всего лишь один раз в десять тысяч лет, и кто съедал его плод, мог жить значительно дольше той жизни, которая предназначалась ему природой. Хуан-э очень любила кружиться под этим тутовым деревом. В те времена жил один юноша, выделявшийся среди обычных людей и называвший себя сыном Бай-ди - Белого императора. В действительности то была звезда, которая ярко светит по утрам на востоке неба и называется Циминсин - Венерой. Он спускался с неба к воде, играл на цитре и пел песни, веселился и шутил с Хуан-э. Постепенно между ними зародилась взаимная любовь, и, развлекаясь, они забыли о возвращении домой. Юноша вскочил на

деревянный плот Хуан-э, на котором они плыла по Яньхэ, и они вдвоём приплыли к морю, освещённому луной. Они сделали мачту из ветви коричневого дерева, из ароматной травы сплели парус и прикрепили его к мачте. Вырезав из яшмы горлицу, они укрепили её на самой вершине мачты, чтобы она могла показывать направление ветра во все четыре времени года. Предание гласит, что птица-флюгер, которая впоследствии стала устанавливаться на мачтах или крышах домов, берёт своё начало от яшмовой горлицы. Так двое людей сидели бок о бок на плоту, играя на гусях, сделанных из туна. Как только она начинала петь, он вторил ей, и радость их была беспредельна. Впоследствии у Хуан-э родился сын - плод их любви - по имени Шао-хао, которого ещё называли Цюнсав-ши - Рождённый у дерева цюнсан.

Когда сын вырос, он отправился за Восточное море и основал там страну Шао-хао. Эта страна была расположена в Гуй-суюе, т.е. там, где находятся пять священных гор, о которых мы рассказали в предыдущей главе.

Страна, основанная им, не была похожа на другие. Его сановниками и чиновниками были различные птицы, можно сказать, что это было царство птиц. Среди этих чиновников были ласточки, балабаны, перепела, фазаны, которые управляли, чередуясь по временам года, а самым главным управителем был феникс. Пять других птиц вершили всеми делами в стране. Каждый раз, когда на небе собирались тучи и нужно было, чтобы пошёл дождь, голубь выгонял свою супругу из гнезда, а после дождя, когда прояснялось, он звал её обратно. Если голубь может держать в подчинении супругу, то он, безусловно, способен выполнить свой сыновний долг в отношении родителей, и поэтому государь повелел ему ведать просвещением. Орлу за его внушительный вид и строгий характер было поручено управлять войсками. Кукушка, воспитывавшая на тутовом дереве семерых птенцов, ежедневно по утрам спускалась вниз за пищей, а по вечерам поднималась вверх, - уравновешенная по характеру, она была назначена управлять строительными работами. Она должна была сама строить всем жилища и прокладывать каналы, чтобы избежать несправедливости и ссор. Сокол, внушительный и храбрый, беспристрастный и бескорыстный, ведал законами и налагал наказания. Маленькая короткохвостая птичка с пятнистой, словно вышитой шейкой, которая без отдыха воркует весь день с утра до вечера, представляла доклады трону. Было ещё пять фазанов, которые ведали плотничными работами, обработкой металлов, гончарным, кожевенным и красильным делами. Девять куропаток ведали посевами и сбором урожая. Как было интересно в этом птичьем царстве, когда птицы собирались у трона обсуждать государственные дела. Вокруг всё было пёстро от разноцветных порхающих птиц, всюду слышно было лишь сплошное разноголосое птичье щебетание.

Царь птиц Шао-хао сидел в центре тронного зала. Нам точно неизвестен его облик, в древних книгах также нет ясных описаний. Судя по его имени - чжи, вероятно, это была хищная птица наподобие сокола. Поэтому-то, став во главе своих единоплеменников, он создал на востоке птичье царство. В древних книгах говорится, что он «сделал птиц чиновниками», однако чиновниками их назвали лишь впоследствии.

В то время, когда Шао-хао правил в птичьем царстве востоке, его племянник Чжуань-суй, впоследствии ставший богом Севера и некоторое время бывший верховным владыкой Центра (речь о нём пойдет в следующем разделе), прибыл сюда, чтобы встретиться с Шао-хао и помочь ему в управлении страной. Он был талантливым юношей, однако по молодости любил игры и развлечения. Его дядя Шао-хао специально для развлечений племянника сделал музыкальные инструменты: цитру цинь и гусли сэ. Когда племянник вырос и вернулся домой, Шао-хао бросил ненужные музыкальные инструменты в огромный ров за Восточным морем. И вот что удивительно: в каждую тихую лунную ночь, когда по изумрудному морю не ходят волны, из глубины рва доносились печальные и мелодичные звуки цитры и гуслей. И прошло уже очень много лет, а люди, плававшие по морю, вдруг иногда слышали среди морских волн таинственную музыку.

Неизвестно, сколько лет прошло с тех пор, как Шао-хао создал на востоке государство, но в конце концов он вернулся на родину, на запад. В птичьем царстве он оставил сына по

имени Чжун, с лицом человека и туловищем птицы, назначив его духом дерева гоуман, подчинённого правителю Востока Фу-си; сам же, взяв с собой другого сына по имени Гай или Жу-шоу, который был духом металла и находился в его подчинении, стал правителем Запада, управляющим страной в двенадцать тысяч ли.

Обязанности отца и сына были, пожалуй, довольно лёгкими. Шао-хао, живя в горах Чанлюшань, наблюдал обычно за тем, как исчезало солнце, уходя на запад, и как его лучи отражались на востоке.

Жу-шоу, живя на горе Юшань, вблизи гор Чанлюшань, занимался почти тем же, что и его отец. После захода солнца открывался безбрежный небосвод, и красное отражение солнечных лучей охватывало полнеба. Поэтому Шао-хао называли еще Юань-шэнь - Божество круга, а Жу-шоу - Хуан-гуан, Алым блеском.

Рассказывают ещё, что у самого края земли, на берегу Западного моря, находилось огромное тутовое дерево, около которого некогда гуляла мать Шао-хао со своим любимым. На вершине этого дерева висели в ряд десять красных, как цветы лотоса, солнц. Эти солнца по очереди ходили по небу. Своим ослепительным блеском они освещали землю, очаровывая людей. Видимо, и Шао-хао с Жу-шоу, наблюдая за лучами заходящего солнца, каждый день могли любоваться прекрасным зрелищем.

Жу-шоу ведал ещё наказаниями на небе. Говорят, что во времена Вёсен и Осеней было небольшое княжество Го. Правителем его называют Чоу. Однажды ночью ему приснился странный сон. Как будто на ступеньках у западной стороны храма предков с воинственным видом стоял святой с лицом человека, когтями тигра, белой шерстью на теле, в руках он держал большой топор. Увидев его, правитель Чоу задрожал от страха и обратился в бегство. Тогда он услышал голос святого: «Стой! Небесный император приказал мне открыть твою столицу для войска государства Цзинь!» Правитель Чоу от испуга не мог сказать ни слова и лишь непрерывно отвешивал поклоны. Проснувшись, он немедленно позвал астролога по имени Инь и попросил его растолковать, предвещает этот сон беду или удачу.

Астролог Инь, подумав, сказал:

- Человек, которого вы видели во сне, несомненно Жу-шоу - дух, ведающий небесными наказаниями. Раз уж он вам приснился, будьте осторожны. Благополучие государя целиком зависит от того, как он управляет страной.

Правитель Чоу действительно очень плохо правил страной, но в душе он надеялся, что астролог Инь сочтёт его сон за доброе предзнаменование. Правдивые слова омрачили его, и он, разгневавшись, заключил астролога в тюрьму, а сам приказал собрать всех сановников и чиновников для того, чтобы те поздравили его с удивительным сном. Незадачливый правитель думал таким образом дурное предзнаменование обратить в счастливое.

Чжоу Чжи-цяо, сановник княжества, видя, что правитель так глуп, не в силах был сдерживать своих чувств и сказал одному из своих родственников:

Я давно уже слышу, как многие говорят, что княжество Го скоро погибнет, но только сейчас я убедился, что это действительно так. Посмотрите, как глуп наш правитель. Увидел какой-то странный сон, не разобравшись как следует, почему он ему приснился, перепугался и заставил людей поздравить его с этим сном, то есть, другими словами, поздравить с тем, что к нам вторгнутся войска крупного государства. Как будто, создав видимость мира, можно спастись от беды. До чего же он не разумен! Я больше не собираюсь сидеть здесь сложа руки и ждать гибели государства, уж лучше бежать отсюда подальше.

И поэтому рассудительный Чжоу Чжи-цяо, взяв с собой своих родственников, бежал в княжество Цзинь. Спустя шесть лет цзиньский Сянь-гун, выступив против княжества Юй, вторгся в княжество Го.

Так погибло княжество Го, а вслед за ним исчезло и княжество Юй .

Жу-шоу беспощадно осуществил приказ небесного владыки о наказании правителя Го. Он не стыдился того, что, будучи одним из знаменитых сыновей Шао-хао, творил дела, совершенно противоположные тому, что делал его старший брат Гоу-ман - дух дерева и дух жизни.

Среди потомков Шао-хао ещё очень много знаменитостей. Например, его сын по имени Бань изобрёл лук и стрелы; Бэй-фа был сослан на юг государства Цили в Миньюань и стал главным духом Миньюаня. На севере, за морем, находилась Страна одноглазых. Там жили люди странного вида: в середине лица у них был лишь один глаз. Согласно преданию, они также были потомками Шао-хао. Кроме того, Гао-яо, который во времена Яо помогал ему в управлении государством, Бо-и, помогавший Юю в борьбе с потопом, Тай-тай, дух воды в Фэньнуе,- все они, согласно преданиям, были потомками Шао-хао.

Пословица гласит: «Десять пальцев по длине различны». Так и среди детей и внуков Шао-хао не было похожих друг на друга. Например, Цюн-ци был самым выдающимся потомком Шао-хао. По преданию, он был свирепым животным, напоминавшим тигра. По бокам у него росли крылья, он мог летать и понимал язык людей. Часто он бросался с высоты небес вниз, чтобы схватить человека и съесть его. У него была странная манера поедать людей. Увидев дерущихся, он обычно съедал невиноватого. Услышав о каком-либо честном человеке, он откусывал ему нос, и, напротив, услышав о каком-либо очень плохом человеке, он убивал зверя и дарил его злодею. Вообще трудно было понять это странное существо.

Однако в некоторых книгах говорится, что Цюн-ци в действительности был не так уж плох. В древние времена накануне восьмого дня двенадцатого месяца по лунному календарю в императорском дворце должна была совершаться торжественная церемония изгнания злых духов - да-но. Из семей чиновников отбирали сто двадцать мальчиков в возрасте от десяти до двенадцати лет, которые должны были служить в качестве чжэньцзы. Головы им повязывали красными платками, а самих одевали в чёрные одежды. В руках они держали большие бубны и, громко ударяя в них, следовали за сановником фансянши. Сановник был наряжен грозным царём чертей, на голове у него была большая маска, четыре золотые пластинки изображали глаза, сверкавшие золотым блеском, на спину была накинута медвежья шкура. Одетый в чёрную куртку и красную юбку, он шествовал впереди, держа в правой руке копьё, а в левой - щит. За ним следовали двенадцать ряженых, волосатых, с рогами, напоминавших каких-то необыкновенных зверей. Среди них находился и Цюн-ци. В его обязанности входило вместе с другим зверем по имени Тэн-гэнь поедать насекомых и гадов, приносящих вред человеку. Так называемые насекомые и гады были очень ядовитыми. Кого тут только не было - ящерицы, пиявки, навозные жуки, золотые шелкопряды и т.д. Говорят, они были нарочно созданы для того, чтобы вредить людям. Цюн-ци и Тэн-гэнь клали различных насекомых и гадов в коробку, чтобы они поедали друг друга, и тот, кто оставался последним, считался вреднейшим для человека. Цюн-ци и Тэн-гэнь должны были уничтожить этих тварей.

Эта процессия во главе с сановниками и дворцовой прислугой, за которыми следовали дети, проходя по императорскому двору, пела особые песни, устрашавшие злых духов. Примерный их смысл таков:

Злой дух, злой дух, Не беснуйся. Нас двенадцать святых. Каждый смел, с нами не справишься! Мы не снисходительны. Одним махом уничтожим гадов, вредящих людям, Они зажарят твоё слабое тело, Отрубят ноги и руки, Разрежут на куски твоё мясо, Вырвут у тебя лёгкие, печень, желудок и кишки. Коль ты ещё не знаком с нами, Убирайся вон побыстрее! Промедлишь - тебя схватят и съедят!

Когда песни кончались, фансяши и двенадцать «зверей» начинали прыгать и плясать, и все шумно вторили им. Шествие трижды обходило двор. Затем зажигались факелы, чтобы спровадить духа болезней к главным воротам, где тысяча стражников, держа факелы, выгоняла его за ворота императорского дворца, у которых вновь пять отрядов всадников в тысячу человек принимали факелы и преследовали его до реки Лошуй и бросали факелы в реку. Считалось, что злые духи вместе с факелами погрузились в воду, и все спокойные и довольные возвращались домой. Судя по этому народному обряду, Цюн-ци, недобрый потомок Шао-хао, в действительности вовсе не был таким уж плохим, иногда он бывал даже полезен людям.

3. Чжуань-суй и Юй-цян. Чжуань-суй велит Чжуну и Ли прервать сообщение между небом и землёй. Чжуань-суй - знаток обрядов. Потомки Чжуань-суя и их духи. Тайна долголетия Пэн-цзу. Чжуань-суй велит Чжуполуну исполнять музыку. Удивительное превращение, произошедшее с Чжуань-суюем после его смерти.

Почти в одно время с Шао-хао появился великий дух Чжуань-суй - владыка Севера. Чжуань-суй был потомком Хуан-ди. В «Книге гор и морей» говорится: Лэй-цзу, жена Хуан-ди, что научила людей разводить шелковичных червей, родила Чан-и. Чан-и, видимо, совершил на небе какое-то преступление и был сослан на землю в Жошуй (в теперешней провинции Сычуань). У него родился сын Хань-лю, довольно странный с виду: шея длинная, уши маленькие, лицо человека, но со свиным рылом, тело единорога - цилиня, обе ноги срослись вместе и напоминали копыта свиньи. Он взял себе в жёны Э-нью, дочь Нао-цзы, которая родила Чжуань-суя. Обликом Чжуань-суй немного напоминал своего отца.

Когда Шао-хао создал на востоке, за морем, птичье царство, юный Чжуань-суй однажды от нечего делать пришёл туда и остался помогать дяде управлять государством. Когда он вырос, вернулся в Срединное царство и стал небесным владыкой Севера. Ему подвластен был Юй-цян, дух моря и ветра, о котором мы упоминали в первой главе. Юй-цян, он же Юань-мин, приходился дядей Чжуань-сую, но он нисколько не роптал, что был в подчинении у талантливого племянника. Дядя и племянник совместно управляли на севере заснеженной и холодной пустыней в двенадцать тысяч ли.

Хуан-ди - владыка Центра - был высочайшим правителем в царстве богов.

По-видимому, как раз в то время, когда он спокойно восседал на троне, неожиданно на него напал Чи-ю, а с ним народ мяо, но об этом речь в следующей главе. Война длилась несколько лет. В конце концов Чи-ю был убит и мир восстановлен. Однако на душе у Хуан-ди было тягостно, ему надоело выполнять обязанности верховного владыки. Обратив внимание на деловитость Чжуань-суя, он передал ему высочайший трон и власть над богами.

Чжуань-суй вступил на высочайший трон и проявил такой талант в управлении вселенной, что далеко превзошёл своего прадеда.

Он послал великих духов Чжуну и Ли перекрыть дороги, связывающие небо и землю.

Хотя небо и земля и раньше были разделены, но на небо можно было взобраться по небесным лестницам (о которых мы говорили во второй главе). Небесные лестницы, конечно, были поставлены для святых, отшельников и шаманов. Но, кроме них, на земле было много смелых и умных людей, которые благодаря своей храбрости и смекалке ухитрились взбираться по ним прямо в небесный дворец. Поэтому в период Весен и Осеней чуский князь Чжао-ван спросил сановника Гуань Шэ-фу: «Я читал в книге „Чжоушу" („История Чжоу"), что Чжун и Ли перерезали путь между небом и землёй, и для людей нет сообщения между небом и землёй, как это понять? Если бы Чжун и Ли не перерезали дорогу, то тогда разве все люди с земли могли бы подниматься на небо?». Этот непосредственный вопрос и помогает восстановить подлинный облик древних мифов. По мифическим представлениям, в те времена между небом и землёй существовал путь, и люди могли свободно передвигаться по нему. Когда им было тяжело, они могли восходить прямо на небо и излагать свои просьбы богам; боги тоже могли в любое время спускаться в мир людей развлечься. Разграничение между людьми и богами не было очень строгим.

Но, к несчастью, как говорится в некоторых книгах, на небе появился злой дух по имени Чи-ю. Пользуясь случаем, он тайно спустился на землю и стал подстрекать людей к мятежу. Вначале народ мяо, живший на юге, отказался подчиниться ему, тогда Чи-ю жестоко наказал их и принудил следовать за собой. Много, много прошло времени. Народ мяо не вынес жестокостей; ведь все видели, что того, кто делал добро, карали, а того, кто творил зло, - одаривали, и так постепенно было уничтожено доброе начало. И Чи-ю вынудил народ мяо поднять мятеж против Жёлтого императора. В этом мятеже, возглавлявшемся Чи-ю, люди были ещё более жестоки, чем прежде, наверное всё оттого, что они хотели помочь Чи-ю захватить священный трон верховного владыки. Рассказывают, что погибло много

людей. Души невинно убитых отправились к верховному правителю Хуан-ди с жалобами. Хуан-ди повелел расследовать. И в самом деле, оказалось, что злодеяния народа мяо были чудовищными. Чтобы защитить добрых людей, Хуан-ди тотчас же послал небесное воинство на землю, чтобы покарать мяо. Чи-ю был казнён, а люди мяо перебиты. Оставшиеся немногочисленные потомки уже не могли объединиться в племена. Так свершилась небесная кара верховного правителя.

Престол верховного правителя наследовал Чжуань-суй. Мятеж заставил его призадуматься, и он понял, что если не установить разграничений между богами и людьми, если они будут продолжать жить вместе, то всегда будет много зла и трудно будет избежать появления второго Чи-ю. И тогда Чжуань-суй приказал своим внукам - великому духу Чжуну и великому духу Ли - перерезать дорогу между небом и землёй, чтобы люди не могли подниматься на небо, а духи - спускаться на землю. И хотя в жертву была принесена свобода духов и людей, во вселенной был установлен порядок и спокойствие, и, по общему признанию, это было правильное решение.

С тех пор великий дух Чжун стал управлять небом, а великий дух Ли - землёй. У духа Ли, как только он прибыл на землю, появился сын по имени Е. У него было человеческое лицо, но не было рук, а на макушке росли две перевернутые ноги. Он был приставлен к небесным воротам Уцзи тяньмынь на Горе солнца и луны - Жиюэшань на крайнем западе Великой пустыни, куда уходили солнце и луна. В этих небесных воротах он помогал отцу управлять движением солнца, луны, звёзд,

Так же как и Е-мин, внук Янь-ди в седьмом поколении, он был богом времени. Таким образом, духи и люди больше не жили вместе; свет и тьма последовательно чередовались, и, как гласит предание, в мире людей и на небе наступило спокойствие.

После того как было прервано сообщение между небом и землёй, небесные духи всё ещё могли иногда спускаться на землю, но люди уже не могли больше подниматься на небо. Расстояние между людьми и богами сразу стало, очень большим. Боги сидели высоко-высоко в облаках и, принимая жертвоприношения людей, были глухи к их страданиям и бедствиям, предоставляя им самим оставаться со своими слезами и стонами.

Постепенно между людьми также появилось неравенство. Часть людей из всех сил стремилась взобраться повыше и стать правителями на земле, а большинство оставалось внизу, превратившись в рабов меньшинства. К людям пришли различные несчастья, и землю постепенно покрыла сплошная тень. Из некоторых легенд известно, что Чжуань-суй очень заботился о соблюдении ритуала. Рассказывают, что это он установил такой порядок, по которому предпочтение отдавалось мужчинам, а на долю женщин оставалось одно презрение: если женщина встречала мужчину, она должна, была уступить ему дорогу, в противном случае её тащили на перекрёсток, где шаманы под звуки колокола и каменного гонга наказывали её, изгоняя из неё злого духа. Бедная женщина, проученная таким образом, естественно становилась более настороженной и при встрече с мужчиной бежала от него, словно от чёрта. Установившие этот обычай в душе были им очень довольны, считая, что это самый подходящий способ принизить женщин.

Есть ещё предание о том, что в те времена брат и сестра поженились и стали мужем и женой. Чжуань-суй в пылу гнева сослал нарушителей обычаев в глушь гор Кунтуншань, где они, обнявшись друг с другом, умерли в глубоком ущелье от голода и жажды. Неожиданно прилетела священная птица, может быть, это был Юй-цян, дух моря и ветра. Увидев, как умерли двое влюблённых, он сжалился над ними и принёс в клюве траву бессмертия и прикрыл ею их тела. Прошло семь лет, и к ним вернулась жизнь. Тела их давно уже срослись вместе, и когда они ожили, то превратились в странного человека с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами. Их дети и внуки были похожи на родителей, и эти странные люди стали родоначальниками племени мэншуанши, то есть сросшихся.

Люди, по-видимому, не питали добрых чувств к верховному правителю, установившему чрезвычайно строгие порядки и сложные церемонии, а его непочтительные сыновья, согласно преданиям, были много хуже своего отца. Говорят, у него было три сына,

которые умерли вскоре после рождения. Один из них отправился жить в Цзяншуй, превратившись в духа лихорадки, распространявшего её по всему свету. После встречи с ним человека начинало бросать то в жар, то в холод. Другой отправился жить в Жошуй, превратившись в злого духа гор, рек, деревьев и скал. Он был похож на трёхлетнего ребёнка с красными глазами, длинными ушами и чёрно-красным телом, с прекрасными чёрными, как воронье крыло, волосами. Больше всего он любил подражать человеческому голосу и завлекать людей. Третий сын превратился в чертёнка и поселился в углу человеческого жилья. Он навлекая на людей различные болезни и пугал маленьких ребятшек в доме. Все трое вредили людям, они были теми духами эпидемий, которых, как об этом говорилось раньше, изгонял фансянши.

Обряд изгнания болезней из дворца был величественным. В народе он также обставлялся не менее торжественно. Восьмого дня двенадцатого месяца по лунному календарю крестьяне, наряженные в металлические доспехи, ударяя в маленькие поясные барабаны, под предводительством богатыря в маске дьявола изгоняли нечистую силу, приносящую людям болезни и несчастья.

У Чжуань-сюя был ещё сын по имени Тао-у, который славился своей беспримерной жестокостью. Его звали также Ао-хэнь (Заносчивый и свирепый) и Нань-сюнь (Неукротимый). Судя по его именам, можно представить себе и его отношение к людям. Этот Тао-у, как гласит предание, был поистине лютой зверь. Он был похож на тигра, причём намного превосходил его по размерам. Всё тело его обросло шерстью длиной более двух чи, лицо у него было человеческое, лапы тигра, а рыло свиное. Длина его от клыков до хвоста составляла один чжан восемь чи. Повинуясь своему дикому и хищному нраву, он совершал безрассудные поступки, и никто не мог обуздать его.

Среди детей Чжуань-сюя был ещё один, которого называли Бедный бес. В «Записках о небе» (Тяньчжун цзи), цз.4, цитируются «Записки о временах года»: «У Гао-яна (Чжуань-сюя) был сын. Он был тощ, любил носить лохмотья, питался одной кашей и умер на улице в последний день первого месяца. Люди в этот день варят кашу, выбрасывают ненужное платье и устраивают молебны на улицах; это называется „проводы Бедного беса“». Это предание показывает, насколько не нравился людям Чжуань-сюй. Не удивительно, что живший в конце ханьской эпохи поэт Цай Юн назвал его «чумным божеством». Ведь даже его помощник Юй-цян (Сюань-мин), дух Северного моря и одновременно бог ветра, тоже в сущности был демоном, насылавшим болезни.

Потомки Чжуань-сюя, подобно другим небесным императорам, расселились очень широко. Например, на Южной равнине было две страны - Цзиюйго и княжество Чжуаньсюйго, на Западной равнине находилась страна Шушиго, на севере - Шучуйго и Чжунлунго,- все они были образованы многочисленными потомками Чжуань-сюя. Кроме того, на равнинах запада существовало ещё одно племя, называвшееся сань-мяньби - трёхликие и однурукие, которые также были потомками Чжуань-сюя. Эти странные люди могли жить очень долго.

Среди потомков Чжуань-сюя был один очень известный - Пэн-цзу, праправнук Чжуань-сюя. Его отец Лу-чжун женился на дочери Гуй Фан-ши по имени Нюй-гуй. Она была беременна три года и никак не могла разродиться. Ей пришлось сделать ножом надрез под левой подмышкой. Так родились три сына, а когда вскрыли с правой стороны,- появились ещё трое, и Пэн-цзу был одним из этих детей.

Одно из преданий гласит, что некий человек по фамилии Цзянь и по имени Кэн прожил более восьмисот лет со времени Яо и Шуня вплоть до первых лет династии Чжоу. Перед смертью он ещё сетовал на то, что жизнь его была слишком коротка. Почему он прожил так долго? Несомненно, он был потомком небесного императора. Однако не все его потомки были столь долговечны. Вероятно, были и другие причины его долголетия.

Рассказывают, что к концу династии Инь Пэн-цзу уже было семьсот шестьдесят семь лет, но он не выглядел старым и немощным. Иньский князь, завидуя долголетию Пэн-цзу, послал деву узнать у него секрет. Пэн-цзу сказал:

- Способ продления жизни, конечно, есть. Однако мои познания в этом очень слабы, и я не могу раскрыть секрета долголетия. Что же касается меня самого, то, когда я ещё не появился на свет, мой отец умер и мать кормила меня до трёх лет, а затем тоже умерла, и я остался сиротой. Когда вспыхнул мятеж цюаньжунов, я отправился в Западный край и провёл там более ста лет. С молодых лет по сей день у меня умерло сорок девять жён, погибло пятьдесят четыре сына. В моей жизни было немало горя, которое сильно повлияло на мой дух. Если к этому прибавить, что и в детстве я был слаб здоровьем, да и питался не очень хорошо, - посмотрите, какой я худой, пожалуй, скоро уже покину этот мир, - что уж тут говорить о долголетию!

Пэн-цзу печально вздохнул и тотчас исчез. Прошло ещё семьдесят с лишним лет, и, говорят, кто-то видел этого «собравшегося умирать» Пэн-цзу на западной границе страны зыбучих песков медленно ехавшим на верблюде. Пэн-цзу не захотел выдать секрета своего долголетия, и люди строили всевозможные догадки. Некоторые считали, что он принимал лекарство из гриба коричневого дерева; другие видели секрет его долголетия в умении глубоко дышать. Однако это не так. Просто он умел готовить прекрасный фазаний суп. Этот суп он преподнёс небесному императору, которому тот показался очень вкусным. Он был очень доволен и пожаловал Пэн-цзу восьмьсот лет жизни. Однако честолюбивый Пэн-цзу перед смертью испытывал необычайное сожаление, считая, что он не пожил вдоволь и что его жизнь оборвалась в самом расцвете сил.

Лао-тун и Тай-цзы Чан-цин, потомки Чжуань-сюя, также получили известность. Лао-тун был сыном Чжуань-сюя. Его голос напоминал мелодичное звучание каменного гонга и колокола. Тай-цзы Чан-цин был внуком Лао-туна, который поселился за Северо-Западным морем на горе Яошань и начал сочинять прекрасные песни.

Они, несомненно, унаследовали талант от самого Чжуань-сюя, любившего музыку. Чжуань-сюй не был совершенным владыкой, однако, как любитель музыки, он обладал высокими достоинствами и был редким её ценителем.

Ещё в юности он поселился за морем на востоке и там на него произвели впечатление прекрасные песни многоголосого хора птиц. Впоследствии его дядя Шао-хао специально подарил ему для развлечения цитру цинь и гусли сэ, и он ещё больше полюбил музыку. После того как он стал верховным владыкой, он очень любил слушать чёткие и звонкие звуки ветра, напоминавшие музыкальную мелодию. Он приказал дракону, летающему в небе, создать музыкальные мелодии, подражая музыке ветров восьми сторон, под названием «Песни почитания облаков». Чтобы порадовать своего прадеда Хуан-ди, ушедшего на покой, он преподнес ему эти песни.

Усердствуя в создании песни, он назначил дракона-свинью каймана музыкальным наставником. По виду это был крокодил с короткой пастью, длиной около двух чжанов, у него было четыре ноги; спина и хвост его были покрыты твёрдой и толстой чешуей, нравом он был ленив, любил поспать, он обычно отдыхал, закрыв глаза. Если же кто-либо задевал его, то он не очень-то церемонился. Хотя он был полным профаном в музыке, тем не менее, получив приказ верховного владыки, он ловко перевернул своё огромное неуклюжее тело, распластавшись, лёг позади дворца и стал бить хвостом по своему белому и блестящему выпуклому животу: «Дун-дун, дун-дун!» Звуки были так прекрасны, что Чжуань-сюй, слушая их, был чрезвычайно доволен. Слава о животном быстро распространилась среди людей, однако были оценены не его способности к музыке. Все люди узнали, что кожа его обладает музыкальными свойствами, и поэтому, к сожалению, род его и потомки попали в большую беду: люди ловили их и снимали с них шкуру, чтобы натянуть на барабан. Чёткие и громкие звуки этих барабанов удивительно возбуждающе действовали на людей, и будь то на войне, или во время жертвоприношений, или во время веселья, люди никогда не расставались с барабанами. А этих свиней-драконов день ото дня становилось всё меньше и меньше.

Подобно другим небесным владыкам, Чжуань-сюй, как гласит предание, тоже умер, и после смерти с ним произошло удивительное превращение. Когда с севера подул сильный

ветер, подземная вода под действием ветра выступила на поверхность и залила землю. В это время змея превратилась в рыбу, и мёртвый Чжуань-сюй, воспользовавшись этим превращением, прилепился к телу рыбы и ожил. У ожившего Чжуань-сюя одна половина тела была, как у человека, а другая - как у рыбы. Это странное существо называлось юйфу (рыба-женщина). Смысл этого превращения, видимо, состоял в том, что рыба, став его женой, снова вернула его к жизни. Согласно преданию, с Хоу-цзи - предком народа чжоу - произошло такое же превращение: он воскрес в своей могиле, и одна половина его тела напоминала рыбу.

4. Начало разделения людей и богов. Удивительные птицы и странные звери приносят людям несчастья. Странные, но безвредные существа. Лекарственные растения и животные сюйсюн, цзючжун и туту. Духи и бесы гор, лесов, рек и болот. добрый небесный правитель Ди-тай. Древнее божество Тай фэн.

Мы уже говорили, что, после того как великие духи Чжуя и Ли, вызванные Чжуань-сюем, перерезали дороги, соединявшие небо и землю, духи и люди отдалились друг от друга. Постепенно и между людьми появились различия: меньшая часть людей карабкалась вверх, а большая часть, угнетаемая ими, опускалась всё ниже и ниже. Занявшие высокое положение стали как бы божествами на земле. Несмотря на то что в эти времена ещё не было шкатулки с несчастьями, подобной той, которую в качестве приданого бог дал людям, как это рассказывается в одном из древнегреческих мифов, тем не менее среда людей уже появились разнообразные несчастья. В воображении людей день ото дня рождалось всё больше и больше удивительных птиц и животных, которые приносили с собой бедствия. Горные леса и водные просторы населялись многочисленными и всесильными духами. Повседневная жизнь людей была полна горестей и страха, светлые и тёмные стороны уже переплелись воедино в этом мире.

Например, предание рассказывает о змее с шестью ногами и четырьмя крыльями, которую называли Фэйи. Как только её видели в небе, на земле тотчас начиналась страшная засуха. Или о существе, по виду напоминавшем быка, но полосатого, как тигр, по прозвищу Лин-лин. Его появление сопровождалось сильнейшим наводнением. Рассказывают ещё о звере Фэй, тоже похожем на быка, с белой головой, с одним глазом и хвостом, как у змея. Перейдёт он реку - река пересохнет, а по траве пройдёт - трава завянет. Стоило ему только появиться, как по всей Поднебесной начинался мор. Прилетала иногда и птица, похожая на журавля, сама зелёная, с красными полосами, белым клювом и одной ногой, звали её Бифан. Там, где её видели, обычно вспыхивало удивительное пламя. Появлялась и другая птица, похожая на змею, с четырьмя крыльями, шестью глазами и тремя ногами, звали её Суаньюй; куда ни прилетала, обязательно начиналось смятение. Ещё говорили о звере, напоминавшем лису, с белым хвостом и длинными ушами, и звали его Шилан; его появление сулило пятицветная птица с человеческим лицом и с длинными волосами, то это государство погибало. Легенды об удивительных птицах и животных, с которыми люди связывали все беды, существовали в каждой местности. Человеческая жизнь была тяжела, а эти птицы и животные как раз и были символом несчастий. Естественно, что были легенды и об удивительных существах, не вредящих людям, например о диком звере хуань, жившем на горе Сюньшань и похожем на барана, но без рта. Ещё удивительнее то, что его никак нельзя было убить. Или, например, необычайное существо, родившееся за Южным морем, у которого три зелёных звериных тела были от рождения сросшимися, звали его Шуан-шуан. Таким же странным существом являлся и маленький зверёк Фэйту - летающий заяц с мышиной головой, живший на севере в горах Небесного пруда. Это существо могло летать по небу, а крыльями ему служила шерсть на спине.

Кроме этих зверей и птиц, были ещё и такие, что не только не вредили, а, напротив, приносили пользу, причём большинство из них исцеляло болезни. Например, была одноглазая четырёхкрылая птица сяо с собачьим хвостом; согласно преданию, тот, кто съедал её, мог вылечиться от болей в животе. Говорят, что если съесть рыбу цзао,

напоминавшую карпа, но с двумя куриными лапами, то у больного рассасывалась опухоль. Человек становился храбрым, если носил пояс из кожи фэйто - существа, напоминавшего барана, с девятью хвостами и четырьмя глазами на спине. Мясо птицы данху, напоминавшей фазана, у которой вместо крыльев были усы по обе стороны её головы, исцеляло глаза. А сюаньгуй - вертящаяся черепаха - помогала от мозолей на ногах; стоило попробовать летающих рыб,- и человек переставал бояться грома; отведавшие мясо большой, похожей на человека обезьяны могли быстро бегать. Мясо птицы циту предохраняло от нечисти Зверей, обладавших чудодейственной силой, было много, но найти-то их было нелегко.

Птиц и зверей, мясо которых человек употреблял в пищу, было тоже немало: чжухуай и пяоэ с Северных гор, цюн-ци с Западных гор и гудяо с Южных гор, сецзюй и сицiao с Восточных гор, сицiao с Центральных гор - все они были по своему внешнему виду необычны и обладали жестоким нравом. Они издавали звуки, похожие на плач младенца, и люди, встретившись с ними, обязательно убивали их.

К растениям люди относились с любовью, потому что они приносили много пользы. Например, в горах Шашишань росли деревья дисю, у которых было по пять ветвей, раскинувшихся в разные стороны наподобие дорог; их листья были похожи на листья тополя, цвели они жёлтыми цветами и приносили чёрные плоды. По преданию, стоило съесть сваренный из их листьев и плодов суп, как человек становился спокойным и его трудно было рассердить. А в горах Чжунцюйшань росли деревья, похожие на дикие груши, с круглыми листьями и красноватыми плодами, напоминавшими огромные тыквы. Тот, кто съедал этот плод, приобретал необыкновенную силу - мог вырывать деревья и сокрушать горы.

На горах Шаосиншань росла трава ганцао с красными стеблями и белыми цветами, листья у неё были, как у подсолнечника, а плоды напоминали виноград. Глупые, отведав этой травы, становились умными. На горах Дакуйшань росла трава ландуцао, она вся была покрыта длинным пушком, цвела зелёными цветами, а плоды были белые. Люди, съевшие похлебку из этой травы, долго жили, а ещё эта трава снимала боли в животе. От нарывов помогала трава хуангуань, росшая в горах Чжушань. Растение янтао с гор Фэншань уничтожало опухоли; если поесть растение цзибо с гор Мэйшань, то можно было не опасаться холода. Отравившимся рыбой давали траву ман с горы Цзяньпань и другие. Их было так много, что всех не перечислить.

В каждой местности творились удивительные вещи: на горе Сюншань была пещера вроде медвежьей берлоги, из которой часто появлялись бессмертные. С наступлением лета медвежья пещера открывалась сама собой, а как только приходила зима - закрывалась. Если же она вдруг открывалась зимой, то на земле непременно начиналась большая война. Или, например, был некий дух Гэн-фу, о котором мы расскажем ниже. Жил он на горе Фэншань. Там была девять колоколов; каждый год, как только выпадал иней, они начинали тихонько звенеть сами собой.

Ещё рассказывают о птице ту, жившей на горе Няшутун-сюэшань, с жёлто-чёрным оперением. Или о мышке ту, которая ничем не отличалась от обычных домашних мышей, только хвост чуть-чуть покороче. Эта птица и мышь вместе выкопали на горе нору глубиной около четырёх чи, в которой они жили в полном согласии: птица выходила наружу искать пищу, а мышь в норе ведала домашним хозяйством, как будто это были любящие супруги. Когда у них родилась дочь, они вместе кормили её, и так продолжалось до тех пор, пока детёныш не стал взрослым.

Большинство духов, населявших горы, реки, леса и болота, было злыми. Люди боялись их, добрых же духов было мало. Например, таким был водяной дух Тянью, живший в Чаоянчжигу - Долине, обращённой к солнцу; на каждой из его восьми голов было лицо точь-в-точь человеческое, было у него восемь ног, десять хвостов и туловище тигра, а шкура зелёная с жёлтыми подпалинами. Горный дух То-вэй с горы Тяошань, обликом походивший

на человека, но с рогами барана и когтями тигра, часто любил прогуливаться в омутах реки Суйшуй и реки Чжаншуй; всякий раз, когда он появлялся, тело его излучало яркий блеск; ему, по-видимому, не очень-то нравилось, когда вблизи были люди. Дух Цзимэн жил на Гуаншани - Горе блеска. Это было удивительное существо с телом человека и головой дракона, которое часто погружалось в Чжаньюань, каждое его появление обязательно сопровождалось ураганом и ливнями. В горах Пинфэн жил дух Цзяочун с телом человека, у которого росли две головы, он был вождём всех жалящих насекомых, поэтому обе головы его служили гнёздами, где пчёлы могли откладывать свой мёд; при виде людей он тотчас же убегал подальше от них. Что же до духа Гэнфу, который часто бродил у Цинлинчжи-юань - Чистого омота вблизи Фэншань - Горы изобилия, излучавшего временами блеск, то государство, в котором он появлялся, погибало. В реке Яо-шуй жил безымянный дух, похожий на быка с восемью ногами, двумя головами и лошадиным хвостом. Где бы он ни появлялся, всюду начинались войны. Он только возбуждал в людях страх, но обычно не осмеливался нападать на них.

Среди всех злых духов и чертей, подобно тем, которые были заключены в шкатулке Пандоры, ещё были добрые духи Тай-фэн и маленький небесный правитель по имени Ди-тай, которые приносили людям успокоение и вдохновение. Записи в древних книгах, касающиеся истории о Ди-тай, очень отрывочны и лаконичны, и мы знаем о нём немного. Мы только можем по его некоторым поступкам заключить, что он поступал, как человек. Его деятельность распространялась лишь на весьма небольшую и узкую полоску земли на Центральной равнине, где были совсем невысокие горы. Можно сказать, что он жил по соседству с духом счастья Тай-фэном. Если попытаться быть более точным, то эта местность была где-то в пределах современной провинции Хэнань. Взгляните на гору Сююйшань, и вы увидите на ней необычайные, покрытые разноцветными узорами камни, круглые и блестящие, как яйца перепела, которые называются дитайджици («шашки Ди-тая»). Согласно преданию, эти камни использовались им для молитв и жертвоприношений духам всех стран света. Эти камни были волшебными, и когда люди приносили их домой и варили из них похлёбку, то могли не опасаться бесовского наваждения и нечистой силы. В местности, расположенной недалеко от горы Сююйшань, возвышалась Гучжуншань - Гора барабана и колокола. Рассказывают, что Ди-тай, ударяя в колокола и барабаны, зазывал духов всех стран света. В некотором отдалении от этих двух гор стояла гора Гаоцяньпань, с которой стекал прозрачный и холодный ручей Дитайджицзян - Живительная влага Ди-тая. Если человек выпивал этой студёной воды, то он мог не опасаться сердечных недугов. По деяниям Ди-тая видно, что он считался маленьким небесным правителем, милосердным и добрым, несколько напомиавшим Сюй Я-вана, который жил во времена чжоуского Му-вана; и хотя он отдалился от людей, тем не менее он заслужил большую любовь у них. Добрый дух Тай-фэн был главным духом Хэшань - Горы согласия (т.е. горы Дуншоуяншань). По виду он не отличался от людей, в нём не было ничего необычного, только сзади у него торчал тигриный хвост или, по другим версиям, воробьиный,- нам кажется, что наиболее подходящим для него был бы воробьиный хвост, что прибавило бы к его первоначальному доброму облику несколько комический оттенок. Он мог своей волшебной силой тронуть небо и землю, призвать тучи и наслать дождь. Однажды он вызвал сильнейшую бурю, из-за которой Кун Цзя, жестокий правитель династии Ся, заблудился во время охоты. Об этой истории мы поговорим позднее, сейчас я хочу лишь рассказать о нём и цзиньском Пин-гуне. Во времена Вёсен и Осеней Пин-гун и его знаменитый музыкант Ши-куан приехали к реке Куайшуй. Неожиданно они увидели кого-то, мчавшегося на колеснице, запряжённой восемью белыми конями. Приблизившись к ним, тот соскочил со своей колесницы и последовал за колесницей Пин-гуна. Пин-гун оглянулся и заметил, что у него было тело дикой кошки, а позади волочился лисий хвост. Пин-гун, перепугавшись, спросил у Ши-куана, что это за удивительное существо.

Ши-куан ответил:

- Думаю, что это бог счастья Тай-фэн с горы Шоуяншань. Посмотрите на его красное

лицо, по-видимому, он приходил к духу горы Хотайшань выпить вина, и то, что вы встретили его у реки Куайшуй, - счастливое предзнаменование: вас ждёт удача.

Из этой истории можно заключить, что добрый дух приносил людям счастье, поэтому люди хорошо относились к нему. Он любил жить на южном склоне горы Фушань, недалеко от Горы согласия. Каждый раз, когда он появлялся, его окружало яркое сияние - это был отнюдь не зловещий свет, исходивший от злого духа Гэнфу. Это должен был быть свет любви и беспредельного счастья. Это был свет надежды доброго китайского народа. Благодаря ему поскользнувшиеся люди могли вновь подняться и встать, а попавшие в затруднительное положение могли продолжать бороться за жизнь. Только, по правде говоря, этот свет неизбежно был слишком слабым, и сегодня, когда мы уже увидели яркий, осязаемый свет мечты, этот жалкий слабый блеск уже не нужен.

Глава IV. Война Жёлтого императора с Чи-ю

1. Жёлтый император и слово «хуан-ди» - император. Столица правителя в горах Куньлунь. Сад в облаках. Зрячая плоть. Огненная мышь и ткань, которую стирают в пламени. Очаровательная богиня Уло. Сян-ван находит жемчужину, потерянную Жёлтым императором. Дочь Чжэнь Мана крадёт жемчужину. Сокровище превращается в тройное жемчужное дерево.

Прежде мы уже говорили, что Хуан-ди был великим духом, появившимся в мире несколько позднее Янь-ди. Слово хуан-ди, записанное в древних книгах, соответствует хуан-тянь шан-ди (августейший верховный владыка неба). Иероглиф ди мы встречаем в «Книге песен», «Книге исторических преданий» и «Книге перемен», а также в надписях на костях и бронзовых колоколах и треножниках в значении «верховный владыка». Хуан в свою очередь является определением к ди и подчёркивает блеск и величие императора. Например, в одном стихотворении «Книги песен», в разделе «Большие оды» сказано: «Хуан - это шан-ди». В разделе «Малые оды» говорится: «был Хуан-шан-ди». В «Гимнах царства Лу» сказано: «Хуан хуан хоуди» (августейшая императрица). Все эти эпитеты подчёркивают идею необычайного величия Шан-ди. В древности правители княжеств никогда не называли себя ди - императорами. Только в чжоускую эпоху появляется титул ван (князь); начиная с Вэнь-вана, У-вана и вплоть до последнего Нань-вана, погибшего под ударами государства Цинь, все правители были ванами. В конце периода Борющихся царств многие своевольные удельные князья, не удовлетворяясь титулом вана, стали бесцеремонно называть себя ди - императорами. Правитель княжества Цинь стал императором Запада, правитель Чжао - императором Центра, а правитель Янь - императором Севера. Впоследствии Цинь Шихуан, объединив весь Китай и стараясь сделать свой титул более пышным, присвоил себе наименование хуан-ди (августейший император). Последующие поколения восприняли его, и он стал титулом земных правителей.

Прежде чем говорить о Жёлтом императоре, следует сказать о том, что он самым тесным образом был связан с горами Куньлунь.

Рассказывают, что на горах Куньлунь стоял величественный и прекрасный дворец Хуан-ди и он приходил туда развлечься. Во дворце всеми делами ведал небесный дух по имени Лу-у, очень свирепый с виду: у него было лицо человека, туловище и когтистые лапы тигра и девять хвостов. Одновременно он ещё управлял на небе пределами, опоясанными девятью стенами, и был хранителем сокровищ в парке духов. А за дворцовой утварью и одеждой присматривали красные фениксы. Хуан-ди в свободное от служебных забот время частенько с удовольствием спускался в эти места.

Если он находился в приподнятом настроении, то мог отсюда отправиться на северо-восток, к горе у реки Акаций - Хуацзяичжишань, расположенной за четырьмя ли от дворца. Здесь были знаменитые висячие сады - сюаньпу (Пинпу или Юаньпу). Это был самый большой парк Хуан-ди на земле. Он был расположен очень высоко, как будто висел в

облаках, и отсюда получил своё название. Стоило Жёлтому императору подняться немного вверх, как он тотчас оказывался в своём небесном дворце, но об этом читатель уже знает из истории императора Фу-си. Ведал этим парком небесный дух по имени Ин-чжао - конь с человеческим лицом и крыльями на полосатой, как у тигра, спине. Этот дух часто летал по небу, кружа над четырьмя морями, и громко рычал. Если оттуда смотреть на юг, то ночью видны снежные шапки Куньлунских гор, блестящие и сверкающие, и очертания прекрасного величественного дворца небесного владыки на фоне ослепительного блеска; на западе - большое озеро Цзи, окружённое со всех сторон густыми зелёными деревьями, серебристый блеск его воды сливался небом. Это было место, где обитала душа Хоу-цзи, предка народа чжоу. На севере возвышались величавые скалистые горы Чжупишань, в которых жили Хуай-гуй и Лу-лунь, над их вершинами непрерывно кружили могучие ястребы и коршуны. На востоке виднелись обрывистые зубчатые горы Хэнь-шань высотой около четырёх чжанов, там собирались духи Юцюнгуй, жившие на их склонах. Кроме того, Хэньшань был обиталищем коршунов и ястребов.

Предание рассказывает, что на этой горе жила огромная птица, по-видимому, хищная, у которой как-то родилось четверо птенцов. Когда они подросли и покрылись густым оперением, а крылья их окрепли, они собрались разлететься к четырём морям. Мать понимала, что их дом - обширные степи и небо, и, не пытаясь их удержать в своём гнезде, лишь жалобно кричала, провожая каждого из своих любимых детей, улетающих в разные стороны. Её жалобный плач сотрясал землю, как будто это "был плач многих матерей, провожавших своих любимых детей в далёкий путь. Кругом было так красиво! Прямо под висячими садами из-под земли бил родник. Вода в нём была такая чистая - ни соринки не найдёшь, и холодная - до костей пробирала. Называли его Яошуй - Яшмовые воды, он тек прямо в Яшмовый пруд - Яочи, что поблизости от гор Куньлунь. Яшмовые воды охранял безымянный небесный дух, похожий на быка, с восемью ногами, двумя головами и конским хвостом; голос его напоминал звуки горна, и там, где его видели, начиналась война.

Вершину Куньлунь окружала со всех сторон яшмовая ограда. С каждой стороны было по девять колодцев и по девять ворот, внутри - императорский дворец среди скал, окружённый пятью стенами с двенадцатью башнями. На самом высоком месте рос рисовый колос высотой четыре чжана, а в обхвате пять мер; на запад от него росли - жемчужное дерево, яшмовое дерево, жили там феникс и птица луань, головы которых обвивали змеи, а ногами они попирали других змей, с их грудей свешивались красные змеи. На восток от колоса росли дерево шатан и дерево лангань. На дереве лангань вырастала прекрасная яшма, похожая на жемчуг, необычайной ценности, которая служила пищей этим птицам. Жёлтый император специально послал трёхглавого и шестиглавого бога Ли-чжу, чтобы он поселился на дереве фучан рядом с деревом лангань и охранял его. Ли-чжу лежал на дереве, и три его головы по очереди засыпали и просыпались. Глаза его светились ярким светом и могли видеть каждую пушинку в осеннее время. Днём и ночью он зорко следил за малейшим движением около дерева лангань, и будь то человек, озарённый небесным талантом, и он не осмелился бы пальцем дотронуться до него. К югу от громадного рисового колоса росло тёмно-красное дерево, здесь жили орёл и ядовитая змея, шестиглавый дракон и невиданное чудо шижоу - «зрячая плоть». На север от него росли бирюзовое дерево, яшмовое, жемчужное, чёрного нефрита. На них зрели жемчуг и красивая яшма, а на дереве узорного нефрита рос разноцветный пятнистый нефрит. Там же росло дерево бессмертия. Вкусивший его плоды становился бессмертным. На деревьях жили фениксы и птица луань, на головах которых были щиты. А из земли бил родник с чистой и прозрачной водой, прозванный Лицюань - Сладкий источник, вокруг него росли причудливые деревья и цветы. Он славился так же, как и Яшмовый пруд Куньлуна. Расскажем теперь и о самой удивительном - шижоу.

Шижоу часто упоминается в «Книге гор и морей». Всегда, когда речь заходит о знаменитых горах и водах или о могилах известных правителей древности, рассказывается и об этом чудище. Что же это такое? Оказывается, это было живое существо, совершенно лишённое костей и конечностей, представлявшее собой только комок мяса, несколько

напоминавший печень быка, но с парой маленьких глаз. Это странное существо люди считали самой прекрасной пищей, так как, согласно преданию, его мясо нельзя было съесть до конца; съешь кусок, а на этом месте вырастает новый и шижоу приобретает прежнюю форму. Для великих предков, покоившихся в земле, оно служило вечно неистощающейся пищей, будет она - не придётся думать, чем наполнить желудок. Об этом всегда мечтали путешественники, ведь тогда не надо было бы тащить с собой столько провианта. О подобных существах мы встречаем записи и в других книгах. Так, рассказывают, что в области Юсе была корова шаогэню (шао по-китайски значит «немного», гэ — «резать», ню — «корова»). Если от неё отрезать несколько цзиней мяса, то пройдет день - и мясо снова нарастет. Всё её тело было чёрного цвета, рога тонкие и длинные - около четырёх с лишним чи. По крайней мере через каждые десять дней нужно было отрезать у неё мясо, иначе она могла умереть. По преданию, в стране юэчжи (юэчжи жили на территории современной Средней Азии) разводили также овец с особенно толстым и жирным хвостом, который весил около десяти цзиней, люди отрезали этот хвост, чтобы готовить из него пищу. И самое интересное, что через некоторое время у них вновь вырастал такой же хвост.

Сейчас мы на время оставим этих удивительных животных и вернёмся к Куньлуню. Это был действительно необычайно высокий хребет, не имевший себе равных. Горы громоздились одна над другой и напоминали крепостные стены, которых было девять. Их высота от подножия горы до вершины, как рассказывают, достигала одиннадцати тысяч ста четырнадцати шагов двух чи шести цуней. Внизу у подножия хребта протекала глубокая река Жошуй - Слабая вода. Хребет кольцом опоясывали огненные горы, на них росли деревья, которые никогда не сгорали до конца. День и ночь горели они, налетал ураган, но не мог раздуть огонь сильнее; дождь лил как из ведра, но не мог его погасить. Это мощное пламя испускало сплошной сияющий блеск, освещая стоявший на вершине гор Куньлунь необычайно величественный прекрасный дворец Хуан-ди. В этом большом пламени жила мышь величиной поболее быка, а весом в тысячу цзиней, и каждая шерстинка длиною в два чи на её шкуре была тонка, как шелковая нить. У этой мыши, жившей среди огня, тело было красное, а когда она выходила из пламени, то становилась белой, как снег. Как только она отделялась от огня, она немедленно обливалась водой и умирала, и тогда её шерсть стригли, пряли нить и ткали материю, а потом шили из неё одежду. Её никогда не надо было стирать, а если она пачкалась, то нужно было бросить её в огонь, и она становилась чистой, как новая, и люди её называли хохуань-бу - «ткань, которую стирают в огне». Во дворце на Куньлуне были огромные ворота, обращенные на восток; они назывались Кайминмэнь - Ворота рассвета, потому что они встречали лучи восходящего солнца. Перед ними находился зверь-дух по имени Кайминшоу, с таким же крупным туловищем, как у тигра, с восемью головами, каждая из которых имела человеческое лицо. Он стоял с грозным видом на скале перед воротами, охраняя этот дворец - «обитель всех духов».

Среди дворцов, посещаемых Хуан-ди, кроме этого, был ещё дворец на горе Циньяо (сейчас - в уезде Синьяньсянь провинции Хэнань). Эта гора была сравнительно невелика, и на ней, скрытый от всех, стоял дворец Жёлтого императора; управлял им дух по имени Уло. У него было человеческое лицо, тело пятнистое, как у барса, тонкая поясница, белые зубы, в уши продеты золотые серьги, а голос его был мелодичен, как звон нефритовых подвесок - «цзин-дон!» На вид он был неплох. И на память нам сразу приходит горный бес из «Девяти напевов» Цюй Юаня. Согласно «Книге гор и морей», эта местность особенно привлекала женщин, так как в её окрестностях водилась птица с зелёным туловищем, светло-красными глазами и красным хвостом, напоминавшая дикую утку; женщина, отведавшая её мяса, могла рассчитывать на рождение ребенка. Там же росла трава сюньцао с гранёным стеблем, цвела она жёлтыми цветами и приносила красные ягоды; тот, кто отведал эти ягоды, становился очень красивым. И можно предположить, что Улошэнь был очаровательной женщиной-духом, напоминавшим горного беса. В «Девяти напевах» есть несколько строчек, описывающих внешность и нрав этой красавицы. Мне кажется, что это можно отнести и к

духу Уло горы Циньяо.

В далёких горах Востока Живёт прекрасная дева, Одетая в листья смоковниц, С поясом из повилики. Очи её лукавы, Прелестна её улыбка, Ласково её сердце И красота чудесна. В запряжке - красные барсы, За нею - следуют лисы, В магнолиях - колесница, Флаг - из веток корицы. Вся в цветах ароматных И ароматных травах - Она их подарит людям, Милым её сердцу. *(Она поёт.)*

«В глухой бамбуковой чаше Живу я, не видя неба. Дорога ко мне опасна, И прихожу я поздно, И одиноко ночью Стою на горной вершине. Внизу подо мною тучи И облака клубятся, Туманы и днём и ночью,- Темно впереди и пусто. И вдруг налетает ветер, И ливень шумит во мраке... Я ради тебя осталась, Забыла домой вернуться. Кончается год. Кто знает, Останусь ли я красивой? Собрать чудесные травы Хочу я в горах Востока, Где громоздятся камни И пуэрации вьются. Я недовольна тобою, Вернуться домой забыла. Найдёшь ли ты, милый, время, Чтобы меня вспомнить?»

По другим записям, этот горный дух - богиня, насылающая иней. С таким толкованием «Книги гор и морей» не все согласны, но это объяснение появилось очень давно, и вряд ли оно было беспочвенным.

Неподалёку от Куньлуньских гор, на горе Мишань, была мягкая белая яшма, из которой фонтанчиком выбивалась наружу мягкая, как воск, белая и блестящая паста. Ею-то и питался каждый день Жёлтый император.

Остатками пасты поливали даньму - киноварное дерево, и раз в пять лет на нём распускались разноцветные благоухающие цветы, а потом созревали ароматные плоды - все разные на вкус. Хуан-ди перенёс прекрасные яшмы с горы Мишань и посадил их на солнечном склоне горы Чжуншань, и там тоже выросло много отборных, твёрдых и тонких, блестящих и, плотных, сверкающих всеми цветами прекрасных яшм. И тогда боги и бесы, земные и небесные, стали лакомиться ими.

Если людям удавалось добыть кусочек этой красивой яшмы, они вырезали из неё украшения и носили их на поясе. Говорили, что они могут защитить от наваждений и бесовских чар.

Жёлтый император любил путешествовать по Куньлуню. Однажды, когда, приехав туда с Красной реки - Чишуй, он уже возвращался обратно, по неосторожности он уронил свою самую любимую чёрную и блестящую жемчужину где-то поблизости от Красной реки. Обеспокоенный, он послал умнейшего из небесных богов по имени Чжи отыскать драгоценность. Тот обыскал всё, но не нашёл и следа жемчужины, вернулся с пустыми руками и доложил Желтому императору о неудаче. Тогда Хуан-ди послал бога Ли-чжу, что лежал на дереве фучан и стерёг яшмовое дерево лангань. Хоть и было у него три головы и шесть глаз, каждый из которых излучал удивительный свет, но и он не нашёл жемчужины. Нечего было делать Жёлтому императору, послал он тогда на поиски самого сильного из богов по имени Чи-гоу. Чи-гоу обыскал всё вокруг и, потеряв надежду, вернулся обратно - негде ему было применить свою силу в таком тонком деле. Послал Жёлтый император, наконец, бога Сян-вана, известного в царстве духов своей беспечностью и рассеянностью.

Сян-ван беззаботно полетел к берегу Красной реки, бросил беглый взгляд своими растерянными глазами - ха! - как говорится: «Один износил железные туфли, да ничего не нашёл, другой сразу добыл, не приложив сил», - чёрная, сверкающая жемчужина преспокойно лежала в густой траве. Сян-ван подобрал её, беспечно полетел обратно и вернул драгоценность Жёлтому императору.

Увидел Хуан-ди, что беспечный и рассеянный Сян-ван сразу отыскал жемчужину, и, не сдержавшись, воскликнул:

- Ай! Никто не мог отыскать, а Сян-ван отправился и тотчас нашёл. Поистине удивительно!

И Жёлтый император поручил беречь своё самое дорогое сокровище способному и

удачливому Сян-вану.

«Способный и удачливый» Сян-ван взял жемчужину, бросил её беззаботно в свой просторный рукав и каждый день, как и прежде, неторопливо летал и без дела «носился на востоке и болтался на западе». Но об этом узнала одна из дочерей Чжэнь Мэн-ши, придумала хитрость и выкрала жемчужину. Раздосадованный император учинил расследование и послал богов схватить и привести девушку. А она, испугавшись, наказания, проглотила жемчужину, прыгнула в реку Миньчуань (теперь это Миньцзян, что в провинции Сычуань) и превратилась в чудище с телом дракона и лошадиной головой, которое назвали Цисян - Удивительная внешность. С этих пор она стала богиней реки Миньчуань. Рассказывают, что когда великий Юй боролся с потоком и наводнениями и строил дамбы, то начал с реки Миньчуань и она помогла ему.

По другой версии, Жёлтый император так и не нашёл своей чёрной жемчужины, оброненной на берегу Красной реки, но зато там выросло блестящее, сверкающее дерево, немного похожее на кипарис с жемчужинами вместо листьев. По обеим сторонам от главного ствола выросло ещё по стволу, - издали как будто хвост кометы, а прозвали это дерево саньчжушу - тройное жемчужное дерево.

2. Верховные правители пяти стран света. Гу и Цип-у замышляют убить Бао-цзяна. Наказание Вэя - сановника Эр-фу. Божества Шэнь-ту и Лэй-юй. «Дух, бродящий по ночам». Зверь байцзэ, знающий все дела духов и бесов неба и земли. Потомки Жёлтого императора. Жёлтый император на горе Ситайшань собирает добрых и злых духов Поднебесной. Цзиньский князь Пин-гун слушает музыку.

Хуан-ди был не только верховным владыкой, но, как говорят, и верховным правителем Центра. У каждой страны света - Востока, Запада, Юга и Севера - также были свои верховные правители. В первой и второй главах книги мы уже кратко рассказали об этих четырёх правителях. Сейчас мы снова вернёмся к ним. Верховным владыкой Востока был Тай-хао, а его помощником - дух дерева Гоу-ман, который держал в руках циркуль, он ведал веснами. Верховным владыкой Юга был Янь-ди, а его помощником - дух огня Чжу-жун, державший в руках коромысло весов. Этот управлял летом. Верховным владыкой Запада был Шао-хао, а помогал ему дух металла Жу-шоу, державший в руках плотничий угольник и управлявший осенним временем. Владыкой Севера был Чжуань-сюй, его помощником - дух воды Сюань-мин, т.е. тот же Юй-цян, дух моря и ветра, в руках он держал гири и управлял зимами. Что же до самого Хуан-ди, то он жил в центре небесного дворца, где его помощником был бог земли Хоу-ту, который держал в руках верёвку и управлял всеми частями света. По картинам, изображающим царство богов, видно, как совершенно было управление вселенной, можно сказать, прекрасно, без единого изъяна, в точном соответствии с идеалом.

Прежде чем стать божеством Центра, Хуан-ди боролся и одержал победу над богами четырёх стран света. В утерянном сочинении автора III в. н.э. Цзян Цзи (цитируется по «Императорскому обозрению годов Тай-пин», цз. 79) говорится:

«Вначале Хуан-ди, заботясь о жизни народа, не любил войны, но боги (букв.: императоры), титуловавшиеся цветами стран света, совместно строили против него козни, так что пограничные города жили в постоянной тревоге и жители их не расставались с кольчугами. Вздохнул Хуан-ди: „Когда государь в опасности, народ неспокоен; когда властитель теряет государство и у подданных новый хозяин, причина бед заключается не в чём ином, как в попустительстве разбойникам. Ныне я поставлен править народом, но четыре разбойника противятся, то и дело собирают войска". Тогда он поднял своё войско, чтобы уничтожить четырёх богов-императоров».

Хотя этот рассказ и похож на историческую запись, на самом деле он лишь миф,

приобретший историческую окраску. Выражение «пять богов» появилось уже в периоды Вёсен и Осеней и Борющихся царств (например, в «Вёснах и Осенях Янь-цзы» и у Цюй Юаня). Под пятью императорами там, конечно, имелись в виду не императоры-люди, а верховные правители пяти стран света. Число пять отражает, очевидно, новый порядок во вселенной, установленный Хуан-ди после разгрома четырёх богов. В приведенной выше фразе Цзян Цзи «титоловавшиеся цветами стран света» из-под исторического покрова проглядывает подлинный облик мифа. Ведь все боги, включая Хуан-ди, действительно имели в своём имени тот или иной цвет: правитель Центра Хуан-ди именовался «Жёлтым», Востока Тай-хао - «Синим», южный правитель Янь-ди - «Красным», правитель Запада Шао-хао - «Белым», Чжуань-суй, правитель Севера, - «Чёрным». Во всех этих именах сказались, конечно, эстетическое восприятие древними стран света, а не какие-либо исторические факты. Так что у Цзян Цзи записано по сути дела древнее предание. В книге Сунь-цзы (ранее приписывалась Сунь У, жившему в период Вёсен и Осеней, ныне доказано, что написана Сунь Бинем в период Борющихся царств) говорится, что «именно благодаря разделению армии на четыре части Хуан-ди победил четырёх богов» (гл. «Син цзюнь»). Это наиболее раннее упоминание данного мифа. Однако, к сожалению, Сунь-цзы говорит об этом лишь в связи со своей стратегией «четырёх армий» и не приводит никаких подробностей.

Обликом Хуан-ди был весьма необычен, - по преданию, у него было четыре лица, это было очень удобно для него как для верховного правителя Центра, так как он мог одновременно наблюдать за всеми четырьмя странами света. Всякое событие, где бы оно ни происходило, не могло укрыться от его глаз, и он был самым справедливым судьей всех своевольных духов, по вине которых возникали ссоры, часто переходившие в кровопролития. Например, сын Чжу-луна, духа горы Чжуншань, с человеческим лицом и туловищем дракона по имени Гу, и другой дух, Цинь-пэй, тайно убили на юго-востоке Куньлуна духа Бао-цзяна или Цзу-цзяна. Когда об этом стало известно Хуан-ди, он страшно разгневался и немедленно направил посланца на землю, чтобы убить их в Яоюе на восточном склоне горы Чжуншань и отомстить за бедного Бао-цзяна. Однако эти два злодея не утихомирились: Цинь-пэй превратился в большую птицу-рыболова с твёрдым красным клювом и белой головой, с когтями тигра и чёрными узорами на спине, напоминавшую орла, голос её был подобен крику утреннего лебедя. Когда она появлялась, начиналась жестокая война. Гу также превратился в птицу цзюнь, напоминавшую рогатую сову с прямым, твёрдым клювом, с красными когтями и белой головой, с жёлтыми узорами на спине, кричала она почти так же, как большая птица-рыболов; в том месте, где она появлялась, наступала жестокая засуха.

Ещё можно рассказать о божестве Эр-фу со змеиным телом и человеческим лицом. У него был слуга по имени Вэй. Был он злым и подстрекал своего господина тайно убить Я-юя. Хуан-ди, узнав об этом, немедленно приказал схватить негодяя, доставить связанным на гору Шушунь на западе, надеть на его правую ногу колодку, скрутить руки, а самого привязать к большому дереву на вершине горы. Так он был наказан за преступление. По другой версии, только спустя несколько тысячелетий он был освобожден из каменной темницы людских. Что же до невинно убитого Я-юя, то Хуан-ди пожалел его и приказал перенести его останки на гору Куньлунь и велел шаманам У-пэну, У-цзи, У-яну, У-ли, У-фаню и У-сяну дать ему лекарство бессмертия, чтобы вернуть ему жизнь. В конце концов его оживили, однако он убежал, бросился в пучину реки Жошуй у подножия Куньлуна и, совершенно изменив свои нрав, превратился в удивительное существо, которое поедало людей. О нём мы ещё поговорим в главе «История стрелка И и его жены Чан-э».

Величественный и всеми почитаемый Хуан-ди был высшим правителем в царстве богов. Все подчинялись его приказаниям, считаясь с его властью. Он не только распоряжался царством богов, но и управлял царством бесов, царём которого был подчинённый ему Хоу-ту. Хуан-ди заставил двух братьев, Шэнь-ту и Юй-лэя, взять под своё покровительство бесов, бесцельно бродивших в мире людей. Эти два брата жили на горе Персиковой столицы

- Таодушань, что около Восточного моря. Здесь росло огромное персиковое дерево. Ветви его кроны отбрасывали тень на целых три тысячи ли. На верхушке этого дерева сидел золотой петух. Когда первый солнечный луч попадал на него и он слышал крик яшмового петуха, жившего на дереве фусан, он также начинал петь вместе с ним. В это время духи Шэнь-ту и Юй-лэй стояли с воинственным видом среди ветвей с северо-восточной стороны в преддверии обители бесов и наблюдали за тем, как самые различные бесы возвращались из мира людей (говорят, что они выходят только вечером и, не дожидаясь первого крика петухов, убегают обратно). Если среди бесов появлялся особенно жестокий и коварный, безрассудно обижавший добрых людей, то эти два брата с ним не церемонились и, связав его камышовой верёвкой, отправляли связанного на съедение огромному тигру, жившему на горе. Таким образом, жестокий бес, немного побродив по земле, не осмеливался совершать что-либо безрассудное. Поэтому, когда человеку исполнялось тридцать лет, его близкие вырезали из персикового дерева фигурки этих двух святых, символизировавшие духов Шэнь-ту и Юй-лэй, которые держали в руках травяную веревку. Изображения ставились по обе стороны ворот, а на самих воротах рисовали огромного тигра, который должен был охранять дом от бесовского наваждения. Иногда для упрощения на воротах рисовали этих двух братьев или же, ещё проще, писали только их имена, и говорят, что это оказывало то же действие. Так они превратились в традиционных народных духов - стражей дверей. Были ещё духи ворот, которые изображались в виде полководцев, державших в руках оружие: один именовался Цинь-цзюнь - цинский полководец, а другой Ху-шуай - главнокомандующий Ху. По преданию, танский император Тай-цзун во время болезни увидел чёрта и очень перепугался, поэтому он позвал двух полководцев Цинь Шу-бао и Ху Цзин-дэ и заставил их охранять вход в свою спальню.

Впоследствии эти два полководца стали духами дверей в аристократических домах. Они не имеют ничего общего с народными духами Шэнь-ту и Юй-лэем.

На богов дверей Шэнь-ту и Юй-лэй были несколько похожи ещё шестнадцать богов с Южной равнины. У всех у них были маленькие лица, красные плечи, руки перекручены одна с другой. Они несли ночную охрану Жёлтого императора. Они, наверное, ходили дозором и следили, не совершает ли ночью кто-либо из дьяволов и бесов дурных дел, и оберегали сладкий сон старого Жёлтого императора в одном из его дворцов. Днём они уходили на покой, а ночью появлялись вновь. Люди называли их еюшэнь - «духи, бродящие ночью». И если ночью на равнине кто-нибудь наткнулся на их цепь, то все знали, что это духи несут свою службу, и никто не удивлялся этому.

Однажды Жёлтый император отправился путешествовать к горам Хэншань, что к востоку от Куньлуня. И вдруг на берегу моря встретил духа-зверя по прозвищу Байцзэ, который был необычайно умён и умел говорить по-человечьи. Ему были ведомы все духи небесные и бесы земные. Он знал наперечёт всех оборотней (в которых превратились неприкаянные, бродячие души), живущих среди гор, лесов, озёр и рек. Он мог, не перепутав, назвать, какие оборотни, духи и чудовища живут на какой горе, какие оборотни и драконы водятся в воде, какие шутки творит нечистая сила на дорогах и что за бесы и духи-волки водятся на могилах. Жёлтому императору стало грустно и обидно, что он, правитель вселенной, не изучил всего так подробно, как Бай-цзэ. И тогда он повелел нарисовать карту, изобразить на ней всех духов, которых назвал Бай-цзэ, а сбоку сделать подписи и объяснения. Всего получилось одиннадцать тысяч пятьсот двадцать названий. С тех пор Жёлтому императору стало очень удобно управлять всеми оборотнями и бесами.

У Хуан-ди, так же как и у других небесных императоров, было множество детей и внуков. Одни стали богами, а другие сошли в мир людей и дали начало новым народам. Например, бог моря Юй-го был сыном Жёлтого императора, его сын Юй-цзин (он же Юй-цян) был тоже морским божеством. Один из них управлял Восточным морем, а другой - Северным. Украдший с неба волшебную землю, чтобы упорядочить для людей воды, великий бог Гунь был внучатым племянником Хуан-ди, Чжуань-суй - правнуком Хуан-ди, Чжун и Ли были внуками Жёлтого императора в пятом поколении, собачьи жуны, северные

ди, народ мяо и народ мао - все эти далёкие народы были потомками Хуан-ди, так что Жёлтый император был общим предком людей и богов, и это объясняет, почему он рисуется в мифах столь великим.

Великий Хуан-ди, рассказывает легенда, встретился с богами и духами Поднебесной на Великой западной горе - Ситай-шань. Он восседал на драгоценной колеснице, запряжённой слонами, шестёрка четырехлапых драконов со змеиными телами летела следом. Птица Бифан, похожая на аиста, с человеческим лицом и белым клювом, с красными пятнами на синем оперении, с одной ногой, умевшая кричать только «бифан-бифан», правила колесницей. (Всюду, где она появлялась, вспыхивал таинственный огонь.) Чи-ю со стаей волков и тигров прокладывал ему путь. Позади них повелитель дождей и хозяин ветров сметали с дороги пыль. Хозяина ветров звали Фэйлянь, у него была птичья голова с парой рогов, тело оленя со змеиным хвостом и пятнами, как у барса.

Имя повелителя дождей было Пин-хао, иногда его звали и Пин-и, он походил на шелкопряда. Вот такой маленький, а достаточно было одного его знака, чтобы небо покрылось тяжёлыми тучами и в мгновение ока полил проливной дождь, как из опрокинутого таза.

Все остальные духи и божества также следовали за колесницей Жёлтого императора. У некоторых из них были птичьи тела и драконьи головы, у других тело коня с человеческим лицом, у третьих человеке лицо, но змеиное туловище, у четвёртых тело походило на восьминогую свинью со змеиным хвостом... удивительные чудовища, и все разные. Фениксы плясали в небе, а крылатые змеи припадали к земле. Можно представить себе, какое это было величественное зрелище!

Возрадовался Жёлтый император и сочинил музыку, получившую название цинцзяо. Она была печальной, волнующей и поистине могла «тронуть небо и землю, взволновать богов и бесов».

Цзиньский князь Пин-гун, живший в период Вёсен и Осеней, очень любил музыку. Когда он устроил пир на башне Ши в честь навестившего его вэйского князя Лин-гуна, то услышал, как музыкант Ши-цзюань, сопровождавший его гостя, заиграл печальную мелодию - циншан. Она не понравилась ему, и он спросил своего музыканта Ши-куана:

- Неужели циншан действительно самая печальная музыка?
- Цинчжи ещё печальнее,- ответил музыкант.

Пин-гун приказал сыграть её. Ши-куан взял цитру и заиграл, и тотчас с юга прилетели шестнадцать пурпурных аистов, выстроились на башнях городских ворот, вытянули шеи, расправили крылья и стали петь и танцевать в такт музыке. Все гости были очень довольны, а больше всех князь Пин-гун. Он поднял кубок с вином за здоровье Ши-куана и спросил у него:

- Это и есть самая печальная мелодия?
- Всё-таки она не сравнится с цинцзяо.

Тогда князь велел Ши-куану сыграть цинцзяо. Тот объяснил, что эта музыка исполнялась, когда Жёлтый император встретился с духами и богами на горе Ситайшань, и её нельзя играть просто так - можно навлечь беду. Князь настаивал, и музыканту оставалось только подчиниться. Он снова взял цитру и заиграл. Только он тронул струны, как на северо-западе появились тучи и обложили всё небо. Ударил он второй раз - налетел страшный ветер и принёс с собой дождь, крупный, словно град. Он снёс с домов черепицу, а занавеси и полог на башне изорвал в клочья, опрокинул на пол блюда с закусками и котёл супом с пиршественного стола и даже приплюснул их. Испуганные гости разбежались в разные стороны. Пин-гун со страху забрался в угол галереи и дрожал не переставая. После этого в царстве Цзинь три года стояла страшная засуха, а сам Пин-гун тяжело заболел и слёг.- Разве можно было простым смертным слушать эту небесную музыку?

3. Различные легенды о Чи-ю. Чи-ю изгоняет Яньди и поднимает народ мяо против Жёлтого императора. Войска Чи-ю и Жёлтого императора стоят друг против друга. Жёлтый император прорывается сквозь большой туман Злые духи и демоны

боятся услышать стенания дракона. Боевые заслуги духа засухи и Ин-луна. Люди прогоняют духа засухи. Удивительный боевой барабан.

Огромным событием в эпоху Хуан-ди была война с Чи-ю. Разве это не о нём шла речь выше? Разве не он, ведя за собой стаи волков и тигров, прокладывал Хуан-ди дорогу к горе Тай-шань? Почему же он вдруг затеял войну с Хуан-ди?

Согласно моим недавним разысканиям, очень возможно, что «Чи-ю пошёл войной на Хуан-ди» («Книга гор и морей», разд. «Дахуан бэй цзин») с целью отомстить за Янь-ди. Борьба между Хуан-ди и Янь-ди - одна из самых больших войн в китайской мифологии, не меньшая по значению, чем воспетая Гомером Троянская. Так, в Гуй цзан говорится: «Некогда бог Хуан сражался с богом Янь на равнине Чжолу. Перед боем он обратился за прорицанием к гадалке Сянь, та ответила: „Поистине есть на нём вина!“» В «Вёснах и Осенях Люя»: «Оружие известно с давних пор, Хуан-ди же приходилось прибегнуть к воде и огню».- В Хуайнань-цзы: «Хуан-ди удалось схватить Янь-ди благодаря пожару». В «Добродетелях пяти божеств»: «Хуан-ди обучил медведей, леопардов, барсов и титров для битвы с Янь-ди на равнине Бань-цюань; лишь после трёх сражений смог он осуществить свои намерения». Следовательно, записи предания об этой войне появлялись со времён Борющихся царств вплоть до династий Цинь и Хань. «Новая история» сообщает даже о том, что битва Хуан-ди с Янь-ди была настолько жестокой, что «в потоках крови плыли палицы». После того как Янь-ди был разбит и отступил с войском на юг, появился «его потомок» Чи-ю (Дуньцзя кайшань ту в издании «Фрагменты из утерянных книг, собранных Юйханьшаньфан»). Чи-ю выступил под именем Янь-ди (об этом сообщает «Древнейшая история» в «Биографии Чи-ю») с тем, чтобы отомстить за него. «История Чжоу» в гл. «Чанмай» рассказывает: «Чи-ю изгнал Красного императора (он же Янь-ди), начал бой на берегу Чжолу, но оказался в безвыходном положении». Сообщение о том, что Чи-ю изгнал Янь-ди - явная ошибка, очевидно, вызванная тем, что он принял имя последнего. Куа-фу, который сражался бок о бок с Чи-ю и был позднее убит Ин-луном, был потомком Янь-ди («Книга гор и морей», разд. «Хайнэй цзин»: «Янь-ди родил Янь-цзюя, Янь-цзюй родил Цзе-бина, Цзе-бин родил Си-ци, Си-ци родил Чжу-юна, Чжу-юн родил Гун-гуна, Гун-гун родил Хоу-ту»; там же, разд. «Дахуан бэй цзин»: «Хоу-ту родил Синя, Синь родил Куа-фу»). Син-янь, который, по словам «Хайвай си цзина», «боролся с Хуан-ди из-за власти над духами и продолжал плясать, держа в руках щит и копье», даже после того, как ему отрубили голову, был приближенным Янь-ди. Гун-гун, который боролся с правнуком Хуан-ди Чжуань-сюем «из-за власти над богами и в гневе ударился о гору Бучжоу» (Хуай-нань-цзы, гл. «Тянь взнь»), также был потомком Янь-ди. Итак, все эти персонажи, связанные с Янь-ди, один за другим поднимались на борьбу с Хуан-ди или его потомками; нетрудно видеть, что они сражались не ради удовлетворения собственного честолюбия, а во имя одной общей цели - вернуть территории и власть, утраченные одной из групп богов. Очень возможно поэтому, что борьба между Чи-ю и Хуан-ди является продолжением и даже важнейшим этапом борьбы между Хуан-ди и Янь-ди. В этом смысле и следует истолковывать текст настоящего и следующего разделов.

В глазах некоторых людей Чи-ю - это злое небесное божество, в действительности же это название племени храбрых великанов.

Это племя жило на юге, и люди его считались потомками императора Янь-ди. В древних книгах говорится: «У Чи-ю было восемьдесят один или семьдесят два брата, каждый из них был страшен и необычен, имел медную голову, железный лоб, звериное тело, коровьи копыта, четыре глаза и шесть рук, умел говорить по-человечьи», рассказывают также, что на голове у Чи-ю рос крепкий и острый рог, а когда волосы за ушами вставали торчком, они напоминали мечи и трезубцы, некоторые считают, что у Чи-ю было восемь рук и восемь ног,- всюду говорится по-разному. В общем можно сказать, что Чи-ю относился к необычному племени, стоявшему где-то между богами и людьми, которые, судя по легендам, ближе всего к волам, но можно поверить и тому, что это потомки Янь-ди с человеческим телом и головой вола.

Удивителен не только внешний вид Чи-ю, ещё удивительнее то, чем он питался. Его обычной пищей были песок, камни и куски железа. Он был искусен в изготовлении различного оружия: остроконечных копий, прочных и острых трезубцев, гигантских топоров, крепких щитов, легких луков и стрел. Все это он делал своими руками. Кроме того, он был наделён божественной силой, намного превосходившей силы людей, и об этом стоит сказать сразу. По-видимому, обладая исключительными способностями и большой выносливостью, он не мог оставаться смиренным и сдержанным, и у него зародилась дерзкая мысль отобрать престол у пользующегося уважением верховного императора и самому сесть на престол. Когда Жёлтый император собрал на горе Ситайшань добрых и злых духов Поднебесной, Чи-ю тоже явился, чтобы проявить покорность, но как знать, не было ли у него мысли выявить силы противника. Он поглядел, вернулся, прикинул разок и подумал, что хотя у Хуан-ди и немало сил, но ведь дело не в том, чтоб собрать больше. А если в самом деле взяться за оружие, то ещё неизвестно, кто победит.

Перед тем как начать борьбу за престол Хуан-ди, он решил сперва отобрать престол своего предка Янь-ди, укрепить своё могущество, а там видно будет. И действительно, он поднял своих братьев, у которых давно уже чесались руки, и, ведя за собой толпы призраков и злых духов гор, рек, деревьев и скал, внезапно напал на старого бога. Бог солнца Янь-ди обладал божественной силой и имел под руками военачальника-бога, но, во-первых, он не был готов к отпору - ведь Чи-ю напал так внезапно и нагло, а во-вторых, гуманный Янь-ди боялся, что война принесет людям беду, и поэтому уступил Юг Чи-ю и бежал на север в Чжолу. Так легко, без труда, южный престол оказался в руках Чи-ю. Завладев им, Чи-ю, будучи потомком Янь-ди, «исправляя имена и говоря о покорности», сам именовал себя Янь-ди. Замыслы этого самозванного Янь-ди были велики и обширны, он не успокоился на ничтожном положении правителя одной части неба, его конечной целью по-прежнему было отобрать престол главного верховного владыки - Жёлтого императора. Мы уже говорили выше, что живший на юге народ мяо был потомком Жёлтого императора и славился своей храбростью, и Чи-ю, чтобы пополнить свои войска и привести в исполнение свои рискованные планы, как раз и остановился на этом народе. Всяческими способами подстрекал он народ мяо пойти вместе с ним против Жёлтого императора и в конце концов добился того, что этот отважный, искусный в войне народ пошёл за ним.

Понимая, что время благоприятствует ему, Чи-ю повёл своё войско: медноголовых и железноголовых братьев, храбрый и воинственный народ мяо, злых духов гор, рек, деревьев и скал и всякую нечисть, и, сокрушая всё на своем пути, подошёл к знаменитому древнему полю брани - Чжолу (в современном уезде Чжолу провинции Хэбэй).

А бежавший туда Янь-ди, видя, что Чи-ю с юга пришёл воевать на север, вынужден был собрать своё войско и сразиться с ним в Чжолу. Но Янь-ди не мог противостоять силе Чи-ю и послал гонца к Жёлтому императору с просьбой о помощи. Хуан-ди жил в это время безмятежно во дворцах и садах Куньлуня. Вдруг он услышал, что Чи-ю двинул большое войско и напал на Чжолу, куда бежал его брат Янь-ди. Чжолу было подвластно Жёлтому императору, поэтому всем стало ясно, что Чи-ю хочет отвоевать у верховного владыки его трон. Можно себе представить, как испугался и разгневался Жёлтый император. В древних книгах говорится: «Сперва речами о гуманности и долге он пытался урезонить Чи-ю, но упрямый Чи-ю не поддавался на это, и ему ничего не оставалось делать, как начать с ним войну».

Не было другой войны, равной этой по жестокости. В войске Чи-ю, как мы уже говорили выше, было около восьмидесяти его медноголовых братьев с железными лбами, народ мяо, злые духи рек, гор, деревьев и скал и прочие оборотни и черти. В войске Жёлтого императора, кроме богов и злых духов всех четырёх сторон, были всякие звери: простые медведи и бледно-жёлтые с головой, похожей на лошадиную, сычуаньские медведи, барсы, хищные звери сю, похожие на леопардов, ягуары и тигры; возможно, что на его стороне были и некоторые народы на земле. Действительно, собрались, что называется, достойные противники, никто не думал уступать другому. А так как Чи-ю назвался именем Янь-ди, то

некоторые люди считали, что идёт война не между Жёлтым императором и Чи-ю, а между Хуан-ди и Янь-ди. Получилась сплошная путаница.

Когда началась битва, то стало ясно, что преимущество на стороне Чи-ю. Правда, у Хуан-ди была огромная армия диких зверей, которая стремительно напала на неприятельские позиции, на его стороне были добрые и злые духи всех четырёх сторон и некоторые народы, но он не мог быть настоящим противником Чи-ю, и его войско потерпело подряд несколько поражений. Обстановка стала довольно сложной.

Однажды, когда враги сошлись в поле в жестокой схватке, Чи-ю, окружив войско Хуан-ди, каким-то неизвестным колдовством напустил такой густой туман на небо и землю, что нельзя было разобрать, где север, где юг, где восток, где запад. В этом безбрежном белом тумане медноголовые и железнолобые воины Чи-ю и он сам с рогом на голове выглядели ещё более страшными. Они то возникали из тумана, то исчезали, то появлялись, то словно тонули; натываясь на людей - рубили их, а тех, кого видели, - убивали насмерть. В войске Хуан-ди жалобно ржали кони, кричали люди, попрятались тигры и бежали волки.

- Вперёд! На врага! - громко закричал Жёлтый император, стоя на боевой колеснице и воинственно размахивая мечом.

- Вперёд! На врага! - вторили ему добрые и злые духи всех четырёх сторон, и крики их сливались в единый мощный клич.

Рычали тигры и медведи, все хотели поскорее вырваться из окружения страшного, опасного тумана.

Вперёд! Вперёд! Однако они бились очень долго, кидаясь то туда, то сюда, но по-прежнему оставались в плену безбрежного белого тумана.

Добрые и злые духи четырёх сторон не могли ничего поделать, не знал выхода и Хуан-ди; это был словно не туман, а огромное покрывало из белого полотна, накрывшее и небо, и всю землю.

Как раз когда Жёлтый император в унынии хмурил брови, один из его сановников по имени Фэн-хоу, маленький, необычайно умный старик, сидел на боевой колеснице, слегка прикрыв глаза, и, казалось, дремал. Когда Хуан-ди спросил у него, почему он спокойно дремлет в самое напряжённое время битвы, Фэн-хоу вдруг открыл глаза и чётко произнёс:

- Разве я сплю? - Я придумываю выход!

И действительно, этот маленький старик думал, как вырваться из тумана. Почему ковш Большой Медведицы всегда показывает на север независимо от времени и всяких изменений? Вот если бы изобрести такую штуку, чтобы куда бы ты ни повернулся, на восток или на запад, она всегда указывала бы одно направление. А раз будет известно одно направление, то можно будет определить и остальные три, - разве это не будет решением? Думал он, думал - и вдруг придумал замечательный выход. Он напряг все свои необыкновенные силы и способности и смастерил «колесницу, указывающую на юг». Впереди на колеснице стоял маленький железный человечек с рукой, протянутой как раз на юг. Благодаря этому Жёлтый император и смог вывести свои войска из сплошного тумана.

Как мы уже рассказывали выше, в войске Чи-ю были призраки, а злые духи гор, рек, деревьев и скал и всякие оборотни и черти - вся эта нечисть могла издавать удивительные звуки, завораживавшие людей. Слыша эти звуки, люди становились беспомощными и глупыми, теряли разум, шли туда, куда манили их эти звуки, и становились жертвой оборотней и злых духов. Духов можно было разделить примерно на три вида: призраки чимэй с человеческим лицом, звериным телом и четырьмя ногами; духи шэньхуэй - также с человеческим лицом, звериным телом, но только с одной рукой и одной ногой, испускающие звуки, подобные зевоте; ещё одни - злые духи гор, рек, деревьев и скал - напоминали трёхлетних детей с красно-чёрным телом, длинными ушами, красными глазами, чёрными, как воронье крыло, блестящими длинными волосами: они любили, подражая человеческой речи, заманивать людей. Все три вида злых духов были вредными, и войска Хуан-ди проплутали из-за них так долго, что это пагубно отразилось на ходе битвы. Только потом

Жёлтый император откуда-то узнал, что хотя все эти призраки и злые духи и любят заманивать людей удивительными звуками, но сами они больше всего боятся рёва дракона. Тогда он приказал воинам взять сигнальные бычьи и бараньи рога и дуть в них так, чтобы раздались звуки, напоминающие рёв дракона. Звуки эхом пронесли над полем, тут оборотни и черти из войска Чи-ю задрожали, похолодели, словно опьянели или их одурманили, и не могли уже проявлять своё волшебство и чары. Войска Хуан-ди ринулись вперёд и одержали крохотную победу.

У Хуан-ди и в самом деле был волшебный дракон по имени Ин-лун, у которого от рождения были два крыла и который жил на южном склоне горы Сюнлитуцюшань и был искусен в управлении водами и дождём. «Чи-ю может напускать большой туман, а мой Ин-лун может послать сильный ливень, а ведь ливень страшнее большого тумана! К тому же явится Ин-лун, и все призраки и злые духи совсем уж не смогут творить свои козни». И Хуан-ди послал человека призвать на помощь Ин-луна на поле брани.

Ин-лун, как только прилетел, сразу же вступил в бой с Чи-ю. Он расправил свои крылья, взлетел ввысь и разложил на подставке дождевые тучи. Кто мог знать, что он плохо установил подставку, а Чи-ю давно уже пригласил духа ветра Фэн-бо и хозяина дождя Юй-ши, чтобы они первыми показали свою силу. И вот уже поднялся свирепый небывалый ветер и дождь, казалось, что борются между собой два шамана. Ин-луну уже совсем негде было проявить свой талант. Бешеный ветер и ливень обрушились на войско Хуан-ди, воины не могли даже устоять на ногах и разбежались в разные стороны.

Жёлтый император наблюдал за битвой с вершины небольшой горы. Он видел, что Ин-лун не в состоянии помочь делу и что все его надежды напрасны, и призвал на помощь свою дочь, которая следовала за армией.

Дочь Хуан-ди звали Ба, она жила в беседке Гун-гуна на горе Сикуныпань, часто надевала тёмную одежду, была вовсе не красивой и, как говорят, даже плешивой. Но в теле у неё было полно сильного жара, пожалуй даже более сильного, чем в современных печах, где плавят чугун. Только появилась она на поле брани, так и сказать удивительно, в тот же миг и ветер, и ливень прекратились, даже следов их не было видно, а в небе прямо над головой засветило яркое, горячее солнце и стало ещё жарче, чем было до дождя. Увидев это, братья Чи-ю пришли в ужас, а дракон Ин-лун, улучив момент, бросился вперёд и стал крушить врагов. Так были перебиты несколько братьев Чи-ю и часть народа мяо.

Однако бедная дочь неба Ба, оказав отцу услугу, быть может, из-за того, что потратила слишком много сил или под влиянием колдовства, не могла уже подняться на небо, а навсегда осталась жить на земле. Там, где она поселилась, на тысячу ли были лишь лёгкие облака и не выпадало ни капли дождя. Люди, страдавшие от такой засухи, ненавидели её и прозвали её Ханьба - Демон засухи. Люди постоянно изобретали хитрости, чтобы выгнать её. Так и скиталась она повсюду, преследуемая людьми, нигде не встречая радушного приема. Позже внук первопредка рода Чжоу - Хоу-цзи (бога пяти злаков, о котором речь пойдёт в следующей главе) по имени Шу-цзюнь рассказал Хуан-ди, что Ханьба нигде не встречает хорошего приёма, и тогда Жёлтый император повелел ей поселиться к северу от Красной воды - Чишуй и приказал жить вечно на одном месте и не носиться повсюду. Но Ханьба уже привыкла скитаться среди людей и не могла усидеть на одном месте. Она часто тайком убегала, «носила на востоке и металась на западе», и люди снова страдали от засухи, которую она приносила с собой. Но для людей уже было много легче, что у неё есть определённое место. Прежде чем выгнать её, они тщательно прорывали каналы, рвы и арыки, а потом обращались к ней с молитвой: «Богиня! Уходи к себе домой на север от Красной воды». Говорят, после таких заклинаний постепенно ей самой стало совестно, она вернулась в свой старый дом и так и умерла там.

Чи-ю обладал способностью летать по небу и проходить по самым опасным горным хребтам. Хотя он и потерял нескольких братьев и часть народа мяо, однако у него осталось ещё много воинов, он не пал духом, а его мощь по-прежнему возрастала. А Жёлтый

император печалился о том, что у него нет возможности расправиться со злыми мятежниками и что его воины после долгой битвы упали духом.

Наконец он придумал хороший выход - сделать необычный боевой барабан из особого материала, чтобы поднять дух своих воинов и победить врагов.

Оказывается, на горе Люпошань в Восточном море жил дикий зверь, которого звали Куй, он походил на быка, но без рогов, тело его было пепельно-синего цвета, у него была только одна нога. Он мог свободно ходить по морю, и каждый раз, когда он выходил в море, непременно тотчас же поднимался сильный ветер, начинал хлестать ливень. Глаза его излучали сверкающий свет, подобно солнцу или луне. Когда он разевал пасть, то раздавался рёв, подобный ударам грома. Это одноногое животное жители страны Юэ называли ещё шаньцао. Говорили, что у него человеческое лицо, тело обезьяны и он умеет говорить человеческим языком. По-видимому, это получилось из-за разной передачи мифа. На своё несчастье, он приглянулся Хуан-ди, тот послал за ним человека. Со зверя содрали шкуру, высушили её и натянули на барабан.

Теперь, когда появился барабан, не хватало только палочек. Тут Жёлтый император вспомнил о боге грома Лэй-шэне, который жил в Лэйцзэ - Громовом болоте. Лэй-шэнь, которого называли ещё Лэй-шоу - Громовый зверь, был чудовищем с телом дракона и головой человека. Частенько безо всякой печали, забавляясь, он хлопал себя по животу, и каждый хлопок разносился по небу раскатом грома. Некогда мать Фу-си, урождённая Хуа-дань, наступила на его след и родила Фу-си, так что Лэй-шэнь считался на небе одним из известных богов. Однако Хуан-ди нужно было победить врагов, и он послал людей схватить бога грома и без лишних разговоров убил его. Затем вытащил из него самую большую кость и сделал из неё палочку для барабана.

Теперь был барабан, была и палочка. Когда Хуан-ди ударил костью Лэй-шэня по барабану из кожи Куя, раздался грохот ещё сильнее грома; говорят, его можно было услышать даже за пятьсот ли. Притащили этот барабан на боевые позиции, ударили девять раз подряд - и в самом деле загудели горы, откликнулись им долины, изменился цвет земли и неба, воспрянули духом воины Хуан-ди, а Чи-ю и его воины перепугались насмерть. От страха не мог больше Чи-ю ни летать, ни ходить. Под оглушительные удары барабана воины Жёлтого императора стали теснить войско Чи-ю и одержали огромную победу. Было схвачено и перебито немало братьев Чи-ю и людей мяо.

На этот раз поражение Чи-ю было очень тяжёлым. На поверку оказалось, что и коней, и воинов не осталось и половины.

Если не сдаться, то погибнут все. Воины заволновались. Сдаваться - позорно, никто не захотел сдаться. Кто-то предложил призвать на помощь с севера племя великанов Куа-фу. Этот совет понравился большинству, и тотчас же был послан человек на север.

4. Стражи подземного царства «Куа-фу догоняет солнце». Следы, оставшиеся после смерти Куа-фу. Сюань-ной передаёт военное искусство Жёлтому императору. Жёлтый император убивает Чи-ю. Кленовый лес, солёное озеро и могила Чи-ю. «Бой быков» - Чи-ю и Таоте. Скорбь детей верховного владыки.

Люди из племени Куа-фу были потомками великого бога Хоу-ту, правителя подземного царства Юду. Оно находилось в местности Бэйхай, и жили там чёрные птицы, чёрные змеи, чёрные барсы, чёрные тигры и чёрные лисицы с пушистыми-препушистыми хвостами. Была там и большая чёрная гора, на которой жили чёрные люди. Это и было чёрное царство, которое за это прозвали Юду (Ю - по-китайски «тёмный, мрачный», ду - «столица»). Городские ворота в Юду сторожил знаменитый трёхглазый великан Ту-бо с головой тигра. Он изгибал своё огромное, как у вола, тело, потрясал блестящими, крепкими и острыми рогами, выпускал толстые, окровавленные пальцы и гонялся за бедными, жалобно стонущими духами, которые убегали и прятались от него.

У него был страшный вид! Можно себе представить, какова была мощь самого бога подземного царства.

Племя Куа-фу жило на горе Чэндуцзайтянь в большой пустыне на севере. Все люди из

этого племени были огромного роста и величайшей силы, из ушей у них свешивались по две жёлтых змеи« в руках они сжимали ещё двух. Но сами они были добрыми и миролюбивыми. Был среди них один человек, который совершил на первый взгляд немного глупое, но «удивившее небо и тронувшее землю» дело.

Однажды этот смельчак из племени Куа-фу вдруг загорелся великим желанием пуститься вдогонку за солнцем, посостязаться с ним в беге. И действительно, он помчался по равнине большими шагами, словно ветер понёсся вдогонку за склоняющимся к западу солнцем. В мгновение ока он пробежал тысячу ли и в конце концов настиг солнце в Юйгуге, т.е. в Юйюане.

Гора Яньцы, о которой некогда вздыхал великий поэт Цюй Юань, как раз и есть то место, где садится солнце .

Огненно-красный шар был перед ним. Куа-фу уже попал в его лучи, радостно расправил богатырские плечи, думая схватить солнце. Но он целый день бежал и сильно устал, да и солнце жгло его так, что на сердце стало жарко и во рту пересохло. Лёг он тогда на землю и стал пить воду из Хуанхэ и реки Вэй-шуй,- в один миг пересохли обе реки, а жажда всё не проходила. Побежал он дальше на север, чтобы выпить воду Великого озера Дацзе. Озеро, называвшееся ещё Ханьхай - Широкое море, находилось к северу от Яньмэньшань - Гор гусиных ворот - и имело в окружности тысячу ли. Туда слетались птицы высидывать птенцов и менять оперение и там били родники, из которых великан, преследовавший солнце, мог утолить жажду. Но он умер на полпути, так и не добравшись до Великого озера. Словно гора, упал он на землю, и грохот падения разнёсся по равнине и потряс горы и реки. Перед смертью он бросил палку, которую держал в руке, и она превратилась вдруг в густую зелёную рощу свежих персиков, которыми смогли бы утолять жажду те, кто вслед за ним пустился бы догонять солнце.

Куа-фу умер, но память о нём осталась в мире людей в названии горы Куафушань. Говорят, что она находится в уезде Хуаньмин провинции Хунань и зовётся ещё Чэнцзяшань - Гора-подставка. А её восточные склоны доходят до уезда Персикового источника Таоюаньсянь. На вершине горы лежат три огромных камня, словно три рта в иероглифе пин. Как передают в народе, на них Куа-фу ставил большущий котел дэн, чтобы вскипятить воду, когда он, состязаясь в беге с солнцем, захотел пить. Конечно, это прибавлено добрым народом, ведь Куа-фу бежал на север, чтобы утолить жажду водой из Хань-хая,- не мог же он повернуть обратно на юг, да и где у него было время кипятить в котле воду для питья? Разве мог он в действительности найти такой огромный котёл, который бы вместил воду Ханьхая? Это предание не имеет реальной основы. Более старое предание помещает гору Куафушань между Шэнь-си и Хэнанью, и это выглядит более правдоподобно.

Комментатор «Книги гор и морей» Хао И-син пишет, что гора Куафушань называлась ещё Циньшань и находится на юго-востоке уезда Линьбаосянь провинции Хэнань и соединяется с горой Тайхуашань провинции Шэньси. Северный склон горы покрыт лесом в несколько сот ли в окружности, там почти сплошь растут персиковые деревья, усыпанные плодами, поэтому-то и лес получил название персикового. В древности там находилась знаменитая крепость персикового леса. Когда чжоуский князь У-ван разгромил Чжоу Синя и в Поднебесной установился мир, в этом месте он отпустил ненужных коров и лошадей, поэтому здесь много диких животных. Хотя эти кони, потомки славных скакунов, закаленных в сотнях битв на полях брани, одичали и стали непослушными, они сохранили остатки покорности своих героических предков. Рассказывают, что во времена чжоуского Му-вана знаменитый кучер Цзао-фу отыскал там драгоценных коней Хуа-лю, Лю-эр, Дао-ли и других и преподнёс их в дар любимшему путешествовать князю. Му-ван велел запрячь восемь скакунов в свою колесницу и отправился по Поднебесной. Проехав десять тысяч ли, он добрался до западной окраины гор Куньлунь и встретился с царицей фей Си-ван-му, которая жила там в горной пещере в окружении птиц и зверей. Но об этом мы расскажем ниже.

А ещё говорят, что люди Чи-ю отправились к племени Куа-фу просить помощи. Часть

людей Куа-фу не проявила интереса к войне, а другая решила, что это подходящий случай заступиться за слабого, и втянулась в водоворот битвы .

Получив помощь, Чи-ю воспрянул духом, словно хвороста подложили в костёр, словно у тигра выросли крылья. Снова стал он меряться силами с войском Жёлтого императора.

Когда в бой вступили люди из племени Куа-фу, пришлось призадуматься Жёлтому императору, да только так и не приходило ему в голову ничего подходящего. На счастье, появилась женщина с человеческой головой и туловищем птицы по имени Сюань-нунь. Это была фея, познавшая на небесах истинный путь. Она научила Хуан-ди военному искусству, и с этих пор он стал располагать войска так, что их нельзя было окружить. В то же время он раздобыл красную, как огонь, медь с горы Кунъушань и выковал из неё меч, который сразу позеленел, но испускал лучи и был прозрачный, как кристалл, и резал яшму, словно глину. Узнал Жёлтый император законы войны, получил чудесное оружие, и вмиг приободрилось его войско.

Хоть и храбры были Чи-ю и Куа-фу, но ведь у них была только сила, они не могли противостоять хитрым планам Хуан-ди и в конце концов были разбиты. В самом последнем бою остатки отрядов Чи-ю и Куа-фу были окружены воинами Жёлтого императора. В это время на поле брани показал свою волшебную силу Ин-лун: он парил в небе и со страшным криком «га-га» кидался на воинов Чи-ю и Куа-фу, которые не могли спастись от него бегством, и убивал их. Воины Хуан-ди окружили врага и схватили живым медноголового и железнолового Чи-ю, про которого говорили, что его «сила вырывала горы, а дух окутывал всю землю».

Жаль только, что Ин-лун, как и дух засухи Ба, соприкоснулся с нечистью и уже не мог вновь подняться на небо. Его хозяин позабыл о нём и о своей дочери. И ему пришлось поселиться на юге среди гор и болот, и поэтому-то там до сих пор много дождей. А в других местах, где поселилась дева засухи, не было дождей, потому что в небесном дворце не стало Ин-луна, управлявшего дождями. И только потом люди придумали выход: каждый раз, когда начиналась засуха, люди собирались вместе, наряжались Ин-луном и танцевали. Говорят, что в конце концов часто выпадали большие дожди.

Жёлтый император не мог простить Чи-ю, воплощение десяти зол, и тотчас же казнил его в Чжолу. Все боялись, что он убежит во время казни, и не осмелились снять с его рук и ног колодки. Их сняли, только когда он умер, и окровавленные бросили в голой степи. А они тотчас же превратились в кленовый лес с кроваво-красными листьями. Это - следы крови на его кандалах. Они и по сей день жалуются на несправедливость. Так гласит легенда.

По другой версии, Чи-ю отступал, терпя поражение, и в конце концов дошёл до Цзечжоу и только там был схвачен Жёлтым императором. Ему отрубили голову и бросили её в одну сторону, а тело - в другую. Поэтому то место и называется Цзе - «разделять», а в нынешней провинции Шаньси и сейчас есть уезд Цзесянь. Поблизости от него есть солёное озеро в окружности около ста двадцати ли, тоже называемое Цзе, вода в нём красноватого цвета, и в народе говорят, что это кровь казнённого Чи-ю. Тело его и голову, чтобы из них не возродилась нечистая сила, перевезли в Шаньдун и похоронили в разных местах - в уезде Шоучжансянь и Цзюйесянь - и насыпали два могильных кургана. В уезде Шоучжансянь зарыли, по-видимому, голову Чи-ю, и холм там высотой семь чжанов. В древности жители этих мест каждый год в десятом месяце приносили жертву Чи-ю. Рассказывают, что в это время из могилы Чи-ю выбивалась струйка красноватого тумана и поднималась прямо к облакам, словно красный флаг повисал над могилой. Люди так и называли его «флагом Чи-ю». И все знали: герой, потерпевший поражение, не может смириться с позором, его гнев не утих и дух обиды поднимается в небо.

В уезде Цзюйесянь зарыто тело Чи-ю, и эту могилу называют «курганом плеча и бедра». Величины она такой же, как первая, только ничего удивительного на ней не происходит.

Рассказывают ещё, что при династии Цзинь кто-то откопал в Цзечжоу останки огромного скелета, крепкие, словно медь или железо, и все решили, что это кости Чи-ю.

Говорят ещё, что кто-то нашёл зуб Чи-ю величиной эдак вершка в два, такой крепкий, что как его только ни колотили, так и не смогли разбить.

Игры с боданием, созданные в эпоху Хань, позднее были дополнены ещё играми Чи-ю: люди по-двое, по-трое надевали на головы бычьи рога и начинали бодать друг друга, по-видимому, представляя бой Чи-ю с врагами.

По преданию, удивительное чудовище, изображённое на жертвенном сосуде эпохи Инь-Чжоу, и есть Чи-ю. У этого животного страшная, отвратительная голова и нет туловища, справа и слева к голове прилеплено по крылу, издали напоминающему ухо. Люди назвали его Таоте - ненасытное чудовище. Именно из-за этой прожорливости у него в конце концов и осталась только одна обрубленная людоедская голова. Точно так же в некоторых книгах высмеиваются люди, про которых говорят: «Ел человека, да не съел, сам раньше погиб». Так вот произошло и с Чи-ю. Жёлтый император отрубил ему голову, а позднейшие правители изобразили её на треножнике, чтобы устрашить непокорных и строптивых сановников и князей. Кусочки мяса, прилепленные на манер ушей, по-видимому, изображали крылья, некогда выросшие у него за спиной. Благодаря им он «перелетал через пустоту и переносился через пропасти», являя своё могущество.

В некоторых других книгах рассказывается, что Таоте был волосатый человек, живший в пустынных землях Юго-Запада, со свиным рылом, жадный и злой. Он любил копить деньги и ни за что не соглашался тратить их, не любил трудиться да ещё воровал зерно - плоды человеческого труда. Он обманывал слабых, но боялся сильных, увидев толпу людей, быстро прятался, встретив одинокого человека, нападал на него. Хотя по облику он и не похож на чудовище Таоте, но по своему характеру он напоминает его и, видимо, является одним из перевоплощений известного злодея Чи-ю, выведенного на страницах официальных историй.

Хуан-ди победил Чи-ю, поотрубал головы его воинству, но и этого было ему мало. Чтобы дать выход гневу, накопившемуся в его сердце, он решил истребить и народ мяо, поднявший мятеж и пошедший за Чи-ю. Но народ нельзя уничтожить. Воистину, как описывали древние поэты, когда видишь в степи высохшую и пожелтевшую осеннюю траву, то не смотри, что она сухая и жёлтая, - ведь даже степной огонь не может спалить её до конца, и стоит только подуть весеннему ветру, как в мгновение ока всё вновь зазеленеет. Народ, когда он полон стремления к жизни, так же крепок! Поэтому, когда вместо Жёлтого императора верховным небесным правителем стал Чжуань-сюй, сила южных мяо вновь возродилась, и он, боясь, что мяо вновь поколеблют его трон, послал великого бога Чжуна и бога Ли перерезать дороги, а сам считал, что теперь он сможет спать без забот на высокой подушке. Однако впоследствии сыны верховного императора, спустившиеся в мир людей и получившие название «сынов неба», беспокоились дни и ночи о том, как им противостоять этому храброму и непокорному южному народу, - то ли растрогать добродетелью, то ли послать войска и подавить силой.

Спокойствие или смуты на земле часто влияют и на мир богов. В такой критический момент небесный император не мог не вмешаться сам и послал небесное воинство и полководцев помочь южным мяо. Люди мяо, как и другие народы, считались потомками богов, а Жёлтый император, усмиряя мятеж Чи-ю, невольно зашёл слишком далеко в своей жестокости и поэтому навеки породил ненависть, глубокую, как море. И многие драгоценные страницы истории были потрачены на то, чтобы описать эту кровавую борьбу. Хорошо, что сегодня, когда «пропел петух и наступил рассвет», все эти мрачные воспоминания навсегда уже стали далёким прошлым.

5. Победная мелодия «ган-гу». Богиня-шелкопряд преподносит шёлк. Сказка о лошади-шелкопряде. Вклад Жёлтого императора и Лэй-цзу в развитие шелководства. Сказание о Волопасе и Ткачихе. История почтительного сына Дун Юна и небесной феи.

После того как Жёлтый император казнил Чи-ю, он сочинил в честь победы в войне «Мелодию барабана ган-гу» в десяти частях, которые назвались «Испугаться раскатов грома и землетрясения», «Содрогание при виде свирепого тигра», «Рёв Куя», «Борьба орла с

коршуном» и т.п. По этим названиям видно, какой воинственной и мужественной была эта музыка, а ведь её исполняли во время пиров под специально сделанный большой барабан, и это придавало ей особенную торжественность. Под барабанную дробь войны пели победные песни и танцевали во дворце, имитировали схватки с врагами и уничтожение противника, и можно себе представить, как радовался Хуан-ди, сидя в большом зале на центральном троне, слушая музыку и любуясь танцами.

Как раз во время всеобщей радости и веселья, что называется, «на парче добавились узоры»: с неба спустилась Цань-шэнь - богиня шелководства, в накинутой на плечи лошадиной шкуре. В руках у неё было два мотка шелковых нитей: один жёлтый, словно золото, другой белый, как серебро. Она вышла вперёд и преподнесла их Жёлтому императору. Цань-шэнь некогда была прекрасной девушкой, да вот оказалась в лошадиной шкуре. Шкура приклеилась к её телу, словно пустила корни, давно уже приросла к ней, и никак нельзя было снять её. Если она потянет легонько её за края и завернёт целиком своё тело, то тотчас же превратится в шелковичного червя с головой, напоминающей лошадиную. А если захочет, то может выплюнуть изо рта бесконечно длинную, тонкую и блестящую шелковую нить. На северной равнине у трёх тутовых деревьев высотой около ста саженей с блестящим стволом и без ветвей она, согнувшись, ползает с дерева на дерево, и днём, и ночью выпуская шелковую нить, и люди так и назвали потом эту местность Равниной шелковых нитей - Оусычжие. А почему же красивая девушка вдруг оказалась в лошадиной шкуре, превратилась в шелкопряда и стала божеством шелководства? Об этом рассказывает народная легенда.

В древние-древние времена один человек отправился в далекий путь и очень долго не возвращался домой. Дома у него не было никого, кроме маленькой дочери и коня, которого девочка сама выходила. Скучно было девочке дома, часто вспоминала она своего отца. И однажды она шутя сказала коню, привязанному в конюшне: «Конь, а конь, вот если бы ты мог привести домой отца, я бы обязательно вышла за тебя замуж».

Услышал конь эти слова, подпрыгнул, порвал верёвку, выскочил из конюшни, проскочил через двор и скакал несколько дней и ночей, пока не добрался до того места, где был её отец. Отец девушки увидел, что их конь прибежал из родных мест из-за тысячи ли, и удивился, и обрадовался. Ухватился за гриву и вскочил на коня, а тот сразу повёл себя как-то странно: глядел только в сторону дома и, вытянув голову, печально ржал. «Конь прибежал издалека да ещё так странно себя ведёт, не иначе как дома что-то случилось», - подумал отец и немедленно помчался в родные места.

Вернулся он домой, а дочь ему и рассказала: ничего не случилось дома, только вспомнила она про отца, а конь понял человеческое желание и помчался, чтобы привести его. Ничего не сказал отец и остался жить дома. Обрадовался он, что его конь так умен и чуток, и стал давать ему самый лучший корм. Только конь не очень охотно ел свою роскошную пищу. Каждый раз, когда он видел в воротах двора маленькую девочку, становился сам не свой, ржал, прыгал и не мог остановиться.

Отец удивился и тайком спросил у своей дочери:

- Скажи-ка, отчего это конь при виде тебя начинает прыгать и ржать? - Дочь рассказала всю правду, как она в тот раз шутя говорила с конём. Отец помрачнел и сказал:

- Вот беда, нельзя тебе несколько дней выходить во двор!

Отец любил коня, но разве мог он допустить, чтобы конь стал его зятем? И, чтобы уменьшить страдания животного, он подкрался тайком с луком и стрелами к конюшне и застрелил его. Потом содрал с него шкуру и разложил во дворе сушиться на солнце.

В этот день он отправился куда-то по делам, а дочь стала играть во дворе возле шкуры вместе с соседскими девочками. Она взглянула на шкуру коня, рассердилась, стала пинать её ногами и ругаться:

- Ах ты, скотина, всё ещё думаешь, что я стану твоей женой? Содрали с тебя шкуру, так тебе и надо!

Не успела она договорить, как шкура вдруг подпрыгнула с земли, обернула её и

побежала вон со двора, закружила вихрем и вмиг исчезла далеко в степи. Подружки, увидев это, затряслись от страха, перепугались насмерть, никто не знал, как спасти её. Все ждали возвращения отца, чтобы рассказать ему о случившемся.

Отец обыскал все окрестности, но не нашёл даже тени дочери. Через несколько дней среди ветвей и листьев большого дерева он увидел свою дочь в конской шкуре, превратившуюся в животное, похожее на большого извивающегося червя, медленно покачивающего лошадиной головой и выплёвывающего изо рта длинную, блестящую, белую и тонкую шелковую нить. Любопытные люди примчались поглядеть на него и назвали это странное существо цань - «шелкопряд», потому что оно прядёт нити, а дерево - сан - «тутовник», потому что сан ещё означает «смерть», и люди хотели этим сказать, что на том дереве была загублена молодая жизнь.

Так появился нынешний шелкопряд. А потом девочка превратилась в богиню шелководства, но конская шкура так и осталась на ней навеки.

Жёлтый император победил Чи-ю, и богиня шелководства сама преподнесла Хуан-ди сделанные ею шелковые нити, поздравив его с победой. Император, увидев тонкие красивые нити, стал восхвалять их и повелел людям соткать из них ткань, лёгкую и тонкую, как небесные облака, прозрачную, как вода в горном протоке. Как не похожа она была на простое полотно! Сановник Жёлтого императора Бо-юй сшил из неё одеяние, и сам Хуан-ди взял её для своей парадной одежды и шапки. Жена его Лэй-цзу - самая уважаемая императрица (и в мире людей, и среди богов) - стала сама разводить шелкопрядов, чтобы они, подобно своей богине, приносили красивые шелковые нити, из которых можно соткать много-много материи, легкой и мягкой, как плывущие облака или струящаяся вода. Только Лэй-цзу начала разводить шелкопрядов, как люди повсюду стали подражать ей, и расплодилось шелкопрядов великое множество. Их становилось всё больше и больше, и скоро на богатой земле наших предков даже не осталось-места, где бы люди не знали шелководства. Собираание тутовых листьев, кормление шелкопрядов, тканье шелков - этот красивый труд стал постоянным занятием женщин древнего Китая.

Этот поэтический труд породил трогательные легенды о стремлении к свободе, любви и счастью, : «Историю Волопаса и Ткачихи» и «Историю почтительного сына Дун Юна и Седьмой небесной феи».

Рассказывают, что ткачиха Чжи-ньюй была внучкой небесного императора; другие утверждают, что она была внучкой матушки ван-му; в конце концов это не так важно. Она была небесной феей и жила на восточном берегу Серебряной реки, Млечного Пути, и ткала на станке красивые слоистые облака из удивительного волшебного шёлка. Облака постоянно меняли свой цвет, и все называли то, что она ткала, небесными одеждами, потому что они прикрывали небо. А небо, как и человек, тоже должно одеваться, хотя лазурно-голубое, словно раздетое донага, ясное небо также имеет свою прелесть. Кроме Чжи-ньюй, над одеждой для неба трудятся ещё шесть молоденьких фей, сёстры ткачихи-небесные мастерицы. Чжи-ньюй - самая усердная, самая трудолюбивая из них.

А по другую сторону от прозрачной и блестящей Серебряной реки - мир людей. И жил в нём пастух по прозвищу Нью-лан - Волопас. Родители его рано умерли, вот и приходилось ему терпеть попреки да побои жены старшего брата. Не выдержал Нью-лан, отделился от брата. Дали ему старого вола, и зажил он сам по себе.

Изо всех сил трудился юноша, да и старый вол помогал ему. Нью-лан распахал кусок пустыря, поросшего колючками да терновником, засеял его, построил домик. За год-другой все наладил, так что можно было жить, хоть и с трудом. Только ведь, кроме старого вола, который не умел говорить, в холодном доме не было никого,- скучно жилось юноше.

Но вот однажды старый вол вдруг заговорил человеческим голосом и поведал своему хозяину, что Ткачиха вместе с другими феями пойдет к Серебряной реке купаться, и велел в это время подкрасться и унести её одежду, сказав, что тогда он сможет сделать её своей женой. Изумлённый Нью-лан послушался старого вола, отправился в нужное время к берегу

Серебряной реки, спрятался в зарослях тростника и стал поджидать, когда придёт Ткачиха со своими подружками.

Прошло немного времени. Ткачиха и небесные феи пришли купаться к Серебряной реке. Сняли свои лёгкие одежды, прыгнули в чистый поток, и в тот же миг на зеленоватой воде словно расцвели белые лотосы. Нью-лан выскочил из тростника и выхватил из кучи платьев, сложенных на траве на берегу реки, одежду Ткачихи. Испуганные феи выскочили из воды, натянули в спешке свои одежды и, словно птицы, разлетелись во все стороны. А на берегу Серебряной реки осталась только бедная Ткачиха, которая не могла убежать. Нью-лан сказал ей, что он вернёт платье, только если она согласится стать его женой. Ткачиха прикрыла грудь распущенными волосами, да делать нечего, стыдливо кивнула головой (на самом деле у неё уже давно родилась любовь к этому смелому, хотя и немного грубоватому парню). Так она и стала женой Волопаса.

После женитьбы муж стал пахать, а жена ткать, счастливо и прекрасно зажили они вдвоём. Вскоре у них родились сын и дочь. Супруги были рады: будет кому присмотреть за ними в старости.

Но небесный император и матушка ван-му, узнав об их женитьбе, пришли в ярость и послали одного из богов схватить Чжи-ньюй и привести её в небесный дворец. Матушка ван-му боялась, что посланный не проявит должного усердия, и сама отправилась проследить за ним.

Горестно было расставаться Ткачихе с мужем и детьми, да пришлось отправиться во дворец в сопровождении посланца небес. Опечаленный Нью-лан посадил детей в корзины, перекинул их через плечо и отправился ночью догонять жену. Он думал перебраться через чистую Серебряную реку и достичь самого небесного дворца, да только кто мог знать, что там, где прежде была Серебряная река, уже и следов от неё не осталось. Поднял Нью-лан голову, смотрит, - а матушка ван-му уже перенесла реку на небо. В синем ночном небе видна Серебряная река, прозрачная, чистая, сверкающая, но в мир людей и богов ведут теперь уже разные дороги, и нельзя простому смертному подойти к Млечному Пути.

Нью-лан веднулся домой вместе с сыном и дочерью и стал горестно причитать и бить себя в грудь. Отец и дети собрались в кружок и плакали. И тут второй раз молвил старый вол из стойла человеческим голосом:

- Нью-лан, Нью-лан! Я скоро умру. Сдери тогда с меня шкуру, накинь себе на плечи, и ты сможешь подняться в небесный дворец.

Только успел старый вол произнести эти слова, как тут же упал и испустил дух. А Нью-лан накинул на себя его шкуру, посадил, как и в первый раз, детей в корзины и помчался на небо. А чтобы одна корзина не перевешивала другую, взял попавшийся под руку черпак для навоза и бросил в одну из них.

Поднялся Нью-лан в небо, вихрем пронёсся среди сияющих звезд, вот уже и Серебряная река видна вдалеке, и как будто можно разглядеть ткачиху Чжи-ньюй на том берегу. Радостно смотрел вперёд Волопас, и дети махали руками и дружно кричали:

- Мама, мама!

Но как только они приблизились к Серебряной реке и хотели перейти её, откуда-то с высоты небес вдруг протянулась большая женская рука. Это матушка ван-му выдернула из головы золотую шпильку, провела ею вдоль Серебряной реки, и прозрачная гладь тотчас же превратилась в бурлящую Небесную Реку...

Волопас только горько плакал, глядя на Небесную Реку, и слёзы его струились потоком, подобно водам этой реки. Что он мог придумать?

- Отец, давай вычерпаем Небесную Реку ковшом для навоза, - настойчиво твердила наивная маленькая дочка, вытерев слезы и уставившись парой маленьких глазёнок на отца.

- Да, мы вычерпаем её, - согласился, не раздумывая, печальный Волопас.

Он и в самом деле взял черпак и раз за разом стал храбро выливать воду из Небесной Реки, пока не выбился из сил. Мальчик и девочка помогали отцу. Их решимость и стойкость в любви к родителям тронули в конце концов холодные сердца сурового небесного

императора и матушки ван-му. И они позволили супругам встречаться один раз в год вечером седьмого числа седьмой луны на мосту, который строили сороки из своих хвостов. Встретятся они на сорочьем мосту и жалуется на свою печаль. Чжи-нью, видя Волопаса, не может сдержать слёз печали, и в это время на земле часто моросит мелкий дождь. Женщины не могут не пожалеть её и говорят вздыхая:

- Опять плачет сестрица!

А Нью-лан с детьми так и живёт с тех пор на небе, и смотрят муж с женой друг на друга издали через Небесную Реку. Если уж совсем станет им грустно, то и у них есть выход - писать письма и передавать друг другу, обмениваясь новостями.

По обеим сторонам Небесной Реки, напоминающей белый шёлк, в ночном осеннем небе среди множества звёзд мы и сейчас можем увидеть две довольно большие сверкающие звезды - Волопаса и Ткачихи. Прямо за Волопасом две маленькие звёздочки - его дети: сын и дочь. Ещё дальше - четыре, образующие параллелограмм; говорят, что это ткацкий челнок, который Ткачиха бросила своему мужу. А неподалёку от Ткачихи три небольшие звезды, составляющие равнобедренный треугольник,- это воловий кнут, который Нью-лан бросил жене. Они привязывали письма к челноку и кнуту и так передавали вести друг другу. Скорее могли высохнуть море или истлеть камень, чем ослабеть их любовь .

После сказания о Чжи-нью появилась история Цисяньньюй, Седьмой небесной феи, и юноши Дун Юна. Цисяньньюй тоже была небесной ткачихой, она была самой младшей среди сестёр Чжи-ньюй. Заела её тоска на небесах, и она тайком спустилась в мир людей. По дороге она встретила Дун Юна, почтительного сына,- продавшего себя в работники в дом помещика Фу, чтобы на вырученные деньги похоронить отца. Фея полюбила его, попросила Ту-ди, божество земли, поженить их, пригласила в свахи старую акацию, и под сенью её ветвей она стала женой Дун Юна.

Они поженились и явились вдвоём работать в дом богача Фу. Только в бумаге о продаже было записано: «без скота, без семьи», а сейчас вдруг ни с того ни с сего появилась жена, вот господин Фу и не соглашался оставить её. Молодожёны долго просили и спорили и наконец порешили на том, что они соткут за одну ночь десять кусков облачной парчи. Если смогут сделать, трёхлетнюю работу Фу заменит ста днями, не смогут - к трём годам службы прибавит ещё три. Фея тотчас согласилась, а Дун Юн совсем загрустил.

В тот же день вечером Цисяньньюй уговорила мужа пораньше лечь спать, а сама взяла наньсян - «курительную свечу, зажигаемую в трудные времена», которую ей подарили сёстры, когда она спускалась в мир людей. Аромат свечи тотчас же достиг небес, и все феи почувствовали его. Услыхали они мольбу сестрицы и принялись за дело: потянули небесные нити, стали чесать шёлк, ткать основу. Искусные мастерицы-ткачихи небесных дворцов соткали за одну ночь десять кусков узорной, блестящей парчи, расшитой облаками.

На другой день супруги отдали облачную парчу хозяину. Можете себе представить, как он изумился. А когда минуло сто дней, они с радостью распрощались с помещиком и вернулись к себе домой. Раз уж был такой уговор, то хозяин не мог больше задерживать супругов. По дороге Седьмая фея сказала Дун Юну, что она ждёт ребенка. Услышал это муж, и радости его не было предела. Они мечтали о своей семье, о том, чтобы трудиться и счастливо жить, о том, что он будет пахать подобно Волопасу, а она ткать, как Ткачиха.

Однако небесный император узнал, что Седьмая фея спустилась в бренный мир, разгневался его драконье сердце, немедля повелел он бить в барабаны и колокола и передать дочери, чтобы она к полудню вернулась в небесный дворец, а если ослушается, то император пошлёт небесное воинство схватить её, а Дун Юна прикажет изрубить на десять тысяч кусков. Так легко был разрушен красивый сон о счастье. Фея испугалась за жизнь своего мужа, и ей пришлось расстаться с Дун Юном у старой акации, под которой они стали мужем и женой.

Прежде крикнет Дун Юн,- откликнется ему старое дерево, а теперь кричи тысячу раз, хоть десять тысяч,- молчит. Немое бревно! Навеки разлучили любящих супругов. Какая трагедия во вселенной может быть печальнее? Но Цисяньньюй и Дун Юн уговорились, что на

будущий год, когда распустятся лазоревые цветы персика, под старой акацией передаст она ему сына, а потом Дун Юн упадёт без чувств и поднимется к ней вслед за посланцем небес.

6. «Юй-гун передвигает горы». Син-тянь с отрубленной головой. Легенды об изобретениях Жёлтого императора. Следы путешествий Жёлтого императора. Драгоценный треножник, выплавленный под горой Цзиншань. Жёлтый император на драконе поднимается на небо. Ван Цзы-цяо испытывает Цуй Вэнь-цзы. «Петух поёт в небе, собака лает в облаках».

В битве при Чжолу племя великана Чи-ю было начисто истреблено. И только племя Куа-фу продолжало ещё существовать. Оно-то и создало потом государство Бофу. О нём упоминается в трактате Ле-цзы, в истории о великане, который передвинул гору в стране племени Куа-фу.

В Северных горах жил девяностолетний старик, которого люди называли Юй-гун - Глупый дед. Прямо напротив его дома стояли две большие горы - Тайханшань и Ваньшунь, и ему было очень неудобно каждый раз обходить их. Он собрал всех своих домашних - стар и млад, и стал держать совет.

- До чего надоели эти горы, совсем закрыли нам дорогу.

А что если мы перенесём их в другое место?

- Конечно, конечно! - закричали сыновья и внуки Юй-гуна.

Только Сянь-и, жена старика, была порассудительнее.

Услышала она, что все собираются передвинуть горы, и говорит мужу:

- Опомнись, старик, в твои-то годы, пожалуй, даже такой холмик, как Куйфу, и то с места не сдвинуть, а ты хочешь передвинуть горы. Ну ладно, ты сдвинешь их, а куда же ты денешь столько камней и глины?

Глупые внуки Юй-гуна сказали:

- Отнесём к заливу Бохай, разве это не выход?

Все одобрили их предложение и порешили, что будут перетаскивать гору, и тотчас начали работу. Одни копали, другие таскали в корзинах глину, а большие комья и камни перетаскивали к заливу Бохай. У их соседки вдовы Цзинчэнши был мальчик, родившийся уже после смерти мужа, у него только-только ещё стали расти настоящие зубы, увидел он, что все трудятся с таким усердием, и вприпрыжку тоже побежал помогать. Люди, что носили землю к заливу Бохай, шли туда больше полугода, уже все сменяют ватные куртки на лёгкие рубашки, а они только возвращаются. Увидел Чжи-соу - Мудрый старец из Хэцюя, как они трудятся, посмеялся над ними и отправился к Глупому деду, чтоб урезонить его.

- Утихомирься, старый, в твои-то годы, когда человек, точно свеча под ветром, вот-вот погаснет, что ты можешь сделать с этими горами?

- Прошу тебя, не нужно столько слов. Я погляжу, ты ещё глупее, чем та вдова и её маленький сын. Разве ты не понимаешь, что умру я, - так ведь есть сыновья, умрут сыновья, - останутся внуки, у внуков родятся дети, если мы из поколения в поколение будем трудиться, так чего уж там бояться, что не сравняем горы!

Ничего не ответил Мудрый старец, потому что не нашёл слов, чтобы спорить с ним. А слова эти случайно услышал один бог, державший в руке змею. Испугался, что они действительно так сделают и от обеих гор ничего не останется, поспешил доложить об этом небесному владыке. Небесного владыку тронула решимость Юй-гуна, и он послал двух сыновей Куа-э взвалить на плечи эти горы и перенести одну из них на восток Шочжоу, а другую - на юг Юнчжоу. Прежде эти горы стояли рядом, а отныне отдельно: одна на севере, а другая на юге.

Два сына Куа-э - это, по-видимому, сыновья из рода Куа-фу: и те и другие великаны, обладающие огромной силой, да и слоги э и фу весьма сходны, так что стоит прислушаться к такому предположению. Ведь и старик Юй-гун, решивший передвинуть горы и тотчас же взявшийся за дело, по своему духу и решимости близок Куа-фу, гнавшемуся за солнцем.

После Чи-ю с Хуан-ди за трон верховного владыки боролся Син-тянь. Первоначально это был безымянный великан, но из-за того, что он боролся за трон с Жёлтым императором,

тот отрубил ему голову, вот его и назвали Син-тянь - Отрубленная голова (Син-тянь - букв.: «наказание неба»). Мы не знаем во всех подробностях его историю, известно только, что Хуан-ди казнил его на горе Чаньяншань и что голова его была зарыта там же. Обезглавленный Син-тянь в страшном гневе сделал из своих сосков глаза, из пупа - рот, взял, как и прежде, в левую руку щит, в правую - топор и пустился кружиться в воинственном танце.

Через несколько тысяч лет, в IV в. н.э., великий поэт Тао Юань-мин в стихотворении «Читаю „Книгу гор и морей"» писал: «Син-тянь плясал со щитом и топором, смелость и воля его вечно будут жить». Великан был обезглавлен, но он проявил неукротимый боевой дух, и эти восхваления отнюдь не чрезмерны.

Люди создали различные легенды об изобретениях Жёлтого императора, победившего Чи-ю: по одним, Хуан-ди изобрёл повозку и лодку («История Хань»), по другим, выплавил двенадцать больших бронзовых зеркал («Трактат Хуан-ди о внутренних органах»), по третьим, научил людей строить дома, в которых можно было укрыться от ветра, дождя и холода («Новые беседы»), по четвёртым, изобрёл котёл и глиняный горшок для варки пищи («Разыскания по древней истории»), по пятым - самострел (там же). Ещё говорят, что он придумал игру в ножной мяч (Лю Сян, Отдельные записки) и велел четырёхглазому Цан-цзе придумать письмена (Хуайнань-цзы), приказал Лин-дуню создать музыку («Весны и Осени Люя»), а Данао - установить шестидесятилетний цикл, Лэй-гуну и Ци-бо поручил написать медицинские книги («Родословия императоров и ванов»). Из этих легенд, которые мы не будем пересказывать подробно, видно, что Жёлтый император стал почти всемогущим умельцем. Откуда у него могло быть столько свободного времени, чтобы заниматься этими делами? С двумя сановниками - Фэн-хоу и Чан-бо, один из которых нёс на спине книги, а другой - меч, он беззаботно отправился в путешествие. Много земель они обошли; и в Цинцю, и в Дунтине, и у гор Эмэйшань и Ваньшань - всюду оставили свои следы. Самыми интересными были удивительные происшествия в Великой пустыне на западе. Утром они отправились туда, а вечером уже вернулись обратно. В мгновение ока пронеслись они десять тысяч ли. Боги хотя и путешествовали по земле, были весьма отличны от людей.

Великую западную пустыню называли ещё Хуалю - Поток, потому что песок там был чрезвычайно лёгким и мелким и двигался словно водный поток. Только ступи ногой - и провалишься вниз, и глубине не будет предела. По-видимому, это и есть Люша - Зыбучие пески, о которых в стихотворении Цюй Юаня «Призывание души» сказано:

Повсюду там зыбучие пески, Вращаясь, в бездну льются громовую,-

и которые описаны потом в романе «Путешествие на Запад» в эпизоде о том, как монах Ша-сэн создал реку Зыбучих песков длиной восемьсот ли, чтобы люди попадали в эту ловушку. Когда там начинался ветер, казалось, что поднялся непроглядный туман, в котором летало множество крылатых драконов, рыб и черепах; у простых смертных это вызывало страх, а у святых - только удивление. В Зыбучих песках росло удивительное дерево шицой, каменный лотос, крепкий и лёгкий, но на нём было сто листков, а раз в тысячу лет распускался один цветок. Листья были, как и у других деревьев, зелёные, они плыли по ветру и покрывали песчаные волны. Дерево было необычайно красиво.

Жёлтый император повсюду путешествовал, а людей послал в горы Шоу-шань добывать медь, таскать её к подножию горы Цзиншань и отлить треножник в память о победе над Чи-ю, а вовсе не для того, чтобы варить в нём эликсир бессмертия, как предполагают некоторые. Ведь Жёлтый император был верховным владыкой и ему не к чему было, подражая даосам позднейших времён, искать лекарство бессмертия и добиваться вечной жизни. После битвы при Чжолу и казни Чи-ю Жёлтый император некоторое время еще оставался в мире людей и только потом вернулся на небо. Вот поэтому-то некоторые и считают, что Хуан-ди сперва постигал великий путь дао, а потом уже стал бессмертным.

А ещё рассказывают, что Жёлтый император долго отливал драгоценный треножник под горой Цзиншань. Получился он огромным, высотой один чжан три чи, а вместимостью

больше даже, чем глиняный чан на десять даней зерна. На треножнике был вырезан дракон, парящий в облаках, по-видимому, Ин-лун, добрые и злые духи всех четырёх сторон да различные удивительные птицы и необыкновенные звери. Жёлтый император установил драгоценный треножник у подножия горы Цзиншань и устроил по этому случаю большой пир. В назначенный час собрались все небесные божества и люди восьми сторон света, народу было видимо-невидимо, шум, гомон.

В самом разгаре пира вдруг появился волшебный дракон, покрытый блестящим золотым панцирем, высунулся до половины из облаков и спустил свой ус прямо на драгоценный треножник. Хуан-ди понял, что это посланец из небесного дворца зовёт его вернуться на небо, и вместе с сошедшими в мир людей богами, которых было более семидесяти, тотчас исчез в облаках, уселся верхом на спину дракона и стал подниматься в небесную высь. Правители маленьких государств и простой народ, видя, что Жёлтый император оседлал дракона и поднялся ввысь, хотели последовать за ним, да не смогли вскочить на спину дракона, а только, толкаясь и давя друг друга, уцепились за драконовы усы. Усы не выдержали, оборвались и упали на землю. И даже драгоценный лук Жёлтого императора, который висел на усах дракона, и тот люди стащили вниз. Князья и простые люди, попадавшие на землю, горько плакали, обняв драгоценный лук и обхватив руками драконов ус. Впоследствии этот лук стали называть ухао - «тёмный плач», а местность, где всё произошло, - Динху, что значит «драконов ус на треножнике». (В некоторых книгах вместо ху - «усы» пишется знак ху «озеро», но это не поддаётся никакому толкованию. Что же до усов дракона, то говорят, что из них выросла трава, которую теперь называют лунсюйцао - «драконов ус».)

Раз уж появились легенды о том, как Жёлтый император искал лекарство вечной жизни и в конце концов стал бессмертным, возникли подобные же легенды о поисках бессмертия и о людях, поднявшихся на небо среди бела дня. Среди них наиболее интересна легенда о том, как Ван Цзы-цяо проверял Цуй Вэнь-цзы.

Рассказывают, что Цуй Вэнь-цзы учился у Ван Цзы-цяо постижению пути бессмертных. Как-то Ван Цзы-цяо решил испытать его, действительно ли он постиг всю глубину учения, и, превратившись в белую цикаду, взял в лапу чашу с лекарством Цуй Вэнь-цзы. А тот страшно испугался, схватил попавшееся под руку копьё и принялся колотить странное создание. Чаша с лекарством упала на пол и разбилась, белая цикада исчезла, только на земле осталась пара туфель Ван Цзы-цяо. Цуй Вэнь-цзы испугался, что туфли тоже превратятся во что-нибудь страшное, и накрыл их плетёной бамбуковой корзиной. Разве мог он знать, что пройдёт немного времени и из корзины вдруг раздастся крик птицы? Приподнял корзину, и вдруг оттуда выскочила пара больших птиц, расправила крылья и унеслась в небо.

Так все учение Цуй Вэнь-цзы оказалось пустой затеей. Пришлось ему сделать вывеску из красной материи и отправиться по миру торговать лекарствами. Ведь он всё-таки несколько дней изучал путь бессмертных и руки его творили чудеса. Говорят, что его пилюли и травы вылечили немало больных во время мора. А про Ван Цзы-цяо рассказывают, что он был наследником чжоуского князя Лин-вана и имя ему было Цзинь. Он любил играть на шэне и подражал крику фениксов. Он очень давно начал постигать путь бессмертия у даоса Фу Цю-гуна. Однажды он сел верхом на белого аиста на вершине горы Коу-шишань, поднял руки, попрощался со своими домашними, и только через много дней исчез его след.

Есть ещё одна легенда о том, как князь области, что к югу от реки Хуай, и Тан Гун-фан среди бела дня поднялись на небо.

Рассказывают, что во времена династии Хань был в Хуай-нани князь по имени Лю Ань, увлекавшийся учением о бессмертных. К нему вдруг явились восемь старцев с белыми усами и бровями, которых так и называли ба-гун - восемь старцев, чтобы преподать ему это учение. Он настолько постиг учение о пути, что сделал сам пилюли бессмертия, принял одну и вместе с восемью старцами среди бела дня поднялся на небо. Пилюли свои он оставил дома в глиняной чаше, и их склевали куры и съели собаки. Лекарство подействовало на них сразу, и

в тот же миг их и след простыл. Только с неба доносилось кудахтанье да было слышно, как тьякают собаки в облаках. Оказывается, глупые твари поднялись в небо и превратились в бессмертных куриц и собак.

История Тан Гун-фана, очень похожая на предыдущую, произошла будто бы во времена Ван Мана, немного позже истории хуайнаньского князя. Рассказывают, что он тоже сделал пилюлю бессмертия, проглотил её и поднялся в небо. Его собака и курица тоже попробовали пилюли и поднялись в небеса, курица кудахтала в небе, собака тьякала в облаках,- им повезло, как и животным хуайнаньского князя. Новое в легенде - это рассказ о том, что в доме осталась только крыса, которой не досталось чудесного лекарства бессмертия. Так как крыса была вредной тварью, то Тан Гун-фан специально спрятал от неё пилюли, и она не смогла подняться на небо. Рассвирепела крыса, и с тех пор каждый раз к концу месяца, когда мрак совсем скрывает луну, ей становится ещё тяжелее, от злости у неё начинается рвота, и она целиком выплёвывает желудок и кишки, а к следующему месяцу у неё вырастают новые внутренности. Говорят, что эта несчастная крыса из дома Тана передала свои удивительные свойства детям и внукам, вот люди с тех пор и стали называть этих крыс таншу -- крысы Тана. Эти легенды любопытны, но и только. Ведь в истории совершенно ясно сказано, что хуайнаньский князь Лю Ань покончил с собой, потому что кто-то донёс на него, обвинив в измене. Он испугался наказания и перерезал себе горло. Так что легенда о вознесении на небо среди бела дня ни на чём не основана. Разве не свалилась она, как говорится, с края облаков?

Глава V. Мифические императоры Ди-цзюнь, Ди-ку и Шунь

1. Как выглядел Ди-цзюнь, судя по надписям на черепаших панцирях и костях. Жёны Ди-цзюня: богиня солнца и богиня луны. Как Ди-цзюнь подружился с разноцветными птицами. Разноцветные птицы, феникс и ласточка Бамбуковая роца Ди-цзюня. Потомки Ди-цзюня. Искусному Чую негде применить своё мастерство.

На территории Китая в древности проживали различные народности. У каждого народа были свои верховные правители, боги, которых они почитали, бесы и свои мифы. Различные народы, религии и культуры с течением времени изменялись и смешивались, число богов и злых духов увеличивалось, мифы, передаваемые из поколения в поколение, переделывались в историю, усложнялись, порой противоречили друг другу. Одно и то же деяние приписывали нескольким людям, один человек мог превратиться сразу в нескольких. Конкретным примером того, как один персонаж воплощается в нескольких образах, служит легенда об императорах Ди-цзюне, Ди-ку и Шуне.

Ди-цзюнь - верховный император, почитаемый восточными иньцами (не следует смешивать его с восточным божеством Фу-си, о котором говорилось выше). Иероглиф цзюнь в надписях на костях изображался как

или

Существует множество написаний этого иероглифа, но в целом они сходны с приведёнными выше. Некоторые считали, что в первом случае изображена человекообразная обезьяна, другие на основании второго изображения предполагали, что это фантастическое существо с головой птицы и туловищем человека. Мы же придерживаемся иного толкования.

Взгляните на второй знак,- как будто нарисована птичья голова, и даже клюв явно выступает вперёд. Первый знак - то же, но в упрощенной форме. Хотя птичий клюв у него не столь явно заметен, но это тот же самый иероглиф. Очевидно, верхняя часть знака представляет собой изображение птицы, а не животного.

Предположение, что нижняя часть знака изображает туловище человека, отпадает, так как сзади пририсовывается короткий хвост. В таком варианте явно заметен хвост, загнутый кверху. Скорее всего можно предположить, что это

туловище обезьяны. Иногда этот иероглиф имеет другое написание

Создаётся впечатление, что существо держит в руке палку и, по-видимому, у него только одна нога. На его голове нарисованы вроде бы рога. Таким образом, почитаемое иньцами божество Ди-цзюнь имело птичью голову с рогами, обезьянье туловище и лишь одну ногу. Божественный первопредок иньцев - странное существо, двигавшееся по дороге, прихрамывая, с согнутой, как лук, спиной и с палкой в руке.

Ди-цзюнь, породивший Ци - предка иньского народа и предка чжоусцев Хоу-цзи, и есть Ди-ку. Он же пахал на слонах землю у подножия горы Лишань, а позднее стал императором и правил под именем Шуня. Все знают, что Шунь был зятем императора Яо. Ди-ку, по преданию, был отцом Яов. Шунь и Ди-ку - одно лицо, бывшее одновременно и отцом, и зятем одного человека. Такие усложнения и противоречия часто возникали в то время, когда древние мифы превращали в историю. Поэтому не имеет смысла приводить здесь подробные и скучные разыскания некоторых учёных о том, как Ди-цзюнь, Дику и Шунь могли стать одним человеком. Достаточно рассмотреть мифы о них. Читатели, познакомившись с мифами, сами могут создать своё представление об этом.

Расскажем прежде о Ди-цзюне. Как говорилось, он был верховным правителем, почитаемым обитавшим на востоке иньским племенем. Он обладал таким же могуществом, как и Хуан-ди - верховное божество, почитаемое чжоусцами. Впоследствии чжоусцы победили иньцев, и поэтому Жёлтый император считался более могущественным и мифов о нём сохранилось больше.

С течением времени Хуан-ди стали считать историческим лицом, из небесного правителя он превратился в земного и о нём сложили ещё больше преданий. Хуан-ди стал общим предком богов и людей и затмил славу Ди-цзюня. Ди-цзюнь был верховным владыкой побеждённого народа, величие его неизбежно померкло, и поэтому большая часть мифов о нём погибла, остались лишь немногочисленные, не связанные между собой отрывки. Но они всё-таки дают представление о могуществе и величии Ди-цзюня в те времена.

По преданию, у Ди-цзюня было три жены. Одну из них звали Э-хуан. Она считалась родоначальницей Страны трёхтелых - Саныпэньго. Люди в этой стране имели одну голову и три туловища. Фамилия их была Яо; питались они пятью злаками, а барсы, тигры и медведи были у них на посылках. Эта жена - самая неприметная, остальные две были более необычными.

Вторая - Си-хэ - богиня солнца. Она породила десять сыновей-солнц. В Сладком источнике - Ганьюане, за Юго-Восточным морем, она омывала прохладной и сладкой водой новорожденных сыновей-солнц, чтобы каждый из них стал чистым и сверкающим и мог бы выполнять свои обязанности, когда наступит его черёд. Третьей женой Ди-цзюня была Чан-си - богиня луны, у которой было двенадцать дочерей-лун. Она, как и Си-хэ, купала своих дочерей где-то в Западной пустыне.

В Восточной пустыне, подле места обитания духа Шэбиши с человеческим лицом, пёсыими ушами и звериным туловищем, жили красивые разноцветные птицы с пышным оперением, которые кружились в танце. В те времена Ди-цзюнь часто спускался с неба и дружил с пёстрыми птицами. Когда он бывал в хорошем настроении, то, ковыляя на одной ноге и опираясь на палку, танцевал вместе с ними. На земле у Ди-цзюня было два алтаря, которыми ведали эти птицы.

Почему же Ди-цзюнь дружил с разноцветными птицами? Это долгая история. Оказывается, пёстрые птицы были трёх видов: одни назывались хуаньяо, другие - луаньяо и третьи - фыньяо. В древних преданиях все они назывались фениксами. Они были похожи на петуха с длинными разноцветными перьями. Фениксы «когда хотят - едят и пьют, когда хотят - поют и танцуют». Стоит им появиться на земле, как в Поднебесной наступает мир и спокойствие. (У Конфуция, жившего в беспокойное время, встречается горестное восклицание: «А фениксы не появляются!»). По этому восклицанию мы можем представить себе, как их чтили.) Эти птицы, которых так почитали, жили на востоке, в Стране

благородных - Цзюнь-цзычжиги и парили за четырьмя морями. Как говорится в книгах, даже сам Хуан-ди никогда не видел фениксов и очень хотел взглянуть на них. Он спросил сановника Тянь-лао, как выглядят фениксы. Тянь-лао, вероятно, тоже их никогда не видел и сказал Хуан-ди, что «спереди феникс напоминает лебедя, со спины он похож на единорога цилиня. У него шея змеи, хвост рыбы, окраска дракона, туловище черепахи, подбородок ласточки, петушинный клюв». Из описания феникса видно, что он превратился в необычное и волшебное существо, совмещающее признаки птиц, зверей, гадов и рыб. Сначала же в фениксе не было ничего мистического. Иероглиф фэн, обозначающий феникса, в надписях на костях изображался как

исключением его верхней части, которая требует особого объяснения, он представлял изображение павлина. Иногда нижняя часть иероглифа писалась сложнее - это изображались круглые пятна на хвосте

. В древнем Китае в те времена, когда на берегах Хуанхэ водились слоны и носороги, эти птицы встречались в большом количестве. Впоследствии климат изменился, и они постепенно исчезли. А не были ли они теми пёстрыми птицами, друзьями Ди-цзюня, к которым он спускался с неба?

Среди мифов иньцев есть ещё рассказ о том, как Цзянь-ди, проглотив яйцо ласточки, родила Ци - родоначальника инь-ского племени. Ди-цзюнь, бывший божественным предком иньцев, как это видно по изображениям, имел голову ласточки. Ласточка была священной птицей, почитаемой на Востоке. Люди приукрашивали её, и в их воображении она становилась похожей на феникса-павлина. Поэтому поэт Цюй Юань в поэме «Вопросы к небу», рассказывая историю, как Цзянь-ди проглотила яйцо ласточки и родила Ци - родоначальника иньцев, пишет о ласточке, а в поэме «Скорбь отрешённого» - о фениксе. Очевидно, феникс в представлении древних одновременно был и ласточкой. Таким образом, верховный владыка Востока Ди-цзюнь с головой ласточки состоял в родстве с пёстрыми птицами, жившими в Восточной пустыне. И нет ничего удивительного, что он спускался к ним с неба, дружил и танцевал с ними.

О Ди-цзюне, кроме мифа о его дружбе с пёстрыми птицами, известен только один рассказ. В нём говорится, что в Северной пустыне был холм Вэйцю, имеющий в окружности триста ли. На южном склоне холма росла бамбуковая роща, принадлежавшая Ди-цзюню. Бамбук в лесу был так велик, что из одного его колена можно было сделать две лодки. Такой бамбук, по преданию, рос и в Южной пустыне. Он назывался тичжу - «бамбук слёз» и достигал в высоту нескольких сот чжанов, в поперечнике - три с лишним чжана, а в толщину - восемь-девять цуней, и из него также можно было делать лодки. Вероятно, это тот же вид бамбука. Подтверждается это и тем, что само название бамбука - «тичжу» - позволяет связать его с помещённым в конце этой главы рассказом о красивом пятнистом бамбуке.

Мифов о потомках Ди-цзюня сохранилось больше. По преданию, Ди-цзюнь породил не только солнце и луну и дал начало многим государствам на земле, но и оставил ещё многочисленное потомство. Сыновья и внуки Ди-цзюня основали много стран в Восточной пустыне. Например, страны Чжунжун, Сью, Страна белого народа - Байминь и Страна чернозубых - Хэй-чи созданы его потомками. В Сью мужчины и женщины жили двумя обособленными группами. Мужчины не брали жён. Женщинам также не нужны были мужья. Потомство появлялось у них чудесным образом. Стоило им лишь посмотреть друг на друга, как это делают белые лебеди, и у них сразу появлялись дети.

На Южной равнине потомки Ди-цзюня основали Страну трёхтелых и Цицили.

В Стране трёхтелых было большое квадратное озеро, куда обычно приходил Шунь совершать омовения (вероятно, имелся в виду не Шунь, а Ди-цзюнь). В Западной пустыне находилась страна Западное Чжоу. Её тоже основал Ди-цзюнь. Ди-цзюнь породил Хоу-ци и Тай-си, а Тай-си породил Шу-цаюня. Когда Хоу-ци принёс с неба на землю зёрна злаков, Шу-цзюнь, заменив своего отца и дядю, посеял их, приручив для вспашки земли диких быков. Впоследствии потомки Шу-цзюня и образовали Западное Чжоу.

Среди потомков Ди-цзюня было много способных и мудрых людей, они многое изобрели: Пань-юй выдолбил лодку, Цзи-гуан смастерил из дерева повозку, Янь-лун - цитру и гусли, восемь его сыновей, имён которых мы не знаем, создали песни и танцы. Самым богатым на выдумки и искусным умельцем из них был И-цзюнь, который выдумал множество вещей. Таким образом, времена Ди-цзюня легенды считают началом древней цивилизации.

Среди потомков Ди-цзюня особого внимания заслуживает И-цзюнь. Имя его было Шуи. За его смекалку и мастерство люди прозвали его Искусным Шуем. Он был знаменитым масте множество необходимых вещей, чтобы принести счастье людям. Однако, по преданию, при династии Чжоу на треножниках встречалось изображение И-цзюня с отрубленными пальцами во рту. Это якобы должно было означать, что чудесное мастерство и выдумка не нужны и они могут лишь увести людей на ложный путь. Неизвестно, истинна ли эта история или нет. Если это правда, то не подтверждает ли она, что правящий класс в те времена боялся, что мастера, создающие предметы искусства и утварь, умнеют день ото дня и в будущем смогут причинить неприятности своим правителям? Разговоры о «приоритете духовной культуры» как в древности, так и в настоящее время неразрывно связаны с «политикой управления глупым народом».

2. Ди-ку велит фениксу тяньди танцевать. Братья, дерущиеся целыми днями. Жена Ди-ку, проглотившая во сне солнце. «Небо послало чёрную птицу, она спустилась, и родился Шан». Ребёнок, брошенный на льду. Хоу-цзи учит людей сеять хлеба. Место погребения Хоу-цзи.

Выше мы говорили, что Ди-ку и Ди-цзюнь были первоначально воплощением одного и того же божества. Поэтому понятно, что мифы о них сходны. В древних записях о Ди-ку говорится как о получеловеке, полубоге. Однако во многих источниках он предстает перед нами как небесное божество - верховный правитель Востока Ди-цзюнь.

По преданию, он родился чудесным образом и сам сказал, что его имя Цзюнь (отсюда и пошло имя Ди-цзюнь - Правитель Цзюнь). Он был странным существом с птичьей головой и туловищем обезьяны. Известно также, что он был потомком Хуан-ди. Когда Ди-ку был правителем на земле, а его брат Чжуань-суй - властителем неба, оба они очень любили слушать музыку. Чжуань-суй заставлял летящего дракона подражать напеву ветров восьми стран света и создал восемь мелодий. Он велел кайману лечь на спину и хлопать себя хвостом по животу, чтобы раздавались громкие звуки. Ди-ку же у себя на земле приказал главному музыканту Сянь-хэю создать мелодии цзюшао - «девять призывов», люле - «шесть рядов», люин - «шесть цветений» и др. Своему музыканту Ю-шую он велел изготовить барабан гу и барабанчик гао, колокол чжун, каменный гонг цин, флейты лин, гуань и чи, окарину и другие музыкальные инструменты. Затем он приказал одним играть на этих инструментах; а другим стоять рядом и хлопать в такт. Когда заиграла музыка, посланный Ди-ку феникс тяньд (букв. «небесный фазан») расправил красивые крылья и стал весело кружиться и танцевать во дворце. Такая музыка, конечно, была гораздо более совершенной, чем крокодилья.

Танцы фениксов невольно ассоциируются с танцами пяти-цветных птиц, с которыми дружил в Восточной пустыне Ди-цзюнь. Можно предположить, что это два различных варианта одной и той же легенды.

Крупным событием во времена Ди-ку был мятеж Фан-вана, или собачьих жунов (об этом мы уже говорили). Более распространено имя Фан-ван, так как, по сведениям древних книг, Ди-ку тоже был из фамилии Фан. Эта междоусобная борьба напоминает распри между его сыновьями или борьбу Шуня со своим братом Сяном, о которой будет рассказано ниже. Мы уже знаем, что нет ничего странного в том, что одно и то же предание излагается в двух-трёх различных вариантах.

Одного из сыновей Ди-ку звали Янь-бо, другого - Ши-чэнь. Они жили в дремучем лесу среди гор, своевольничали и не хотели ни в чём уступать друг другу. Целыми днями они

дрались палками и пускали в ход копья, приговаривая, что если ты не изобьёшь меня, то уж я-то тебя убью. Их отец Ди-ку просто не знал, что с ними делать. В конце концов он послал Янь-бо в Шанцю и велел ему управлять сверкающей звездой Саньсин, называвшейся также Звездой сердца или Звездой Шан. Это была звезда влюбленных, символ чистоты и верности в любви. Ши-чэня послали в Дася и поручили ему управлять западной звездой Шэньсин (Созвездие Орион). Братья были разделены и больше не встречались. Лишь после этого, как говорится, «ветер утих, и волны спали» и не было больше ссор. Звёзды, которыми они управляли, также не встречались: когда одна зажигалась на востоке, на западе другая заходила. В стихах Ду Фу говорится: «Люди при жизни не видят друг друга и движутся, как звёзды Шэнь и Шан». И по сей день недружных братьев люди называют Шэнь и Шан.

У Ди-ку была вторая жена из рода Цзоуту. По преданию, после того как Хуан-ди убил Чи-ю, он переселил добрых людей в местность Цзоуту, а злых - на север, в холодные и пустынные места. Эта жена Ди-ку была лучшей из лучших. Когда она шла, то не касалась земли, а плыла в воздухе, управляя ветром и взнуздав облака, подобно людям из страны Хуа-суй. Она была удивительной женщиной, получеловеком и полубогом и постоянно парила между реками И и Ло. Ди-ку полюбилась эта порхающая девушка, и он взял её в жёны. Ей часто снилось, что она глотает солнце. Вслед за таким сном она рожала сына. Всего она видела восемь таких снов и родила восемь сыновей. Все называли их обычно восемью божествами. В рассказе нет ничего оригинального. Он связывается с мифом о рождении десяти солнц у Си-хэ, жены Ди-цзюня, и восемью сыновьями Ди-цзюня - сочинителями песен и танцев.

После того как Ди-ку «очеловечился» и стал одним из древних властителей, у него, по преданию, было четыре жены. Старшую жену звали Цзянь-юань. Она была из рода Ютай и родила Хоу-цзи. Вторую жену звали Цзянь-ди. Она была из рода Юсун и родила Ци. Третья по имени Цин-ду, из рода Чэнь-фэн, родила императора Яо. Четвёртая жена Чан-и, урождённая Цзюйцзы, родила императора Чжи. У Чан-и было то же самое имя, что и у Чан-си - жены Ди-цзюня, родившей сыновей-лун. Это ещё раз подтверждает, что Ди-ку и Ди-цзюнь - одно и то же лицо. Четыре сына, рождённых четырьмя жёнами Ди-ку, были незаурядными. Некоторые из них стали прародителями народов, как, например, Ци, считавшийся предком иньской народности, или Хоу-цзи - предок народности чжоу. Другие наследовали отцовский престол и стали земными правителями, как императоры Чжи и Яо.

О земных правителях и их прародительницах преданий не сохранилось, но известны интересные мифы «о рождении первопредков».

Сначала расскажем миф о рождении Ци - первопредка иньцев.

По преданию, у Юсуна было две дочери: старшую звали Цзянь-ди, а младшую - Цзянь-цы. Обе сестры были очень красивы. Жили они в девятирусной яшмовой башне. Каждый раз во время еды окружающие их люди били в барабаны и играли на музыкальных инструментах. Однажды небесный правитель послал к ним ласточку. Ласточка пролетала над ними, кружилась и кричала «и-и-и». Сёстры поймали понравившуюся им птичку и посадили в нефритовый ларец. Через некоторое время они открыли ларец, заглянули, а ласточки и след простыл. Она улетела на север и больше не возвращалась. А в ларчике остались два маленьких яичка. Сёстры загрузили а стали петь: «Ласточка, ласточка улетела! Ласточка, ласточка улетела!» По преданию, это была самая ранняя северная песня.

Два яйца, снесённые ласточкой, проглотила Цзянь-ди. После этого она зачала и родила основателя иньского народа - Ци. Есть другой рассказ, что она вместе с двумя девушками купалась в реке и увидела чёрную птицу, т.е. ласточку, которая оставила яйцо. Цзянь-ди проглотила яйцо и родила Ци. Хотя отдельные подробности в этих рассказах и не совпадают, но смысл у них один. Во всех рассказах говорится, что прародитель иньцев произошёл от чёрной птицы - посланца небесного правителя. Поэтому потомки почтительно называли своего прародителя Чёрным князем. Впоследствии Ци помогал великому Юю усмирять потоп, а император Шунь поручил ему ведать просвещением.

Миф о рождении первопредка народа чжоу - Хоу-цзи - не столь наивен, как

предыдущий. В нём заметны следы человеческого горя.

По преданию, дочь Ютая - Цзян-юань однажды вышла погулять в поле. Возвращаясь домой, она заметила чей-то очень большой след. Она удивилась и шутя решила посмотреть, насколько её нога меньше, чем след великана. След был такой большой, что её нога поместилась в отпечатке большого пальца, и в это время она испытала какое-то странное чувство. Вскоре по возвращении она зачала и вслед за этим родила сильного, крепкого и красивого мальчика.

Мальчик был очень несчастлив, вероятно, потому, что у него не было отца. Люди обращались с ним грубо и однажды забрали его насильно у матери и бросили в глухом, узком переулке, чтобы коровы и овцы затоптали его. Но коровы и овцы не погубили ребенка, а ухаживали за ним, поили его молоком. Люди, увидев, что мальчик не умер, завели его в дремучий лес. Но и в лесу он не погиб. Хоу-цзи встретил людей, которые пришли туда рубить деревья, и дровосеки стали заботиться о нём. В конце концов люди, рассердившись, выбросили его на жестокий мороз, но прилетевшие небесные птицы прикрыли его своими крыльями и согрели. Людям показалось это столь необычным, что их сердца смягчились, и они побежали туда взять мальчика, но птицы уже разлетелись, а красный от мороза ребёнок лежал на снегу, шевеля ручками и ножками и горько плача. Людям волей-неволей пришлось унести ребёнка с собой и отдать матери на воспитание. Так как мальчика несколько раз бросали, то его прозвали Ци - Брошенный. По преданию, Ци стал родоначальником народа чжоу. Он с детства любил земледелие, а когда вырос, то научил людей сеять хлеба. Поэтому потомки называли его Хоу-цзи - Князь-просо.

Хоу-цзи с детства, играя, любил собирать в поле зёрна пшеницы, проса, бобов, гаоляна, семена тыквы и косточки фруктов и сажал их в землю. Созревавшие злаки и фрукты были вкусней, крупней, слаще и ароматней, чем дикорастущие. Когда Хоу-цзи стал взрослым и сделался опытным земледельцем, он начал изготавливать из дерева и камней простейшие сельскохозяйственные орудия и учить своих близких обрабатывать землю. Раньше люди жили охотой и сбором диких плодов, но людей становилось больше, еды не хватало, жить стало труднее. Видя успехи Хоу-цзи, окружающие постепенно поверили ему. Сначала землю стали обрабатывать родичи его матери - Ютай, а потом об этом узнал и государь Яо. Он предложил Хоу-цзи ведать земледелием и руководить всеми полевыми работами. Шунь, ставший правителем после Яо, пожаловал Хоу-цзи область Тай, где особенно умели выращивать урожай.

У Хоу-цзи был младший брат по имени Тай-си. У Тай-си был сын Шу-цзюнь. Они оба были искусны в земледелии. Шу-цзюнь при обработке земли стал использовать быков вместо людей, что значительно продвинуло дело. Но об этом мы уже рассказывали.

После смерти Хоу-цзи, в память о его заслугах, похоронили в красивой местности среди гор и рек, называвшейся Дугуанской равниной. Она находилась вблизи небесной лестницы Цзяньму, по которой божества спускались на землю. Земля в Дугуане была очень плодородной, там произрастали различные злаки, и зёрна риса были белые, как жир. Там пели птицы луань, танцевали фениксы и происходили различные чудеса. Всё это, вероятно, было связано со славой и чудесными деяниями Хоу-цзи.

В сердцах людей Хоу-цзи остался славным и великим. Люди искренне преклонялись перед этим далёким предком, любившим труд и направлявшим их к счастливой жизни.

3. Яо, питающийся похлёбкой из диких овощей и кашей из грубого риса. Деревья миньцзя и шапу. Волшебный баран разбирает судебное дело вместо Гао-яо. Музыка одноногого Куя. Птица с двойными зрачками, изгоняющая нечисть. Бессмертный Во-цюань. Рассуждения старца, играющего в городки. Сюй-ю и Чао-фу.

Прежде чем говорить о Шуне, расскажем сперва историю об императоре Яо. Предания о Яо и Шуне связаны между собой, так как Шунь был зятем Яо и унаследовал его престол. Яо знаменит как скромный и простой правитель, заботившийся о народе. Таково было о нём всеобщее мнение.

По преданию, Яо жил в хижине, крытой грубым камышом. Столбы и балки в ней были

сделаны из неотёсанных стволов, подобранных в горах, питался он отваром из диких трав и рисовой кашей, носил грубую одежду из пеньки, а в холодное время - накидку из оленьей шкуры. Посудой ему служили глиняные чашки. И в последующие времена, когда люди слышали, что император Яо жил такой простой жизнью, полной труда, они невольно вздыхали и говорили: «Наверное, даже у привратника жизнь лучше, чем была у Яо!».

Как же Яо заботился о народе? Рассказывают, что если в стране был кто-нибудь голоден, то Яо обязательно говорил: «Это я виноват, что он голоден». Если в стране у кого-нибудь не было одежды, то Яо обязательно говорил: «Это я виноват, что ему нечего надеть». Если в стране кто-нибудь совершал преступление, то Яо обязательно говорил: «Это я довёл его до преступления». Яо брал на себя ответственность за всех. Поэтому, когда во время его столетнего пребывания на троне произошла страшная засуха, а за засухой последовало великое наводнение, народ продолжал по-прежнему всей душой почитать доброго правителя и ни в коей мере не сетовал на него.

Предания говорят, что во дворце Яо - в той самой камышовой хижине - однажды появились десять счастливых предзнаменований: трава, которой кормят лошадей, превратилась в рис, во двор прилетели фениксы и т.д. Нет необходимости перечислять все подробно, упомянем лишь о двух.

На ступенях каменной лестницы выросло дерево. Называлось оно минцзя или лицзя и имело интересную особенность. В начале месяца на дереве каждый день вырастало по одному стручку. Таким образом, к середине месяца на дереве появлялось пятнадцать стручков. А со второй половины месяца стручки начинали опадать, и к концу месяца их не оставалось. Если в месяце было двадцать девять дней, то оставшийся на верхушке стручок засыхал и не опадал. С началом следующего месяца все повторялось снова. Людям достаточно было посмотреть на стручки, чтобы узнать, какой сегодня день. Это дерево, появление которого считалось счастливым предзнаменованием, было живым календарем, помогавшим Яо в его делах.

Было ещё одно удивительное растение. Оно выросло на кухне и называлось шапу. Его листья были похожи на веер. При каждом движении возникал свежий ветер, который прогонял мух и комаров и в жару сохранял от порчи припасы. Для экономного Яо такое растение было очень кстати.

Не только сам Яо был хорошим правителем - все, кто окружал его, были мудрыми сановниками. Так, например, Хоу-цзи ведал земледелием, Шуи - ремеслом, Гао-яо отправлял правосудие, Куй ведал музыкой, Шунь - просвещением, Ци - военными делами и т.д. Чтобы не рассказывать обо всех подробно, ограничимся преданиями о судьбе Гао-яо и главном музыканте Куйе.

Внешность Гао-яо была очень странной: лицо у него было сине-зелёное, как у ободранной тыквенной корки, рот длинный и вытянутый, как лошадиная морда. Он был мудрым и неподкупным судьёй и сразу же разбирался в любом запутанном деле. Откуда же у него были такие таланты? По преданию, он держал однорогого священного барана сечжай, который оказывал ему большие услуги. У барана росла длинная синеватая шерсть, он был очень крупным и напоминал медведя. Летом он жил на берегу озера, а зимой - в сосновом лесу. Он был прямодушен и справедлив. Увидев ссорящихся, он бодал виноватого. Поэтому Гао-яо с лошадиной мордой и держал этого священного барана. Во время разбора дела Гао-яо достаточно было пригласить спорившие стороны во дворец и приказать барану бодать виноватого - и сразу становилось ясно, кто прав, кто виноват. Всё это ускоряло и упрощало разбор дела. Гао-яо больше всего на свете ценил священного барана - своего помощника и всегда заботился о нём. Конечно, если его баран ошибался в чём-либо, то ему было трудно немедленно установить его ошибку.

Куй, ведавший музыкой, по преданию, был одноногим. Вероятно, существовала какая-то связь между ним и одноногим быком Куем, жившим на Горе волн - Люпошаиь - в Восточном море. Куй создал мелодию, подражавшую журчанию горных рек и потоков, и назвал её дачжан ~ «большая пьеса». При звуках этой мелодии люди успокаивались и

беспричинные-ссоры прекращались. Куй ударял по камням и каменным пластинам и извлекал такие ритмичные звуки, что, слыша их, звери и птицы начинали прыгать и танцевать.

Яо управлял страной много лет. К концу его правления жители страны Чжичжи подарили ему чунмин - птицу с двойными зрачками. Её называли так потому, что в каждом её глазу было по два зрачка. Она была похожа на петуха, пела, как феникс. Она сбрасывала с себя всё своё оперение и возносилась ввысь совсем голой. Птица чунмин могла изгонять нечистую силу и прогонять волков, тигров, барсов и шакалов. Питалась она лишь нефритовой пастой. После того как птица поселилась у Яо, она по-прежнему часто улетала к себе на родину, и иногда она не возвращалась по нескольку лет. Все очень ждали её возвращения, чистили и мели дворы, чтобы достойно встретить её. Если она долго не возвращалась, люди вырезали её изображение из дерева или выплавляли из металла и вывешивали его на воротах. Злые духи и оборотни, увидев это изображение, пугались и убегали далеко прочь.

В то время на Хуайшань - Горе акаций - жил старик по имени Во-цюань, занимавшийся сбором целебных трав. Он часто пробовал лекарство бессмертия, и поэтому всё его тело обросло белыми волосами, а оба глаза стали квадратными. Хотя лет ему было много, он оставался крепким и сильным и мог остановить мчавшегося коня. Старик видел, что Яо с утра до вечера занят государственными делами, похудел, ходит удручённый. Во-цюаню стало жаль Яо. Он собрал на горе семена сосны, дал их правителю и рассказал, как их надо есть. Яо тронула доброта старика, и он взял у него семена. Но Яо был очень занят государственными делами, и ему некогда было даже есть их. По преданию, другие люди, которые ели семена этих сосен, дожили до двухсот-трёхсот лет. Яо же прожил всего сто лет с небольшим.

Всю свою жизнь и помыслы Яо отдавал народу, но в то время всё же были люди, недовольные его неустанными трудами. Говорят, жил тогда один старик, ему было уже за восемьдесят. Он играл в цзижан, бросая на дороге палки. Эта игра состояла в том, что брали две палки, заострённые с одной стороны, напоминавшие сапожные колодки. Одну палку ставили на землю, отходили на тридцать-сорок шагов и кидали в неё другой, а затем смотрели, что получалось. Эта игра напоминала европейские кегли или русские городки. Старик увлекался игрой до самозабвения. Однажды один из зрителей сказал с укором: «Сколь велика добродетель нашего правителя Яо, которая простирается и над этим стариком». Услышав эти слова и считая их несправедливыми, старик ответил: «Я не понимаю, о чём ты говоришь. Каждый день я начинал работать с восходом солнца и отдыхал лишь тогда, когда солнце пряталось за гору. Я сам вырыл колодец, чтобы пить из него воду, сам пахал поле, чтобы иметь для себя пропитание. Скажи, в чём заключаются благодеяния Яо по отношению ко мне?» Тот не нашёлся, что ответить.

Яо постепенно старел. Его сын Дань-чжу был очень непочтителен. Яо не хотел, чтобы весь народ страдал из-за его сына. Поэтому он особенно внимательно относился к способным людям в Поднебесной и искал среди них самого мудрого, чтобы уступить ему престол. Яо услышал, что самый известный мудрец - это Сюй-ю из Янчэна. Тогда он ещё ничего не знал о Шуне. Яо сам поехал навестить Сюй-ю, чтобы объявить ему о своём намерении уступить ему престол. Но Сюй-ю был человеком возвышенного образа мыслей и, не желая наследовать престол, убежал и поселился на берегу реки Иншуй, у подножия горы Цзишань. Яо послал людей просить его управлять Девятью пределами. Сюй-ю надоело слушать эти предложения, поэтому он поспешил на реку Иншуй и начал промывать уши. Его друг Чао-фу, гнавший в это время телёнка на водопой, увидел, что Сюй-ю моет уши. Он удивился и спросил, в чём дело. Сюй-ю ответил:

- Яо хочет, чтобы я стал правителем Девяти пределов, но мне надоело слышать эти докучливые предложения и поэтому я пришёл промыть себе уши. Чао-фу хмыкнул и сказал: - Довольно, братец. Если бы ты постоянно жил в ущельях и горах и хотел, чтобы люди об этом не знали, то тебя никто бы и не тревожил. Ты же нарочно скитался повсюду, создал

себе славу, а теперь моешь уши. Мой телёнок не станет здесь пачкать морду! - И он повёл скотину пить воду вверх по течению.

Говорят, на горе Цзишань (в уезде Дэнфын провинции Хэнань) и сейчас можно видеть могилу Сюй-ю. У подножия горы до сих пор есть пустошь «Откуда увели телёнка» - Цяньнюсюй. На берегу реки Ишпуй бьёт родник Дуцюань - Телячий источник. На камнях по сей день видны телячьи следы; говорят, сюда Чао-фу пригонял телёнка на водопой.

4. Странный сон слепого старца. Шунь и Сян. Горе сироты. Шунь становится зятем сына неба. Замыслы злодеев. Огромная птица вылетает из огня. Дракон, спрятавшийся на дне колодца. Добрый старший брат и коварный младший.

Однажды слепой старец Гу-соу увидел странный сон. Ему приснился феникс с зерном риса в клюве. Феникс дал Гу-соу съесть это зёрнышко и сказал, что его имя Цзи и он явился, чтобы у Гу-соу было потомство. Проснувшись, Гу-соу очень удивился странному сну. Сыну, родившемуся у него впоследствии, он дал имя Шунь. По преданию, глаза Шуня были не такие, как у всех. В каждом глазу у него было по два зрачка, и поэтому его называли ещё Двойной блеск. Этот рассказ напоминает нам легенду о птице чунмин, которую привезли императору Яо из страны Чжичжи. У птицы чунмин в каждом глазу было тоже по два зрачка, по виду она напоминала петуха, а голос у неё был, как у феникса. Между этими двумя легендами, очевидно, существует какая-то связь.

Вскоре после рождения Шуня его мать умерла. Гу-соу женился во второй раз, и у него родился сын, которого назвали Сян (сян - по китайски «слон»). Рассказывают, что брат Шуня - Сян - был человеком. Но вполне возможно и то, что Сян был слоном с громадной головой, длинным хоботом, большими ушами, острыми бивнями и диким, неукротимым нравом. Весьма вероятно, что его так и представляли.

Слоны живут в жарком поясе. Но в древности они встречались в Китае на берегах Хуанхэ. В «Вёснах и Осенях Люя» говорится: «Народ шан приручал свирепых диких слонов.

Когда появилась угроза со стороны восточного царства, Чжоу-гун послал туда войско и прогнал врагов на юг до самой Янцзы». Эта цитата служит доказательством того, что народ шан приручал слонов и использовал их во время сражений. Дополнительное подтверждение этому дают надписи на костях, где иероглиф «слон» изображён так

Здесь ясно выражена самая характерная черта слона - хобот. В гадательных надписях о выборе места для посевов встречаются записи о ловле слонов. Все это показывает, что слоны в иньский период встречались ещё довольно часто. Иероглиф

изображает слона, которого ведёт человек. Наличие такого иероглифа показывает, что народ шан приручал слонов с глубокой древности, может быть, ещё до приручения быков и лошадей.

Шунь был божеством - прародителем народа шан. В древности несомненно существовали сказания о том, как он приручал диких слонов. Отзвуки древних мифов сохранились в современной народной легенде, повествующей о том, что великий Шунь пахал на слоне. В «Вопросах к небу» Цюй Юаня говорится: «Младший брат, прирученный Шунем, всё же часто вредил людям. Почему же он, искупавшись в собачьей моче, успокоился и перестал вредить людям?». Укрощение дикого слона преобразовалось в мифах в укрощение Шунем своего брата. Этот пример хорошо показывает, как изменялись древние сказания. Попадая в исторические сочинения, сказания иногда сохраняли черты, которые были присущи им ещё в первобытную эпоху. Например, в «Истории династии Хань» сказано: «Шунь пожаловал Сяну земли в Юби». Юби - это название местности, но в то же самое время юби означает «имеющий хобот». В древних мифах о младшем брате Шуня - Сяне повествуется как о диком, свирепом слоне, который часто приносил людям зло. А затем его приручил Шунь - легендарный первопредок иньского народа. Наиболее ранние варианты мифов не сохранились, и мы можем говорить только о мифах более позднего времени.

Шунь родился и вырос у реки Гуйшуй (на юге нынешнего уезда Юнцзи провинции Шаньси). Внешность Шуня была самой обыкновенной, только в каждом глазу у него было по два зрачка. Он был среднего роста, с тёмной кожей, усов и бороды у него не было. В

юности он прославился почтительным отношением к родителям. Отец Шуня - Гу-соу - был человек неумный и не отличался справедливостью. Глуповатый Гу-соу любил детей от второй жены, а Шуня, рождённого первой женой, считал бельмом на глазу. Мачеха Шуня тоже была не из добрых, сварливая, жить с ней было трудно. Младший брат Сян мало чем отличался от матери. Он был очень грубым и высокомерным, и у него не было ни капли почтительности, которая должна отличать младшего брата. У Шуня была ещё сводная сестра по имени Си. Характер у неё тоже был тяжёлый, но она была более человечна и не так жестока, как другие. В таком семействе жил рано похоронивший мать Шунь. Он перенёс много страданий и горестей, но, несмотря на это, прославился у себя на родине сыновним почтением. Его поведение было достойно похвалы. Сыновняя почтительность Шуня была искренней и горячей, ничего ложного в ней не было.

По преданию, родители постоянно жестоко избивали Шуня. С глазами, полными слёз, Шунь терпеливо переносил побои. Если же боль становилась невыносимой, он убегал в поле, плакал и звал покойную мать.

Со своим несносным братом Сяном он обходился в высшей степени вежливо и внимательно. Если Шунь видел, что Сян радовался, то и он начинал радоваться. Видя, что Сян печален, в Шунь становился грустен: он знал, что после капризов Сяна обязательно будут неприятности. Шунь заботился о своём младшем брате как только мог, чтобы заслужить расположение мачехи и чтобы его меньше били. Но это не помогало. Жестокая мачеха решила известить Шуня. Глупец Гу-соу и Сян помогали ей. Шунь не мог больше жить в родном доме. Он ушёл и поселился у горы Лишань, близ реки Гуйшуй. Он построил тростниковую хижину, вспахал немного земли и жил в печали и одиночестве. Шунь часто видел кукушку, весело летавшую с птенцами. Птичка-мать приносила с собой пищу и кормила на дереве своих птенцов. Это было дружное и любящее семейство. Шунь думал о том, что он сирота, рано потерявший мать и терпевший от мачехи жестокие побои, и незаметно для себя он слагал печальные песни.

Недолго Шунь обрабатывал землю у горы Лишань. Крестьяне тех мест были растроганы его добродетелью и наперебой начали уступать ему свои поля. Через некоторое время Шунь переселился на Озеро грома - Лэйцзэ, где занялся рыболовством. Вскоре местные рыбаки также стали наперебой предлагать ему свои участки на озере. Затем Шунь стал гончаром в Хэбине. Прошло немного времени, и ко всеобщему удивлению оказалось, что глиняные сосуды, изготовленные в Хэбине, были самыми красивыми и прочными. По соседству с Шунем стали селиться люди. Через год в этом месте образовалось маленькое поселение, ещё через год оно превратилось в большой посёлок а через три года там выросла столица. Такие чудеса даже трудно себе представить.

В это время Яо, желая уступить свой престол, разыскивал в Поднебесной мудрецов. Все старейшины говорили Яо, что Шунь достоин избрания, так как он мудр, знаменит своей сыновней почтительностью и обладает всеми талантами. Тогда Яо отдал Шуню в жёны двух своих дочерей по имени Э-хуан в Нюй-ин. Он поселил Шуня вместе со своими девятью сыновьями, чтобы убедиться, действительно ли он так талантлив, как о нём говорят. Яо подарил ему одежду из тонкой пеньки и цитру, приказал соорудить для него несколько амбаров и подарил ему стадо коров и овец. Так простой крестьянин Шунь сделался зятем правителя и внезапно стал знатным и богатым. Отец и мачеха, видя, что Шунь, издавна вызывавший у них ненависть, вдруг вознёсся ввысь, стал богатым и знатным, начали завидовать и негодовать.

Шунь к своему семейству не питал никакой злобы. Он с молодыми жёнами пришёл навестить родителей, принёс им подарки и обращался с ними так же почтительно и с любовью, как и раньше, не кичась своим богатством. Жёны Шуня не были заносчивыми, хотя и происходили из знатного рода. Они выполняли все домашние работы, ухаживали за свекровью и были примерными невестками. Но всё это не рассеяло злобы семейства Шуня. Скорее наоборот, известность Шуня усилила её до крайности. Особенно неистовствовал младший брат Сян, который воспытал вожделием к красивым жёнам Шуня и постоянно

мечтал захватить их. По обычаю того времени после смерти старшего брата его жёны переходили к младшим братьям. Зная этот обычай, коварный Сян замыслил убить своего брата и удовлетворить свои желания. Мать Сяна сочувствовала сыну. Убийство Шуня было её давнишним желанием, так как Шунь не был её родным сыном и внушал ей неприязнь. Глупый Гу-соу никогда не питал особых симпатий к Шуню, завидовал его богатству и согласился принять участие в тёмных замыслах. Они решили придумать что-нибудь, чтобы убрать Шуня и захватить его имущество. Они, как крысы, шептались дома ночи напролёт, придумывая, как осуществить свой чёрный замысел.

Маленькая сестра Шуня - Си, вероятно, не имела прямого отношения к этим кровавым планам. Но она завидовала счастью брата и в душе тоже желала гибели его семье.

- Братец, отец просил тебя прийти завтра утром помочь ему починить амбар. Приходи пораньше! - сказал однажды вечером Сян, зайдя в дом к Шуню.

- Хорошо, завтра утром приду обязательно,- весело ответил Шунь, собирая у ворот пшеницу в кучу.

Когда Сян ушёл, Э-хуан и Нюй-ин, выйдя из дому, спросили Шуня, что случилось.

- Отец просит меня прийти завтра утром помочь ему починить амбар,- отвечал Шунь.

- Ты не должен идти, они хотят сжечь тебя.

- Это невозможно,- испугался Шунь,- ведь просил отец, и если не пойду, то что же я скажу потом?

Э-хуан и Нюй-ин, подумав, ответили:

- Ну ладно, иди. Только завтра утром сними старую одежду. Мы дадим тебе новую, и тогда тебе нечего бояться.

Эти две девушки из богатого рода где-то научились волшебству. Они умели предсказывать будущее, обладали чудесными талисманами и решили использовать свою волшебную силу, чтобы спасти любимого человека. На другой день сёстры достали из сундука яркую разноцветную одежду с узорами, изображавшими птиц. Шунь облачился в неё и отправился помочь отцу чинить амбар. Злодеи, видя, что Шунь перед смертью надел узорную одежду, про себя потихоньку посмеивались, но казались приветливыми. Его ласково встретили, подставили ему лестницу и послали его на прогнивший амбар. Шунь забрался на крышу и, ничего не подозревая, начал трудиться. Злодеи тотчас же убрали лестницу, собрали у амбара кучу хвороста и подожгли его.

- Отец, отец, что вы там делаете? - закричал испуганный Шунь, стоя на крыше и не зная, как спуститься.

- Сынок,- ехидно откликнулась мачеха,- отправляйся прямо в небесный дворец, а твои жёны будут жить с нами!

- Ха, ха, ха...- глупо смеялся отец, одобрительно качая головой.

Сян, раздувая огонь, весело хохотал:

- Ха, ха, ха... Теперь тебе оттуда не слезть - разве только ты улетишь на небо!

Амбар со всех сторон был объят пламенем, а Шунь, бегая по крыше, обливался от страха холодным потом. Он совсем забыл, зачем он надел новое платье. Шунь напрасно просил этих злых людей о помощи, и ему оставалось теперь лишь протянуть руки к небу и взывать в отчаянии: «О небо!..» И, о чудо, через мгновение объятый дымом и пламенем Шунь превратился в большую птицу и с криком устремился в небо. Злые люди, видя необыкновенное превращение, от страха словно окаменели.

Злодеи не могли примириться с тем, что они не убили Шуня, и попытались погубить его во второй раз.

На этот раз к Шуню пришёл сам слепой отец.

- Сынок, домашние сделали большую глупость и просят у тебя прощения.

Сидя у дверей и стуча палкой по ступеням, он без всякого смущения сказал:

- Теперь я хочу попросить тебя помочь вычистить колодец. Обязательно приходи, иначе ты огорчишь отца.

- Не беспокойся, отец, я завтра обязательно приду,- ответил ласково Шунь.

Когда отец ушёл, Шунь рассказал о его просьбе своим жёнам, и те сказали ему:

- И на этот раз дело нечисто. Однако это неважно. Ты иди.

Наутро они дали Шуню одежду с драконами, чтобы он надел её под своё старое платье. В случае опасности надо было только снять старое платье, и чудеса произойдут сами собой.

Шунь, следуя совету своих жён, надел под старую одежду платье с драконами и пошёл помогать слепому отцу чистить колодец. Злые люди, видя, что на Шуне нет чудесного платья, втайне радовались тому, что на этот раз незадачливый Шунь обязательно погибнет.

Шунь взял лопату и попросил спустить его на верёвке в колодец. Как только он слез, верёвка оборвалась и сверху полетели камни и комья глины. Шунь вначале растерялся, а затем, придя в себя и не обращая внимания на сыпавшиеся сверху камни, снял старую одежду и превратился в прекрасного дракона, покрытого чешуей. Дракон поплыл по подземным источникам и через другой колодец выплыл наружу.

Злодеи, завалив колодец, затаптывали землю ногами, радостно крича и прыгая. Считая, что их враг наконец мёртв и их мечты сбылись, вся семья с шумом пошла к дому Шуня, собираясь забрать его жён и имущество. Сестра Си тоже пошла с ними поглядеть, что будет.

Услышав печальную весть и не зная, правда это или нет, жёны Шуня, закрыв лицо руками и полные глубокой печали, пошли в задние покои. Радостный Сян, добившийся исполнения своих желаний, договаривался с матерью о разделе имущества брата.

- Ведь эту мысль подал я,- сказал он, открыв свой безобразный, как у жабы, рот и оживлённо размахивая руками,- но из имущества мне ничего не надо, пусть скот, земля и дом отойдут родителям. Я хочу лишь цитру, лук и его жён, чтобы они... хи, хи, хи... жили со мной.

Вслед за этим Сян схватил со стены цитру Шуня и, исполненный радости, заиграл на ней. Мачеха и слепой отец радостно ходили по дому, щупая и выбирая вещи. Плач овдовевших жён стал тем временем ещё жалобнее. Только тогда у Си заговорила совесть, и она поняла, какое жестокое и низкое дело совершили её родные. Она знала, что мёртвого не спасешь, и стыд мучил её всё сильнее. В это время как ни в чём не бывало вошёл в дом Шунь. При появлении воскресшего Шуня все в доме окаменели от страха. Затем, убедившись, что это человек, а не призрак, Сян, сидевший на постели Шуня и игравший на его цитре, очень неохотно и с издёвкой сказал:

- Братец, я сейчас как раз думал о тебе и очень горевал.

Шунь ответил:

- Да, я знаю, что ты думал обо мне.

Больше не было сказано ни слова. Шунь, искренний от природы, несмотря на испытания, сохранил по-прежнему почтительность и любовь к родителям и брату, как будто ничего не случилось. Только его сестра Си после этих событий раскаялась и искренне полюбила брата и его жён.

5. Ещё один злой замысел провалился. Шунь проходит испытания Яо. Доброе сердце побеждает злые. Шунь играет на пятиструнной цитре и поёт южные мелодии. Смерть Шуня. Старая ненависть у реки Сянзцян. История вэйшэ. Божество Би-тип. Сяо-мии и Чжу-гуан - потомки Шуня - погубили И.

Маленькая Си стала внимательно следить за поступками домашних, так как она боялась, что те сделают ещё что-нибудь плохое старшему брату и его жёнам. Она волновалась не зря. Злодеи, досадуя, что Шунь не умер, не успокоились и придумали новый коварный план; пригласить Шуня в гости и, напоив, убить его. Как только Си провела о новой хитрости, она побежала к своим золовкам и рассказала обо всём.

Жены выслушали её и весело сказали:

- Спасибо! Теперь иди домой, мы сами знаем, что предпринять.

Вскоре пришёл Сян и с важным видом пригласил Шуня в гости:

- Мы чувствуем себя очень виноватыми за прошлое. Теперь отец и мать специально приготовили вина и закуски и просят тебя обязательно прийти завтра утром. Они хотят помириться с тобой.

После ухода брата Шунь забеспокоился и обратился к своим жёнам:

- Что же делать? Идти или не идти? Не знаю, что за хитрость они придумали на этот раз.

- Как же не идти,- сказали ему жёны.- Если не пойдёшь, родители обидятся на тебя. Иди, иди.

Они вынули из сундука с приданным порошок и дали его Шуню с наказом:

- Возьми это лекарство, смешай его с собачьей мочой и умойся им. Тогда ты можешь пить завтра вино,- ручаемся, всё будет в порядке. На кухне для тебя уже подогрета вода.

Шунь послушался своих жён, умылся приготовленным зельем и на другой день в новом платье отправился к родителям.

Злодеи притворились любезными, встретили Шуня очень приветливо и подали на стол богатое угощение. Все уселись и стали пить вино. А приготовленный заранее остро отточенный топор был спрятан в углу у дверей. За столом, уставленным яствами, то и дело раздавались смех и возгласы:

- Пей до дна... Пей... Пей!

Шунь не заставлял себя долго уговаривать и раз за разом опустошал кубки и чаши с вином. Он столько пил, что все те, кто уговаривал его выпить, сами валялись пьяными, речи их втайне радовались тому, что на этот раз незадачливый Шунь ни в чём не бывало.

Было выпито несколько кувшинов вина, съедены все закуски, и на столе не осталось никаких угощений. Злодеи с вытаращенными глазами смотрели на то, как Шунь вытер губы, вежливо поблагодарил родителей и, держась прямо, ушёл, а сверкающий топор так и остался лежать возле дверей.

Со слов своих дочерей и сыновей Яо знал, что Шунь именно такой почтительный и талантливый юноша, какого он искал, а решил, что ему можно передать престол. Но Шуню сначала надо было научиться управлять государством, и Яо назначил его чиновником при дворе. Шунь занимал различные должности и отлично справлялся со своими обязанностями. Яо подверг Шуня ещё одному испытанию перед тем как передать ему престол.

Во время сильной грозы Шунь должен был пойти в глухой горный лес и потом сам выбраться оттуда. В древних записях говорится, что Шунь, идя по лесу, совершенно не испытывал страха. Ядовитые змеи при виде его уползали, тигры, барсы, шакалы и волки не осмеливались причинить ему вреда. Вскоре разразилась страшная гроза с сильным ветром. В лесу стало очень темно, яркие молнии чередовались с ударами грома, со всех сторон призраками стояли деревья с распостёртыми, как руки, ветвями. Деревья, деревья, деревья... Как распознать, где тут север, где запад, где юг, где восток? Смелый и сообразительный Шунь сумел выбраться из лесу, не заблудившись, и встретился с людьми, ожидавшими его на дороге.

В некоторых книгах сказано, что Шунь перед каждым новым испытанием советовался с жёнами. По преданию, он поступил так же и перед тем, как пойти в лес. О том, как жёны помогли ему, в древних книгах не упоминается, мы можем лишь гадать об этом. Вероятно, они дали ему какой-либо талисман, и он благополучно вернулся. Но то, что он один вошёл в дремучий лес без малейшего страха, невольно вызывало уважение.

Шунь выдержал последнее испытание, и Яо передал ему свой престол. Став правителем, Шунь сел в колесницу со стягом государя и поехал в родную деревню, чтобы встретиться со своим отцом Гу-соу. Как и раньше, Шунь был учтив с отцом и почтителен. Слепой отец лишь только тогда понял, что у него действительно хороший сын и всё, что он совершал по отношению к сыну,- преступная ошибка. Отец чистосердечно раскаялся и примирился с сыном. Жестокому и своевольному брату Шунь пожаловал местность Юби и сделал его князем. Лишь после этого Сян почувствовал любовь и великодушие своего брата. Постепенно он изменился к лучшему и стал хорошим человеком.

Шунь, как и Яо, правил несколько десятков лет и сделал очень много для блага людей. Потом он, подобно императору Яо, передал трон не своему сыну Шан-цзюню, увлекавшемуся лишь пением и танцами, а Юю, который прославился тем, что усмирил

потоп. Это говорит о величии и бескорыстии Шуня.

С ранних лет Шунь очень любил пение и музыку. Поэтому Яо, отдавая Шуню своих дочерей в жёны, подарил ему цитру. Став сыном неба, Шунь приказал главному музыканту Яню прибавить восемь струн к пятнадцатиструнным гусям, изготовленным его отцом Гу-соу. Главному лекарю Чжи он велел исправить мелодии «девять призывов», «шесть цветений», «шесть рядов», созданные наставником музыки Сянь-хэем во времена Ди-ку. Мелодию «девять призывов» исполняли в сопровождении флейты сяо и шэна и называли её ещё сяошао (мелодии для флейты). Стоило зазвучать этой музыке, как везде наступало веселье и казалось, что поют небесные птицы. Говорят, даже фениксы, услышав чудесную мелодию, прилетали к Шуню. Поэтому впоследствии Конфуций, слыша эту мелодию, не мог удержаться от одобрения: «Мелодия шао и красива, и приятна. А мелодия у, созданная Чжоу У-ваном, хотя и красива, но не столь приятна и не может так растрогать человека, как шао». Сам Шунь, когда жил в одиночестве, очень любил играть на пятиструнной цитре и петь сочиненную им песню «Южный ветер»:

С юга дует свежий ветер, Он поможет избавить народ от забот, С юга дует ветер как раз вовремя, Он поможет увеличить народное богатство.

В конце жизни Шунь поехал осматривать южные земли и по дороге скончался в местности Цаньфу. Печальная весть вызвала такую скорбь у людей во всей стране, будто они лишились родителей. Жёны Шуня, делившие с ним все тяготы жизни, скорбели так, что сердца их разрывались от горя. Они тотчас же направились на юг. По дороге они не переставали горько плакать и не глядели на удивительные селения и красивые пейзажи, встречавшиеся на пути. Их горькие слёзы падали на стволы бамбука. От их слёз на деревьях оставались крапинки. Поэтому с тех пор на юге и растёт пятнистый бамбук, называющийся «бамбук фей реки Сян». При переправе через реку Сян поднялась буря. Лодка опрокинулась, они утонули и стали феями этой реки. Осенью, когда ветер кружил опавшие листья деревьев, на сердце у фей становилось радостно. При лёгком ветерке они выходили прогуляться на отмель. Издалека можно было видеть блеск их красивых глаз, вызывающий грусть у людей. Если у них было плохое настроение из-за горестных воспоминаний, они входили в воды реки, тотчас поднимался ветер и начиналась буря. Появлялось множество удивительных чудовищ, похожих на людей. Одни стояли на змеях, другие со змеями в руках носились по волнам; в дождливом тёмном небосводе с криком летали стаи необычных птиц.

После смерти Шуня люди положили его останки в глиняный гроб и похоронили на южном склоне горы Цзюишань в местности Цаньфу. С горы стекало девять ручьёв. Все они были очень похожи один на другой, и из-за этого люди, приходившие на гору, часто сбивались с пути. Поэтому гора и называлась Цзюишань - Гора девяти сомнений. На горе водились необычные звери и птицы, среди них самым страшным было животное вэйвэй, которое называли ещё иначе яньвэй или вэйшэ.

Это была двуглавая змея. Говорят, стоило человеку увидеть её, как он тотчас же умирал. В период Вёсен и Осеней в княжестве Чу мальчик Сунь Шу-ао встретил двуглавую змею. Он подумал: «Я обязательно умру, ведь человек, увидевший такую змею, должен умереть. Но зачем умирать другим людям, которые увидят её после меня? Как можно допустить, чтобы это чудовище продолжало губить людей?» Отважный мальчик поднял с земли камень и стал колотить змею. Чудовище издохло. Мальчик вырыл яму и закопал змею, чтобы никто её больше не видел. Самым удивительным в этой истории было то, что Сунь Шу-ао после этого случая не умер. Он вырос и стал в княжестве Чу первым министром, заслужившим любовь народа. Очевидно, настоящему храбрецу это чудовище не смогло причинить никакого вреда. Временами двуглавая змея появлялась из-под земли в фиолетовом одеянии и красных шапках. По преданию, правитель княжества, увидевший такую змею, мог стать владыкой Поднебесной. Так, в период Вёсен и Осеней циский князь Хуань-гун увидел во время охоты двуглавую змею в халате и красных шапках. Когда охотничья колесница с грохотом проезжала мимо змеи, она подняла обе свои головы. Хуань-гун решил, что это оборотень, и испугался. Он спросил первого министра

Гуань-чжуна, правившего колесницей, не заметил ли тот чего-либо. Гуань-чжун, следивший за упряжкой, ответил:

- Нет, ничего не видел.

Вернувшись во дворец, Хуань-гун начал размышлять о происшедшем. Чем больше он думал, тем больше боялся и даже заболел. Через некоторое время мудрец из княжества Ци по имени Хуанцзы Гао-ао нанёс визит Хуань-гуну. Рассказывая Хуань-гуну историю о злых духах, он упомянул про вэйшэ. Князь, услышав слово «змея», тотчас же спросил, как она выглядит. Мудрец описал ему змею, точь-в-точь такую же, как тот видел, и затем сказал:

- Если князь увидит такую змею, он станет правителем всей Поднебесной.

У Хуань-гуна невольно прояснилось лицо, он улыбнулся и сказал:

- Значит, это её я видел на охоте!

Настроение у него сразу улучшилось, и болезнь прошла сама собой. Это и была змея вэйшэ, приносящая счастье одним и горе другим, которая водилась у Горы девяти сомнений, где был похоронен великий Шунь.

По преданию, весной и осенью к этой горе приходил огромный слон с длинным хоботом и большими ушами обрабатывать жертвенное поле Шуня. Это Сян приходил из своего владения Юби, чтобы принести жертву у могилы Шуня. Люди около могилы построили беседку и назвали её Битин - Беседка хобота, а божество, которое покровительствовало Сяну,- божеством беседки. Здесь легенды о Сяне и о слоне вновь переплетаются между собой.

По преданию, кроме упоминавшихся ранее Э-хуан в Нюй-ин, у Шуня была ещё одна жена по имени Дэнби-ши. Дэнби-ши родила ему двух дочерей - Сяо-мин и Чжу-гуан. Они жили в озере около реки Хуанхэ. Ночью от них исходило сияние, освещавшее окрестности на добрую сотню ли. Эта легенда напоминает легенду о двух жёнах Ди-цзюня, родивших солнце и луну. Она рассказывает о том, что Шунь был скорее небесным божеством, чем земным правителем. Поэтому, некоторые считают, что Дэнби-ши была первой женой Шуня и жила в его доме до того, как Яо женил его на своих дочерях. Но вопрос этот не совсем ясен, так как здесь два различных предания соединились в одно. По некоторым книгам, у Шуня было девять сыновей. Из них мы знаем имя упомянутого выше И-цзюня (оно сходно с именем внука Ди-цзюня). И-цзюнь получил удел Шан и назывался ещё Шан-цзюнем. Имена остальных сыновей нам неизвестны. Мы знаем лишь то, что они, подобно Шан-цзюню, любили только, пение и танцы, и не удивительно поэтому, что они не могли справиться с государственными делами. По преданию, потомки Шуня основали две пограничные страны. Одна была расположена в Восточной пустыне и называлась страной Яоминь, другая - страна Чжи - находилась в Южной пустыне. У людей Чжи была жёлтая кожа, они очень метко стреляли из лука и убивали змей. Они не обрабатывали землю и не ткали тканей, а пользовались дарами природы. В их стране пели птицы луаньяня и танцевали фениксы. Страна Чжи была сущим раем на земле.

Глава VI. История стрелка И и его жены Чан-э

1. Беда, принесённая Яо десятью солнцами. Как жили вначале солнца. Матушка Си-хэ провожает любимых сыновей выполнять дневную работу. Злая проделка детей. Волшебное искусство и талант шаманки. Удивительная церемония моления о дожде. Злое солнце сожгло шаманку. Ди-цзюнь посылает бога И избавить людей от бед.

Однажды, как говорит предание, во времена правления Яо на небе появились сразу десять солнц. На земле началась страшная засуха. И опечалился тогда великий правитель.

Как ужасно было это зрелище! Весь небосвод был заполнен солнцами, на земле нельзя было отыскать даже клочка тени.

Зной сжигал посевы и так накалял землю, что плавилась камни и металлы. В жилах

людей чуть не закипала кровь, было невозможно дышать, иссякли съестные припасы. Люди страдали от жестокого голода.

Десять солнц были детьми Си-хэ - жены восточного божества Ди-цзюня. Они жили в Тангу - Кипящей долине - за Восточным морем. Это место называлось иначе Янгу - Долина света или Вэньюаньгу - Долина тёплых источников и находилось к северу от Страны чернозубых. Десять солнц обычно омывались в море, поэтому вода там бурлила и клокотала, как кипяток. В бурлящем море росло громадное дерево фусан в несколько тысяч чжанов высотой и толщиной в тысячу чжанов.

На этом дереве и жили десять сыновей-солнц. Девять солнц находились на верхних ветвях и одно - на нижних. Они появлялись на небе по очереди: когда одно солнце возвращалось, другое заменяло его. Они ездили в колеснице, которой правила сама Си-хэ. И хотя солнц было десять, но люди видели на небе всегда лишь одно. Вероятно, такой порядок был установлен их родителями.

Сияние, исходившее от солнц, было умеренным и приятным. По преданию, на верхушке фусана весь год сидел яшмовый петух.

Когда ночь начинала рассеиваться и наступал рассвет, яшмовый петух расправлял крылья и громко кукарекал. За яшмовым петухом начинал кричать золотой петух на большом персиковом дереве на Горе персиковой столицы - Таодушань. Злые духи и привидения, услышав крик, поспешно возвращались на неё. Они проходили через ворота духов, и в это время за ними наблюдали братья Шэнь-ту и Юй-лэй. Вслед за золотым петухом кричали каменные петухи знаменитых гор и потоков, а затем и все петухи Поднебесной. После этого с рокочущим шумом начинался морской прилив и появлялось очередное чисто вымытое солнце.

Его мать Си-хэ правила колесницей, запряжённой шестью драконами, быстрыми, как вихрь. Время, когда солнце выходило из Янгу, омывалось в озере Сянчи и перебиралось с нижних ветвей дерева на верхушку, называлось «приближение утра». Затем солнце достигало верхушки дерева, садилось в колесницу, приготовленную матерью, и отправлялось в путь. Это время называлось «ранний рассвет». Время прохождения солнца через Цюйа называлось «полный рассвет». И для всех мест, через которые проходило солнце, существовали особые названия, указывающие на время суток. Си-хэ сопровождала сына до Бэй-щюаня - Печального источника, где она останавливала колесницу. Это место называлось Сяньчэ, что значит «остановка колесницы». Оставшийся путь сын проделывал самостоятельно, но Си-хэ продолжала следить за ним. Сидя в колеснице, она смотрела, как её сын двигался к Юйюань и, проходя Мэнгу - Закрытую долину, бросал последние сверкающие лучи на вязах и туты на побережье. Лишь тогда в ночной прохладе возвращалась она на пустой колеснице сквозь облака и рои звёзд в Янгу, чтобы на следующий день начать путешествие снова, и сопровождать другого сына.

Десять сыновей-солнц под наблюдением матери каждый день по очереди выходили совершать свой строго определённый путь. Порядок не менялся со времени его возникновения, и все сыновья чувствовали материнскую заботу. Но путь повторялся изо дня в день в течение многих лет и всем надоел. Однажды вечером сыновья-солнца собрались на ветвях дерева фусан и стали шептаться. На следующее утро они с шумом вылетели вместе, не желая садиться в надоевшую колесницу. Радостно резвясь, сыновья-солнца разлетелись по всему безграничному небосводу. Мать, сидя в колеснице, в волнении кричала на них, однако озорные и непослушные сыновья не обращали внимания на крики матери. Собравшись вместе, пользуясь неограниченной свободой и предаваясь необузданному веселью, они установили для себя новый порядок. Каждый день они поднимались вместе, больше не желая разлучаться.

Можно себе представить, какой был яркий свет, когда землю освещало сразу десять солнц, которые, наверное, считали, что на обожжённой земле им тоже радуются. Они не предполагали, что все живые существа ненавидели их всей душой. Голодные, страдающие от жары люди не могли больше переносить ужасный зной десяти солнц, каждый день

поднимающихся на небосводе. По обычаям того времени, люди на холме около хижины правителя поместили под палящие лучи солнц колдунью по имени Нюй-чоу. Считалось, что это должно вызвать дождь.

Колдунья Нюй-чоу обладала необыкновенными способностями. Она путешествовала по Девяти пределам на однорогой рыбе-драконе. Эту рыбу называли ещё рыба-черепаха, у неё было четыре ноги, и она напоминала самку кита, но была гораздо больше и свирепее. Эта громадная рыба жила в море, но она могла жить и на суше. (Это и была удивительная рыба-холм линьёй, о которой говорится в «Книге гор и морей», в разд. «Хайнэй бэй цзин» и, или рыба-кит линьёй из «Вопросов к небу» Цюй Юаня.) Она была такой большой, что, по преданию, могла проглотить лодку. Спину и живот рыбы покрывали острые шипы. Они служили страшным оружием в борьбе с врагами. Как только рыба появлялась на поверхности моря, начинал дуть свирепый ветер и поднимались большие волны.

Нюй-чоу верхом на страшной рыбе летала по небосводу над Девятью пределами среди облаков и туманов. Кроме рыбы-дракона, у неё был огромный краб, что жил в Северном море, спина у него была шириной тысячу ли. Он тоже был в услужении у Нюй-чоу.

Толпа почерневших и похудевших людей собралась под палящими лучами солнц на равнине. С флагами в руках, с паланкином из веток и лиан, ударяя в колокола и гонги, толпа двинулась к холму правителя. Нюй-чоу надела зелёную одежду, приняла облик духа засухи и села в разрисованный паланкин. Она подняла своё худое и лоснящееся лицо, покрытое каплями пота, и, устремив глаза ввысь, начала бормотать заклинания. По дрожащему от страха голосу и беспокойному выражению глаз можно было видеть, что в душе у неё страшное предчувствие боролось со смутной надеждой.

Люди, дойдя до вершины холма, стали плясать и кричать, ударяя в каменные гонги и колокола. Колдунью, одетую богиней засухи, посадили на циновку на вершине холма и оставили там одну под палящими лучами. Люди разошлись в разные стороны и, ожидая, когда произойдёт чудо, скрылись в пещерах или в тени деревьев, наблюдая, чтобы колдунья не убежала от невыносимого зноя. Прошёл час, другой, а на небе, озарённом десятью солнцами, не появлялось ни малейшего облачка. Колдунья, сидя на циновке под обжигающими лучами, несмотря на свои сверхъестественные способности, не знала, куда ей деваться. Вначале было видно, как она, вся покрывшись потом, сидела, шепча заклинания. Затем она вытянула шею, приоткрыв рот и тяжело глотая воздух. После этого она подняла руки, закрыв широкими рукавами голову и лицо. Это не соответствовало ритуалу моления о дожде, и её хотели заставить опустить рукава, но она начала качаться вправо и влево, как пьяная, и неожиданно упала на землю. Её свело судорогой, и больше она не шевелилась. Прибежавшие люди убедились, что знаменитая колдунья Нюй-чоу была умерщвлена раскалёнными лучами десяти солнц. Закрывая перед смертью лицо рукавами, она хотела показать, что больше не в состоянии переносить палящий зной.

После смерти Нюй-чоу люди почти потеряли надежду на избавление, они не знали, что делать с десятью солнцами на небе. Они лишь произносили пустые угрозы. Люди страдали не только от засухи и страшного зноя. Свирепые животные яюй, цзочи, цзюин, дафын, фынси, сюшэ убежали из горящих лесов и кипящих рек и озёр и нападали на людей. Жизнь стала невыносимой, люди-громко жаловались на свои страдания и чувствовали, что дальше так жить нельзя.

В это время правитель Яо жил в простой соломенной хижине, питался неочищенным рисом и отваром из диких трав и, по-видимому, как и все люди, страдал от голода. Яо испытывал не только физические, но и моральные мучения. Он любил свой народ как своих детей и думал, как избавить его от страшных страданий. Эта задача легла тяжёлым бременем на плечи Яо. Но что он, как и все остальные, мог поделать с этими ужасными светилами? Ничего, кроме молитв и обращений к верховному владыке. Смерть колдуньи ещё больше удручила его. Трудно было даже представить, как велики были его печаль и заботы.

Молитвы Яо, конечно, достигали ушей верховного божества Ди-цзюня. Вероятно, Ди-цзюнь запретил своим детям выкидывать злые шутки. Но могли ли слова остановить их,

ведь они обладали божественной силой и привыкли к озорству. Наказывать их по законам небесного царства было жалко. Если предоставить им свободу, то они могут натворить много бед. Небесному царству они не могли принести много зла. Но молитвы, доносившиеся с земли, начинали надоедать богам. Ди-цзюнь наконец понял, что люди находятся в безвыходном положении. Недовольство началось даже в небесном царстве. Тогда верховный владыка послал к людям искусного стрелка по имени И. Ди-цзюнь надеялся, что И усмирит сыновей и поможет Яо избавить страну от бедствия.

Существовало много подтверждений тому, что И был искусным стрелком из лука. Имя его вызывало восторг и поклонение позднейших поколений и у каждого ассоциировалось с меткой стрельбой из лука. По преданию, И мог попасть стрелой в летящую птицу. Говорят, что, когда он натягивал лук и готовился стрелять, даже юэсцы, что жили на морском побережье и не знали лука, наперебой старались принести для него стрелы или мишень. Из рассказов видно, как метко И умел стрелять. Такая необычайная меткость объяснялась особенностями телосложения И. По преданию, у него от рождения левая рука была длиннее правой, и это было большим преимуществом при стрельбе.

Перед тем как отправить И к людям, Ди-цзюнь подарил ему красный лук и колчан красивых белых стрел, твёрдых и острых.

Записи в древних книгах очень кратки, и нельзя точно установить, какой наказ дал Ди-цзюнь стрелку И. Можно предположить, что И должен был относиться к сыновьям-солнцам снисходительно. Ему следовало поугаить их и лишь в крайнем случае проучить их силой, легко ранив одного-двух. Ди-цзюнь, конечно, не хотел, чтобы искусство И принесло несчастье его детям.

2. И стреляет в десять солнц. И убивает чудовище иня. Борьба с зубами-свёрлами. И уничтожает цзюина. Да-фын умирает от руки И. И разрушает гигантского удава. Стрелок И ловит огромного кабана. Верховному владыке не нравится мясо кабана, поднесённого стрелком И. Стрелок И не ладит с женой. И отправляется в путешествие.

По повелению Ди-цзюня И со своей женой Чан-э спустился на землю. Чан-э или, по-другому, Хэн-э, была небесным божеством и имела какое-то отношение к богине луны Чан-си. Некоторые считают, что она была земной девушкой. Спустившись с женой на землю, И отправился к Яо, который сидел в своей хижине в глубокой печали. Как только Яо узнал, что И прислан с неба верховным владыкой, его печаль сменилась радостью, и он повёл И и его жену показать, как живут люди. Палящие лучи десяти солнц продолжали обжигать несчастных. Многие из них умерли, а остальные были на грани смерти, от них остались только чёрная кожа да кости. Но стоило им услышать, что к ним спустился с неба стрелок И, как они вновь обрели силы. Со всех сторон люди направились к хижине правителя и, собравшись на площади, громко просили стрелка И избавить их от страданий.

Подобно герою греческих мифов Гераклу, совершившему двенадцать подвигов, стрелок И по повелению небесного правителя и по просьбе народа начал совершать свои подвиги.

Самым трудным было обуздать десять солнц, светивших на небе. Народ уже собрался на площади и в нетерпении шумом и криками побуждал И вместе с Яо выйти к ним. И должен был приступить к действиям. Он сочувствовал людям, жалел их и ненавидел солнца. Несмотря на повеление небесного правителя, он решил как следует проучить этих сынков, чтобы раз и навсегда положить конец неприятностям.

Стрелок вышел на середину площади, снял из-за спины красный лук, вынул из колчана белую стрелу, натянул тетиву до отказа, прицелился в огненный шар на небе и спустил стрелу. Вначале ничего не было заметно, но прошло мгновение - и огненный шар в вышине беззвучно лопнул и полетел вниз, рассыпая вокруг себя золотые перья. Что-то сверкающее с треском упало на землю. Люди подбежали и увидели огромную трёхногую золотую ворону, пронзённую стрелой. Это и было солнце. Люди снова посмотрели на небо и убедились, что там осталось лишь девять солнц. Они почувствовали, что стало прохладнее, и в один голос закричали от радости. И решил довести до конца начатое дело. Он вновь и вновь без устали

натягивал лук, и стрелы летели в солнца, которые дрожали от страха и хотели бы убежать. Стрелы летели со свистом, как быстрые птицы, а на небе беззвучно лопались огненные шары. Всё небо было заполнено струями пламени, летали бесчисленные золотые перья, и на землю падали трёхногие вороны. Ликующие крики людей наполнили всю землю, радуя стрелка.

Яо стоял на земляном алтаре и наблюдал за полётом стрел. И вдруг он вспомнил, что нельзя убивать все солнца. Тогда он послал человека, чтобы тот потихоньку вытащил одну из десяти стрел из колчана И. Так на небе осталось одно солнце. У этого озорного сынка от страха побелело лицо, и люди начали над ним смеяться.

Зло, которое приносили десять солнц, было устранено, но свирепые звери, причинявшие людям множество бед, ещё оставались на земле. Стрелок И уничтожил и их.

Самым свирепым зверем в то время был яюй, что водился на центральной равнине. Яюй походил на быка; у него было красное туловище, человеческое лицо и лошадиные ноги. Его пронзительный голос напоминал плач ребёнка. Яюй пожирал людей. Неизвестно, много ли вреда причинял он людям, но одно его имя всех приводило в дрожь. В некоторых легендах говорится, что у яюя было человеческое лицо и туловище змеи или же голова дракона и когти тигра. Это было страшилище. Яюй сначала был небесным божеством. И неизвестно, по какой причине божество Эр-фу со своим приближённым Вэем задумали убить яюя. Колдун с гор Куньлунь спас ему жизнь, и он бросился в реку Жошуй, где превратился в странное животное с головой дракона, туловищем быка, лошадиными ногами и когтями тигра.

В гл. «Война Жёлтого императора с Чи-ю» уже упоминалось об яюе. Там говорилось, что яюй уже был один раз убит. Здесь мы с ним встречаемся снова как с противником И. Краткие записи в древних книгах не сообщают никаких подробностей о битве стрелка И с яюем. Можно только предположить, что раз у И хватило мужества справиться с солнцами, то он мог уничтожить и это чудовище. Он убил чудовище и избавил людей ещё от одной напасти.

Следующий подвиг И заключался в том, что он поехал на юг к пустоши Чоухуа и убил там чудовище цзочи - «клык-бурав». Одни говорили, что это человек, другие, - что это зверь. Вероятно, это было чудовище со звериной головой и человеческим телом. Из его пасти торчал клык, похожий на бурав цзо длиной пять-шесть чи. Никто из людей не осмеливался приближаться к цзочи, боясь этого страшного оружия. Цзочи приносил людям много вреда. Стрелок И взял лук, подаренный ему небесным правителем, и без малейшего страха вступил в борьбу с чудовищем. Сначала цзочи схватил копьё, чтобы поразить И. Но, увидев, как метко И стреляет из лука, растерялся, бросил копьё и взялся за щит, чтобы защитить себя от стрел. Смелый И не дал чудовищу приблизиться и поразил его стрелой через щит.

После этого И направился на север, к реке Сюншуй, чтобы убить чудовище цзюин. По-видимому, цзюин был зверем с девятью головами, из каждой пасти он мог извергать огонь и воду. Можно себе представить, сколько вреда он причинял людям. Придя туда, И сразу стал биться с чудовищем. Цзюин был очень свирепым, но он не мог победить стрелка И и в конце концов был убит и брошен в волны Сюншуй.

Вскоре после этих событий на севере неожиданно обрушилась гора Силушань. Среди обломков горы И нашёл удивительно твёрдый и красивый нефритовый перстень, посланный с небес. Стрелок надел перстень на большой палец правой руки, чтобы удобнее было натягивать тетиву. Раньше у него был для этого перстень из слоновой кости. Но его, конечно, нельзя было даже сравнить с найденным, вырезанным из целого куска красивого необработанного нефрита. И получил подарок небес и стал ещё сильнее. На обратном пути он проходил мимо Озера зелёного холма - Цинцю, где повстречал птицу дафын - «большой ветер» со свирепым нравом. Дафын была большим фениксом, по-видимому, так называли больших павлинов, которые водились на китайской равнине в древние времена. При полёте

птицы ветер, возникавший от взмаха её крыльев, мог опустошить окрестности. Птица была символом ветра и, по преданию, могла разрушать человеческие жилища. Поэтому павлин и ветер в древние времена обозначали одним и тем же иероглифом: дафын одновременно означает и «большой ветер», и «большой павлин».

И знал, что птица очень быстро летает, и боялся, что не сможет сразу насмерть поразить её стрелой. А если бы она улетела со стрелой, то найти её было бы невозможно. Птица залечила бы рану, и стрелку снова пришлось бы бороться с ней. Поэтому И специально привязал к концу стрелы верёвку, сплетенную из зелёного шелка, спрятался в лесной чаще и, дождавшись, когда хищная птица пролетала у него над головой, пустил стрелу и попал птице прямо в грудь. Верёвка, привязанная к стреле, не дала птице улететь. Стрелок стащил её вниз и разрубил мечом на несколько кусков. Так люди были избавлены и от этого зла.

Затем И снова отправился на юг, к озеру Дунтинху, где жил огромный удав, часто поднимавший на озере громадные волны. Он опрокидывал лодки и проглатывал рыбаков и рыбачек. Никто не знал, сколько людей проглотил удав. Людям, жившим у озера, он причинял бесчисленные страдания. Такие огромные змеи водились во многих местах. Например, на горе Дасянь жил огромный змей длиной в сто чжанов. Спина его была покрыта длинной и твёрдой щетиной. Голос его был похож на удары колотушки. На горе Чуньюйфун жил другой змей с красной головой и белым туловищем. Он ревел, как бык. Там, где он появлялся, начиналась сильная засуха. Гигантского удава из озера Дунтинху звали башэ. У него было чёрное туловище и зелёная голова. Удав мог заглотать целого слона, три года он переваривал его, а затем выплёвывал кости. По преданию, эти кости помогали от болей в сердце и животе.

Стрелку пришлось нелегко, когда он встретился с таким врагом. Но у него было повеление небесного правителя избавить людей от напастей, и поэтому он не испугался. И сел в лодку и отправился по громадным волнам Дунтинху на розыски змея. Долго он искал его, и наконец вдалеке высунулась голова. Змей, поднимая громадные, как горы, волны, поплыл к лодке И. Он высоко поднял голову, высывая красный, как пламя, язык. И поспешно схватил лук, прицелился и выпустил одну за другой несколько стрел. Все стрелы попали в цель, но змей не был убит и продолжал плыть к лодке. И вытащил меч и вступил в рукопашную схватку со змеем среди волн, вздымавшихся к небу. Змей был разрублен на несколько кусков. Вонючая кровь, хлынувшая из него, окрасила воду. Прибрежные рыбаки громкими радостными криками приветствовали возвращение И.

Останки огромного змея вытащили из воды. По преданию, из его костей образовался холм Балин, или Бацю, что возвышается над озером Дунтинху на юго-западной окраине уездного города Юэян.

Стрелку И оставалось совершить последний подвиг - отправиться в Санлинь - Тутовый лес - и поймать там громадного кабана. В древних книгах не сказано, где находился этот лес. Известно лишь, по преданию, что позднее, во время семилетней засухи, Тан-ван совершил там моление о дожде. Основываясь на этом, можно предположить, что эта местность находилась где-то на Центральной равнине. Кабан, что жил в лесу, назывался фынли. У него были длинные клыки и острые когти, силой и свирепостью он превосходил быка. Он портил посевы, пожирал людей и домашних животных. Люди из окрестных мест натерпелись от него и поэтому ненавидели его. Теперь он должен был понести наказание. И пустил несколько стрел, которые вонзились кабану в ляжку, он не смог убежать, и стрелок поймал его живьем. Все люди очень радовались.

Так народ был избавлен от семи бед. Люди Поднебесной благодарили И за его подвиги и пели гимны в его честь. Образ И навсегда запечатлелся в сердцах людей, как образ величайшего героя. Яо тоже выразил ему свою глубокую признательность. А сам И был весел и доволен, зная, что он выполнил все повеления небесного правителя. Он убил пойманного в Тутовом лесу кабана, мелко изрубил его, сварил мясо и принёс его в жертву небесному правителю, чтобы обрадовать его. Но оказалось, что небесный правитель

разгневался, и это было для И полной неожиданностью.

Почему же небесный правитель невлюбил И? Скорее всего из-за убийства солнц. Из десяти сыновей-солнц небесного правителя И убил девять. Этот подвиг И был великим благодеянием для людей, но небесный правитель не мог ему простить гибели сыновей. Ди-цзюнь сначала очень печалился, а потом возненавидел стрелка. И нет ничего странного в том, что он был недоволен этим героем.

В древних книгах почти нет описаний последующих подвигов И. На долю исследователей мифов остаются одни догадки. Можно предполагать, что И остался на земле и больше не поднимался на небо. Возможно также, что после убийства солнц небесный правитель изгнал его из сонма богов. Его жена Чан-э, которая спустилась в мир людей вместе с ним, тоже перестала быть божеством. Очевидно поэтому последующие предания, посвящённые И, в значительной степени «очеловечивают» его.

Отношения И и Чан-э в это время, вероятно, ухудшились. Чан-э, бывшая раньше богиней, не могла теперь вернуться на небо. В этом был виноват И. Разница между божествами и людьми очень велика, и Чан-э не могла перенести того, что из небожительницы она превратилась в обычную смертную. Чан-э с её ограниченным умом не могла вместить в себя такую большую печаль и досаду, обижалась на мужа и упрекала его. Удручённому и невесёлому И трудно было сносить беспрестанные упрёки жены. Ему пришлось уйти из дому и начать бродячую жизнь. Рискуя своей жизнью, И спасал людей от бед, совершал великие подвиги, а небесный правитель изгнал его, и стрелок остался в одиночестве. Дома у него не было ни минуты покоя. Тогда вино, наверное, ещё не было изобретено, а то бы он каждый день заливал свою тоску вином. Чтобы хоть немного рассеять грусть, он носился в колеснице по равнинам со своими слугами или охотился в горных лесах. Сильный встречный ветер, свистящий в ушах, развеивал его печаль. Подъём, который он испытывал при схватке со зверями, на время смягчал его горе. Таким образом И бродил день за днем, ничего более не делая, и в глазах людей слава его несколько померкла.

3. И встречается с Ми-фэй. Как поэты описывали Ми-фэй. Почему горевала Ми-фэй. Бродящий без дела бог Жёлтой реки. «Женитьба бога реки», или как Таньгай Цзы-юй посрамил бога реки. Переполох в двух семьях. Соглядатаи бога реки. И стрелой выбивает богу реки левый глаз.

Во время одного из путешествий, к счастью, а может быть, и к несчастью, И встретился с богиней Ло-пинь. Ло-пинь или Ми-фэй была дочерью Фу-си. Она утонула при переправе через Лошуй и стала феей этой реки. Она славилась красотой, поэты посвящали ей самые восторженные хвалы и гимны. Цюй Юань так описывает её в знаменитой поэме «Скорбь отрешённого»:

На облако воссевшему Фын-луну Я приказал найти дворец Ми-фэй, Я снял венок для подкрепления просьбы, Послал Цзянь Сю просить её руки.. Ми-фэй сперва как будто сомневалась, Потом с лукавством отказала мне, По вечерам она в Цюньши уходит, А утром моет волосы в Вэйпань. Ми-фэй красу лелеет горделиво, Усладам и забавам предана, Она хоть и красива, но порочна, Так прочь её! - Опять пойду искать.

Цао Чжи в оде «Фея реки Ло» пишет о ней: «Она грациозна, как летящий лебедь или парящий в облаках красавец дракон. Если смотришь на неё издали,- видишь сияние, подобное солнцу, поднимающемуся на небе в утреннем тумане. Если смотришь на неё вблизи,- она подобна белому лотосу, который распускается на зелёной волне. Все пропорции её тела - образец гармонии и совершенства. Её плечо как выточенное, её талия будто стянута блестящей тканью. У неё прелестная длинная шея и кожа белая, как жир. Ей не надо румян для украшения, и с красотой её ничто не сравнится. Высокое и чёрное, как воронье крыло, облако прически, тонкие изогнутые брови, красные ароматные губы, ослепительно сверкающие белые зубы, кокетливые яркие глаза и на щеках две маленькие ямочки, трогающие до глубины души...»

И повстречал Ми-фэй, когда она гуляла со своей свитой на берегу Лошуй. Девушки-феи собирали на отмели волшебный чёрный гриб линчжи, другие подбирали в

прибрежном лесу перья зимородков или скользили по зелёным волнам, собирая жемчужины. На середине реки из воды выпрыгивали рыбы, а над волнами реяли птицы. Казалось, что они тоже играют и веселятся вместе с ними. В тот ясный осенний день все феи искрились радостью и весельем. Лишь одна Ми-фэй не принимала участия в весёлых играх подруг и грустно сидела на прибрежном утёсе, любуясь одинокими соснами и осенними хризантемами. На душе у неё была скорбь, улыбка её была печальной, как будто тихой ночью ясную луну закрыло пепельное облако. Почему же прекрасная богиня была печальной, замкнутой и не веселилась со своими подружками?

Ми-фэй была женой водяного бога Хэ-бо, его звали еще Бин-и или Фын-и. По преданию, Хэ-бо утонул, переправляясь через реку, и стал богом реки. В другом предании говорится, что, проглотив волшебное лекарство, он попал в воду и сделался бессмертным. Хэ-бо был очень красив: высокого-роста с белым лицом, у него был хвост, как у рыбы линьей из Северного моря. Он любил ездить на водной колеснице, запряжённой драконами, с навесом из листьев лотоса и развлекаться с девами Девяти рек. Цюй Юань ярко описал вольную жизнь Хэ-бо в оде «Повелителю рек».

Дух! Палаты твои Чешуёй серебристой покрыты, Твой дворец - из жемчужин, Ворота - из раковин красных. О зачем, повелитель, Живёшь ты в воде постоянно, Оседлав черепаху, Летающих рыб догоняешь, Играешь с наядами в реках И плывёшь по быстрым потокам

Хэ-бо вёл разгульный образ жизни, поэтому не удивительно, что в поздних народных преданиях говорится, что каждый год брал он себе новую жену.

Во времена Борющихся царств в местности Е княжества Вэй (современный уезд Линьчжан провинции Хэнань) был обычай отдавать девушек в жёны Хэ-бо. Старейшины и княжеский управитель этой местности каждый год выманивали у народа несколько миллионов монет. На двести-триста тысяч устраивали ежегодную «свадьбу», а остальные деньги завязывали себе в пояс. Из дома в дом ходила шаманка, выбирая жену для Хэ-бо. Найдя подходящую девушку, она объявляла её невестой бога. Жертве давали деньги в приданое, купали её, одевали в новые шелковые одежды и временно помещали её во «дворец воздержания». Там она жила больше десяти дней, питаясь вином и мясом. К свадьбе несчастную девушку наряжали. Родственники в её честь приносили жертву на берегу реки. Мать плакала, обнимая её в последний раз. После этого её клали на узорчатую постель с циновками, несколько человек несли её к реке и бросали в воду. Некоторое время узорчатая постель держалась на воде. Затем волны захлестывали её, и она постепенно погружалась в воду. Звуки музыки на берегу сливались с жалобными криками на середине реки. Несчастливая навсегда уходила из родного дома и отправлялась на встречу со своим безжалостным мужем. Каждая семья, в которой были красивые девушки, боялась, что колдунья выберет их дочь в жёны Хэ-бо. Девушки окрестных мест разбегались, города пустели. Всем хотелось избавиться от этого ужасного обычая. Но все боялись, что Хэ-бо разгневется, устроит наводнение и погубит невинных людей, поэтому покорно терпели и повиновались.

В то время правителем уезда Е был назначен Симынь Бао. Он видел горести народа и решил искоренить этот отвратительный обычай. Он сказал старейшинам:

- Когда придёт время жениться Хэ--бо, обязательно сообщите мне. Я тоже хочу участвовать в проводах новой невесты.

Все с готовностью обещали известить. В назначенный день Симынь Бао пришёл пораньше. Вслед за ним пришли старейшины и другие чиновники - устроители церемонии. Люди удивились, что правитель уезда принимает участие в празднике, и пришедших поглазеть было больше, чем в прошлые годы. Явилась и семидесятилетняя шаманка, выбравшая жену для Хэ-бо. За нею стояло с десятков молодых шаманок - её учениц. Симынь Бао сказал:

- Пусть приведут новую невесту Хэ-бо. Посмотрим, красива ли она.

Шаманки вывели из шатра плачущую горькими слезами девушку. Симынь Бао

посмотрел на неё, покачал головой и сказал:

- Нехорошо. Она некрасива. Пусть главная колдунья возьмёт на себя труд пойти поговорить с Хэ-бо, а после этого выберем красивую девушку и пошлём ему.

Он приказал тащить упиравшуюся шаманку к реке и кинуть её в воду. Через некоторое время Симынь Бао, нахмурия брови, сказал:

- Прошло уже полдня, а колдунья всё не возвращается.

Надо послать за ней её учениц.

И люди бросили в воду сначала одну, а потом ещё трёх молодых шаманок. Немного погодя Симынь Бао сказал:

- И колдунья, и её ученицы - женщины. Боюсь, что они что-нибудь перепутали. Пусть пойдут старейшины и там всё объяснят.

Бросили в воду и старейшин. Собравшиеся на берегах реки люди замерли от страха. Симынь Бао, согнувшись в почтительном поклоне, стоял на берегу. Распорядители церемонии стояли за ним как окаменевшие. Они со страхом смотрели прямо перед собой, не зная, дойдёт ли очередь и до них. Музыка на берегу реки давно смолкла. Две-три тысячи человек стояли молча, было слышно лишь, как полощутся на ветру знамена. Тогда Симынь Бао сказал:

- Колдуньи и старейшины не возвращаются. Как быть?

Пусть распорядители и начальники узнают, в чём там дело.

Негодяи, услышав его слова, задрожали от страха. Никто из них не хотел отправляться в гости к Хэ-бо. Они побледнели, упали на колени перед Симынь Бао и начали кланяться так, что на лбу у них выступила кровь, а лица их стали белыми, как у покойников. Симынь Бао, подумав, сказал:

- Я вижу, вы не хотите встречаться с Хэ-бо. Тогда прекращайте церемонию и возвращайтесь домой.

После этих событий никто больше не решался посылать жён для Хэ-бо, и этот ужасный обычай перестал существовать.

Хэ-бо поднял страшные волны, чтобы показать всем свой гнев. Но Симынь Бао оказался сильнее его. Не успел Хэ-бо шевельнуть рукой, как Симынь Бао уже послал народ со всего уезда, чтобы выкопать двенадцать канав. Речная вода пошла на крестьянские поля и вместо вреда принесла пользу, и гнев Хэ-бо пропал даром. Люди умнее богов - эта мысль ясно выражена в предании. Та же мысль видна и в другом рассказе о Хэ-бо, где говорится о его дурном характере.

В период Вёсен и Осеней в городе Учэн княжества Лу (на юго-западе нынешнего уезда Фэйсянь провинции Шаньдун) жил храбрый человек по имени Таньтай Мемин, по прозвищу Цзы-юй. Внешность у него была безобразная, но он отличался добродетельным, поведением и был учеником Конфуция. Конфуций, увидев его, решил сначала, что проку от него не будет. Позже он убедился, что Таньтай был толковым, и правители княжеств очень ценили его. Тогда Конфуций сказал:

- Если выбирать людей по их словам, то можно ошибиться в Цзай-юе. (Цзай-юй тоже был учеником Конфуция. Он очень любил красивые слова, но поведение его оставляло желать лучшего.) Если выбирать людей по их внешнему виду, то можно ошибиться в Цзы-юе.

Эти слова сохранили своё значение до настоящего времени.

Однажды Таньтай Цзы-юй с регалией би из белой яшмы, стоившей тысячу цзиней, переправлялся через Хуанхэ в Янь-цзине (к северу от нынешнего уезда Яньцзэ провинции Хэ-нань). Хэ-бо каким-то образом узнал об этом и решил присвоить себе ценную регалию. Когда лодка была на середине реки, он послал бога волн Ян-хоу, чтобы тот поднял огромные волны. Двум драконам он приказал теснить с двух сторон лодку, опрокинуть её и схватить регалию. Таньтай Цзы-юй разгадал коварную уловку, но не испугался. Несмотря на волны и ветер, он встал на борту лодки и громким голосом закричал:

- Если кто-нибудь хочет иметь мою регалию, то меня надо как следует попросить об

этом. А если кто-нибудь захочет захватить её силой, то ничего из этого не выйдет.

Он выхватил из-за пояса свой меч и, размахивая направо и налево, стал крушить драконов.

В одно мгновение оба дракона были убиты на середине реки. Ян-хоу, увидев, что ничего не вышло, унял ветер и волны и скрылся. После того как стих ветер и улеглись волны, лодка спокойно пересекла Хуанхэ.

После переправы Таньтай Цзы-юй вытащил драгоценную регалию и с пренебрежением кинул её в реку со словами:

- Бери!

Ко всеобщему изумлению, регалия, коснувшись поверхности воды, отскочила обратно и упала прямо ему в руки. Он снова сказал:

- Бери! - и опять кияул регалию в реку.

Она снова вернулась к нему. Три раза бросал он яшму, и три раза она возвращалась. Вероятно, Хэ-бо, столкнувшись с таким бескорыстием, стыдился принять дар. Таньтай Цзы-юй, увидев, что Хэ-бо не хочет принимать регалию, положил её на камень, разбил на мелкие кусочки и разбросал их в знак того, что причиной борьбы для него была не регалия, а что-то более ценное.

Хэ-бо, который вёл разгульную жизнь и имел дурной характер, не мог питать искренних чувств к своей жене. Он мог в любое время изменить ей. Ми-фэй устала слушать его лживые клятвы. Печаль и днём и ночью, подобно змее, гнездилась в её сердце и причиняла ей боль. Поэтому она держалась в стороне от подруг, играющих на волнах, и одиноко стояла на утёсе. В это время И встретился с Ми-фэй. Один был знаменитым героем, другая - несравненной красавицей. У них были общие горести, они не могли обрести домашнего очага. Естественно, что между ними вскоре возникла взаимная симпатия.

Эта связь для И и Ми-фэй служила горестным утешением. Она оказала некоторую поддержку И в его горемычной жизни. Но можно предположить, что эта любовная связь неизбежно возбуждала волнения в обоих семействах. Хэ-бо мог, выступая в роли примерного мужа, упрекать Ми-фэй в неверности (о самом себе он, конечно, не говорил). Чан-э продолжала постоянно изводить И слезами и бранью. Сладостный напиток любви стрелку И и Ми-фэй приходилось пить вместе с горьким вином ревности.

У Хэ-бо - правителя водного царства - было в распоряжении много воинов и чиновников. Об обычных солдатах-креветках и крабах-полководцах не стоит даже и говорить. Можно упомянуть лишь о его главных слугах, таких, как дракон чжуполун. (Это он, как говорилось выше, забавлял музыкой небесного правителя.) Люди называли его «посланцем Хэ-бо». Были у Хэ-бо черепаха, называемая «приближённой Хэ-бо», и каракатица - «служба Хэ-бо». Они часто выходили на поверхность, собирали различные «политические» новости и любовные сплетни и докладывали Хэ-бо. Наиболее предприимчивым был «посланец Хэ-бо». Он принимал облик человека и ездил с важным видом верхом на белой лошади с красной гривой. На нём была белая одежда, а на голове красовалась чёрная шапка. За ним следовало двенадцать детей, мчавшихся, как ветер, на конях по воде. Иногда они скакали по берегам реки, и там, где оставался след конского копыта, его тотчас же заливало водой. В тех местах, где они проносились, ливня лил дождь. К сумеркам «посланец Хэ-бо» вместе с детьми, бывшими на самом деле рыбками и креветками, возвращался обратно в реку. Стараниями этих служителей водного царства и чинились помехи любовной связи И с Ми-фэй.

Хэ-бо узнал от них много такого, что ранило его душу и вызывало гнев. Не сдерживая злобы, он решил пойти и проверить всё сам. Он боялся отважного героя И, убившего девять солнц, и не осмеливался появиться открыто, а превратился в белого дракона и стал плавать по реке. Но он выдал себя тем, что поднял громадные волны, затопившие оба берега и погубившие невинных людей. Стрелок И скоро понял, что перед ним Хэ-бо. Он рассердился на него за поступок, недостойный правителя водного царства, открыто пустил стрелу и угодил Хэ-бо прямо в левый глаз.

Жалкий Хэ-бо умел обольщать женщин, но битвы он боялся. Поэтому он заплакал и, широко раскрыв единственный уцелевший глаз, побежал жаловаться небесному правителю:

- Правитель! И всех обижает, убей его!

- Почему И выбил тебе глаз? - спросил небесный правитель.

- Я... я...- стал невнятно бормотать Хэ-бо,- когда я превратился в белого дракона и рзвился на поверхности реки, то И...

Небесный правитель давно уже знал обо всём. Он не испытывал симпатии к недостойному божеству вод и нетерпеливо прервал его речь:

- Не трать зря слов. Кто велел тебе вылезать на поверхность и превращаться в дракона, вместо того чтобы спокойно 'жить в водном царстве? Ведь дракона всегда может подстрелить человек. При чём же здесь И?

Хэ-бо, как говорится, «напоролся на гвоздь», вернулся домой и, конечно, опять затеял перебранку с женой. Ми-фэй, вероятно, почувствовала себя виноватой перед мужем, потерявшим глаз. Она любила И, но ей пришлось порвать с ним, чтобы в обоих семьях воцарилось спокойствие. Иначе их любовь могла превратиться в трагедию. В «Вопросах к небу» говорится: «Небесный правитель послал на землю И, чтобы тот избавил людей от бед и напастей. Почему же И убил Хэ-бо и завладел его женой Ми-фэй?» Поэт Цюй Юань в своих стихах высказывает сомнение в достоверности легенды о том, что И захватил Ми-фэй себе в жёны. Поэтому мы предположим, что между И и Мя-фэй была лишь любовная связь, которая прекратилась после несчастного случая с Хэ-бо.

4. Блудный сын возвращается домой. Тень бога смерти. Легенда о хозяйке Запада. Слабая вода и горы Куньлунь в пламени. И получает у хозяйки Запада лекарство бессмертия. Ю-хуан предсказывает судьбу Чан-э. «Чан-э бежит на луну» - прекрасная бессмертная превращается в отвратительную жабу. Холодные годы в лунном дворце.

После возвращения И домой между ним и Чан-э временно воцарился мир, но отношения оставались натянутыми. Главной причиной служили происшедшие события. И провинился перед небесным правителем и не мог вернуться на небо, а с ним и его жена. Чан-э была небесной феей и очень горевала, что путь на небеса ей закрыт. Она боялась, что после смерти попадёт в подземное царство Юду, где будет вместе с духами и чертями вести печальную и мрачную жизнь. И тоже не хотел попасть в подземное царство, так как он был богом, и для него было не только страшно, но и стыдно находиться вместе с бесами. Шло время, и каждый день приближал его к этой участи. Смелого И начинал охватывать страх, и он понял справедливость упрёков своей жены. И решил найти способ, который избавил бы их от угрозы смерти. Тогда вновь между ним и его женой возродилась бы любовь и наступила бы вечная весна.

Как-то И узнал, что на западе, в горах Куньлунь, живёт богиня по имени Си-ван-му, у которой хранится лекарство бессмертия. Стрелок И решил добраться до Си-ван-му, невзирая на расстояние и трудности пути, и попросить у неё лекарство.

Последующие поколения считали Си-ван-му владычицей Запада, немолодой, с добрым характером. Иероглифы, обозначающие имя Си-ван-му, буквально значат «владычица Запада». Неграмотные даосы создали множество всяких небылиц, подтверждающих эти фальшивые предположения. Но всё это не соответствует истине. Люди первоначально представляли Си-ван-му удивительным божеством, насылавшим мор, ведавшим наказаниями и умевшим свистеть. Изображали её с хвостом барса, зубами тигра, длинными всклокоченными волосами и нефритовой заколкой в голове. Сейчас невозможно установить, было ли это божество мужского или женского пола. Заколочка считается женским головным украшением, но в первобытные времена мужчины тоже носили их. Ведь и серьги у первобытных народов носили в ушах и мужчины и женщины. По преданию, это божество жило в мрачной пещере очень простой жизнью. Три зелёные птицы прислуживали ему и по очереди приносили пищу. Иероглифы ван-му, означавшие «владычица», нефритовая заколочка, зелёные птицы - всё это признаки, указывающие на существо женского пола. Божество Си-ван-му с течением времени стало представляться людям мягким и женственным, хотя в

действительности оно таковым не было.

Три зелёные птицы, приносившие божеству пищу, жили к западу от Куньлуня, на горе Саньвэйшань. У горы было три вершины с высокими, до облаков, пиками, и поэтому её называли Саньвэй, что означает «Три вершины». Одна из птиц называлась Дали - Большая, другая Шаоли - Маленькая и третья Цинняо - Синяя. Они были свирепыми и сильными существами, искусно летавшими, с синим оперением, красными головами и чёрными глазами, а вовсе не маленькими, нежными птичками. На горе Саньвэй они расправляли крылья для полёта, затем сразу же преодолевали тысячу ли и прилетали в мрачную пещеру Яшмовой горы, где жила Си-ван-му. Из острых когтей они выбрасывали пойманных ими птиц и животных, служивших пищей для их повелительницы с тигриными клыками. Священная птица, ковылявшая на трёх лапах, выносила наружу оставшиеся после еды кучи костей и шкуры. Она постоянно находилась при Си-ван-му и прислуживала ей. Если у Си-ван-му было хорошее настроение, то она выходила из своей пещеры, становилась над пропастью и, запрокинув голову, протяжно свистела, эхо отзывалось в горах и долинах. Перепуганные орлы и коршуны метались по небу, а тигры и барсы, поджав хвосты, без оглядки бежали, чтобы скрыться в чаще. Происходило то, о чём записано в книгах: «Тигры и барсы собирались стадами, вороны и сороки сбивались в стаи».

Почему же у божества Си-ван-му, насылавшей мор и ведавшей наказаниями, по преданию, было лекарство бессмертия? Человеческая жизнь непосредственно зависела от болезней и наказаний. Си-ван-му могла взять жизнь, но могла и подарить её. И в древнегреческих мифах бог солнца Аполлон не только распространял болезни, но и исцелял их. Поэтому все люди верили, что у Си-ван-му хранится лекарство бессмертия, и если счастливцев добудет его и выпьет, то он будет жить вечно.

У Си-ван-му действительно могло быть лекарство бессмертия. Вспомним, что на горе Куньлунь росло дерево бессмертия. На нём зрел плод, и тот, кто его съедал, жил вечно. Лекарство Си-ван-му было сделано из этих плодов. В период Хань Си-ван-му часто изображали державшей в руках что-то, напоминавшее ветвь дерева. Одни говорили, что это цзяхэ - счастливый знак, а другие - что это саньчжу - тройное жемчужное дерево. Вероятнее всего, это было дерево бессмертия. Оно, как и другие деревья, дарующие долголетие, цвело и приносило плоды только один раз за несколько тысяч лет. Плодов было немного, и поэтому лекарство было исключительно ценным и редким. Если использовали сразу всё лекарство, то новое долгое время невозможно было добыть.

Кто же не мечтал о бессмертии и кто не хотел бы выпить драгоценное лекарство? Но люди не могли добраться до тех мест, где пребывала Си-ван-му. Иногда она бывала около Яо-чи - Нефритового пруда на вершине Куньлуня, другой раз - на богатой прекрасным нефритом горе Юйшань к западу от Куньлуня. Иногда она жила на западном крае земли на горе Яньцзы, где садится солнце. Она постоянно меняла своё местопребывание, и её было очень трудно разыскать. Не так просто было обыкновенным людям достичь вершины горы Куньлунь. Подножие горы окружала пучина Жошуй - Слабая вода. Достаточно было пёрышку упасть на воду, и оно сразу тонуло, а лодка с людьми и подавно. Куньлунь окружали огнедышащие горы. Огонь в них горел, не переставая, и днём и ночью, и всё, что попадало туда, сгорало. Кто мог преодолеть такие препятствия? И хотя предания и говорили, что Си-ван-му обладает лекарством бессмертия, но никогда ни один человек не достигал заветной цели.

Благодаря своей чудесной силе и несгибаемой воле стрелок И благополучно проник через огненное и водное кольцо и взобрался на вершину Куньлуня. Там И увидел страшного стража ворот по имени Кайминшоу - Зверь, открывающий рассвет,- с девятью головами, ростом в четыре чжана. Это место, по преданию, находилось на высоте одиннадцати тысяч ли ста четырнадцати шагов двух чи и шести цуней. Никто, кроме И, не мог и помышлять о том, чтобы забраться туда.

По счастливому стечению обстоятельств богиня Си-ван-му находилась в это время в

своей недоступной пещере около Нефритового, пруда. И рассказал ей о своих несчастьях и объяснил цель своего прихода. Богиня почувствовала сострадание к герою, совершившему столько подвигов для народа. Она приказала своей служанке - трёхногой священной птице - принести тыкву-горлянку, наполненную лекарством. Трёхногая птица принесла тыкву, спрятанную в укромном уголке мрачной пещеры. Си-ван-му торжественно передала её И со словами:

- Этого достаточно, чтобы вам с женой получить бессмертие. Если всё содержимое выпьет один человек, то он сможет вознестись на небо и стать божеством. Если его выпьют два человека, то они станут бессмертными на земле.

Богиня дала строгий наказ И, чтобы он обращался с лекарством очень бережно, так как у неё его больше не осталось.

И вернулся домой очень довольный. Тыкву-горлянку он отдал на хранение жене, решив, что они выпьют лекарство вместе во время праздника. Он не хотел снова подниматься на небо, так как жизнь там мало чем отличалась от земной, и был доволен тем, что не попадёт в подземное царство. У Чан-э намерения были иные. Она вспоминала, что была небесной феей, и ей казалось, что если теперь она не попадёт на небо, то всегда будет зависеть от мужа. Чан-э считала, что муж должен сделать так, чтобы она опять стала богиней. Священный эликсир не только давал бессмертие, но имел ещё чудесное свойство возносить людей на небо. А что, если обмануть мужа и одной проглотить его? Обидишь его, конечно, но... Чан-э решила не ждать праздника, а воспользоваться временем, когда И не будет, дома, и потихоньку выпить самой всё лекарство. Но она боялась, что таким поступком может навлечь беду, и у неё не хватило храбрости. Она решила сначала пойти погадать к колдунье по имени Ю-хуан.

Ю-хуан жила в окрестностях столицы в пещере небольшого холма. Колдунья достала панцирь чёрной черепахи, прожившей, по преданию, тысячу лет, вынула несколько десятков стеблей засохшей травы. Рассказывают, что это был тысячелистник, в котором обитала бессмертная черепаха. У тысячелистника были высокие, густые стебли и корни длиной более чжана. Гадание с панцирем черепахи и тысячелистником сбывалось девяносто девять раз из ста. Ю-хуан положила траву в панирь, опустила на колени, взяла его двумя руками и, бормоча что-то, стала трясти его словно сито. Затем она высыпала траву на низенький каменный столик, стоявший перед ней и начала ворошить её своим тонким пальцем с длинным жёлтым ногтём. Прикрыв глаза, она говорила нараспев:

- Поздравляю госпожу с великим счастьем, большой удачей. Есть одна очень умная и сообразительная женщина, она одна уйдёт на далёкий запад, а в мире будет беспорядок. Иди, не надо бояться, не надо бояться. Тебе выпало предопределение, и тебя ждёт великое процветание.

Чан-э, выслушав слова колдуньи, решила. Выбрав вечер, когда И не было дома, она взяла тыкву и проглотила всё лекарство.

И вдруг стали происходить чудеса. Чан-э почувствовала, что её тело стало легким, ноги отделяются от земли, и она через окно вылетела наружу. Там было синее ночное небо и пепельно-белая равнина. На небе сияла круглая луна, окружённая золотыми звездами. Чан-э устремилась прямо вверх... Куда же ей лететь? Чан-э подумала, что если она полетит в небесный дворец, боги осмеют её. Ведь она бросила мужа. А каково ей придётся, если он сумеет добраться до небесного дворца? Она решила, что самое лучшее - укрыться на время в лунном дворце. И устремилась прямо к нему. Долетев до лунного дворца и не успев передохнуть, она вдруг почувствовала, что с её телом происходят изменения. Спина уменьшилась в размерах, живот и поясница начали разбухать, рот у неё расширился, глаза увеличились, шея и плечи сблизились, и на коже появились большие, как монета, бородавки. Чан-э от испуга хотела закричать, но голос у неё пропал. Она хотела убежать, но могла только медленно прыгать, присев на корточки. Что же произошло? Прекрасная небожительница, ранее превосходившая всех красотой, из-за своей корысти превратилась в отвратительную жабу. Вот какое «процветание» предсказала ей обманщица-колдунья!

Такова суть древней легенды «О том, как Чан-э улетела на луну». Поздние предания более снисходительны к Чан-э. В них говорится, что она, прилетев в лунный дворец, не превратилась в жабу или какое-либо другое существо. Но она не знала, что в лунном дворце окажется так пусто и безлюдно. Там был только белый заяц, который круглый год толоч в ступке лекарство бессмертия, да росло коричное дерево. Лишь много лет спустя на луне появился У Ган, он стремился к бессмертию, но за проступки был послан в лунный дворец срубить коричное дерево. Он рубил дерево, а оно вновь срасталось, и ему никак не удавалось срубить его до конца.

Чан-э пала духом и потеряла всякую надежду на лучшее, но сделать она ничего не могла. И чем дольше она жила в лунном дворце, тем больше чувствовала печальное одиночество. Ей оставалось только вспоминать о семейном счастье и о доброте мужа. Если бы она не была такой себялюбивой и они оба выпили бы лекарство бессмертия, то вечно бы жили на земле. Может быть, в этой жизни было бы мало счастливых и радостных дней, были бы и волнения, но разве это не лучше, чем быть бессмертным божеством в лунном дворце и жить там в тоске и одиночестве. Мысли её часто возвращались в мир людей. Чан-э хотелось признать свою вину, попросить у мужа прощения и умолять его, чтобы он любил её по-прежнему. Всё было напрасно, и ей ничего другого не оставалось, как вечно пребывать в лунном дворце, никогда уже не спускаясь на землю. Чан-э раскаивалась в краже чудесного лекарства, всё время думала об этом и не могла спать ночами. Этими словами поэт выразил Чан-э свою жалость и насмешку. Постоянное одиночество стало суровым наказанием для неверной жены, обманувшей мужа и убежавшей от него.

Стрелок И вернулся в тот вечер домой и обнаружил, что его жены нет, а на полу валяется пустая тыква. Он сразу понял, что случилось. Гнев, печаль, обманутые надежды гнездились, как ядовитые змеи, в его сердце. И со стиснутыми зубами испуганно кинулся к окну. Жена его возносилась вверх, на небо, усеянное звёздами, ища счастья только для себя.

5. Стрелок И идёт по пути к гибели. Фэн-мэн учится у И стрельбе из лука. Тайная стрела на опушке тёмного леса. Заговорщики погубили И. Чи-го, Чжун-куй. Цзунбу - предводитель десяти тысяч бесов.

После этих событий И как-то изменился. Он думал о том, что в аду не так уж плохо, что на небе царит несправедливость, а на земле обман. Он впал в отчаяние и не боялся смерти, как раньше, а ждал её, как своего лучшего друга. Поиски лекарства долголетия уже больше не занимали его. Каждый день он продолжал ходить на прогулки и охотиться, чтобы как-то скоротать остаток своей жизни.

Он очень изменился, так как перенесённые испытания наложили на него отпечаток. Чуть что-нибудь было не так, он сразу вскипал гневом. Слуги видели, что характер их хозяина изменился, и понимали, почему это произошло. Скорбь И была в сущности болезнью, для врачевания которой на земле не было лекарства. Скорбь приводила к гневу, а от гнева страдали ни в чём не повинные люди.

Слуги сочувствовали несчастьям И, но им надоедало постоянно выслушивать брань и терпеть удары кнута. Многие разбежались, а те, кому убежать было некуда, прятались в укромных местах. И сердился, видя, что слуги к нему плохо относятся, но не задумывался - отчего, и гнев его невозможно было унять.

Один из его слуг, по имени Фэн-мэн, умный и смелый, нравился И, и он решил научить его стрелять из лука. И сказал ему:

- Если хочешь научиться стрелять из лука, то прежде всего ты должен научиться не моргать. Сначала пойдёшь научиться этому, а потом приходи ко мне.

Фэн-мэн вернулся домой и целыми днями лежал, запрокинув голову, под ткацким станком своей жены. Подножки станка двигались, а Фэн-мэн, не моргая, смотрел на них. Через некоторое время он не моргал даже в том случае, если к его глазам подносили острое шило. Фэн-мэн побежал к И и сообщил ему о своих успехах. Но И ответил:

- Учиться стрелять ещё рано. Теперь ты должен научиться видеть маленькую вещь - как большую, а неразличимую глазом - как вполне отчётливую. Пойди научись этому, а потом

приходи.

Фэн-мэн, вернувшись домой, разыскал крохотный волосок от бычьего хвоста, привязал к нему вошь, повесил волосок у южного окна и каждый день учился разглядывать её. Через десять дней ему показалось, что вошь начинает увеличиваться. Затем стало казаться, что вошь выросла до размеров колеса от колесницы. Он смотрел на другие предметы, и ему казалось, что они стали, как горы и холмы. Фэн-мэн рассказал И о своих успехах. На этот раз И обрадовался и сказал:

- Вот теперь ты можешь учиться стрелять из лука!

И передал Фэн-мэну всё свое искусство. Впоследствии Фэн-мэн стрелял из лука почти так же хорошо, как сам И. Он стал знаменит во всей Поднебесной, и когда говорили о лучших стрелках из лука, то имена И и Фэн-мэна произносили вместе. И был очень рад, что у него есть такой талантливый ученик, но у Фэн-мэна не было выдержки, и он совсем не радовался тому, что учитель стреляет лучше, чем он. По преданию, однажды шутки ради И устроил состязание в стрельбе с Фэн-мэном. Как раз в это время по небу пролетала стая гусей. И велел Фэн-мэну стрелять первому. Фэн-мэн выстрелил подряд три раза, и три головных гуся с жалобным криком упали вниз. Люди посмотрели и убедились, что все стрелы попали им в головы. Тем временем испуганные гуси разлетелись во все стороны. Тогда И небрежно выстрелил три раза, и три гуся упали на землю. Все стрелы тоже попали в головы гусей. Тогда Фэн-мэн понял, что учитель стреляет гораздо лучше, чем он, и ему нелегко сравниться с ним в умении. Фэн-мэн начал завидовать И; с каждым днём зависть его становилась сильнее, и мысли о том, как бы причинить вред И, постоянно бродили у него в голове.

Однажды после полудня И верхом на лошади возвращался с охоты. Вдруг он увидел, что на опушке леса мелькнула человеческая тень и в него полетела стрела. И быстро схватил лук и выстрелил. Послышался треск: обе стрелы столкнулись в воздухе, выбили сноп искр и, кувыряясь, упали на землю. Вслед за первыми с каждой стороны полетело ещё по стреле. Они тоже столкнулись и упали на землю. Так, раз за разом, было выпущено девять стрел. Стрелы у И кончились, и в это время он увидел, что невдалеке стоял Фэн-мэн с торжествующим видом. У него осталась ещё одна стрела, и он прицеливался прямо в горло И.

Не успел И подготовиться к защите, как свистящая стрела с быстротой падающей звезды полетела к цели. Чуть отклонившись в сторону, стрела попала И прямо в рот. И упал с лошади, перелетев через голову, и лошадь остановилась.

Фэн-мэн, считая, что И уже мёртв, приблизился, улыбаясь и крадучись, чтобы посмотреть на его мёртвое лицо. Но только он подошел, как И раскрыл глаза и неожиданно сел.

- Ты напрасно учился у меня столько времени,- смеясь, сказал И и выплюнул стрелу.- Разве ты не знаешь моего способа перекусывать стрелы? А если поступать так, как ты, то надо учиться ещё очень долго.

- Простите меня,- ослабевшим голосом, чуть не плача, сказал Фэн-мэн, уронив лук, упав на колени и обхватив ноги И.

- Иди и больше этого не делай.- И презрительно махнул рукой, вскочил на лошадь и умчался.

Фэн-мэн хотел тайно погубить И, но потерпел поражение, а когда И великодушно отпустил его, Фэн-мэн не осмеливался что-нибудь предпринять против него. Он боялся отважного И, и, кроме того, его мучила совесть. Ненависть тлела в его душе, как и раньше, но подходящего случая для осуществления подлых намерений не представлялось. Тем временем И с каждым днем становился несноснее. Слуги не могли больше терпеть жестокого обращения хозяина. Даже Фэн-мэн боялся, что утратит своё привилегированное положение в доме учителя и, как и другие, будет подвергаться оскорблениям. Оскорбления И заглушили в нём голос совести. Всеобщее недовольство слуг усилило его ненависть, и Фэн-мэн почувствовал, что пришла пора отомстить учителю и хозяину, и решил устранить

все препятствия, мешавшие ему.

Много усилий для этого не требовалось. Фэн-мэн тайно подстрекал слуг поднять бунт против хозяина. Недовольны© слуги так же легко поддались на уговоры, как огонь охватывает сухой хворост. Ловушка, предназначенная для И, была расставлена надёжно.

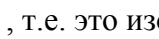
Однажды ясным утром все верхом и в колесницах, обгоняя ветер, гонялись по полю за зайцами и лисицами. Лай собак, ржание коней, крики людей разносились по окрестным холмам и долинам. Все были в радостном, хорошем настроении, стрелок И тоже на время забыл о своём горе. Рабы под предводительством заговорщика принесли из леса большую дубину из персикового дерева и ударили ею что было сил по незащищённой голове И, который держал в руках поводья.

Так бесславно погиб герой. Подвиги его сохранились в памяти народа, хотя жизнь его была несчастливой, а смерть глупой. После смерти народ почитал И как божество Цзунбу.

Цзунбу, вероятно, раньше обозначало два жертвенных обряда: цзи и фу. Жертвоприношение цзи посвящалось духу наводнения и засухи, фу - духу, который причинял бедствия людям или домашнему скоту. Считалось, что обряды устраняли бедствия.

И при жизни отгонял от людей зло, и поэтому, совершая эти жертвоприношения, люди предназначали их и стрелку И. Впоследствии в каждом доме его стали почитать как божество, отгоняющее нечисть.

Божество Цзунбу, по-видимому, напоминало главаря всех чертей в Поднебесной и следило, чтобы злые силы не могли вредить людям. Во многом оно было похоже на Чи-го и Чжункуя, о которых рассказывают позднейшие предания.

Как говорит легенда, Чинго был великаном. Он жил на юго-востоке, ростом был в семь чжанов. На голове носил большую маску цзифу - петушиный гребень. Что такое цзифу - неизвестно. На гадательных костях иероглиф, обозначающий демона ци, пишется как , т.е. это изображение человека с большой маской на голове. В дворцовом парке Фансян-ши, прогонявший демонов и окруженный толпой детей, носил такую же маску. Но на маске Фансян-ши было четыре отверстия для глаз, а у Чи-го лишь два. Чи-го носил красную одежду с белым поясом, его лоб обвивала красная змея. Она держала в пасти свой хвост. Эта странная тварь питалась бесами и пила только росу. Утром Чи-го съедал три тысячи бесов, а вечером - триста. Его звали «Поедающим нечисть», «Глотающим бесов» или «Демоном жёлтого отца».

О Чжун-куе предание говорит следующее. Однажды танский император Мин-хуан заболел жестокой малярией. Во время приступа болезни он видел сон. Ему приснился большой демон, прогоняющий маленького беса. Маленький бес был в тёмно-красном платье и коротких штанах. Одна нога у него была в сандалии, другая босая. Он стащил коричневый мешочек-амулет с ароматными травами, принадлежавший красавице Ян Гуй-фэй, и яшмовую флейту Мин-хуана, обошёл дворцовую террасу и побегал. Большой демон был в синем халате, в шапке, на ногах у него была пара коротких сапог. Засучив рукава он погнался за маленьким бесом, схватил его, выковырял ему оба глаза и проглотил его живьём.

Мин-хуан не удержался и спросил демона:

- Кто ты такой?

Демон ответил ему:

- Моё имя Чжун-куй. При жизни я провалился на экзаменах и покончил с собой. Я дал обет очистить для вашего величества Поднебесную от всякой нечисти.

Мин-хуан проснулся и почувствовал, что его болезнь прошла. Он рассказал о своём сне знаменитому художнику У Дао-цзы и велел ему написать картину «Чжун-куй хватает чёрта». У Дао-цзы взял кисть и нарисовал всё так, как рассказывал император. Картина была полна жизни.

Глава VII. Гунь и Юй усмиряют потоп

1. Исторические записи о потопе. Гунь, пожалевший народ. План совы и черепахи. Гунь крадёт у верховного владыки сижан, чтобы усмирить потоп. Бог огня Чжу-жун убивает Гуня. Рождение рогатого дракона Юя. Легенды о превращениях Гуня. Гунь отправляется лечиться на запад. Вздохи поэтов.

Народу с каждым днём становилось всё меньше, и в местах, куда наводнение ещё не дошло или откуда оно временно отступило, оставались только дикие звери и птицы.

Правителю Яо печаль жгла сердце. Но он не знал, как избавить народ от горя. Яо собрал наместников четырёх частей государства и удельных князей и обратился к ним:

- Я спрашиваю вас, что будет с людьми, если нынешний потоп поднимется к небу и затопит холмы и горы? Народ не сможет даже влачить жалкое существование. Кто же сумеет укротить наводнение и избавить нас от беды?

- Надо позвать Гуня, и всё будет в порядке,- сказали наместники и князья.

Яо покачал головой и возразил:

- Боюсь, что Гунь не справится. Он считается только со своим собственным мнением, а мнения других для него не существуют.

- Только он один годится для этого дела,- ответили сановники.

- Хорошо,- пришлось Яо согласиться,- пусть Гунь попытается.

Гуня послали на борьбу с наводнением. Девять лет Гунь пытался усмирить стихию, но ничего не добился.

Почему Гуню не удалось усмирить потоп? В древних книгах есть об этом такие записи. Характер у Гуня был дурной, поступки его были безрассудны и он не знал, с чего начать. Для защиты от наводнения он насыпал земляные дамбы. Но они не остановили наводнение, вода разливалась всё больше и поднималась всё выше. Гунь потерпел неудачу. В конце концов Яо (некоторые считают, что Шунь) казнил Гуня на Горе птичьих перьев - Юйшань.

Шунь, правивший после Яо, приказал усмирить наводнение сыну Гуня - Юю. Помня неудачу отца, Юй не возводил дамб, а прорывал каналы.

Этот способ оказался удачным - вода спала, и народ избавился от страданий. После этого Шунь уступил престол Юю, и Юй положил начало династии Ся.

Исторические предания, приведённые выше, во многом отличаются от мифов о Гуне и Юе, которые мы сейчас расскажем.

Вполне вероятно, что в глубокой древности в Китае происходили сильные наводнения. В надписях на костях иероглиф, обозначающий понятие «прежде», изображался таким образом: рисовали солнце, а над ним или под ним бурлящие волны. Очевидно, что в далёкие времена произошло ужасающее наводнение и люди не могли его забыть. Легенды о потопе существуют у многих народов мира.

Природные изменения, происходившие в древние времена на земле, вызывали наводнения повсюду. Человеческий род вплоть до нашего времени сохранил память об этих потопах. Точно установить время, когда был потоп, невозможно. В китайской истории сказано, что наводнение произошло в период Яо и Шуна, т.е. более четырёх тысяч лет тому назад. Но так это было или нет,- сказать трудно.

Не будем вдаваться в подробности этого, рассмотрим теперь мифы о Гуне и Юе.

Кто такой Гунь? Судя по историческим записям, Гунь был князем, удел его находился в местности Чун (ныне восточная часть уезда Юньсянь провинции Шэньси). Поэтому его называли ещё чунским князем. В мифах же Гунь изображается как белый конь, который будто бы был внуком Жёлтого императора. Его отца звали Ло-мин, а отцом Ло-мина был сам Хуан-ди. Мы знаем, что Жёлтый император был небесным правителем, а следовательно, и Гунь был одним из верховных небесных божеств.

В мифах наивно говорится о причинах потопа. Считается, что люди на земле перестали верить в праведный путь, совершали дурные поступки и этим вызвали гнев небесного правителя. В виде предупреждения небесный правитель наслал на них наводнение.

Этот миф напоминает раздел «Сотворение мира» в Ветхом завете, где говорится, что

Иегова, увидев зло, совершаемое народом на земле, ниспослал на землю потоп, чтобы уничтожить род человеческий.

Но наводнение приносило столько мучений народу, что люди вызывали жалость, несмотря на их прегрешения. Они страдали от настигавшей их воды и от голода. Нечего было есть, негде было жить, надо было спасаться от ядовитых гадов и свирепых зверей, а ослабевшим людям приходилось ещё бороться с болезнями. Как страшны были горестные, безутешные дни времен потопа!

Среди большого числа божеств, пребывавших на небесах, только бог Гунь испытывал глубокую жалость к страданиям людей. Он решил спасти народ от наводнения, чтобы люди, как и раньше, могли наслаждаться спокойной жизнью. Гунь был недоволен жестокостью своего деда. Он не раз умолял и увещевал его простить людям их грехи и забрать разбушевавшиеся воды в небесный дворец. Разгневанный владыка не только не принял во внимание просьбы Гуня, но даже отругал его за неразумные речи. Мы знаем, что каким бы ни был правитель - земным или небесным, но это всё же правитель, и поэтому не удивительно, что у Гуня с дедом произошло столкновение.

Видя, что просьбы и уговоры не дают никаких результатов, Гунь решил сам бороться с наводнением и спасти народ от бедствия. Это было нелегко, так как вода залила всю землю. Гунь видел, что сам, своими силами, он ничего не сможет сделать, и эта мысль печалила его. Как раз во время этих раздумий он встретился с совой и чёрной черепахой. Они спросили Гуня, почему он печален и невесел. Гунь объяснил им причину своей тоски.

- Усмирить наводнение - это вещь нетрудная,- сказали в один голос сова и черепаха.

- Но как это сделать? - поспешно спросил Гунь.

- Ты знаешь, что в небесном дворце есть сокровище, которое называется сижан?

- Слышал, но не знаю, что это такое.

- Сижан - это кусок земли, который может увеличиваться беспредельно. Он кажется не больше обычного комка. А если бросить его на землю, этот маленький кусочек сразу же вырастает и образует горы и дамбы. Этой землей можно засыпать воды, и потоп прекратится.

- А где хранится сижан?

- Это самая ценная вещь небесного правителя. Мы можем узнать, где она лежит. А разве ты хочешь её украсть?

- Да,- ответил Гунь,- я готов сделать это!

- А ты не боишься, что дед тебя жестоко накажет?

- А ну его,- ответил Гунь и печально рассмеялся.

Что и говорить, сижан, как самая большая драгоценность, хранился в тайном и недоступном месте у небесного правителя и охранялся свирепыми духами. Но Гунь, стремясь спасти народ от бедствия, сумел достать его.

Раздобыв сижан, Гунь тотчас же спустился на землю и начал строить дамбы, чтобы спасти народ от наводнения. Сижан был волшебный, из этого маленького кусочка вырастали горы и дамбы. Наводнение стало спадать, вода высыхала и впитывалась в землю, постепенно следы наводнения совсем исчезли, и перед взором открывался сплошной зелёный луг. Люди, жившие на верхушках деревьев, начали вылезать из своих гнёзд; жившие в горах, стали выходить из пещер. На их иссохших лицах опять появились улыбки, они испытывали глубокую благодарность и любовь к Гуню. Люди уже готовились продолжать свои прерванные занятия на многострадальной земле. Но, к несчастью, как раз в это время, верховный император Шан-ди узнал, что его драгоценный сижан украден. Можно себе представить, как рассердился правитель вселенной! Он вскипел злобой, узнав, что в небесном государстве появился такой бунтовщик, тем более что это был его собственный внук. Он тотчас послал на землю бога огня Чжу-жуна, который на Горе птичьих перьев убил Гуня и забрал сижан. Как говорит пословица: «Для горы в девять жэней не хватило одной корзины». Наводнение снова усилилось, и вода опять залила всю землю. Надежды людей не сбылись: они по-прежнему страдали от голода и холода, оплакивали своё несчастье и жалели Гуня, пожертвовавшего для них жизнью.

В греческой мифологии можно найти параллель подвигам Гуня в образе Прометея, укравшего для людей божественный огонь. Зевс в наказание приковал его к скале в Кавказских горах и приказал свирепому коршуну выклёвывать его печень, а ветру, снегу и дождю разрушать его тело. Прошло много времени, прежде чем Геракл - герой из мира людей - освободил Прометея.

Под горой Юйшань, где был убит Гунь, очевидно, подразумевается гора Вэйюй, северный склон которой никогда не освещался солнечными лучами. На южном склоне горы в Янь-мынь - Воротах дикого гуся - в древности жил священный дракон-страж по прозвищу Чжу-лун - Дракон со свечой. Во рту он держал восковой светильник и освещал им северный склон горы вместо солнца. Страшный ад Юду, где, по преданию, души мёртвых находили своё последнее пристанище, вероятно, находился в окрестностях этой горы. Это были мрачные и унылые места. Именно здесь бог Гунь пал жертвой.

Горевал ли он перед смертью? Конечно. Досада его была глубокой и сильной не потому, что он лишился жизни. Он с самого начала решил посвятить свою жизнь людям. Он горевал потому, что его деяния не были завершены и его намерения не сбылись. Народу, страдавшему от голода и холода, снова грозило наводнение. Верховный владыка отобрал сижан. Разве мог Гунь спокойно заснуть вечным сном, зная об этом?

У Гуня было большое и любвеобильное сердце, душа его не покидала тела, а тело его не разлагалось три года. В его чреве возникла даже новая жизнь - это был его сын Юй. Гунь взрастил в себе новую жизнь, чтобы сын смог продолжить и завершить его дело. Юй рос в чреве отца, и через три года он уже превосходил Гуня своей чудесной силой.

Верховный владыка узнал о том, что труп Гуня не сгнил даже за три года. Он испугался, что Гунь превратится в оборотня и станет бороться с ним, и послал одного из богов с волшебным ножом у дао, чтобы тот изрезал тело Гуня на куски. Посланец небес поспешил исполнить приказание, добрался до Горы птичьих перьев и вспорол живот герою.

Но в это время произошло великое чудо. Из распоротого живота Гуня вылез дракон. Это был Юй. На голове у него росла пара крепких, острых рогов.

Он винтом взвился вверх, а тело Гуня превратилось в какое-то животное, которое уплыло в Пучину птичьих перьев, расположенную около горы. О превращении Гуня существуют различные легенды. Некоторые считают, что Гунь превратился в бурого медведя. Но бурый медведь не мог погрузиться в пучину. Другие утверждают, что Гунь стал трёхногой черепахой. Это предположение более вероятно, непонятно только, почему смелый бог Гунь, укравший у верховного владыки сижан для спасения людей, превратился в трусливую черепаху.

Есть ещё одна легенда о том, что Гунь, потерпев неудачу в борьбе с наводнением, утопился в этой пучине и превратился в чёрную рыбу. Что такое «чёрная рыба» - не совсем ясно, но написание этого иероглифа как-то связывается с именем Гуня. Об этой рыбе говорится, что она «раздувает усы, звенит чешуёй, рассекает громадные волны, веселится и играет с водяным драконом». Наконец, следует ещё упомянуть о том, что в комментариях к «Книге гор и морей» приводится высказывание из книги «Кайши»: «После смерти тело Гуня сохранялось три года. Его изрезали ножом, и он превратился в жёлтого дракона».

Эта версия кажется нам наиболее логичной. Такие представления существовали в древние времена. Обычно в мифах небесный конь превращается в белого дракона. И сын Гуня Юй тоже был драконом.

В «Вопросах к небу» Цюй Юань высказал ещё одно предположение: будто бы тело Гуня превратилось в жёлтого медведя и он отправился на запад, за гору Цюншань, просить колдунов оживить его. В той местности было много колдунов. Например, на горе Линшань, где произрастали волшебные травы, жило десять колдунов: У-сянь, У-цзи, У-пань, У-пэн, У-гу, У-чжэнь, У-ли, У-ди, У-се, У-ло. Они занимались тем, что искали лекарственные травы на вершине и у подножия горы. В восточной части Кайминшоу, у горы Куньлунь, тоже жили колдуны: У-пэн, У-ди, У-ян, У-люй, У-фань и У-сян. Они собирали волшебные травы около дерева бессмертия и готовили лекарство бессмертия. В тех местах нашё л исцеление Сеюй,

некогда убитый богом Эр-фу. Гунь, превратившийся в жёлтого медведя, отправился к западным колдунам, чтобы они воскресили его. По пути на запад он видел страдающий от наводнения народ, не имевший ни кровли, ни одежды, ни пищи. На сердце у Гуня было очень тяжело, он вернулся и начал уговаривать людей сеять чёрное просо, а горные травы все выполоть, чтобы как-то прокормиться. Гунь, даже мёртвый, превратившийся в животное, постоянно думал о народе. Поэтому великий поэт Цюй Юань в своих стихах выразил ему свою глубокую симпатию.

Стремился Гун, но не сумел Смирить потоки!.. Почему Великий опыт повторить Мешали всё-таки ему? Ведь черепаха-великан И совы ведьмовской игрой Труд Гуна рушили!.. За что Казнён владыкою герой?

В этих стихах поэт сравнивает переживания Гуня со своими собственными.

Допустим, что Гунь превратился в жёлтого дракона, который погрузился в пучину. Этот дракон, по нашему представлению, передал всю свою чудесную силу сыну, а сам стал обычным драконом, ничего божественного в нём уже не было. Сведений о судьбе Гуня, после того как он уплыл в бездну, не сохранилось. Весь смысл его дальнейшего существования состоял в том, что он мог видеть собственными глазами, как его сын продолжал его дело и спасал людей, тонувших в море страданий.

2. Юй получает приказ верховного владыки. Юй собирает богов и прогоняет Гун-гуна. Бог Жёлтой реки преподносит Юю карту усмирения потопа. Фу-си дарит Юю нефритовую дощечку. Карпы прыгают через ворота дракона. Следы деятельности Юя в Ущелье трёх ворот. Ю покоряет Учжи-ци. Неправильно прорубленное ущелье и Башня казни дракона. Бо-и и его дети-птицы и внуки-птицы.

Новорожденный дракон Юй не испугался отцовской неудачи. Он обладал чудесной силой, и все его помыслы были направлены на то, чтобы завершить дело отца.

Верховный правитель, сидевший на высоком драгоценном троне, испугался. Ведь из вспоротого чрева Гуня неожиданно появился Юй. А если вспороть Юя, то не породит ли он тоже какое-нибудь существо? Мятёжные помыслы бунтовщика могут распространиться с быстротой пожара, и остановить их невозможно. Испуганный император со временем стал раскаиваться в том зле, которое он совершил. Он решил не наказывать людей так жестоко и утихомирить потоп. Кроме того, доброе сердце иногда бывает крепче алмаза и, возможно, ему не справиться с Юем. Поэтому когда Юй пришёл к Шан-ди просить сижан, то умудрённый опытом верховный владыка сразу же уступил его просьбам. Он дал ему сижан и приказал спуститься на землю, чтобы усмирить потоп. На помощь Юю послал он дракона Ин-луна, прославившегося тем, что он убил ненавистного Чи-ю.

Получив повеление верховного правителя, Юй с Ин-луном и другими большими и малыми драконами спустился на землю и начал борьбу с наводнением. Драконы должны были прокладывать путь воде: Ин-лун прокладывал путь главному потоку, остальные драконы - боковым.

В это время разгневался бог воды Гун-гун. В начале потопа Шан-ди послал бога воды наказывать людей за грехи. Гун-гуну представлялся случай проявить своё волшебство, а теперь вдруг, когда он ещё не показал всей силы, ему велят прекратить потоп. - Не выйдет! Шан-ди не обращал внимания на просьбы Гун-гуна и это вызвало недовольство последнего: Гун-гун решил строить козни везде, где было возможно. Он так старался, что вода затопила Кунсан, что возле нынешнего города Цюйфу провинции Шаньдун, т.е. самую восточную оконечность Китая. Итак, вся Центральная равнина превратилась в огромное озеро, которое достигло крайнего востока Китая. Люди испытывали на себе гнев водяного бога, многие из-за наводнения превратились в рыб и креветок. Юй, видя бесчинства Гун-гуна и зная, что увещаниями ничего не добьёшься, решил применить силу. Чтобы быстрее усмирить воды, надо было остановить их подъём и убить злого демона. Юй решил вступить в битву с Гун-гуном.

Была ли эта битва ожесточенной? В древних книгах нет описаний её, поэтому и мы не можем ничего сказать. Только в одном предании говорится, что Юй собрал перед битвой у

горы Гуйцзи всех богов. Бог Фанфэн-ши прибыл позже остальных и Юй убил его за то, что тот не выполнил своего долга. Спустя две тысячи лет, в период Весен и Осеней, Фу-ча, князь удела У, напал на княжество Юэ, окружил Гуйцзи, где находился юэский князь Гоу-цзянь. Битва была настолько ожесточенной, что даже горы разрушились. В одной из разрушенных гор была обнаружена кость, не походившая ни на человеческую, ни на кость животного. Она была такой громадной, что еле уместилась на телеге. Мудрого Конфуция спросили, не знает ли он, чья это кость. Философ поведал всем это предание, и люди узнали, что найденная кость принадлежала Фанфэн-ши. Юй вместе с божествами всей Поднебесной хотел расправиться с Гун-гуном. Можно представить, какой силой и мощью обладал Юй. Понятно, что Гун-гун не мог соперничать с ним и вскоре обратился в бегство.

По преданию, гора Гуйцзи раньше называлась Тростниковой. Юй совещался на этой горе с богами о битве с Гун-гуном и усмирении потопа, поэтому её стали называть Гуйцзи, что значит «собратся на совет». Но Фанфэн-ши, с его надменным и чванливым нравом, не выполнил своих обязательств и поплатился за это. В последующие времена население Юэ (современная провинция Чжэцзян) сохраняло свои древние обычаи. Каждый год в определённое время в честь бога Фанфэн-ши совершались жертвоприношения, исполнялись древние мелодии, трубили в бамбуковые трубы длиной три чи, которые выпускали воющие звуки. В ритм воющей музыки в священном храме танцевали три человека с распущенными длинными волосами.

После того как Гун-гун обратился в бегство, Юй смог приняться за своё дело. Он действовал умнее, чем его отец. С помощью сижана он сооружал дамбы, чтобы преградить дорогу воде. Он приказывал большой чёрной черепахе следовать за ним с сижаном на спине. Так он завалил самые глубокие потоки и расширил участки суши, на которой могли жить люди. Где насыпи были наиболее высокими, образовались четыре знаменитые горы, существующие и в настоящее время. Юй прокладывал ещё реки и каналы. Он приказывал Ин-луну ползти, чтобы хвост его волочился по земле. По направлению, указанному хвостом Ин-луна, прорывались реки и каналы. Реки доходили до Восточного океана, они сохранились и по сей день. Усмиряя потоп, Юй дошёл до Хуанхэ. Он стоял на высокой скале и наблюдал за силой течения и вдруг увидел длинное существо с белым лицом и туловищем рыбы, ныряющее в волнах. Существо назвалось речным духом. Это был, конечно Хэ-бо. Он дал Юю мокрый зелёный камень, затем повернулся и исчез в волнах. Юй внимательно осмотрел камень. На поверхности его кривыми линиями был нанесен какой-то тоненький, как нить, узор. Умному Юю не пришлось обращаться к другим за советом. Он взглянул и сразу понял, что на камне был план борьбы с наводнением. При помощи следов, оставленных хвостом Ин-луна, и плана, нарисованного на камне, Юй боролся с водой. И поэтому он был уверен в успехе. Юй пользовался не только нанесённой на камень «картой рек». По преданию, у него было ещё одно сокровище - нефритовая пластинка.

Юй прокладывал проход через Гору драконовых ворот и случайно зашёл в огромную пещеру. В ней было очень темно; чем дальше шёл Юй, тем становилось темнее, и скоро уже нельзя было сделать ни шагу. Юй зажгёт факел и пошёл вперед. Вдруг он увидел мерцающий свет, и это мерцание наполнило всю пещеру. Он внимательно осмотрелся и заметил большую чёрную змею длиной десять чжанов. На голове у неё были рога, во рту она держала «жемчужину, светящую в ночи». Змея поползла впереди, указывая Юю путь. Юй бросил факел и пошёл вслед за чёрной змеей. Через некоторое время он подошел к освещённому помещению, похожему на зал. Люди, одетые в чёрные одежды, толпились вокруг божества с человеческим лицом и змеиным туловищем, сидящего в центре. Юй догадался, кто это, и спросил: - Уж не Фу-си ли вы, сын Хуасюй?

- Да,- ответил бог,- я Фу-си, сын богини девяти рек Хуасюй.

Они почувствовали симпатию друг к другу. При Фу-си тоже был потоп. Поэтому он выразил глубокое уважение Юю, выполнявшему великий труд, и хотел помочь ему. Фу-си вытащил из-за пазухи нефритовую пластинку и подарил её Юю. По форме она напоминала бамбуковую планку длиной один чи и два цуня. Фу-си объяснил, что ею можно измерять

небо и землю. После этой встречи Юй всегда носил пластинку при себе, чтобы укреплять землю и усмирять воду.

По преданию, Гора драконовых ворот некогда была большой и соединялась с горой Люйлянью. Она располагалась на границе нынешних провинций Шэньси и Шаньси и преграждала дорогу Хуанхэ, так что река не могла течь дальше и поворачивала вспять. Воспользовавшись случаем, бог вод затопил гору Мын-мыныпань в верхнем течении реки. Юй проложил русло Хуанхэ от Горы каменных куч - Цзипщ (в современной провинции Цинхай) и, дойдя до этого места, с помощью своей сверхъестественной силы разделил гору на две части, чтобы река текла между двумя отвесными скалами, напоминая створки ворот. Это место и называли Лунмынь, что значит «Драконовые ворота». Теперь вода падала с отвесной скалы и устремлялась потоком. По преданию, морские и речные рыбы собирались под этими скалами и соревновались в прыжках в высоту. Та, которая перепрыгивала через пороги, превращалась в дракона и возносилась к небу. Рыбы, прыгнувшие невысоко, только разбивали себе носы и возвращались ни с чем. Говорили ещё, что в окрестностях Лунмыня был Ручей карпов - Лиюйцзянь, в нём водилось много карпов. Они выходили из своих нор и плыли три месяца против течения до Лунмыня. Сумевшие преодолеть течение становились драконами, неудачники набивали себе шишки и возвращались обратно.

В нескольких сотнях ли вниз по течению от Драконовых ворот находилось ущелье Саньмынься - Ущелье трёх ворот. По преданию, Саньмынься прорубил тоже Юй. Он разделил гору, задерживавшую реку, образовавшиеся рукава потекли тремя потоками через горы. Каждые ворота имели своё название: «Ворота бесов», «Ворота духов» и «Ворота людей». С обрывистого берега Хуанхэ можно видеть, как громадная река широко несёт свои волны, и чем дальше на восток, тем стремительнее течение. В ущелье Саньмынься река разделяется двумя островами на три рукава с очень быстрым течением. Затем эти три потока, зажатые скалами, вновь сливаются в один поток, который проходит через узкую брешь шириною не более ста двадцати метров и наполняет всё ущелье грохотом. В этих строчках даётся описание Саньмынься. (В настоящее время в этом ущелье сооружается гигантская электростанция.) В ущелье и сейчас можно увидеть следы борьбы Юя с наводнением. В окрестностях ущелья находятся семь каменных колодцев. По преданию, их вырыл Юй, чтобы добыть воду для питья, когда он прорубал ущелье Саньмынься. Поэтому ущелье называется ещё Цицинсаньмынь, что значит «Ущелье семи колодцев и трёх ворот». В скале у Ворот духов есть два больших углубления, превосходящих отверстие колодца, а по форме напоминающих след лошадиного копыта. Они называются Мативо - «Следы лошадиных копыт». По преданию, Юй скакал на коне через Саньмынься, прокладывая Чжичжу, и эти следы были оставлены передними копытами коня Юя. Раньше плывущие по течению рулевые обязательно делали у храма остановку, возжигали благовония, молясь Юю; зажигали фейерверки досыта наедались и напивались. Только после этого они начинали править лодкой, стрелой летящей между скалами в рокочущем и стремительном потоке. Иногда лодка вмиг разбивалась о скалы. Поэтому местные жители говорили: «Никогда нельзя сказать, сколько рулевых в Дяньтоуцзе (Маоцзиньду), и постоянно можно слышать плач вдов». Сколько крови и слёз смелых людей многих поколений скрыто в этих словах!

Усмиряя потоп, Юй три раза доходил до горы Тунбо (на юго-западе нынешнего уезда Тунбо провинции Хэнань). Там постоянно дули сильные ветры, гремел гром, грохотали камни, стонали деревья, и Юй не мог справиться со стихией. Он знал, что во всём этом виноваты разъярённые чудовища и оборотни, и призвал богов Поднебесной для борьбы с ними. Тех, которые не очень-то хотели помогать, Юй заточил в темницу. Совместными усилиями божества поймали чудовище учжици между реками Хуайшуй и Гошуй. Оно умело вести разговоры, по виду напоминало обезьяну, у него была белая голова и зелёное туловище, высокий лоб и низкая переносица, длиной сто чи, а тело вёртким и лёгким. Несмотря на то, что его поймали, оно всё время прыгало и подсакивало, ни на мгновение не оставаясь спокойным. Юй не знал, что делать с ним, и приказал небесному богу Тун-люю усмирить его. Но тому не удалось укротить чудовище. Тогда Юй поручил это Уму-ю, но тот

тоже потерпел неудачу. Наконец, укротить чудовище велели Гэн-чэню. Множество духов рек и гор сбежалось с криками, чтобы посмотреть на это зрелище. Гэн-чэнь большим трезубцем начал колоть чудовище. Оно смирилось лишь после того, как получило много ран. Гэн-чэнь заковал шею чудовища в цепи и вддел в нос колокольчик. Это происходило у подножия Черепаховой горы - Гуйшань в нынешнем уезде Хуайинь провинции Цзянсу. С этого времени борьба Юя с потопом пошла успешно и река Хуай могла спокойно впадать в самое море.

Юй, борясь с наводнением, дошёл до Горы шаманов - Ушань и до Тройного ущелья -Санься. Один из драконов, прокладывая водные пути, ошибся, неправильно проложил русло и прорубил ущелье. Оно оказалось совершенно ненужным. Юй рассердился и на горном обрыве казнил бестолкового дракона в назидание другим. До настоящего времени в уезде Ушань сохранились названия Цокайся - «Неправильно проложенное ущелье» и Чжаньлунтай - «Терраса, где был казнён дракон».

Юй совершил подвиг. В этом деянии ему помогали и божества, и люди. Особенно старался бог Бо-и. Он был потомком божества - ласточки, а может, и сам был ласточкой. Бо-и часто приводил с собой людей, зажигал факелы, выжигал разросшийся после наводнения кустарник и прогонял диких зверей, чтобы народ мог спокойно работать. Он знал повадки и понимал язык зверей и птиц. После усмирения потопа Бо-и помогал Шуню укрощать птиц и зверей, и многие из них были приручены им. Правитель Шунь был им очень доволен, дал ему в жёны девушку из рода Яо и пожаловал ему фамилию Ин. По преданию, Бо-и был предком князей царства Цинь. Он породил двух сыновей, одного из них звали Да-лянь, другого - Жу-му.

Да-ляня звали ещё Няосу-ши. Его потомки Мен-си и Чжун-янь говорили на человеческом языке, но тела у них были птичьи. Это доказывает то, что они были потомками божества.

3. Девятихвостая белая лисица - символ счастья. Юй женится на девушке из рода Тушань. Медведь под горой Сгоанью-аньшань и камень под горой Сунгаошань. Юй объезжает Девять пределов и десять тысяч стран. Деревня бессмертных на Крайнем Севере. Юй убивает девятиглавое чудовище сяню. Дан-чжан и Шу-хай измеряют поверхность земли.

Юй всё время усмирал воды и поэтому к тридцати годам остался неженатым. Однажды, проходя мимо горы Тушань (на северо-западе современного уезда Шаосин провинции Чжэ-цзян), он подумал: «Лет мне уже немало, что-то ждёт меня в будущем?» Как раз в это время мимо него пробежала белая девятихвостая лисица, взмахнув своими хвостами, пушистыми, как мётлы. Девятихвостая лисица происходила из страны Цин-цю, что недалеко от восточной Страны благородных. Такая лисица, как и дракон, феникс и цилинь, приносила счастье. Как только Юй увидел эту лисицу, он сразу вспомнил известную народную песню. Смысл её был таков: «Кто увидит девяти-хвостую лисицу, тот станет правителем, кто женится на девушке из Тушани, у того будет счастливая семья». Юй подумал: «Я увидел девятихвостую лисицу. Может быть, сбудется то, о чём говорится в песне, и я здесь, в Тушани, женюсь?»

В Тушани жила очень изящная и красивая девушка по имени Нюй-цзяо. Она сразу ему очень понравилась, и он решил взять её в жены. Но он не успел сказать ей о своих чувствах, так как спешил на юг бороться с потопом. Нюй-цзяо узнала, что Юй любит её, и тоже вспылала любовью к великому герою, которого почитали все люди. Она послала на южный склон Тушани служанку, чтобы та ожидала возвращения Юя. Нюй-цзяо ждала долго, а Юй всё не возвращался. В тоске и печали она сложила песню «Ах, как долго жду любимого!»

По преданию, это самая ранняя южная песня. Говорят, что от неё ведёт своё происхождение песня «Наслаждаться, но не терять меры» в разделе «Нравы царств» в «Книге песен». Но так ли это, - сказать трудно.

Закончив борьбу с наводнением на юге, Юй вернулся. Служанка Нюй-цзяо встретила Юя на южном склоне горы и сообщила ему о горячей любви своей хозяйки. Всё, что передала служанка, было знакомо Юю. Те же самые слова хотел и он сказать Нюй-цзяо. Они

чувствовали глубокую взаимную любовь, хорошо понимали друг друга, сложные церемонии и обряды для них не были нужны, и они скоро поженились в Тай-сане.

Уже через четыре дня после женитьбы Юй покинул свою молодую жену, чтобы продолжить борьбу с наводнением. Он отправил Нюй-цзяо в свою столицу - Аньи (северо-западнее нынешнего уезда Цзесянь провинции Шаньси). Нюй-цзяо никак не могла привыкнуть к жизни в столице и постоянно мечтала о родных краях. Юй, узнав о её печали, решил позаботиться о своей молодой жене. Он приказал построить башню к югу от Аньи. Нюй-цзяо могла в одиночестве и тоске смотреть с вершины башни на далёкий дом, расположенный в нескольких тысячах ли. Фундамент башни сохранился до сих пор,- так гласит молва.

Но грусть Нюй-цзяо по дому и любимому с каждым днём становилась всё сильнее. Когда Юй вернулся ненадолго домой, Нюй-цзяо решила просить у него позволения следовать за ним. Юю пришлось скрепя сердце согласиться.

Борьба с наводнением происходила у горы Хуаньюань (юго-восточнее современного уезда Яньпи провинции Хэнань). Гора была очень крутой и обрывистой. Горные дороги были кривыми и извилистыми. Сквозь гору пробивался поток. Юй сказал своей жене:

- Работа здесь не лёгкая, и надо приложить все силы, чтобы её выполнить. Я повешу на склоне горы барабан. Как только ты услышишь звук барабана, принеси мне еду.

- Хорошо,- ответила Нюй-цзяо.

Юй подождал пока жена ушла, покачался из стороны в сторону, превратился в чёрного медведя, заросшего шерстью, и стал изо всех своих медвежьих сил пробивать проход в горе. Он так рьяно работал своей пастью и всеми четырьмя лапами, что камни разлетались во все стороны. Один камень, отброшенный медведем, случайно задел барабан, висевший у края обрыва. Жена Юя услышала звук барабана и быстро приготовила мужу корзинку с завтраком. Юй продолжал работать, не обращая внимания на то, что происходит вокруг, забыв о своём страшном облике. Жена увидела медведя - ей и в голову не пришло, что это её муж, она испугалась, закричала, бросила корзину с едой и побежала прочь. Услышав крик жены, Юй перестал работать и бросился за ней, чтобы объяснить ей всё. Она испугалась и побежала ещё быстрее. Так они бежали друг за другом до подножия горы Сунгао (сейчас она зовется Сун-шань в северной части уезда Дэнфын провинции Хэнань). Дальше Нюй-цзяо не могла бежать и превратилась в камень. Юй рассердился, видя это превращение, и, обращаясь к камню, громко крикнул:

- Верни моего сына!

Кусок камня, смотревший на север, отвалился, и Юю явился мальчик, которого назвали Ци. Слово «ци» значит «расколотся».

Юй, усмирив наводнение, обошёл Девять областей и все страны Поднебесной. На востоке он дошел до Фуму, или Фусана,- места, где восходит солнце. Он дошёл и до Цзюцзиня - Девяти болот, и Пустоши тёмных баранов - Цинцян, где купался в сверкающих лучах восходящего солнца. Он был и в Цзаныпусо, где деревья, как тучи, заслоняли небо; на горе Мэньтяньшань, откуда, взобравшись на вершину, можно было рукой потрогать небо. Он дошёл до Страны чернозубых - Хэй-чиго, Долины птиц - Няогусян и до Синих холмов - Цинцю-сянь, где водились девятихвостые лисицы. На юге он добрался до Цзяочжи - нынешнего Вьетнама. Он посетил ещё страны Суньпу и Сюймань, горы Даньсу, Цишу, Фошуйпяопяо, Цзюян. Уже по названиям видно, какой там был жаркий климат (фошуйпяопяо означает «кипящая вода», цзюян - «девять солнц»). Он побывал в Стране крылатых, Стране обнажённых, Стране неумирающих. Предание говорит, что Юй, прибыв в Страну обнажённых, снял с себя одежду и вошёл в пределы страны голым; надел одежду, лишь покинув эту страну. Так он проявлял своё уважение к нравам и обычаям других стран. На западе он достиг Горы трёх опасностей - Саньвэйшань, обиталища Си-ван-му и её трёх птиц. Он заходил на Золотую гору - Ци-циныпань, на Гору шаманов - Ушань, где пребывала душа Яо-ци, дочери правителя Янь-ди. Дух Яо-ци вызывал облака и дождь. Юй

посетил Страну людей с одной рукой и тремя туловищами, достиг местопребывания небожителей, которые питались только росой и воздухом. На севере он посетил Страну истинных людей, Страну собакоголовых, страну Куафу, горы Цзишуй - Водяную и Цзиши - Каменную. Он был на море Сяхай и на горе Хэншань. Нельзя установить точно, где находятся эти места. Можно лишь предполагать, что они находились в пустынных местностях крайнего севера. Он встречался с Юй-цяном - божеством ветра. Юй-цяном одновременно был и богом Северного моря, с человеческим лицом и птичьим туловищем.

После встречи с Юй-цяном в Северном море Юй решил вернуться домой. Но в пустынной снежной равнине он сбился с дороги и отправился ещё дальше на север. Шёл он долго и вдруг стал замечать, что перед ним необычная местность. Он видел только высокий голый гребень горы. На вершине его не было ни деревца, ни даже травинки, и не видно было ни птиц, ни зверей. Юй удивился, поднялся на вершину горы, чтобы обозреть окрестности. За горой лежала плоская, голая равнина. Целая паутина маленьких, извилистых потоков переплеталась на ней. По берегам ручьёв лежали и сидели мужчины и женщины, старые и молодые.

Некоторые из них пели, другие танцевали, третьи пригоршнями пили воду из ручьёв. Кое-кто пил воду, стоя прямо в ручье. Было видно, как некоторые, пошатываясь и навеселе, падали на землю и засыпали, лёжа кверху лицом, мёртвым сном, не зная мирских забот. Люди продолжали петь, танцевать и играть, каждый веселился как хотел, и никто не обращал внимания на перепившихся.

Удивлённый Юй спустился с горы, чтобы познакомиться с местными обычаями. Он узнал, что это Страна Крайнего Севера - Чжунбэй. Очертания её напоминали жернов. Естественными границами страны служили невысокие сопки, окружавшие её. В центре страны находилась Гора-сосуд - Хулин. Она была похожа на громадный кувшин для засолки или мочения овощей. Из этой огромной горы вытекал поток, разделявшийся на равнине на множество ручьёв. Поток назывался Шэньфэнь - Божественная влага. Вода в нём была ароматной, сладкой и обладала ещё одним драгоценным качеством - ею можно было насытиться. Несколько глотков воды из потока утоляли голод и жажду. Выпьешь побольше - опьянеешь и будешь спать десять дней беспробудно. Там было не слишком жарко и не холодно, не было ни ветров, ни дождей, ни инея, ни снега. Весь год был похож на вечный весенний день. Люди там не заботились ни об одежде, ни о еде. Никто не ткал и не пахал землю. Люди не трудились, и никто никого не угнетал. Все вели жизнь радостную и беспечную: ели, спали, после пробуждения снова ели. Жили там по сто лет. Стоило лишь ступить ногой, как человек оттуда мог попасть на небо. Гостеприимные люди пригласили прибывшего к ним Юя испить из потока Шэньфэнь. Юй попробовал знаменитый напиток и убедился, что он очень приятен. Но он не кончил усмирять потоп и беспокоился о своём народе, страдающем от воды и огня. Жизнь в Стране Крайнего Севера была радостной, но разве мог Юй оставаться там? Не прошло и двух дней, как он распрощался с этими простыми людьми и отправился к себе на родину.

Неустанно трудясь, Юй, наконец, одолел наводнение. Воды улеглись, но оставалось ещё много других дел. Приблизённый Гун-гуна, изгнанного Юем, был ненасытным чудовищем с змеиным туловищем и девятью головами. Звали его Сянлю. Девятью головами он хватал пищу с девяти гор. Самым ужасным было то, что как только он чихал, появлялось большое озеро. Вода в нём была неприятной и горькой. Люди, выпившие эту воду, могли умереть, звери и птицы не могли жить поблизости. После усмирения потопа Юй, пользуясь своей чудесной силой, убил Сянлю. Народ был избавлен ещё от одного зла. Из трупа огромного девятиглавого чудовища водопадом полилась вонючая кровь. Там, куда она попала, не могли расти злаки. Из чудовища вылилось ещё много жидкости с таким неприятным запахом что поблизости нельзя было жить. Юй забросал воду землёй. Он делал это три раза, но все три раза вода снова просачивалась. Тогда Юй решил оставить там озеро, но соорудил башню, чтобы придавить нечистую силу. Эта башня находилась на северном

склоне горы Куньлунь.

После умирения потопа Юй решил измерить поверхность земли. Он приказал сделать это своим подручным - богам Да-чжану и Шу-хаю. Один шёл с востока на запад и насчитал двести миллионов тридцать три тысячи пятьсот ли и семьдесят пять шагов, другой шёл с запада на восток и насчитал столько же, ни на шаг больше, ни на шаг меньше. Таким образом, земля, на которой мы живём, во времена Юя была квадратной, подобно куску соевого творога. Пучин и озёр размерами более трёхсот жэней насчитывалось двести миллионов тридцать три тысячи пятьсот пятьдесят девять. Чтобы засыпать их, Юй употреблял сижан. В некоторых местах он насыпал лишку, и там образовались знаменитые горы. В «Книге гор и морей» есть несколько фраз о Шу-хае. Там говорится, что когда Юй приказал Шу-хаю измерить землю, у Шу-хая в правой руке были бамбуковые дощечки длиной около шести цуней, называвшиеся «дощечки для подсчёта». По ним он вёл счёт, а левой рукой он указывал на север Страны зелёных холмов.

4. Небесный правитель дарит Юю жезл и волшебного коня. Юй выплавляет девять треножников, чтобы научить людей распознавать зло и нечисть. Как первый циньский император вылавливал драгоценный треножник в реке Сышуй. Юй устал, умиряя потоп. Смерть Юя. Где рассыпался сижан. Обьедки Юя.

После умирения наводнения люди стали жить радостно и спокойно, и все благодарили Юя за его подвиги. Правители всех стран уважали и почитали его, и все хотели, чтобы он стал императором. Правитель Шунь решил уступить престол Юю за его заслуги. Перед своим уходом он подарил Юю в награду за его усердие кусок чёрного нефрита. Верхняя часть нефрита была квадратной, а нижняя - круглой, назывался он юань-гуй. Говорят также, что нефрит был подарен Юю небесным императором. Умиряя наводнение, Юй дошёл до западной реки Таошуй и встретил там великана, который дал ему этот нефрит. Некоторые утверждают, что великан был, вероятно, Чан-чэн - дух горы Инму, что недалеко от Зыбучих песков. Божество по виду напоминало человека, но у него был длинный хвост барса. Оно было воплощением девяти небесных добродетелей и потому имело право, как и небесный правитель, подарить Юю нефритовый юань-гуй. Судя по этим двум легендам, очевидно, Шунь и был небесным правителем. У Юя был волшебный конь по имени Фэйту. Он мог за один день проскакать тридцать тысяч ли. Конь был покорен его добродетелью и сам явился во дворец и стал служить ему. По преданию, у Юя было ещё одно животное - Цзюэти. Раньше оно принадлежало Хоу-ту. Цзюэти, наверное, тоже предназначалось для верховой, езды. Позднее «Фэйту» и «Цзюэти» стали нарицательными именами для хороших скакунов. Небесный правитель в знак симпатии подарил Юю этих двух дивных коней, приходивших без зова. Юй скакал на лошадях, стремясь поскорее умирить наводнение, и число его бессмертных деяний беспрестанно росло. В одном предании говорится, что верховный правитель подарил Юю небесную деву Шэн-гу, чтобы она заботилась о нём в старости.

Сделавшись императором, Юй собрал всю бронзу и металл, преподнесенные ему правителями Девяти пределов, и у подножия горы Цзиньшань, где некогда Хуан-ди изготовил треножник, он тоже отлил девять громадных треножников. Некоторые говорили, что один треножник могли сдвинуть с места только девяносто тысяч человек. На треножниках были изображены нечисть и злые духи всех стран света. Люди, видевшие изображения бесов, при встрече с нечистью были бы уже осторожнее. Путники в лесах и на озёрах, встретившись с оборотнями-деревьями, духами-камнями и другими злыми силами, могли избежать напасти. Девять треножников были выставлены перед воротами дворца, чтобы каждый мог смотреть на них. Они стала для людей как бы помощниками, очень полезными в путешествиях.

Юй половину своей жизни провел, борясь со стихией, он исходил всю страну, взбираясь на горы и переходя вброд реки. Он видел, что духов, оборотней и другой нечисти там немало, и знал, как трудно людям бороться с ними в далеких путешествиях. Но Юй был небесным божеством, поэтому сам он легко справлялся с нечистью. Если бы люди ничего не

знали о духах, то они бы погибли при встрече с ними. Юй, заботясь о народе, придумал поместить на треножнике изображение всех духов в мире. Стоило людям взглянуть на них, как они уже знали, в какой стороне какие оборотни живут.

Отправляясь путешествовать, люди брали с собой на всякий случай амулеты. Юй изготовил треножники не для украшения, а чтобы научить людей распознавать нечисть. Затем треножники переходили от одной династии к другой: от Ся к Инь, от Инь к династии Чжоу. Постепенно значение их как указателей для путешественников сошло на нет. Императоры спрятали треножники в сокровищницы, они передавались по наследству и стали пустым дворцовым украшением.

Девять священных треножников вызывали большое любопытство у различных честолюбивых людей. Во времена Вёсен и Осеней чуский князь Чжуан-ван напал с войском на лухуньских жунов и дошёл до столицы чжоуских императоров - Лои. Чжоуский Дин-ван послал чиновника Ван Сунь-маня с визитом вежливости к Чжуан-вану. На пиру чуский Чжуан-ван расспрашивал о размерах и весе треножников. Находчивый Ван Сунь-мань язвительно заметил в разговоре:

- Вся сила в добродетели, а не в треножниках.

Честолюбивому и непокорному Чжуан-вану пришлось вернуться домой не солоно хлебавши. В конце периода Борющихся царств циньский князь Чжаошань-ван напал на Западное Чжоу и увёз в Цинь священные треножники, которых некогда мечтал чуский Чжуан-ван. Из-за того, что толпа людей тащила их на плечах, подымала на шестах, охала и вздыхала, взывая к небу, один из треножников на середине пути поднялся ввысь, долетел до реки Сышуй (в настоящее время в провинции Шань-дун и Цзянсу), упал в реку и исчез. Из девяти захваченных треножников осталось восемь.

Впоследствии правнук чжаоского Сян-вана - Цинь ши-хуан - захватил шесть царств и стал императором всего Китая. Однажды он поехал на восточное побережье искать бессмертных, и, не найдя их, возвращался через Пэнчэн. Он вспомнил о треножнике, затонувшем в реке Сышуй, и послал тысячи людей искать его, но они не смогли его вытащить. Впоследствии и остальные восемь треножников пропали неизвестно куда. На рельефах храма Улянцы в уезде Цзясян провинции Шаньдун можно видеть яркое изображение того, как циньский император заставлял людей вытаскивать из реки треножник. На изображении видно, как множество людей с моста и из-под него с напряжением тянут его из воды. Из треножника, появившегося над водой, вылезает дракон. Вытянув голову, он перекусывает верёвку, люди падают друг на друга, и треножник снова погружается в воду. На рельефе как раз изображён момент разрыва веревки. Запечатлённая сцена отражала недовольство людей ханьского периода жестокостями Цинь ши-хуана, высмеивала его желание приобрести символ власти, которую он всё-таки потерял. Юй, изготовивший треножник, чтобы люди могли распознавать нечисть, не мог и предполагать, что треножники станут символом императорской власти.

О Юе в народе рассказывалось ещё следующее. При усмирении потопа Юй сам трудился с корзиной и лопатой. Он шёл впереди, не обращая внимания на ветер и дождь, и вёл за собой весь народ. Он расчищал реки, прокладывал протоки и, наконец, победил потоп, причинивший людям столько бед. В общей сложности Юй находился вне дома тринадцать лет. Много раз он проходил мимо, слышал детский плач, но он не мог зайти, потому что был занят. На руках и ногах у него образовались твёрдые мозоли, ногти отполировались до блеска, а на ногах и на груди не росло ни одного волоска. Он был ещё не старым, а выглядел измождённым от работы в сырости и испарениях. Юй с трудом ходил по дороге, он хромал и ноги у него заплетались. Казалось, он подпрыгивает или танцует, как шаман во время камлания. Много лет его пекло солнце и обвевал ветер, кожа у него почернела. Он был худой, с длинной шеей и ввалившимся ртом. По виду его никак нельзя было принять за императора. Но был ли в Поднебесной во все последующие времена хоть один человек, который бы не возносил хвалы Юю?

Некоторые даже говорили:

- Если бы не Юй, то мы все, вероятно, превратились бы в рыб и креветок.

Юй своими деяниями завоевал любовь и уважение людей, и разве могут несколько цзиней бронзы воплощать «императорские права»? Мифы и предания о захвате треножников и их потере не имеют никакого отношения к Юю. В них ясно выражена насмешка над никчёмной деятельностью тиранов.

Став правителем, Юй сделал для народа много полезного. Однажды он отправился на юг осматривать владения. Дойдя до Гуйцзи (место, где он собирал на совет богов Поднебесной и женился на Нью-цзяо), он заболел и умер. Похоронили его там же. Некоторые говорили, что Юй не умер; на земле остался только его труп, а сам он вознёсся на небо и, как и прежде, стал божеством. Как бы то ни было, в последующие времена на горе Гуйцзи можно было видеть большую пещеру, которая называлась Пещера Юя. Народное предание рассказывает, что Юй вошёл в эту пещеру. Говорят также, что к тому месту, где находилась могила Юя, постоянно прилетали птицы, чтобы весной с корнем выдёргивать сорную траву, а осенью склёвывать семена. Ещё в одном удивительном предании говорится, что птицы, уничтожавшие сорняки около могилы Юя, «выстраивались по росту, в их поведении был строгий порядок и прилетали они в определённое время».

По преданию, Гунь и Юй, борясь с наводнением, использовали не весь сижан. В различных частях Китая - в Хубэе, Хунани, Аньхое, в Сычуани - остались его куски.

Большая часть этих легенд стала настоящими «мифами», смешалась с суевериями и поэтому о них не стоит упоминать. Скажем только, что среди целебных трав было одно любопытное растение. Оно называлось «объедки Юя». По преданию, однажды во время борьбы с наводнением Юй выкинул недоеденные остатки пищи в реку, они проросли и превратились в растение, которое растёт в прудах или расщелинах камней. Из этой травы получают тонкий порошок желтоватого цвета, похожий на муку. Лекарство называют ещё «объедками Тай-и» и применяют его при кровотечении. Существует ещё одно растение - цзыжаньгу, произрастающее на песчаной почве на берегу моря. Его плоды по вкусу напоминают пшеницу. Они созревают в седьмом месяце и тоже называются «объедками Юя».

5. Правители Цань-цун и Юй-фу. Удивительный труп, плывущий против течения. Бе-лин умиротворяет наводнение. Легенда о том, как правитель Ван-ди превратился в птицу. Золотые быки, силачи и прекрасные девушки. Ли Вин уничтожает водяного дракона. О божестве Эрлане. Пышные жертвоприношения, устраиваемые народом в честь Ли Вина и его сына.

В государстве Шу, кроме мифов о подвигах Гуня и Юя, в далёкие времена существовала легенда о чудесном превращении правителя Ван-ди в птицу и о борьбе Ли Вина и его сына с наводнением. Вот эти легенды.

В стране Шу в глубокой древности первым знаменитым правителем - ваном был Цань-цун (Цань - букв.: «шелкопряд», цун - «заросли»). Он научил людей заниматься шелководством. На черепашьих костях иероглиф шу обозначался как

или

, изображая шелковичного червя. Это подтверждает то, что в древности в Сычуани было развито шелководство. В те времена народ жил очень просто, у людей не было постоянного жилья, и они кочевали вместе со своим правителем. На новом месте Цань-цун сразу устраивал базар, где торговали шелковичными коконами. У сородичей Цань-цуна была одна особенность: глаза их располагались не горизонтально, а вертикально. После смерти

Цань-цуна похоронили в каменном гробу. Впоследствии люди называли погребения с каменными гробами «могилы людей с поперечными глазами». После Цань-цуна страной Шу правил Бо-гуань, после него - Юй-фу. По преданию, столица, основанная Юй-фу, находилась сначала в Цюй-шане (в настоящее время уезд Шуанлю провинции Сычуань), а затем её перенесли в Пи (сейчас уезд Писянь провинции Сычуань). Во время охоты в горах Цзянынань (уезд Гуаньсянь провинции Сычуань) Юй-фу вознёсся на небо и стал

небожителем.

Прошло много лет после вознесения Юй-фу на небо, и вот однажды человек по имени Ду-юй спустился с неба и попал в местность Чжугути (юго-западнее уезда Ибин провинции Сычуань). Там он встретил девушку по имени Ли, только что вышедшую из прибрежного колодца. Эти два чудесных существа, созданные небом, поженились. Ду-юй объявил себя правителем Шу под именем Ван-ди и опять сделал Пи столицей.

Во время своего царствования Ван-ди заботился о народе. Он научил людей вовремя сеять злаки, убеждая их в необходимости строго придерживаться сезонов и не опаздывать с работой на полях. В то время в государстве Шу очень часто случались наводнения. Ван-ди хотя и жалел людей, страдавших от разливов, но не знал, как справиться с этим злом.

Как-то люди увидели, что по реке против течения плывёт тело мужчины. Всем показалось странным, что тело плывёт не по течению, а против него, и его выловили. Ко всеобщему удивлению, он ожил и сказал, что он уроженец царства Чу, а зовут его Бе-лин. Он оступись, упал в воду и из Чу доплыл до этого места. Вероятно, родные и друзья уже повсюду ищут его. Ван-ди услышал, что река принесла необычного человека. Ему показалось это очень странным, и он приказал привести его к себе. При встрече они понравились друг другу. Ван-ди понял, что Бе-лин не просто очень умный человек, но он отлично знает природу воды. В царстве Шу в те времена постоянно бывали наводнения. Поэтому Ван-ди решил использовать этого человека и назначил его первым министром в Шу.

Вскоре после назначения Бе-лина разразилось большое наводнение. Скопившаяся вода не могла пройти через горы Юйлэй (в настоящее время горы Юйшань в уезде Гуаньсян провинции Сычуань) и вырвалась наружу. Это наводнение было почти такое же большое, как и во времена Яо. Люди, тонувшие в волнах, испытывали все мучения, какие только можно было себе представить. Ван-ди призвал на помощь Бе-лина. Тот проявил весь свой талант. По его приказу люди в горах Юйшань проделали сквозной проход, чтобы отвести воду в русло реки Минь-цзян и разлить её многочисленными потоками по всей равнине. Угроза затопления прошла, и народ снова зажил спокойной жизнью. Есть ещё один вариант, в котором говорится, что Бе-лин сделал проход не в горах Юйшань, а в горах Ушань. Ущелье в горах Ушань было слишком узким, и скопившиеся воды Янцзы вызвали в Шу громадное наводнение. Оно улеглось лишь после того, как Бе-лин пробил проход в горах Ушань. В награду за его заслуги Ван-ди уступил ему престол. Бе-лин объявил себя императором Каймин-ди. Его звали еще Цун-ди. Сам Ван-ди удалился в горы Сишань и стал жить там в уединении. Эти события произошли во втором месяце весны, когда в полях кукует кукушка. Люди помнили о своём бывшем правителе и становились печальными, слыша, как жалобно кричит кукушка.

Почему же люди, слушая кукушку, начинали грустить? Об этом рассказывают два разных предания. Первое говорит, что пока Бе-лин усмирал наводнение, Ван-ди вступил в тайную связь с его женой. Когда Бе-лин вернулся, Ван-ди почувствовал угрызения совести, убежал в глухие горы и там уединился. После смерти Ван-ди его душа превратилась в кукушку. Несмотря на свой дурной поступок, он всё-таки был хорошим правителем, любившим народ. Поэтому люди, заслышав кукование, вспоминают о Ван-ди и грустят.

В другом предании говорится: «Некогда кукушка не куковала, а только иногда издавала какие-то звуки. Они не были печальными. Ду-юй решил уступить свой престол Бе-лину, а сам удалился в горы. Бе-лин, воспользовавшись случаем, захватил его жену. Ду-юй в горах узнал об этом, но он ничего не мог сделать, ему оставалось только печалиться и плакать целыми днями. Перед смертью Ду-юй излил свои жалобы кукушке на Сишани, говоря:

- Кукушка, пусть люди услышат о страданиях Ду-юя.

После этого кукушка улетела в царство Шу, где дни и ночи плакала и скорбела так, что у неё из клюва пошла кровь».

Содержание этих рассказов расходится. Первое предание более древнее, последнее, вероятно, основано на стихах танского поэта Ли Шан-иня «Ван-ди весной изливает свои

чувства кукушке». Но оба предания повествуют о споре между Ду-юем и Бе-лином, возникшем из-за любви. В обоих преданиях указывается, что Бе-лин был победителем. Все питали симпатию к неудачливому Ван-ди, потерпевшему поражение.

В деревнях распространены две легенды о Ван-ди, превратившемся в птицу. Крестьяне деревни Кукушка - Дуцзюань-цунь - уезда Писянь говорят: «Кукушка - это воплощение Князя-кукушки, который составил календарь». Они считают, что Князь-кукушка и есть Ван-ди, или Ду-юй. Они рассказывают, что Ван-ди заботился о народе и научил людей заниматься хлебопашеством. После смерти он продолжал беспокоиться о народе, и поэтому его душа превратилась в кукушку. Каждый раз, когда наступает праздник поминовения, или сезон хлебных дождей, или «начало лета», или «малое изобилие» и т.д., кукушка летает среди полей и кукует. Люди, слыша её кукование, говорят: «Это наш Ван-ди кукушка», и начинают подгонять друг друга: «Уже время, торопись сеять» или «Пора, скорей высаживай рассаду». Эту птицу называют ещё дуюй, ванди, или «птица, которая торопит пахать», или же «птица, которая торопит работать».

Ду-юй уступил престол Бе-лину. Последнему наследовали его сыновья и внуки и таким образом до императора Кай-мина сменилось двенадцать поколений. Кай-мин изменил титул «ди» - «император» на титул «ван» - «князь» и перенёс столицу из Пи в Чэнду. В то время могущественное государство Цинь задумало подчинить себе царство Шу. Но Шу было гористым и неприступным. И тогда коварный циньский князь Хуэй-ван пошёл на хитрость. Он приказал соорудить пять каменных быков и велел каждый день класть под них кучки золота. Потом он распустил ложные слухи о том, что эти быки волшебные и из-под них каждый день выгребают кучи золота. Слухи дошли и до ушей князя Шу. Жадный правитель захотел завладеть быками и послал чиновника просить их у Хуэй-вана. Хуэй-ван был очень доволен и охотно согласился. Теперь надо было придумать, как провести через горы этих больших и тяжёлых быков. В то время в Шу жили пять могучих богатырей по прозвищу Пять молодцов. Они, по-видимому, были братьями. Правитель Шу приказал Пяти молодцам проложить дорогу через горы. И они построили Дорогу золотых быков. По ней перевезли пять каменных быков, предполагая, что они полны золота. Получив быков и убедившись, что они не дают золота, правитель Шу разгневался, но сделать ничего не мог и ему пришлось их вернуть обратно с бранными словами в адрес циньцев - «восточные пастухи». Люди Цинь, слыша эти слова, смеялись и говорили в ответ:

- Хотя мы и пастухи, но мы успокоимся только тогда, когда захватим царство Шу.

Циньский Хуэй-ван знал, что правитель Шу не только жаден, но и очень сластолюбив. Напасть на Шу всё ещё было не так просто, несмотря на то что Дорога золотых быков была проложена. Хуэй-ван решил ещё раз обмануть правителя Шу. Он послал в Шу чиновника с поручением передать правителю, что в Цинь есть пять девушек, славящихся своей красотой, и что он хочет подарить их правителю. Как только правитель узнал, что ему дарят красивых девушек, он забыл старую вражду и снова попался в ловушку. Он приказал Пяти молодцам отправиться в Цинь и привезти этих знаменитых красавиц. Пять молодцов, получив повеление, поехали в Цинь, взяли с собой девушек и отправились в обратный путь. Они дошли до Цытун и тут увидели громадную змею, вползавшую в пещеру. Один из них схватил змею за хвост и начал изо всех сил её вытягивать, чтобы убить и избавить людей от зла. Змея оказалась очень сильной, и один человек не мог с ней справиться. Тогда все пятеро братьев начали с громкими криками вытаскивать змею, которая постепенно стала вылезать из пещеры. Братья очень обрадовались, но вдруг произошло чудо. Раздался ужасающий грохот, задрожала земля, обрушились горы, и всё вокруг заволочило пылью. Пять молодцов, пытавшихся спасти народ от зла, и пять красавиц, которых они везли из Цинь, задавило насмерть. Большая гора разделилась на пять отдельных скал. На вершине каждой скалы лежал плоский камень, служивший как бы надгробием каждому молодцу. Правитель Шу, услышав об этом несчастном случае, был необычайно огорчён и расстроен. Он горевал не о смерти храбрецов, а о том, что ему не удалось насладиться красавицами. Он поднимался на эти горы, горевал об утрате, и приказал назвать эти пять гор Могилами пяти жён. На

вершинах он соорудил беседки под названием «Мечты о жёнах» и «Думы о жёнах» и совсем забыл о Пяти молодцах, которые ему верно служили. Но народ не забыл их и, отбросив все эти «мечты и думы о жёнах», назвал горы Могилами Пяти молодцов.

Как только циньский Хуэй-ван услышал о гибели Пяти молодцов и о печали правителя Шу, он возликовал, так как Шу уже не внушало ему опасений. Вскоре по Дороге золотых быков он послал большую армию напал на Шу, убил правителя и быстро покорил всю страну. Кукушка, в которую перевоплотилась душа Ван-ди, видела своими глазами гибель родного царства, но ничего не могла поделать и стала ещё более печальной. Лишь весной, когда распускаются персики и сливы, при весеннем ветре и яркой луне слышно кукование:

- Лучше бы вернуться! Лучше бы вернуться!

Люди Шу слышат это кукование и знают, что их бывший правитель Ван-ди беспокоится о родном крае.

Миф о том, как император Ван-ди превратился в птицу, ещё и сейчас можно услышать в Сычуани.

В древние времена в реке Миньцзян жил отвратительный дракон. Каждый год, когда созревали хлеба, он вызывал, наводнение, заставлял людей бежать, а сам поедал посевы и скот.

У дракона была младшая сестра, добрая и отзывчивая. Она не могла больше смотреть на страдания людей и поплыла вниз по течению в Цзядин. Своей волшебной силой она раздвинула сомкнувшиеся горы, чтобы потоки воды могли пройти сквозь отверстие. Злой дракон узнал про поступок сестры, загнал её на Гору пяти тигров и запер в железной клетке. А сам по-прежнему продолжал бурлить воды и чинить вред людям.

В то время жил молодой охотник по имени Ду-юй. Он видел, как страдали люди от наводнений, и решил непременно помочь людям. Повсюду он всех расспрашивал, как усмирить воды. Как-то в горах ему встретился старик и сказал: «Хочешь утихомирить воды - убей сперва злого дракона, потом пойдешь в горы и спаси его сестру и только тогда узнаешь, что делать дальше». Он подарил юноше свой бамбуковый посох и тотчас исчез.

Охотник взял палку и пошел сражаться с драконом. Он так его бил, что чудовище испустило дух и осталось лежать на песчаной отмели. Потом Ду-юй отправился к Горе пяти тигров и освободил сестру дракона. Она обрадовалась его желанию спасти людей и стала помогать усмирять воды. Люди в благодарность за заслуги сделали Ду-юя своим правителем, а сестра дракона стала его женой.

У Ду-юя был один коварный сановник, с которым раньше они охотились вместе. Когда Ду-юй сделался правителем и получил в жёны добрую и красивую сестру дракона, он стал завидовать ему и думать, как бы захватить престол и забрать себе красавицу жену.

Как-то этот негодяй отправился в горы на охоту, смотрит,- а перед ним злой дракон, который уполз в горы залечивать раны. Недолго думая, он сговорился с драконом, вернулся домой и сказал Ду-юю:

- Злой дракон хочет помириться с вами обоими, он зовёт вас на несколько дней в горы развлечься.

Сестра дракона понимала, что братец её что-то замышляет, и всеми силами отговаривала мужа, но тот, человек простодушный, хотел помириться с драконом и отправился один в горы.

Как только охотник появился в горах, дракон тотчас же, схватил его и запер в железную клетку. А негодный сановник, когда узнал, что Ду-юй схвачен, тут же завладел престолом и пытался уговорить сестру дракона выйти за него замуж. Но она поклялась, что скорее умрёт, чем покорится ему. И он заточил её в мрачное подземелье.

А Ду-юй в железной клетке думал о людях, вспоминал любимую жену и так и умер с горя. Его душа превратилась в маленькую птичку, выпорхнула из клетки, прилетела в родную страну, стала кружить возле подземелья, где сидела сестра дракона, и печально кричать:

- Гуй Вэнь ян, Гуй Вэнь ян! Вернулся на южный берег реки Вэнь! Вернулся на южный

берег реки Вэнь!

«А здесь и есть южный берег Вэнь,- подумала женщина.- Не иначе как мой муж умер, и его душа вернулась в образе птички,- так печально она кричит». Обернулась она и сказала:

- Коль ты мой любимый, сядь ко мне на голову.

Птичка подлетела к ней и уселась ей на волосы. Сестра дракона поняла, что не ошиблась, и горько заплакала.

Так она горевала и убивалась, что вскоре умерла с горя. Её душа превратилась в птичку, и обе они улетели вместе.

Хотя нынешнее сказание о том, как Ван-ди превратился в птицу, значительно отличается от варианта, зафиксированного в древних книгах, но заметно, что оно развилось из древнего, и следы этой эволюции можно отыскать.

Государство Шу погибло; к счастью, народу не пришлось испытывать больших страданий. Вскоре, во время правления циньского Чжао-вана, правителем стал человек по имени Ли Бин. Как и Ван-ди, он очень заботился о народе и сразу же после прибытия в Шу сделал много полезного. Самым главным его деянием была борьба с наводнением. Ли Бин использовал речную воду для орошения. Он сумел оросить десять тысяч цинов крестьянской земли. Народ из поколения в поколение пользовался этим благодеянием Ли Бина.

Предание говорит о том, что, когда Ли Бин вступил в управление областью Шу, бог Янцзы каждый год выбирал себе в жёны двух молодых девушек. Он был сладострастен и жаден, как и Хэ-бо. Если ему что-нибудь приходилось не по вкусу, он поднимал громадные до неба волны, вызывая наводнение. Людям жилось очень тяжело. Каждый год, согласно обычаю, приходилось давать деньги устроителям свадьбы и выбирать девушек для сладострастного речного божества. Ли Бин узнал о безобразиях водяного и сказал устроителям свадьбы:

- В этом году не надо брать денег, я сам пошлю дочерей богу Янцзы.

Ко дню свадьбы Ли Бин пышно нарядил двух своих дочерей и приготовился отправить их на дно. На берегу реки был воздвигнут трон для бога, на алтаре стояли курильницы с благовониями, вино и фрукты. У алтаря целая толпа музыкантов, одетых в разноцветные одежды, била в барабаны и дула во флейты, создавая шум и веселье. Ли Бин с полной чашей вина подошёл к трону бога и, преподнеся чашу, сказал:

- Я почитаю за честь ближе познакомиться с тобой. О великий бог, господин реки, прошу показать свой лик, чтобы я мог преподнести тебе чашу вина.

Однако трон оставался пустым и безмолвным. Ли Бин немного помолчал и снова сказал:

- Ещё раз прошу выпить чашу!

Затем он поднял свою чашу и опустошил её одним глотком. Перед тронем чаши с вином оставались полными. Ли Бин рассердился и громко закричал:

- Хозяин реки, если ты так презираешь людей, я хочу драться с тобой не на жизнь, а на смерть.

Он вытащил из-за пояса меч и неожиданно исчез. Музыканты перестали играть, и все столпившиеся вокруг люди перепугались до смерти. Через мгновение стало видно, что на горном обрыве яростно дерутся два быка. Вскоре оба быка исчезли, и опять появился Ли Бин, по лицу его струился пот. Тяжело дыша, он подошёл к подчинённым и сказал:

- Я бился с божеством и очень устал. Мне нужна ваша помощь, и тогда я смогу победить. Но смотрите, внимательно. Бык с белой лентой, повернувшийся к югу,- это я.

Он опять превратился в серого быка и вступил на обрыве в смертельный бой с речным богом, тоже превратившимся в серого быка. Люди побежали на обрыв и мечами и копьями начали наносить удары быку без белой ленты. И, наконец, речной бог в образе быка был убит слугами Ли Бина. Так народ избавился от угрозы наводнений.

Это предание сравнительно раннее. Позднее появился рассказ о том, как Ли Бин, приняв облик быка, погрузился в реку для сражения с драконом. Но божество в образе

дракона внезапно взмыло вверх, и Ли Бин потерпел неудачу. Затем он поднялся на берег, отобрал несколько сот сильных солдат, вооружённых луками и стрелами, и сказал им:

- Как только я превращусь в быка и вступлю с божеством в битву, бог тоже превратится в быка. Я привяжу себе на туловище шелковую белую ленту, чтобы вы могли отличить!» меня от речного бога, а вы бейте быка, на котором не будет ленты.

Ли Бин пронзительно крикнул и бросился в воду. В то же мгновение раздались удары грома и завыл ветер, небо и земля стали одного цвета. Когда всё затихло, было видно, как в воде идет ожесточенная драка между двумя быками. У одного на брюхе висела длинная белая лента. Воины начали стрелять из луков в быка без ленты, и злое речное божество было убито.

И теперь у западных ворот уездного города Гуаньсянь есть Башня дерущихся петухов, которая ещё называется Башня дерущихся носорогов, и это, видимо, и есть её настоящее название. По преданию, здесь в далекие времена Ли Бин приказал войску и народу взять луки и помочь убить злого дракона. В предании более позднего времени говорится, что божество Янцзы превратилось в дракона.

По некоторым преданиям, дракона захватили живьем. Люди боялись, что он будет бесчинствовать, поэтому его заковали в железные цепи и приковали к проходу, который прорубил Ли Бин, чтобы отвести воды. Там был глубокий омут, в котором круглый год не высыхала вода. После заточения дракона омут назвали Пучиной укрощённого дракона.

Боролся со всякой нечистью и широко известный в народе Эрлан-шэнь, которого звали еще Гуанькоу-Эрлан. По преданию, он был вторым сыном Ли Бина (Эрлан и означает «второй сын»). Он очень любил верховую езду, охоту и был необычайно смелым. Ли Бин нарядил Эрлан-шэня девушкой, собираясь отправить его вместе с дочерью на дно к речному божеству. Эрлан-шэнь вместе со своими семью товарищами спустился под воду, чтобы убить дракона. Семь товарищей назывались Семью мудрецами с горы Мэйшань. К сожалению, имена их не сохранились. Вероятно, они были знаменитыми охотниками и жили в горах и лесах. Здесь приведены только отдельные осколки мифов о божестве Эрлане.

Эти мифы более позднего происхождения, чем мифы о Ли Бине. Но связь между мифами об отце и сыне определённо существует вплоть до сунского времени.

Миф о том, как Ли Бин боролся с чешуйчатым драконом, продолжал эволюционировать и после эпохи Сун постепенно превратился в сказание о том, как Эрлан заковал в цепи злого дракона. Мы знаем, что Эрлан - второй сын Ли Бина, но никто не слышал о его старшем сыне или о третьем сыне (если даже они где-нибудь и упоминаются, то заметно, что они притянуты за уши, а не входят в сказание органически). Этот славный второй сын всегда действует один-одинёшенек. Как же он попал в сказание, развившееся из мифа? Тут можно строить только догадки вроде того, что эта версия связана с записью в книге «Описание обычаев» (Фэнсу тун), где говорится, что бог реки - Цзян-шэнь - «каждый год требовал себе в жёны двух девушек» и Ли Бин, «когда пришло время, нарядил своих дочерей, чтобы бросить их в реку». Сначала сказители так и рассказывали, что Ли Бин нарядил своих дочерей, будто желая отдать их богу реки, а сам задумал хитрость. Впоследствии, по-видимому, чувствуя, что это слишком опасно - девушкам не пристало участвовать в кровавом бою, - двух девушек превратили в двух сыновей, наряженных красавицами, предназначенными в жёны божеству. Отсюда уже один шаг до того, чтобы из «двух сыновей» получился «второй сын» - конкретный герой. В «Кратких жизнеописаниях имевших заслуги в возведении дамбы в Ду-цзяне» (автор Цянь Мао, предположительно вторая половина XIX в.) говорится: «Второй сын... нарочно нарядился красавицей и был выдан за чешуйчатое страшилище; все вошли в храм и стали угощаться вином...» Вероятно, второй сын - результат переосмысления выражения «два сына».

Ли Бин укротил божество-реки или, по другой версии, заковал в цепи дракона. Затем он в Байшаю, под Теремом яшмовой девы, изготовил три каменные статуи, поставил их в середине реки и договорился с её божеством, что во время засухи вода в реке не будет опускаться ниже ног этих статуй, а во время половодья - подниматься выше их плеч. По

указаниям Ли Бина люди плели бамбуковые корзины, нагружали их камнями и складывали камни поперёк реки. Так они построили большую дамбу, которую называли Цзяньянь или Цзиньти - Золотая дамба. В плотине справа и слева были проходы, и река разделялась на протоки Пицзян и Цзяньцзян.

В древности округ Шу был плодородной и цветущей равниной, простиравшейся на тысячу ли. Равнина напоминала паутину, так она была изрезана потоками. Люди были избавлены от наводнений и засухи, водой они орошали поля и не знали голода. Это место называлось Осушенным морем или Небесным округом.

На берегу Янцзы на горе народ соорудил храм «Поклонения добродетели», чтобы почтить заслуги Ли Бина и его сына в борьбе с наводнением. Каждый год в конце весны и начале лета, когда заканчивали высаживать рисовую рассаду, люди из окрестных уездов зажигали в храме курительные свечи и совершали жертвоприношения князю Ли. В жертву приносили баранов. Иногда их число доходило до пятидесяти тысяч в год. Около храма жили люди, которые занимались тем, что резали жертвенных животных. Это позволяет судить о процветании храма. Люди преклонялись перед мужеством и доблестью мифического Ли Бина, и многие называют в его честь своих сыновей Бин-эр - дети Бина. Люди всегда почитают и любят героев, имеющих заслуги перед народом.

Глава VIII. Удивительные жители дальних стран

1. Легенды о великанах и их стране. Из Страны карликов в Страну жэньшэня. Борьба родов Чу и Мань. Великаны и карлики, обладающие долголетием. Страна благородных. Страна Сюаньюань. Зверь чэнхуан из Страны белых и пятнистые кони из Страны одноногих Страна трёхликих и одноруких и Страна людей с человеческим лицом и туловищем рыбы. Страна не имеющих потомства, где люди умирают и воскресают вновь. Поиски эликсира бессмертия.

В предыдущей главе рассказывалось, что Юй, усмирив наводнение, объездил Девять пределов и все страны Поднебесной. Во время путешествий он видел множество удивительных людей и странных вещей. По преданию, Юй и его помощник Бо-и написали «Книгу гор и морей». В ней они и описали всё, что видели. Это предание, конечно, недостоверно, но предположим, что Юй на самом деле путешествовал и доходил до крайних морей. По дороге он посещал любопытные страны и описал их в «Книге гор и морей». Поэтому мы и расскажем об этих странах.

Английский писатель XVIII века Д.Свифт написал книгу «Путешествия Гулливера», в которой рассказывается о странствиях Гулливера, плававшего по морям и совершившего опасные путешествия в отдаленные, удивительные страны. Самые интересные из его путешествий - это посещение Страны великанов и Страны лилипутов. Мы тоже начнём с легенд о великанах и карликах.

По преданию, в Восточном море, недалеко от Горы больших речей - Даяньшань, где восходят солнце и луна, находится Гора долины волн - Богушань. На горе расположена Страна великанов. На вершине горы площадка, на которой собирались на совет великаны. Это был Храм великанов. Один из великанов любил сидеть на площадке на корточках, раскинув огромные, длинные руки. Другой любил кататься в море по громадным волнам на маленькой лодке, выдолбленной из ствола дерева. Но, наверное, она была куда больше, чем боевые корабли, на которых в древности сражались наши предки.

Великаны пребывали в чреве матери тридцать шесть лет. У новорожденных младенцев волосы на голове были белыми. Они были могучими титанами с самого рождения. Потомки драконов, они могли летать на облаках, ещё не умея ходить.

В старых книгах есть много рассказов о великанах. В мифе о «Нюй-ва, починившей небосвод», говорится о великанах страны Лунбо, которые поймали на крючок шесть голодных черепах, державших на головах горы. Эти великаны, вероятно, были

прародителями всех великанов. Впоследствии небесный правитель рассердился на них и решил укоротить их. Но, согласно записям, он не смог этого сделать, и они остались ростом в тридцать чжанов. Великаны из восточной страны Тяожэнь были вровень с ними. Надо ещё упомянуть о Фанфэн-ши, которого казнил великий Юй на горе Гуйци: одна кость его еле умещалась на колеснице. Он был небесным божеством и предком позднейших поколений великанов. Конфуций говорил: «В периоды Юй, Ся и Шан Фанфэн-ши называли Ван-янь, в период Чжоу - Чжан-ди, а теперь его называют просто великаном». Какого роста был Чжан-ди? Предание говорит, что, когда он ложился, занимал площадь девять му. Потребовалась большая повозка, чтобы везти его отрубленную голову, и всё-таки его брови свисали над передним брусом телеги.

На небе тоже жил великан, охранявший вход в небесные покои. У него было девять свирепых голов, и он мог выдёргивать деревья, как травинки. В гневе он вырывал большие деревья тысячами. В аду, под землёй, был великан Ту-бо, охранявший вход в Юду - Тёмную столицу. На голове у него были острые рога. Согнув громадное тело в девять изгибов, он вытягивал руки, залитые кровью, и загонял в ад чёрные души. Судя по этим легендам, великаны были и в раю, и в подземном царстве, и в мире людей.

Карлики, по-видимому, жили только на земле, так как сведений о том, что они были на небе или под землёй, нет. За Южным морем была Страна пигмеев. Самые высокие люди там были ростом три чи, а самые маленькие - всего лишь несколько вершков.

Они, как и мы, носили одежду и шапки и жили в пещерах. Карлики были очень сообразительными и изобретали разные хитроумные вещи. По преданию, они преподнесли императору Яо несколько стрел моной, изготовленных ими самими, что говорит об их мастерстве. Возделывая поля, карлики очень боялись, что их схватят свирепые белые журавли. Но, к счастью, люди из соседней страны Дацинь, здоровенные детины десяти чжанов ростом, помогали карликам прогонять журавлей, и карлики могли продолжать трудиться.

В «Книге гор и морей» содержатся сведения о карликах цзюньжэнь и цзинжэнь. Их, вероятно, можно отождествить с карликами, упомянутыми выше. О карликах цзюньжэнь в этой книге имеется любопытный рассказ. По преданию, на Серебряной горе - Иньшань - росло дерево-женщина. Как только небо начинало светлеть, на ветвях дерева появлялись маленькие голые дети. После восхода солнца эти дети спускались на землю, начинали бегать и резвиться. После того как солнце заходило за гору, дети скрывались под землёй и больше не появлялись, а на следующий день на ветвях дерева рождались новые дети.

Там также рассказывается о стране Дашиван у Западного моря. На прибрежных скалах в этой стране росли деревья с зелёными ветвями и красными листьями. На таком дереве рождалось много маленьких детей ростом шесть-семь вершков, они висели, приросшие к веткам, вниз головой наподобие луковицы. Увидев людей, они начинали смеяться и болтать руками и ногами. Стоило только их снять с дерева, как они сразу же умирали. Вероятно, эти карлики цзюньжэнь питались грибом жоучжи, который приносил людям долгую жизнь и отдалял старость. У Чэн-энь в романе «Путешествие на Запад» называет эти грибы плодами жэньшэня и описывает, как ими питался свиноподобный Чжу Ба-цзе.

В книге Чжуан-цзы есть басня о том, что на левом роге улитки существовала страна Куши, а на правом роге - страна Маныпи. Правители обеих стран постоянно устраивали между собой жестокие битвы из-за территории. На границах находилось бесчисленное количество погибших воинов. Победившая страна преследовала побеждённых в течение полумесяца до полного их истощения, и после этого победители с песнями возвращались домой. Карлики, о которых мы говорили выше, по сравнению с карликами из Чжуан-цзы кажутся, просто гигантами вроде Цзюйуба.

Рассказы о великанах и карликах всегда проникнуты идеей долголетия. По преданию, на западе, за морем, находилась Страна лебедей. Рост мужчин и женщин в этой стране не превышал семи вершков, они были очень вежливыми: завидят человека - и отвешивают низкий поклон; жили они до трёхсот лет. Люди там ходили со скоростью ветра и за день

могли пройти тысячу ли. Карлики очень боялись морских лебедей, так как лебеди проглатывали их живьём, и они продолжали жить в животах лебедей. Лебеди, проглотившие карликов, жили триста лет и могли за день пролетать тысячи ли. В мифах срок жизни и в триста лет считался небольшим. Великаны страны Лун-бо, о которых говорилось выше, жили по восемнадцать тысяч лет. Карлики страны Чии, что у горы Юаньцзяо, по преданию, жили до десяти тысяч лет. Жизнь их «была бесконечна, как небо».

Во многих необычайных Странах за морями жили люди, обладающие бессмертием или долголетием.

Например, на востоке, в Стране благородных, жили долголетние. Кроме мяса домашних и диких животных, они употребляли в пищу приготовленные на пару цветы муцзинь - красные, фиолетовые и белые. В своих стихах древние поэты так описывали их:

Девушка вместе со мной в колеснице сидит, Цветок муцзинь мне напомнила цветом ланит.

Можно себе представить, какими красивыми считались эти цветы! Но они были очень недолговечны: распустившись утром, они увядали, не дожив до вечера. Их сравнивают с девушками за их красоту и быстрое увядание. Странно, что пища, изготовленная из таких недолговечных цветов, приносила долголетие жителям Страны благородных. Здесь дело, по-видимому, заключалось не в цветах, а в том, что люди из Страны благородных были полны гуманности, любви и добродетели, а в легендах говорится, что все гуманные и добродетельные живут долго.

О жителях Страны благородных рассказывалось много любопытного. Одежда и шапки, которые они носили, были у них всегда в порядке и выглядели очень аккуратно, на поясе висел меч. У каждого жителя было в услужении два полосатых тигра. Все люди были скромны, вежливы и никогда не затевали ссор. Тигры тоже были ручными и смирными, как наши домашние кошки. Рынки там были переполнены, но никакого беспорядка и суеты не было, хотя люди и тигры сновали взад и вперёд. По этому поводу Конфуций некогда печально говорил: «Так как моё учение в Китае неосуществимо, я хотел бы уплыть в море на плоту, чтобы прибыть в область Цзюи, где его можно осуществить». Благородные жили в области Цзюи, и Конфуций, вероятно, хотел поехать как раз в эту страну, чтобы там проповедовать свои идеи.

На западе тоже было немало стран, жители которых обладали долголетием. Например, в стране Сюаньюань у горы Цюн-шань, самый короткий срок жизни был не менее восьмисот лет. Жители, по-видимому, были потомками Хуан-ди, с человеческими лицами и змеиными туловищами и хвостами, закрученными вокруг головы. Их облик почти не отличался от облика богов. Поблизости находился холм Сюаньюань, четыре змеи лежали, свернувшись, охраняя его со всех сторон. Стрелки из лука не осмеливались направлять свои стрелы на запад, потому что там находился холм Сюаньюань - священная земля Жёлтого императора.

На западе же было две страны, где водились необычные животные. Люди, ездившие на них верхом, жили очень долго. Одна из них называлась Страной белых людей. У жителей этой страны всё тело было белое, и даже волосы на голове были белыми. Там жили звери чэнхуан, по виду они походили на лисиц, на спине у них росли по два рога. Они бегали так быстро, как птицы в полёте, и назывались ещё фэйхуан - «летающие жёлтые». Отсюда пошло выражение фэйхуан тэнда - «фэйхуан достигает цели». Люди, которым выпало счастье ездить на них, жили по две тысячи лет.

Другая страна называлась Страной одноруких. Она находилась на крайнем западе, в сорока тысячах ли от заставы Яшмовых ворот, и её иногда называли Страной одноногих. Какое из этих названий считать правильным - остаётся неясным. По преданию, жители этой страны умели делать различные хитроумные приспособления для ловли зверей и птиц. Они умели мастерить летающие колесницы. Во время иньского князя Тана такая колесница долетела до местности Юйчжоу и была уничтожена тогдашним правителем. Только спустя десять лет, когда подул восточный ветер, вновь была изготовлена такая же колесница. На ней прилетевшие жители Страны одноногих могли вернуться к себе. Поэтому можно

предположить, что они были одноногими: им было неудобно с одной ногой, и они выдумывали различные приспособления, чтобы восполнить этот недостаток. Имелись сведения, что у этих людей было по три глаза, что им, очевидно, помогало в труде. Они обычно ездили на белых в яблоках конях цзилян, что значит «счастливые и добрые». Кони были с красной гривой, шея напоминала петушиный хвост и глаза блестели, как золото. Те, кто ездил на них, могли жить тысячу лет. В этой стране водились также необычные птицы с двумя головами и оперением красно-жёлтого цвета.

Жители некоторых стран не просто долго жили, а вообще были бессмертны. Например, в Южной пустоши жил чернокожий народ бессмертных. В этой стране была гора Юаньцюшань - Круглый холм. На горе росло дерево бессмертия гань-му или «сладкое дерево». Достаточно было съесть плод этого дерева, чтобы стать бессмертным. Под горой протекал Красный источник. Глоток воды из этого источника давал долголетие. Поэтому люди там жили долго и не умирали. В Западной пустоши находилась Страна трёхликих и одноруких. Они были потомками Чжуань-сюя. По преданию, они тоже были бессмертными. Существовала ещё страна Хужэнь, жители которой могли подниматься на небо и спускаться на землю. Это были потомки Янь-ди, с человеческими лицами и рыбьими туловищами. Они или жили бесконечно долго, или были бессмертными.

Самой любопытной страной, где жили бессмертные, можно считать Страну людей без потомства в Северо-западной пустыне. Но как могла существовать страна, если жители её не имели детей? Люди в этой стране жили в пещерах и вели самый простой образ жизни. Иногда они питались одним воздухом, иногда - мелкой рыбёшкой, которую ловили в реках. Иногда они употребляли в пищу землю и глину. Они не делились на мужчин и женщин. После смерти их зарывали в землю, но сердце у них не переставало биться. Через сто двадцать лет они оживали и выходили наружу, чтобы снова наслаждаться радостями жизни. За жизнью у них следовала смерть, за смертью - жизнь, а сама смерть была долгим сном, поэтому они и были бессмертными. Их страна процветала, хотя потомства у них не было.

В древности долголетие и бессмертие были самой высокой мечтой людей о счастье. Они достигали его различными способами: пили росу, глотали воздух и каждый день в определённое время делали дыхательные упражнения, обратясь к солнцу. Некоторые принимали растительные или минеральные снадобья, как, например, хризантемы, нефрит, золото, киноварь т.д. Некоторые пытались достигнуть того, чтобы тело стало лёгким и они смогли бы летать. Для этого они не ели даже злаков, а глотали лишь воздух и питались лекарством бессмертия, а иногда ещё изучали алхимию. Самые нетерпеливые сжигали себя на огне или закалывались мёдом, чтобы душа их улетела на небо, обрела бы бессмертие и наслаждалась в счастливых садах радости. Все эти способы достижения долголетия (кроме дыхательной гимнастики) обычно давали противоположный эффект и приводили к преждевременной смерти. Самым простым способом считалось достижение долголетия при помощи лекарства бессмертия. Если такое волшебное лекарство существовало, то казалось бы, что его можно изготовить, и тогда люди были бы счастливы. К сожалению, хотя уже в древних книгах был раскрыт секрет этого лекарства, но изготовление его было настолько сложным, что не слышно, чтобы кто-нибудь добился успеха.

Так, например, в книге Гэ Хуна Бао Пу-цзы есть много рецептов изготовления лекарства бессмертия. По преданию, в глухих горах можно встретить карликов ростом семь-восемь вершков. Они сидят в колеснице или ездят верхом. Карлики называются жоучжи. Такой случай нельзя упускать. Надо при помощи колдовства молча обойти их сзади ковыляющей походкой и схватить. Затем необходимо содрать с карлика целиком кожу и проглотить его. Вскоре после этого можно надеяться среди бела дня вознестись на небо.

В другом месте говорится, что надо взять жабу, которая прожила десять тысяч лет, и летучую мышь, которая прожила тысячу лет, высушить их в тени, растолочь в порошок и принимать внутрь. Тогда можно прожить до сорока тысяч лет.

В книгах рассказывается, что существует фыншэншоу - «зверь, рождённый ветром»,

напоминающий барса. Он величиной с кошку, а всё тело у него зелёного цвета. Фыншэншоу живёт в больших лесах у Южного моря и его ловят сетями. В огне он не горит. Можно сжечь несколько возов хвороста, хворост сгорит, а зверь останется целым, и даже ни одна шерстинка на его шкуре не опалится. Ножом его не разрубить - нож его не берёт. Если бить по нему железным молотом, то кажется, будто ударяешь по кожаному мешку. Его можно было убить, только ударив несколько тысяч раз по голове. Но у зверя было последнее средство. Уже мёртвым он раскрывал пасть против ветра и ждал, чтобы ветер попал к нему в рот. Через мгновение он снова оживал и стремительно убегал. В этот момент надо было заткнуть ему ноздри пахучей травой чанпу, растущей на камнях, и лишь тогда зверь умирал. После этого у него вынимали мозг, смешивали его с цветами хризантемы и принимали определённое количество в точно установленное время. Если принять десять цзиней этого снадобья, то можно было прожить до пятисот лет. Подобными описаниями лекарства бессмертия заполнены книги. О рецептах повествуется серьёзно, хотя, читая их, невозможно удержаться от улыбки. Но в будущем настоящее лекарство бессмертия будет открыто и станет известно повсюду. Сбудутся самые заветные мечты людей.

2. Страна твёрдогрудых и Страна однокрылых птиц. Страна людей с вывернутыми ногами. Великаны из страны Сяоян. Умные обезьяны попадают на удочку. Страна людей с языками навыворот. Страна свинорылых и Страна людей с зубами-свёрлами. Страна трёхголовых. Страна длинноруких. Страна чернозубых знатоков книг и обрядов. Страна черноногих и племя полубогов Юйшицзе. Страна волосатых. Страна людей, ходящих на цыпочках. Страна придерживающих завязки. Дерево синьму. Страна потомков Куа-фу. Страна длинноухих. Боги Северного моря и другие удивительные места. Страна безутробных. Страна людей с глубоко запавшими глазами. Страна людей без костей. Страна бесов и нечисть, водящаяся поблизости от неё. Страна длинноногих. Страна одноруких. Страна людей с тремя туловищами. Жёлтые птицы и чёрные змеи с горы Иншань.

Юй, усмиряя наводнение, посетил различные страны Девяти пределов. Кроме стран великанов, карликов и бессмертных, о которых мы уже рассказали, он побывал ещё и в других, где водилось много удивительных животных. Обо всём этом тоже стоит рассказать. Сначала расскажем о странах, где жили люди с необычной внешностью, а затем о странах, где жили с необыкновенными природными способностями. Такое разделение весьма условно, так как в странах людей с необычной внешностью были и люди с необыкновенными способностями, и наоборот.

За морем, если двигаться с юго-запада на юго-восток, прежде всего окажешься в Стране твёрдогрудых. Люди там имели одну характерную особенность: кости у них на груди выдавались вперёд, как кадык у мужчин. Поблизости водились птицы бииняо, похожие на дикую утку, с красно-зеленым оперением. У них было по одному крылу, по одному глазу и по одной ноге. Они могли летать по небу, лишь соединившись по двое, а поодиночке могли лишь ковылять крошечными шажками. Поэтому они всегда летали и отдыхали парами. Люди считали их символом счастливого супружества, со Цзюй-и так вспоминает об этих птицах в «Песне о бесконечной тоске»: «В небе хотел бы я сделаться птицей бииняо».

Если двигаться от Страны твёрдогрудых на восток, то, пройдя несколько стран, попадаешь в Страну людей с переплетёнными ногами. Жители этой страны были ростом не более четырёх чи, ноги у них были кривые и переплетённые. Если они ложились, то встать без посторонней помощи уже не могли. Так, некрасиво ковыляя и хромя, они ходили по дороге. Но они считали это в порядке вещей и нормальная походка людей, прибывших из других стран, казалась им некрасивой.

Недалеко от Страны людей с переплетёнными ногами находилась страна Сяоян. В этой стране жили дикари, не то звери, не то люди. Ростом они были больше чжана и называли их глупыми великанами. У них было человечье лицо и чёрное, словно лак, тело, сплошь покрытое длинными волосами. Ноги у дикарей сгибались в обратную сторону, и они бегали

быстро, как ветер. Нрава они были жестокого: ловили и ели людей. Люди страны Сяоян подстерегали в горах одиноких путников, раскрывали пёсью пасть, выворачивая до лба огромные губы.

- Хэ-хэ-хэ,- глупо хохотали они, а насмеявшись вдоволь, начинали пожирать свою добычу.

Зная об этой привычке, умные люди придумали такой способ. Они надевали на руки бамбуковые трубки. Дождавшись когда схватившее их чудовище начнёт смеяться, они выхватывали из трубки кинжал и пригвождали его кроваво-красную губу ко лбу. После этого они легко захватывали живьём чудовище, у которого даже глаза и нос были спрятаны за губой. Чудовище, ничего не понимая, продолжало сидеть, крепко держа в лапах бамбуковые трубки, пока его не захватывали в плен. Поэтому жителей Сяоян и называли глупыми великанами, что вполне соответствовало истине. По преданию, женщины Сяоян выпускали жидкость, от которой человек мог заболеть.

В окрестностях страны Сяоян водились очень любопытные животные синсин, с пёсым туловищем и человеческим лицом. Глаза и нос у них росли торчком. Эти звери были очень умные и могли разговаривать по-человечьи. При виде людей они скрывались. Синсин могли окликать людей по именам и фамилиям. Чтобы поймать животное, люди в глухих горах ставили несколько кувшинов с вином, около них - несколько чашек и черпаков и деревянные сандалии, а сами прятались и следили за тем, что произойдёт. Животные, увидев расставленные вещи, догадывались, что люди поставили какие-то ловушки, и начинали всячески бранить людей, перебирая всех родственников до восьмого колена. Они ругались так долго, что у них пересыхало горло и им хотелось чего-нибудь выпить. Тем временем винный аромат достигал их ноздрей. Синсин вначале боялись попасть в ловушку, затем решали чуть-чуть попробовать, чтобы убедиться, не таится ли в вине что-нибудь опасное. Самые смелые из них подходили поближе к кувшинам, вытягивали руку и обмакивали палец. Потом в ход шли черпаки, а затем и чашки. Синсин из чашек и черпаков с гамом и криком пили вино, сколько влезало. Они опустошали до дна все кувшины. А напившись, обнаруживали на земле деревянные сандалии. Все наперебой кидались надевать их, разыгрывая из себя людей, но, не пройдя и трёх-пяти шагов, они спотыкались и падали на землю. Спрятавшиеся вблизи люди выбегали и крепко связывали их верёвками.

К востоку от страны Сяоян находилась Страна людей с языками навыворот. По преданию, у жителей этой страны языки росли в обратном направлении - к горлу. Поэтому когда они разговаривали между собой, другие ничего не понимали.

Если двигаться от Страны людей с языками навыворот ещё к востоку, то попадаешь в Страну свинорылых. У жителей этой страны лица напоминали свиное рыло. Поблизости находилась ещё Страна людей с зубами-свёрлами, у жителей которой один зуб выдавался изо рта на три чи и напоминал сверло. Они были свирепы. Вероятно, это были потомки чудовища Цзочи, которого во времена Яо в Южной пустоши Шоухуа убил стрелок И.

Ещё далее к востоку была Страна трёхголовых. У обитателей этой страны на туловище росло три головы. Вид у них был очень страшный.

К востоку от них находилась Страна длинноруких. Там жили существа с туловищем, как у обычных людей, но руки их были необыкновенной длины. Одни говорили, что они доставали до земли, другие - что их длина была три чжана. Длиннорукие обычно ловили на берегу моря рыбу. С руками длиной три чжана было, конечно, очень удобно заниматься рыболовством. Поэтому можно было часто видеть, как они обеими руками вытаскивали из моря бьющуюся рыбу.

На этом описание южных стран, где жили люди с необычной внешностью, заканчивается. На востоке были три страны, где тоже жили странные люди. Ближе всех находилась Страна чернозубых. У жителей этой страны, бывших потомками Ди-цзюня, зубы были чёрные, как лак. Вблизи страны находилась Тангу - Кипящая долина, где некогда пребывало десять солнц. Чернозубые питались рисом, как и мы, но готовили приправу из змей. Вероятно, потому, что эта страна находилась вблизи Страны благородных, Ли

Жу-чжэнь в романе «Цветы в зеркале» описывает чернозубых, как людей, хорошо разбирающихся в литературе и церемониях. Две чернозубые девушки-студентки, начав рассуждать о «Книге песен» и «Шуцзине», поставили в затруднительное положение учёных, прибывших из Китая.

Если отправиться из этой страны на север, то, пройдя Тангу, придёшь в Страну темноногих. У жителей этой страны ноги и бёдра были чёрными. Они жили на берегу моря и поэтому одежду делали из рыбьей кожи и питались буревестниками. Неподалеку от них жило племя юйпшце. Люди этого племени были необычными существами, не то люди, не то духи, им покорялись змеи. Телом они были чёрные и в каждой руке держали по змее. Иногда они держали в руках чёрных черепах с лапами и горловой, втянутыми в панцирь. На левом ухе у них висела зелёная змея, на правом - красная.

Далее к северу находилась Страна волосатых. У жителей её лицо и тело поросло волосами, твёрдыми, как наконечники стрел. Они были маленького роста, жили в пещерах и круглый год не носили одежды.

Закончив описание восточных заморских стран, обратимся к северу.

На северо-востоке находилась Страна людей, ходивших на цыпочках. Люди там были высокого роста и с большими ногами. При ходьбе они становились на пальцы и не касались пятками земли. Говорят ещё, что ноги у них были повёрнуты наоборот, так что если они шли на юг, то их следы показывали на север. Поэтому их ещё называли «люди с пятками навыворот».

На запад от них была Страна людей, державших завязки. По преданию, жители этой страны всё время руками держали у подбородка завязки от шапки, по-видимому, чтобы её не сдул ветер. Это очень смешно. Разбирая значение иероглифов, можно предположить, что это была Страна людей, которые держались за зоб. При болезни зоб увеличивается и может достичь размеров миски. Зоб был большой обузой он болтался в разные стороны, мешал, и его приходилось постоянно придерживать рукой. Такое объяснение более вероятно. На юге этой страны росло дерево синьму. По преданию, оно было высотой тысячу ли и упиралось в небосвод.

Ещё дальше к западу протянулась страна Бофу или Куафу. Жители этой страны были потомками великана Куа-фу, некогда состязавшегося в беге с солнцем. Они были очень высокого роста, с зелёной змеей в правой руке и жёлтой змеей - в левой. На востоке страны был персиковый лес с пышной кроной и множеством свежих плодов. Этот лес вырос из палки, которую Куа-фу, догнавший солнце, кинул перед смертью на землю. В лесу росло два дерева, но он казался огромным и бесконечным.

Недалеко от страны Куафу находилась Страна длинноухих, у её жителей были длинные, до плеч, уши. Во время ходьбы они придерживали их руками, как люди в Стране зобатых придерживали зоб. Каждому жителю Страны длинноухих прислуживало по два полосатых тигра. Страна длинноухих была расположена у Северного моря - Бэйхай, где жили три бога. Один из них был богом Северного моря и ветра - Юй-цян. с человеческим лицом и птичьим туловищем. О нём мы уже рассказывали. Второго звали Цзю-фын - Девятиглавый феникс. У него было птичье туловище и девять голов с человеческими лицами. У третьего бога - Цян-ляна - было человежье туловище, голова тигра, четыре копыта и необычайно длинные руки. Во рту и в передних копытах он держал по змее. Жили эти божества на горе Бэйцзitiaньгуй - Небесный сундук Северного предела.

У Северного моря водилось много странных существ. На Змеиной горе - Шэшань было много пёстрых птиц, напоминавших фениксов. Назывались они иняо. Они слетались стаями в сотни тысяч и застилали небо и солнце. Это было величественное зрелище. Там находилась ещё гора Юду, она служила входом в Юду - Столицу тьмы. На её вершине жили чёрные птицы, чёрные змеи, чёрные барсы, чёрные тигры, чёрные лисицы и всякие чёрные звери. С этой горы можно увидеть чёрную гору с причудливыми очертаниями. На ней жили чёрные люди. Оттуда была видна Страна великой тьмы - Даю, жители её ходили голыми, жили в

мрачных горных пещерах и круглый год не видели солнечных лучей. Там же жили люди с красными до колен ногами, как будто они ходили в красных сапогах. Ещё были там богатыри с человеческими туловищами и лошадиными ногами, покрытые длинной шерстью. Это были жители страны Динлин. Они хлестали сами себя нагайками по ногам и носились по степи с быстротой ветра с криками «га, га, га!», как дикие гуси в осеннем небе.

Если от Северного моря двигаться на запад, то попадаешь в Страну безутробных. Обитатели её были высокого роста, но кишок в животе у них не было. Съеденная ими пища не переваривалась, а сразу проскакивала и выходила наружу. В последующие времена авторы романов предполагали, что эту пищу, вышедшую наружу, можно было есть. Безутробных разделяли на несколько рангов и считали, что люди каждого низшего ранга ели отходы пищи людей, стоявших выше, а под конец её съедали собаки. Но эта сатира слишком уж злая.

Далее к западу находилась Страна людей с глубоко запавшими глазами. Питались они рыбой и в одной руке всегда держали рыбу, как будто собирались её съесть.

К западу от них находилась страна Жоули (иначе Ньюли, или Люди). У её жителей не было костей. У них было по одной руке и ноге. Руки и ноги у них были мягкими, как кусок мяса, и гнулись в разные стороны. Это были потомки длинноухих.

Ещё дальше к западу лежала Страна одноглазых. У её жителей был только один глаз посередине лица. Фамилия их была Вэй. По преданию, они были потомками Шао-хао. Страну эту ошибочно называли Страной бесов только потому, что вид у её жителей был отвратительный, а фамилия Вэй означала «свирепый». Поблизости водилось много страшных чудовищ и оборотней, один вид которых заставлял людей дрожать от страха.

Один из зверей назывался таоцюань. Он напоминал собаку, тело его было зелёного цвета. Это чудовище питалось людьми и начинало пожирать их с головы. Другой зверь назывался цюнци. Он был похож на тигра с крыльями, и всё тело его было покрыто иглами, как у ежа. Он также пожирал людей, начиная с головы, иногда он их пожирал с ног, так как люди прикрывались от него волосами. Там водились чёрные пчёлы и красные мотыльки, размерами превосходящие слона. Там жили ещё дикари, которых называли цзяо. Тело их было полосатое, как у тигра. У них были крепкие ноги. Встречались там и странные оборотни тафэй с человеческим лицом и звериным туловищем зелёного цвета. Были и призраки мо с человеческим телом и чёрной головой с вертикальными глазами. Ещё жили там странные люди жун с человеческой головой с тремя рогами. Встречались там и странные духи цзюйбичжиши с кривой шеей, голова у них с длинными спутанными волосами свисала на грудь. Руки у них были отрублены и их тело напоминало гладко выструганный ствол. Похоже, что они находились в непримиримой вражде с другими духами и во время битв наносили раны, как свирепые волки.

На этом описание северных стран, где жили люди с необычной наружностью, можно считать законченным. Из западных стран прежде всего надо упомянуть Страну длинноногих. У жителей этой страны ноги были необычайной длины, говорят, до трёх чжанов. Рассказывают, будто кто-то видел, как длинноногие с длиннорукими на спине ходили в море ловить рыбу. Можно себе представить это зрелище и как завидовали им люди!

По преданию, некоторые номера циркачей возникли в подражание людям Страны длинноногих.

В этой стране водились пёстрые птицы куаньяо - «бешеные», с ярким оперением и с хохолком на голове.

Далее к югу было ещё несколько стран, например Страна одноруких. У жителей этой страны была одна рука, один глаз и только одна ноздря. В стране водились жёлтые, полосатые, как тигры, лошади, у которых тоже был один глаз и одна передняя нога.

Ещё южнее, в Стране людей с тремя туловищами, жили потомки Ди-цзюня. У них была одна голова и три туловища. Поблизости находилась гора Иншань, на которой водились большие чёрные змеи. Они могли проглотить оленя целиком. На Горе шаманов была уединенная пещера, где хранилось восемь сортов лекарства бессмертия небесного правителя.

На западном склоне горы жил разноцветный феникс, он всё время летал над горой, охранял зелье, наблюдал за чёрной змеей горы Иншань и не давал ей совершать злых дел.

3. Страна крылатых и Страна яйцекладущих. Страна крылатых. Страна изрыгающих огонь. Страна голых. Страна трёх мяо. Страна потомков Шуня. Люди, питающиеся ядовитыми гадами. Почему у людей в стране Гуаньсюн дыра в груди? Удивительные мужчины и женщины из страны Сыю. Страна зелёных холмов, где живёт девятихвостая лисица. Страна занятых. Бессмертные из страны Гушэ. Страна Паньгу и собачьих жунов. Страна Сушэнь и необычное дерево сюнчан. Радости людей Страны плодородия. Страна женщин. Страна шаманов. Страна мужчин. Страна Шоума и две шаманки, живущие в её окрестностях. Люди страны Мэнняо, живущие вместе с фениксами.

На свете много было стран, где жили люди с удивительными особенностями. Рассказ о них начнем с обитателей южных заморских земель.

На крайнем юго-западе лежала Страна крылатых. Там обитали люди с вытянутыми головами, красными глазами и птичьим клювом. Волосы у них были белые, а за спиной росли крылья, и они могли летать, правда, совсем недалеко. Они, как птицы, вылуплялись из яиц. В их стране водились красивые птицы, похожие на фениксов, с длинными, яркими перьями. Крылатые питались яйцами этих птиц и поэтому сами походили на небожителей.

Вблизи Страны крылатых находилась Страна яйцекладущих. Жители этой страны, как и крылатые, рождались из яиц и сами несли яйца. Записи о них очень кратки, поэтому неизвестно, как они выглядели. Можно только предположить, что они чем-то отличались от крылатых, раз это были жители другой страны.

К юго-востоку от этих двух стран была страна Хуаньтоу или Хуаньчжу. У её жителей были клювы и крылья, и они выглядели почти так же, как и крылатые. Они не могли летать, как те, и крылья служили у них лишь опорой, словно костыли. Люди Хуаньтоу, опираясь на крылья, бродили группами по морскому побережью, вылавливая из моря клювами рыб и креветок. По преданию, Хуань-тоу некогда служил у Яо. Он совершил тяжёлый проступок и убежал к Южному морю, где покончил с собой. Яо, пожалев его, послал туда его сына для совершения жертвоприношений. Сыну, по-видимому, надо было как-то питаться, он ловил рыбу, и поэтому потомство его и приобрело такой вид.

Говорили ещё, что люди в Хуаньтоу - потомки бога Гуня. Неизвестно, почему они бежали к Южному морю и основали там свою страну. Вероятно, есть какая-то связь между казнью Гуня, разгневавшего небесного правителя, и переселением его потомства. Жители этой страны, кроме рыбы, питались ещё и зерном, в том числе чёрным просом. Когда Гунь после казни превратился в бурого медведя, он отправился на запад искать воскрешения и по дороге уговаривал людей сеять чёрное просо. К югу, недалеко от страны Хуаньтоу, лежала Страна огнедышащих. У жителей этой страны была чёрная кожа, они походили на обезьян и могли изрыгать огонь.

Вблизи Страны огнедышащих находилась Страна голых. Люди там ходили обнаженными круглый год. Во время борьбы с потопом Юй, вступив в эту страну, из уважения к их обычаям снял с себя все одежды. В предыдущей главе мы уже рассказывали об этом.

Если отправиться далее к северо-востоку, то попадешь в Саньмяо, Страну трёх мяо, ещё её называли Саньмао - Страной трёх волосатых, или просто Страной народа мяо, по легенде они были потомками Хунь-дуня, Цюн-ци и Тао-те, которые соответственно были потомками Ди-хуна, Шао-хао и Цзинь-юня. Эти племена некогда восстали из-за того, что Яо передал престол Шуню. Яо убил их вождей, а остальных переселил к Южному морю. Так образовалась страна Саньмяо. Жители её не отличались от обычных людей. Лишь под мышками у них росли небольшие крылья, но летать они всё-таки не могли.

Ещё дальше на восток лежала страна Чжи, жители её были потомками императора Шуня. У него был сын У-инь, который переселился в Чжи. Потомки его образовали целую страну. У жителей этой страны была жёлтая кожа. Они искусно охотились на змей, стреляя в

них из лука.

Недалеко от Чжи находилась страна Юйминь. Её обитатели питались просом и диковинными гадами. Их называли по-разному: юй, или дуань-ху, или шэгуанчун. Они были очень ядовитыми и водились в горных потоках на юге. Гады юй были похожи на черепаха длиной два-три чи и причиняли много вреда тем, кто на них охотился. Рассказывали, что их рот был как самострел, они плевали в людей ядом, от которого сгибались ноги, начинались жар, судороги, болела голова, а на коже появлялись нарывы. При лёгком отравлении человек долго болел, при тяжёлом непременно умирал. В «Книге песен» гады юй сравниваются с оборотнями. Из этого сравнения видно, как много вреда причиняли они. Но жители Юйминь не только не боялись ядовитых гадов, а даже охотились за ними и ели их. Поэтому они и назывались юйминь - «народ юй». Они действительно были необычными: охотились не только за юй, но и за разными змеями. Убитых змей они ели, содрав с них кожу.

К востоку от страны Юйминь находилась Страна людей с дырявой грудью. У жителей этой страны в груди было круглое отверстие. Как же оно появилось? По преданию, Юй, усмирив потоп, собрал всех небесных божеств на горе Гуйцзи. Бог Фанфэн-ши опоздал, и Юй убил его. Когда же вода спала, с неба опустились два дракона. На них летел посланец Юя чиновник Фань Чэн-гуан посмотреть, что делается в разных заморских странах. Направляясь к Южному морю, чиновник пролетал мимо племени фанфэн. Два приближённых Фанфэн-ши ненавидели Юя за то, что он убил их правителя. Когда они увидели, что к ним на драконах летит помощник Юя, они вскипели гневом, и, не дожидаясь, пока дорогой гость спустится на землю, схватили луки, прицелились и выстрелили. После этого раздался громовой удар, в мгновение ока поднялся сильный ветер, загредел гром и полил ливень. Драконы, несшие Фань Чэн-гуана, устремились ввысь и исчезли. Оба стрелявших уставились в небо, от страха их лица из синих стали чёрными. Они поняли, что навлекли на себя беду, и решили покончить жизнь самоубийством, не дожидаясь, пока их убьют другие. Они вытащили из-за пояса ножи и, вонзив их себе в грудь, упали на землю мёртвыми. Юй, узнав об этом, оценил верность и преданность приближённых. Он приказал вытащить из них ножи и посыпать их раны порошком из трав бессмертия. И произошло чудо: в мгновение ока они ожили. Но в их груди оставалось большое отверстие. Это отверстие не заросло и у их детей. Их потомки и населяли Страну людей с дырявой грудью. У них в груди было большое круглое сквозное отверстие. Это было некрасиво, но, по преданию, люди извлекали из этой особенности выгоду. При передвижении им не нужен был паланкин. Они брали бамбуковый шест, продевали его через грудь, и два человека несли его. Это было удобно и спокойно, хотя и очень необычно.

Таково описание южных стран, где жили люди с необычайными способностями. Теперь перейдём к странам, расположенным на востоке.

Описание их мы начнём со страны Сью. Жители Сью были потомками Ди-цзюня. Они питались просом и мясом диких зверей и делились на два клана: мужской (думающие о мужах) и женский (думающие о жёнах). Мужчины не брали жён. Женщины тоже обходились без мужей. Стоило им лишь внимательно посмотреть друг на друга, подобно белым лебедям, чтобы у них родились дети.

К северу от Сью находилась Страна зелёных холмов. Жители её питались злаками, одевались в шелка и ничем не отличались от нас. В этой стране водились девятихвостые лисицы. Появление этих лисиц считалось счастливым предзнаменованием - в Поднебесной воцарялись мир и спокойствие.

Далее к востоку располагалось ещё несколько стран и среди них Страна трудолюбивых. У жителей её лицо, руки и ноги были чёрными. Они всегда находились в состоянии смятения, что бы они ни делали: ходили, стояли, сидели, лежали,- всё время они были беспокойны. У них был озабоченный вид, даже если никаких дел у них не было. Поэтому их прозвали трудолюбивыми, а постепенно это название стало относиться ко всей стране. Они питались растениями и плодами деревьев. В тех местах водились двуглавые птицы.

К северу от трудолюбивых были две страны, где жили тоже удивительные люди. Одна из стран называлась Гушэ. Она находилась на острове небожителей - Легушэ, что недалеко от острова бессмертных - Пэнлая. На севере и востоке её окружало море, на юге и западе окаймляли высокие горы. Страна Гушэ лежала как раз среди гор, окружённых реками, она была очень живописна, населяли её бессмертные. Они не питались злаками, а только вдыхали свежий воздух и пили росу. Душа их была чистой, как вода в глубоком источнике, а сами они такими красивыми, как молоденькие девушки. Ничто не могло повредить им. Они жили в своё удовольствие на прекрасном острове, вечно молодые и бессмертные, бездельничали, любясь морскими рыбами и крабами. Такая бесконечная жизнь несомненно была однообразной. Бессмертные, по-видимому, думали иначе.

Далее, на крайнем северо-западе, лежала Страна пёсеголовых - Цюаньжуи, или Цюаньфэн. У жителей этой страны были пёсы головы и человечьи туловища. По преданию, они были потомками Хуан-ди. У праправнука Хуан-ди Лун-мина родились две белые собаки, которые явились прародителями всех пёсеголовых. Они питались мясом и поклонялись божеству, похожему на лошадь, но без головы и с красным туловищем. Называлось оно жунсюаньванши - «труп жунского князя Сюань-вана». Рассказывают также, что они были потомками дракона-собаки Пань-ху. Во время правления князя Гао-синь-вана Пань-ху совершил подвиг, убив Фан-вана, и Гао-синь-ван отдал ему в жёны свою любимую дочь. Всё мужское потомство Пань-ху имело человечьи туловища и пёсы головы, дочери же были очень красивыми. Жена там, учтиво преклонив колени, подносила вино и угощения своему мужу. В этой стране водились белые в яблоках кони цзиян - «счастливые», с золотыми глазами и пламенной гривой. Тот, кто ездил на них, мог прожить тысячу лет. На них ездили и жители западной заморской Страны одноногих, о чём мы уже рассказывали.

Перейдём теперь к западным странам. На крайнем западе лежала страна Сушэнь. Жители её обитали в пещерах, у них не было одежды, и они носили кабаньи шкуры. Зимой они обмазывали тело салом диких зверей толщиной несколько фыней, чтобы защититься от холода и ветра. В этой стране росло дерево сюнчан. По преданию, когда в Китае восходил на престол мудрый правитель, на этом дереве вырастала мягкая крепкая кора, которую можно было сдирать и изготавливать из неё одежды. Такая одежда была прочней а согревала лучше, чем кабанья шкура. Если не было такого правителя, то им приходилось по-прежнему носить одежды из шкур. Эти люди искусно стреляли из луков длиной четыре чи и были очень воинственны.

Если двигаться от земли Сушэнь к югу, то, пройдя ещё две страны, попадешь в Страну людей, живущих на плодородных землях. В этих местах были тучные и плодородные поля, повсюду пели птицы луань и танцевали фениксы. Среди птиц и зверей царили мир и согласие. Там было множество яиц фениксов, которыми питались местные жители. Питьем им служила сладкая роса, падавшая с неба. Такая пища была необычайно вкусна и полезна для здоровья, и люди не старились. Эти люди, обладавшие долголетием и жившие на плодородных землях, воистину были любимцами небес!

Ещё дальше на юг лежала Страна женщин, и среди них не было ни одного мужчины. Достигшие совершеннолетия девушки отправлялись купаться на Жёлтый пруд - Хуанчи, после чего они зачинали потомство. Если рождался мальчик, то года через три его умерщвляли; оставляли только одних девочек. Чуть-чуть южнее находилось Усяньго - Страна шаманов. Все её жители были шаманами, самыми знаменитыми из них были десять колдунов: У-сянь, У-цзи, У-фань, У-пэн, У-гу, У-чжэнь, У-ли, У-ди, У-се, У-ло. В правой руке они держали синюю змею, а в левой - красную. На горе Дэнбао они собирали целебные травы. В этой стране водилось страшное животное бинфын, похожее на кабана, покрытое чёрной щетиной, но с двумя головами спереди и сзади.

С юга к Стране шаманов примыкала Страна мужчин. Там не было ни одной женщины. Одежда у них была всегда в порядке, а на поясе висел меч. Они были олицетворением мужской доблести и имели внушительный вид. Почему в этой стране жили одни мужчины? По преданию, в период Инь правитель Тай-у отправил Ван Мэна с его людьми к Си-ван-му -

хозяйке Запада, чтобы достать у неё лекарство бессмертия. Они дошли до этих мест, и у них кончилось продовольствие. Идти дальше они не могли, и им пришлось поселиться среди гор и лесов. Они ели плоды деревьев, из коры делали себе одежды. Так возникла Страна мужчин. Жён у них не было, но каждый из них мог породить из своего тела двух детей. Эти дети при рождении представляли собой тени, а когда они переставали быть бесплотной тенью, то мужчины, породившие их, умирали. Говорили также, что эти дети рождались у них из подмышек.

Неподалеку от них находилась страна Шоума. Жители её были потомками бога Нань-юэ. У них не было тени, а когда кто-нибудь из них кричал, ничего не было слышно. Климат там был очень жаркий, и обычные люди стремились поскорей оттуда уехать. Поблизости жили две шаманки. Одну из них звали Нюй-ци, другую - Нюй-ци. Они жили в реках. Нюй-ци держала в руках рыбу и угря, а Нюй-ци - доску для рубки жертвенного мяса.

На крайнем западе, южнее Шоума, была страна Мэння (иначе Мэншу). Обитатели её имели человеческие головы, птичьи туловища с трёхцветным оперением (красным, жёлтым, синим) и могли разговаривать по-человечьи. Они были потомками бога Бо-и, помогавшего Юю усмирять потоп. По преданию, Мэн-си, потомок Бо-и (у которого уже было птичье туловище и который знал язык людей), вместе с последовавшими за ним фениксами отправился в эти места, чтобы основать свою страну. Там было много бамбука высотой до тысячи чжанов. В бамбуковом лесу фениксы вили гнезда и ели плоды деревьев. Этими плодами питался и Мэн-си. Так возникла страна птиц - Мэн, которую следовало бы называть страной Мэн-си.

Глава IX. Поздние легенды

1. На пустоши Далэ сяский Ци пишет новую пьесу. Мэн ту и кровавая одежда. Правитель Кун Цзя подобрал и воспитал сына простых людей. «Песнь о рубящем топоре». Дракон и династия Ся. Лю Лэй накормил Кун Цзя мясом дракона. Кун Цзя не принимает шест Ши-мэня. Смерть Кун Цзя.

Основателем династии Ся был Юй. Трон Юя наследовал его сын Ци, мать которого у подножия горы Сунгаошань превратилась в камень. В «Книге гор и морей» часто встречается его имя и говорится, что Ци был рождён от божества и земной женщины, и, хотя не был божеством в полном смысле этого слова, он был героем с божественными способностями. Внешность его была необычной: с ушей его свисали две зелёные змеи, он ездил на двух драконах и три слоя облаков поддерживали его. В левой руке он держал зонтик из перьев, в правой у него был нефритовый браслет. Пояс его украшал нефритовый полудиск. По преданию, три раза он поднимался в небо на летающих драконах в гости к небесному правителю. На небе он украдкой записал небесные мелодии цзюбянь и цзюгэ и, изменив их, распространил среди людей. Он приказал музыкантам впервые проиграть эти мелодии на равнине Даму на высоте шестнадцать тысяч чи. Музыка всем понравилась, и по этим мелодиям Ци написал музыку для представлений с песнями и танцами и велел певцам и танцовщицам, взяв в руки бычьи хвосты, разыграть представление в полях Далэ, что к северу от горы Даюньшань. Он катался на драконах и ездил на облаках, раскрыв зонтик и держа в руке браслет, и без дум и забот смотрел издали на это представление сквозь дымку облаков, гор и деревьев и невольно отбивал такт мелодии браслетом о нефритовый полудиск. Так у людей появились новые, более сложные мелодии. Вероятно, после этого они перестали пользоваться старыми монотонными шэнами Нюй-ва.

У Ци был чиновник Мэн Ту - получеловек, полубожество. По преданию, он был чиновником в Ба (восточная часть провинции Сычуань). При отправлении правосудия он не обращал внимания на то, как от яростного спора краснели лица и набухали шеи. Стоило ему произнести заклятие и внимательно посмотреть на судившихся, как на одежде виновного проступали кровавые пятна. Он приказывал схватить преступника и устанавливал его

виновность. Его приговоры по сравнению с решениями глупых чиновников, не ставивших ни во что человеческую жизнь, отличались высокой справедливостью. Когда Мэн Ту умер, его похоронили на вершине горы Ушань. Впоследствии у подножия этой горы в память о его заслугах был воздвигнут храм, названный храмом Мэн Ту. После Ци престолом в течение более десяти поколений владели его потомки, и в конце концов престол перешел в руки Кун Цзя, который не занимался государственными делами, а проводил время в поклонении божествам и бесам, в пиррах, охоте и развлечениях с женщинами. Могущество династии Ся с каждым днём ослабевало. Вассальные князья стали проявлять непослушание, однако глупый правитель Кун Цзя ничего не замечал и целые дни лишь развлекался.

Больше всего Кун Цзя любил охоту. Однажды он с большой свитой всадников и колесниц, с соколами и собаками отправился охотиться к горе Дуньянфу. На горе жило доброе божество Тайфэн. Оно очень не любило глупого правителя за его беспорядочную жизнь и вызвало сильный ветер, поднимающий песок и камни. Небо и земля потемнели, Кун Цзя и его свита сбились с дороги и потеряли друг друга.

Правитель с несколькими слугами добежал до хижины, расположенной у горного ручья, чтобы спрятаться от бури. В хижине только что родился мальчик, родственники и соседи пришли поздравить хозяина. Вдруг они увидели, что входит сам правитель Кун Цзя. Все тотчас же приветствовали его. Кто-то сказал:

- День, когда родился этот ребенок, счастливый. В этот день сюда пришёл правитель, в будущем у ребенка во всех делах будет счастье и удача.

Ему возразили:

- Хотя день и счастливый, но сомнительно, чтобы ребёнка можно было охранить от позднейших бед.

Кун Цзя, услышав это, рассердился и громко сказал:

- Глупые разговоры! Дайте этого ребенка мне, и посмотрим, кто осмелится причинить ему вред.

Ветер прекратился, Кун Цзя вскочил на коня и вместе со свитой и охраной вернулся во дворец. Вскоре после этого он забрал ребёнка на воспитание. Мальчик вырос и стал взрослым. Кун Цзя решил назначить его чиновником, показав этим, что если он захочет, то сможет принести людям счастье, а захочет - принесет горе. Но вдруг произошло чрезвычайное событие, разрушившее все планы Кун Цзя.

Однажды этот юноша забавлялся во дворце в оружейном зале. Неожиданно поднялся сильный ветер, который стал рвать тяжёлый полог. Балки здания перестали служить опорой и с грохотом обрушились на подставку для оружия. Перепуганный юноша хотел убежать, но падающий топор ударил его по лодыжке и отрубил ногу.

Кун Цзя не дал юноше никакого образования и ничему его не научил, он только вырастил из младенца взрослого человека. Чиновник с двумя ногами ещё может иметь внушительный вид в глазах народа, одноногий чиновник не имеет даже и этого. Юноша стал калекой, и Кун Цзя, который хотел назначить его чиновником, чтобы показать своё могущество, не смог ничего сделать. Он назначил юношу, с трудом передвигавшегося, привратником.

Вздыхая, Кун Цзя говорил:

- Никак не ожидал, что произойдёт такая беда, поистине такова судьба!

Кун Цзя сочинил мелодию и назвал её «Песнь о рубящем топоре». По преданию, она была первой песней на Востоке.

Кун Цзя ещё очень любил кормить драконов. Драконы обладали божественными качествами. Юй - основатель династии Ся, по преданию, сам был драконом и с помощью драконов усмирал потоп. После усмирения потопа с неба спустились два священных дракона, чтобы поздравить его. В одном предании говорится, что ещё во времена императора Шуня жители страны Наньсюнь выловили в подземных потоках пару драконов - самца и самку, обросших шерстью, и преподнесли их Шуню.

Шунь поместил их в драконовом дворце и приказал кормить и заботиться о них. Потом,

когда он уступил престол Юю, два дракона тоже перешли к нему. Из этих преданий видно, что древние связывали правителей Ся с драконами. Кун Цзя очень любил драконов, и как-то ему удалось достать пару драконов - самца и самку. Но он не знал их привычек, а только удобно устроил их и кормил досыта. Он хотел найти людей для наблюдения за драконами, но нигде не мог отыскать подходящих. Лишь спустя много времени нашёлся Лю Лэй, который несколько дней обучался у смотрителя драконов его искусству, но владел им далеко не в совершенстве.

Лю Лэй был потомком императора Яо. Семья его постепенно обеднела, сам он ничего не умел делать и поэтому отправился на обучение к смотрителю драконов. Предка его - Хуань Лун-ши - звали ещё Дун-фу. Он занимал при императоре Шуне должность смотрителя драконов. Поэтому потомков его называли Хуань Лун-ши - Смотрители драконов. Лю Лэй учился этому искусству всего несколько дней, узнал совсем немного, но, будучи человеком хвастливым, вошёл в доверие к Кун Цзя. Глупый правитель поверил лжи и назначил Лю Лэя ухаживать за драконами, пожаловав ему титул императорского управителя драконов. Так отпрыск опустившегося знатного рода снова вознёсся на вершину.

Так как у Лю Лэя не было ни знаний, ни опыта, то вскоре самка дракона издохла. На его месте любой испугался бы, но Лю Лэй приказал вытащить из пруда мёртвого дракона, счистить с него чешую, выпотрошить внутренности, изрубить на мелкие куски и сварить в огромных котлах-треножниках на пару. Приготовленное кушанье он преподнёс Кун Цзя, говоря, что оно изготовлено из убитого им зверя. Кун Цзя, отведав блюдо из «дикого зверя», которое преподнес ему любимый чиновник, убедился, что оно вкусно. Он попробовал ещё раз, и ему понравилось ещё больше. Затем он велел показать ему драконов, чтобы полюбоваться и позабавиться с ними, и увидел всего одного дракона-самца. Дракон был чуть живой. Кун Цзя спросил, почему не привели самку, но получил уклончивый ответ.

Так повторялось много раз. В конце концов Кун Цзя, разгневавшись, потребовал, чтобы немедленно привели самку. Но она была уже съедена и, конечно, не могла воскреснуть. Лю Лэй не мог больше морочить голову и, перепугавшись, ночью вместе с семьёй бежал в Лусянь (в настоящее время уезд Лушань провинции Хэнань). Там он укрылся и больше не осмеливался показываться на глаза правителю.

Самка издохла, Лю Лэй убежал. Оставался больной и слабый дракон-самец, для которого надо было найти смотрителя. Кун Цзя снова начал искать подходящего человека. Наконец он нашёл человека, умеющего ухаживать за драконами, по имени Ши-мэнь. Он был учеником чародея Сяо Фу, питался цветами персика и сливы и мог, подобно древним Чи Сун-цзы и Нин Фэн-цзы, сжечь самого себя в огне и в дыму вознестись на небо. По преданию, он занимался починкой сандалий на рынке в Западном Чжоу и несколько десятков лет люди о нём ничего не слыхали. Сяо Фу, обучив своему ремеслу ученика Лян Му, расстался с ним и поднялся на гору Саньян. На горе он зажёл множество костров и в огненном сиянии вознёсся к небу.

По образу жизни учителя можно было догадаться и о способностях его ученика. Поэтому вскоре после того как Ши-мэнь приступил к своим обязанностям, больной дракон стал опять живым и весёлым. Он начал снова резвиться, и люди радовались при виде свернувшегося клубком дракона. Кун Цзя вначале был очень доволен Ши-мэнем.

У Ши-мэня было много достоинств, но характер у него был крутой и вспыльчивый. Он требовал, чтобы всё делалось так, как он прикажет. Он походил на военачальника, сидящего в шатре посреди войска и отдающего приказы, которые надо беспрекословно выполнять. Он не походил на Лю Лэя, который с почтительным видом и приятным выражением лица выслушивал приказы. У Ши-мэня из-за дракона постоянно происходили стычки и нелады с Кун Цзя. Он не любил глупых речей, даже если они исходили от правителя. Он отказывался их слушать, что вызывало крайнее недовольство самолюбивого правителя, не терпевшего возражений.

Кормление драконов было развлечением для Кун Цзя, но теперь оно постоянно вызывало у него гнев. Однажды Ши-мэнь стал беспощадно высмеивать его нелепые

рассуждения. Тогда правитель, больше не сдерживаясь, вскипел гневом и тотчас приказал людям схватить Ши-мэня и отрубить ему голову. Тот повернулся к нему и, смеясь, сказал:

- Ты волен отрубить мне голову, но ты проиграл, во всём проиграл,- и с гордым видом вышел вслед за стражниками.

Вскоре была принесена его голова, залитая кровью. Кун Цзя, боясь, что душа Ши-мэня может сделаться привидением во дворце, приказал унести его труп из столицы и закопать в отдалённом пустынном месте. Как только тело было погребено, подул сильный ветер и полил дождь. Едва ветер и дождь стихли, как загорелись все окрестные леса. Яркое сияние пламени освещало небо. Люди бросились тушить пожар, но огонь не унимался. Кун Цзя наблюдал из своего дворца за пожаром, и в душе у него родился страх. Не зная, какие ещё чудеса совершит безвинно убитый чародей, он сел в колесницу и отправился за город, чтобы обратиться к нему с мольбой больше не творить чудес.

После молитвы огонь немного спал. У Кун Цзя отлегло от сердца, он сел в колесницу и в сопровождении свиты поехал во дворец. Перед дворцом начальник охраны открыл дверцу колесницы и предложил правителю выйти. Но тот продолжал сидеть молча, не шевелясь, и глаза его неподвижно смотрели в одну точку. Начальник охраны посмотрел внимательно и убедился, что Кун Цзя мёртв.

2. Сяский Цзе ведёт беспутную жизнь. Песчаная буря заносит дворец вечной ночи. Наложница дракона-людоеда. Песни горожан в Ванчэне. Два солнца одновременно поднимаются над Жёлтой рекой. Ребёнок в дупле тута. Государство Юсинь присылает невесту. И Инь показывает Тан-вану свои кулинарные способности.

Вскоре после смерти Кун Цзя на престол взошёл его внук, а по другим сведениям сын Люй-гуй, известный под именем Цзе-вана.

Сяский Цзе-ван обладал крепким телосложением, величественной осанкой и огромной силой. Он с лёгкостью мог одной рукой сломать твёрдый олений рог и разогнуть железный крюк. В воде он храбро сражался с драконами, на суше мог голыми руками драться с волками, шакалами, барсами и тиграми. Он был похож на героя, но за этим геройским обликом скрывалась гнилая душа.

По преданию, для своего развлечения он на поте и крови людей, не считаясь с деньгами, возвёл великолепный дворец под названием «Яшмовая башня». В нём были собраны редкие вещи и красавицы со всей Поднебесной, он окружил себя танцорами, актёрами, шутами и карликами и приказал исполнять сладострастные танцы, сопровождавшиеся музыкой. Он не совершил ни одного праведного поступка, а только знал, что пил вино и развлекался с красавицами в задних покоях, веселился с танцорами и шутами. Во дворце у него был пруд, наполненный вином. В пруду могла свободно плавать лодка. При ударе барабана три тысячи человек подползали к пруду на четвереньках и, вытянув шеи, как волы, начинали пить вино. Некоторые, перепившись, с криками падали в пруд и тонули. Сам Цзе-ван вместе со своей любимой наложницей Мэй-си, глядя на зрелище, смеялся до слёз и не находил в этом ничего предосудительного.

Кроме знаменитой Яшмовой башни, у Цзе-вана были другие дворцы и парки. По преданию, у него был Дворец вечной ночи, построенный в тёмном, уединённом ущелье. Цзе-ван часто проводил там дни и ночи напролёт, веселясь с бесстыдными юношами и девушками знатных семейств. Иногда он не покидал его в течение многих месяцев, совершенно не занимаясь государственными делами. Однажды ночью в ущелье неожиданно подул свирепый ветер, поднявший такую густую пыль, что она заглушила звуки музыки и затмила яркое сияние светильников. За короткое время тучи песка засыпали всё ущелье вместе с дворцом, но Цзе-вана по счастливой случайности там не оказалось. Вероятно, это было предупреждение, ниспосланное ему с неба. Но он и не думал раскаиваться.

Как и прежде, он искал лишь удовольствий и развлечений, своевольничал и совершал безрассудные поступки. Наложница Мэй-си любила слушать треск разрываемого шёлка. По приказу Цзе-вана из сокровищницы приносили множество узорных тканей и разрывали их

кусочек за кусочком, чтобы доставить ей удовольствие. Одна из наложниц Цзе-вана превратилась в дракона с торчащими зубами и когтями, к которому было страшно приблизиться. Внезапно она снова превратилась в очаровательную женщину; все боялись её, но Цзе-ван не обращал на это внимания и очень её любил. Девушка-оборотень каждый день требовала себе в пищу человека, и Цзе-ван выполнял её просьбу. Он велел звать её Цзяо-цзе, что значит «Наложница-дракон». По преданию, она могла предсказывать ему, что ожидает его в будущем: счастье или беда.

У Цзе-вана был мудрый сановник по имени Гуань Лун-фэн. Он часто упрекал Цзе-вана за его безнравственное поведение. Однажды сановник вызвал гнев своего безрассудного правителя. Тот приказал схватить его и убить. На службе у Цзе-вана был, кроме того, И Инь. Сначала он служил у иньского князя Тан-вана, но Тан-ван не давал ему важного поста, и тогда И Инь стал главным поваром у Цзе-вана. Однажды, когда в Яшмовой башне собралась компания, чтобы предаться разнузданным увеселениям, И Инь поднял кубок и, увещевая Цзе-вана, сказал:

- Вы, правитель, не хотите слушать моих слов и поэтому своими глазами увидите, как страна рано или поздно придёт к гибели.

Цзе-ван в гневе ударил кулаком по столу. Затем, подумав немного, захохотал и стал ругать И Иня:

- Твои колдовские речи одурманивают народ. Я в Поднебесной, как солнце на небе. Кто видел, чтобы солнце можно было уничтожить? Меня можно будет уничтожить лишь тогда, когда будет уничтожено солнце. Ха, ха, ха... Лжёшь, просто лжёшь.

Цзе-ван называл себя небесным отцом. В речах он уподоблял страну солнцу на небе, на самом деле считал солнцем себя. Он не имел никакого представления о том, как ненавидел его народ, которому он причинил столько страданий. Каждый, с проклятием указывая на солнце, говорил: «Ты, проклятое солнце, почему ты не умерло раньше? Я охотно бы умер, если бы знал, что и ты умрёшь».

И Инь видел, что безрассудный правитель упорствует в своих заблуждениях, потеряв представление о том, что творится. Поэтому он с тяжёлым сердцем вернулся домой. Идя по улице, при свете луны он увидел подвыпивших горожан. Держась за руки, они шли, шатаясь во все стороны. Пьяными голосами они пели странную коротенькую песню:

Почему бы не поехать в Бо? Почему бы не поехать в Во? Бо ведь тоже достаточно велик!

Там и сям из тёмных переулков доносилась та же песня. И Инь, услышав её, испугался и удивился. Он подумал: «Бо - это столица Тан-вана. Почему же люди поют: «Уехать в Бо». Может быть, потому, что Тан-ван настоящий мудрый правитель и пользуется симпатией народа Ся? Даже народ Ся стремится к нему». Возвратись домой, И Инь с удивлением услышал, как в окрестных переулках люди взволнованно пели песню.

Пробуждайся! Пробуждайся! Наша судьба определена! Отбросим мрак, устремимся к свету, И тогда разве останутся горе и несчастье?

Как только И Инь услышал песню, он сразу всё понял. Песню, вероятно, пели люди для него самого. И то, что он оставил Тан-вана и стал служить у Цзе-вана, было большой ошибкой. Раньше И Инь не занимал большой должности, но Тан-ван был умным правителем и, может быть, в будущем повысил бы его. И Инь обдумал всё это и решился. Он всю ночь собирал вещи и, как только рассвело, приказал подать тележку, запряжённую мулами, и покинул Цзоучэн - столицу сяского Цзе-вана - и отправился обратно в столицу Тан-вана - город Бо.

У Цзе-вана был приближённый по имени Фэй Чан. Однажды он прогуливался по берегу Хуанхэ и увидел, что на небе одновременно появилось два солнца. Солнце на восточном берегу излучало яркое сияние, лучи его играли, освещая облака. Чем выше поднималось солнце на небе, тем больше оно сияло. Солнце на западе было красным и тусклым, окружённое пепельными, похожими на клочки ваты, облаками. Вскоре оно совсем закатилось. В это время на небе раздался удар грома. Фэй Чан, увидев это чудо, вспомнил

народную пословицу «На небе не бывает двух солнц, на земле не бывает двух правителей» и в душе испугался. Затем он спросил водяного бога Хэ-бо:

- Какое из этих солнц олицетворяет Инь и какое Ся?

- Западное солнце - это Ся,- ответил ему Хэ-бо,- а восточное - Инь.

Так Фэй Чан узнал, что мощь династии Ся сходит на нет, и страна погибнет. Пословица говорит: «Тот, кто понимает ход событий,- герой». Он забрал домочадцев и убежал к Тан-вану.

Рассказывая об И Ине, мы упоминали, что он сначала был на службе у Тан-вана, но его там не оценили. Существует любопытный рассказ о нём.

По преданию, на востоке была маленькая страна Юсинь. Однажды девушка из этой страны пошла с корзинкой собирать тутовые листья и в лесу неожиданно услышала детский плач. Она отправилась на поиски и обнаружила в дупле старого тутового дерева здорового розового голого ребёнка, который шевелил ручками и ножками и громко плакал, широко раскрыв рот. Девушка очень удивилась. Она взяла ребёнка на руки и отнесла его к правителю страны. Правитель приказал главному повару взять его на воспитание и послал людей, чтобы они узнали, откуда он взялся. Вскоре посланцы вернулись и доложили, что мать ребёнка жила на берегу Ишуй. Она однажды ночью увидела во сне божество, которое сказало ей:

- Когда появится на воде ступка для обдирки риса, иди к восточному берегу и ни в коем случае не смей оборачиваться.

На следующий день действительно по воде приплыла ступка для обдирки риса. Она поспешила сообщить своим соседям то, что сказало ей божество. Согласно его наказу, надо было переправиться на восточный берег. Соседи, поверив её словам, пошли за ней. Некоторые решили, что она говорит чепуху, и остались дома. Женщина, пройдя около десяти ли, забеспокоилась о своей деревне и, не зная, что там произошло, не удержалась и обернулась. Она увидела, что её родные места залиты безбрежной водой и свирепые белые волны, готовые всех поглотить, следуют за ней по пятам. Она испугалась, подняла вверх руки и хотела закричать, но не смогла произнести ни звука. Женщина превратилась в старый дуплистый тут дерево стояло посреди реки и сопротивлялось наводнению. Через несколько дней девушка, собирая тутовые листья, в дупле этого тута обнаружила маленького ребёнка. Соседи, убежавшие с матерью ребёнка от наводнения, подтвердили достоверность этой истории. Так как мать ребёнка жила на берегу реки Ишуй, то его называли И Инь.

Мальчика воспитывал повар. Когда И Инь вырос, он помогал на кухне, а потом сделался главным поваром. Он много занимался и, прочитав множество книг, стал образованным человеком. Вскоре его назначили учителем при дворе, и он обучал дочь правителя. Через некоторое время Тан-ван, путешествуя на востоке, услышал, что дочь юсиньского правителя очень красива и умна, и попросил отдать её ему в жёны. Юсиньский князь, зная, что Тан-ван - мудрый правитель, был очень рад этому браку и, согласно обычаям того времени, отдал дочь, а с ней и приданое. И Инь давно хотел служить у Тан-вана, чтобы наконец найти достойное применение своим способностям, но подходящего случая не представлялось. И Инь воспользовался отъездом дочери правителя и попросил, чтобы его послали в свите невесты. Юсиньский правитель не ценил этого странного юношу, у которого не росли ни брови, ни усы, ни борода, рождённого в дупле тута, и поэтому согласился на его просьбу.

И Инь в свите своей ученицы прибыл к Тан-вану. Но там заинтересовались только его поварским мастерством, а не талантом учителя. Этот юноша маленького роста с кожей чёрного цвета, ловко управляясь с котлами и треножниками, мастерски готовил угощение. Его стряпня вызывала бурное одобрение Тан-вана и всех гостей. Довольный правитель приказал позвать молодого повара. Тан-ван беседовал с И Инем на различные темы, начиная от приготовления редких блюд и вплоть до управления страной. И Инь говорил красноречиво и свободно. Тан-ван понял, что юноша очень талантлив, и впоследствии отличал его от других поваров. Но время проходило, и И Инь, видя, что Тан-ван не

предлагает ему другую, более высокую должность, обиделся и убежал к Цзе-вану. У Цзе-вана он тоже был всего лишь поваром. В то время безрассудное поведение правителя Ся причиняло людям много горя. Народ роптал, восточная страна Инь день ото дня крепла, и поэтому помыслы всех устремлялись к мудрому правителю Тан-вану. И Инь, поразмыслив о своём положении, покинул Цзе-вана и вернулся к Тан-вану.

3. Возвышение рода Инь. Ван Хай и Ван Хэн гонят скот в Юи на продажу. Картина обжорства Ван Хая. Братья затевают борьбу из-за женщины. Труп Ван Хая, изрубленный на семь частей на окровавленном ложе. Ван Хэн требует от правителя Юи вернуть оставшийся скот. Бог Жёлтой реки помогает Шан Цзя-вэю уничтожить Юи. Бог Жёлтой реки переселяет людей Юи. Сыны степей просят бога реки отведать ароматных вин и бараньего мяса.

Первопредок иньцев - Ци - был сыном Цзянь-ди, дочери Юсун-ши, которая зачала его после того, как проглотила яйцо ласточки. По преданию, Ци совершил много подвигов, помогая Юю усмирять потоп. Император Шунь назначил его ведать просвещением и пожаловал ему во владение местность Шан (в настоящее время уезд Шансянь провинции Шэньси). Позднее правитель Чэнтан уничтожил государство Ся и назвал свою династию Шан. Свою столицу он основал в Во (в настоящее время юго-запад уезда Шанцю провинции Хэнань). После Чэн-тана сменилось более десяти правителей, и престол перешёл к Пань-гэну; за это время иньцы несколько раз меняли свою столицу, в последний раз её перенесли в Инь (в настоящее время запад уезда Яньши провинции Хэнань). После того вся страна тоже стала называться Инь. Поэтому Инь - это то же самое, что и Шан.

За шесть-семь поколений до Чэн-тана иньцы кочевали по восточной степи и занимались скотоводством. В то время у них был знаменитый правитель по имени Хай. Он часто гонял гурты волов и овец, чтобы продать их народу юн, обитавшему на севере. Так как Хай был правителем иньцев, то его называли Ван-хай, т.е. князь Хай. Ван-хай был опытным скотоводом. Он любил сам ходить за коровами и овцами, поэтому скот у него всегда был крепким, стада тучными и быстро увеличивались. Люди учились у него разводить скот. Вскоре после начала его правления бесчисленные стада коров и овец заполнили горы и долины. Ван-хай увидел, что стада возросли и жизнь народа стала лучше. Тогда он начал советоваться со своим младшим братом Ван-хэном, чтобы отогнать часть скота пастись на север и начать обмен с народом юн, у которого окота было мало. И Ван-хай решил обменять часть стад на изделия из бронзы, зерно, красивые шелка и т.п. Ван-хэн одобрил этот план, народ тоже был согласен. С большим стадом отборных быков и овец, которых погоняли крепкие, сильные парни, братья отправились на север к стране Юи.

Юи, по преданию, находилась на территории нынешнего уезда Исянь провинции Хэбэй. Инь от Юи отделяла Жёлтая река. Бог реки Хэ-бо был в хороших отношениях с правителями обеих стран. Поэтому Ван-хай и Ван-хэн с помощью Хэ-бо без всяких потерь переправили свои стада через бурную, опасную реку.

Когда правитель Юи, по имени Мян-чэнь, услышал, что с востока прибыли знатные гости с большими стадами, он обрадовался и вышел их встречать, сопровождаемый толпой народа. Знатные гости решили отдохнуть, смыть пыль дальней дороги, а потом уже начать разговор о торговле. В гористой стране Юи не было недостатка в изысканных кушаньях и винах, приятной музыке и танцах. Братья провели в Юи много месяцев. Они наслаждались в чужой стране едой, питьём, беззаботной жизнью и за это время изрядно потолстели, так что даже рёбра у них на груди нельзя было прощупать сквозь слой жира.

У могучего Ван-хая от рождения был очень хороший аппетит. Он без всяких церемоний поглощал всё съедобное и на загородных пирушках, и на торжественных пирах. Поэтому Ван-хая обычно изображали в виде обжоры, который держал в руках большую недоваренную птицу и откусывал ей голову. Глядя на это изображение, можно было себе представить, какой он производил хруст, разгрызая крепкими зубами мясо и кости. Ван-хэн тоже любил поесть, но у него были и другие пристрастия, и он не тратил всю свою энергию на поглощение пищи.

Голодными глазами он высматривал красивых девушек. В конце концов он обнаружил, что самая красивая из всех - это легкомысленная жена Мян-чэня. Распутник Ван-хэн, привыкший дома толковать о чувствах и рассуждать о любви, пустил в ход все свои средства и начал наступление. Жена Мян-чэня была легкомысленна да и не очень любила своего старого мужа, поэтому домогательства Ван-хэна пришлись ей по душе, и вскоре оба уже встречались в сумерках. Но слишком приторные сладости быстро приедаются. Женщина скоро раскусила Ван-хэна, порхавшего, как мотылёк, от цветка к цветку, и он ей надоел. В то же время простой и искренний Ван-хай с густыми бровями и большими глазами, немногословный, который на пиру, сидя неподвижно, как колода, готов был проглотить волка и тигра, а в свободное время заботливо ухаживал за баранами и быками и собирал дикие травы, хмуря брови и поглядывая по сторонам, вызывал у неё живое любопытство. Женщина стала отдаляться от Ван-хэна и домогаться внимания Ван-хая. Её приемы были очень изощрённые, и тот, не имевший никакого опыта, в конце концов оказался пленником любви. Ван-хай в любви, как и в еде, стремился насытиться вволю. Подстрекаемый страстью, он был похож на тигра, вырвавшегося из клетки, и никто не смел надеть на него узду. Видя такие пламенные чувства, женщина потеряла здравый рассудок и начала совершать глупости. Пылкие страсти трудно скрыть, и вскоре окружающие узнали об их связи, только старый правитель Мян-чэнь по-прежнему, как говорится, спал на своём барабане.

Раньше всех узнал об этом Ван-хэн. В его груди забушевало пламя ревности. Он и не предполагал, что брат сможет незаметно захватить его любимую женщину. Он не думал также, что тот ничего не знал об их связи. Ван-хэн расспросил брата о подробностях их свиданий и решил, что брат сознательно намекает на его связь. Но Ван-хэн боялся могущества брата, и поэтому ему приходилось притворно улыбаться, хотя в душе он ненавидел его так, что был готов загрызть собственными зубами.

У правителя Юи был молодой телохранитель, тоже задетый этой любовной связью. До приезда двух чужеземцев у него были какие-то отношения с правительницей, но к тому времени всё давно кончилось. Молодой воин, оскорблённый в своих чувствах, видел, что чужеземцы позорят их. Он решил тайно доложить об этой связи старому правителю, но у него не было никаких доказательств. Пословица говорит: «Если тебе не удастся убить тигра, то сам от тигра пострадаешь». Поэтому ему оставалось лишь втайне ревностно следить за любовниками. Всё свободное время он, спрятав оружие, наблюдал за братьями, надеясь найти подходящий случай для отмщения.

Потерпевшие неудачу в любви Ван-хэн и молодой телохранитель быстро обнаружили, что у них общая печаль. Они решили действовать сообща и договорились избавиться от соперника. Ван-хэн решил убить брата. Юноша тоже хотел отомстить сопернику и, кроме того, показать чужеземцам, что нельзя обижать маленький народ. Ван-хэн и молодой телохранитель стали союзниками. Ван-хэн, хорошо зная своего брата, следил за надвигающимися событиями с некоторыми угрызениями совести. Юноша хотел довести дело до конца и, ничего не боясь, сам хотел застигнуть любовников вместе. Однажды ночью, когда заходящая луна светила тусклым светом, Ван-хэн послал слугу за юношей и сказал ему:

- Пора! Ван-хай со свитой вернулся с охоты и пьяный, шатаясь, прошёл в задние ворота дворца. Пора приниматься за дело!

Юноша утвердительно кивнул головой. Затем, не тратя лишних слов, спрятав под одежду остро отточенный топор и прошёл в задние ворота. Этот путь был ему хорошо знаком, он легко перелез через дворцовые стены и пошёл прямо к спальне правительницы. Он заглянул в окно и увидел при слабом свете восковой свечи, что на кровати лежит могучий мужчина, даже не снявший одежду и не сбросивший туфли, и спит крепким сном, громоподобно храпя. В сердце юноши вскипел гнев, он толкнул незапертую дверь и вошёл в покои. Схватив обеими руками топор, он взмахнул им и ударил по чёрной толстой лоснящейся шее. Кровь хлынула, словно текшая река. Он ударил ещё два раза и отделил голову от туловища. В полуоткрытых глазах мёртвого как бы отражались далёкие родные

равнины с пасущимися на них бесчисленными стадами баранов и волов, окраска облаков и блеск неба. Слепленный ревностью юноша, взмахнув топором, разрубил голову по губам на две части, отделив зубы, глаза и нос. Несколько взмахов топора - и покатились в стороны руки и ноги. Отрубленные части тела в беспорядке валялись на окровавленном ложе, ставшем жертвенным алтарём этой трагической любви.

Убийца торопливо стёр покрывалом следы крови с одежды и с топора и выбежал из спальни, пытаясь бежать из дворца. Но не успел он выскочить из покоев, как позади раздались испуганные крики служанки: «Убили!» и вслед за этим из парка выбежало несколько вооружённых стражников, совершавших ночной обход. Без особых усилий они схватили юношу, отняли топор и повели его к старому Мянью-чэню, находившемуся в полной растерянности. Он вскочил с брачного ложа вместе с женой, которая, оставив своего любовника, была вместе с ним.

После расспросов выяснились истинные обстоятельства дела. Старый правитель Мянью-чэнь вскипел гневом. Тотчас же последовал приказ - забрать стада Ван-хая вместе с пастухами. Вслед за этим правитель повелел выслать Ван-хэна, который тоже был не без греха, за пределы страны. Пробравшемуся во дворец смелому мстителю следовало бы отрубить голову, но он был полон верности своему господину и его освободили от наказания. Оставалось уладить самый щекотливый вопрос: что делать с правительницей? Несколько дней подряд она плакала, оправдывалась и умоляла, и старый правитель пришёл к выводу, что во всём виноваты чужеземцы, а не его жена, и гнев одного дня постепенно утих - как говорится, со временем и лёд растает, и снег исчезнет.

- Изгнанный Ван-хэн, оставшись в одиночестве и не зная, что делать, вернулся в родные места. Он рассказал народу о происшедших событиях, «подлив масла и добавив уксусу». Люди, услышав его рассказ, возмутились. Убийство правителя было оскорблением для всех, не говоря уже о потере стад. Ван-хэна избрали правителем, были назначены военачальники и приведены в порядок войска. Все приготовились идти отомстить Юи.

Но Ван-хэн раздувал народный гнев лишь для того, чтобы получить престол. Совесть его была беспокойной, и он не хотел идти в поход на север, боясь, что обнаружится его участие в убийстве брата, и он знал, что может потерять не только престол, но и жизнь. Поэтому он начал успокаивать людей, заверяя всех, что сначала он сам поведёт переговоры с правителем Юи о возвращении стад. Вести в поход войско, по его мнению, нужно будет лишь в том случае, если переговоры провалятся. Народ не одобрял слишком мягкую политику, но новый правитель стоял на своём, и все нехотя повиновались.

Ван-хэн с несколькими приближёнными во второй раз отправился в Юи. Правитель Юи боялся разгневать могущественных соседей, поэтому встреча знатных гостей была ещё более вежливой и торжественной, чем в прошлый раз. Ван-хэн успел лишь заикнуться о возвращении стад, как весь скот с пастухами был полностью возвращён. После возвращения богатств у него закружилась голова. Он просыпался среди ночи и с тоской думал, что быки и овцы - общие и их после возвращения придётся раздать людям. Кроме того, он предпочитал быть знатным гостем на чужбине, чем правителем бедной равнинной страны и жить в войлочной юрте: на чужбине есть изысканные вина и яства, красивые песни и танцы и, кроме того, рядом живёт его прежняя любовь. О лучшей жизни распутник не мог и мечтать. Поэтому Ван-хэн решил совершить увеселительную поездку по всей стране и никогда не произносил слов «пора возвращаться домой». Правитель Юи не знал, что и делать с этим бездельником. Он предоставил событиям идти своим чередом и удовлетворялся тем, что богатство Ван-хэна в его стране увеличивалось и там же тратилось, так что никто не был в убытке. Так прошло несколько лет.

Иньцы, видя, что Ван-хэн долго не возвращается, решили, что случилось несчастье и поспешили во избежание беспорядков в стране выбрать правителем сына Ван-хэна - Шан Цзя-вэя. Шан Цзя-вэй был молод, но талантлив и мудр. Он видел, что юисцы сначала убили его дядю и захватили стада, а теперь удерживают его отца, и решил идти туда со всем войском, чтобы покончить с насильниками.

Огромная армия подошла к берегам Хуанхэ. Было решено просить бога реки Хэ-бо, чтобы тот помог переправить войска на другой берег. Эта просьба поставила Хэ-бо в затруднительное положение, так как у него были дружеские отношения с народом юи. С одной стороны, он не мог допустить, чтобы с его друзьями юисцами случилась беда, но ведь просили-то его помочь тоже друзья, не оказать помощи тоже нельзя. Наконец, Хэ-бо нехотя позволил войску Шан Цзя-вэй переправиться через Хуанхэ.

Когда правитель Юи услышал, что Шан Цзя-вэй вместе с большой армией явился мстить, он пришёл в смятение. Думая, что это вызвано длительным отсутствием Ван-хэна, он поспешил отправить послов, чтобы те всё объяснили. Шан Цзя-вэй, слыша объяснения, и верил и не верил, а тем временем войско, как стрела, спущенная с тетивы, стремительно двигалось вперёд. Повод для вторжения был, и иньцы, ни о чём более не заботясь, начали захватывать пограничные земли и грабить имущество. Поэтому Шан Цзя-вэй, не трата лишних слов, приказал казнить прибывших посланцев и продолжал двигаться вперёд.

Беспомощный, престарелый правитель Юи совсем не был готов к войне. Только после того как враг приблизился, он кое-как начал готовиться к обороне. Его необученное войско не могло сравниться с отважными наездниками равнин. После нескольких схваток войско Юи было наголову разбито, столица захвачена и старый правитель Мян-чэнь убит. Как только войско вошло в столицу, Шан Цзя-вэй послал людей разыскать своего отца Ван-хэна, но найти его не удалось. Вероятно, этот бездельник, который навёл гибель на страну, в сумятице был убит разгневанными юисцами. Шан Цзя-вэй, охваченный печалью и гневом, поверил, что его отец был действительно пленён и стал попустительствовать убийствам, насилию и грабежам.

Маленькая страна была разорена так, что не осталось ни одного жилища. Повсюду были только странные дикие птицы, которые сидели на деревьях, смотрели на лежавших на земле мертвецов, хлопали крыльями и громко каркали.

Молодой правитель Шан Цзя-вэй, уничтожив Юи, упоённый победой, с триумфальными песнями возвращался домой. Водяной бог Хэ-бо не осмеливался в чём-либо возражать своему могущественному приятелю и помог ему переправить на другой берег Хуанхэ войско, трофеи и пленных. Лишь дождавшись ухода Шан Цзя-вэй, бог Хэ-бо с грустью отправился взглянуть, что произошло с его друзьями, потерпевшими поражение. То, что он увидел, заставило бы всех содрогнуться от ужаса: поля заросли сорняками и терновником, цветущая столица превратилась в груды битой черепицы. Уцелело лишь несколько человек, живших в развалинах. Страна перестала существовать. Хэ-бо пожалел несчастных друзей, собрал оставшихся в живых и переселил их в другое место, где они дали начало другому народу. Они стали называться яо, или ин. По преданию, у них были птичьи лапы. От них потом пошли люди цинь.

После победы над Юи страна Инь стала усиливаться и процветать. Через шесть-семь поколений после Шан Цзя-вэй правителем стал Чэн-тан. Он основал столицу в Бо и при нём страна Инь стала могущественным государством на востоке. Впоследствии, когда иньцы уничтожили Ся и захватили Поднебесную, то в память о заслугах далёких предков в честь Ван-хая, Ван-хэна и Шан Цзя-вэй совершались пышные жертвоприношения, особенно щедрые в честь Ван-хая, который разводил скот и нашёл печальную смерть в чужой стране. На гадательных костях его даже называли «высоким предком» и в жертву ему приносили до трёхсот быков. Жители степей не забывали и Хэ-бо, оказавшего им помощь во время войны, и регулярно приносили ему в жертву лучшие вина и баранье мясо.

4. Князь Тан-ван повелел убрать силки с трёх сторон. Тан-ван заключён в Сятае. Потерявшая любовь Мэй-си вступает в связь с И Инем. Тан-ван отрубает голову сяскому полководцу Гэну. Бог огня Чжу-жун сжигает столицу сяского Цзе. Последние дни бесславного пути тирана. Тан-ван в Тутовой роще молится о дожде.

Чэн-тан (Тан-ван) был сыном иньского правителя Чжу-гуя. Ростом он был девять чи: с белым, расширяющимся книзу лицом, густыми волосами на лице, он выглядел величественно и необычно. Тан-шан был не только красив. Он был добр и милосерден.

Однажды во время охоты он увидел человека, расставившего вокруг силки для птиц и твердившего заклинание:

- Птицы, спускающиеся с неба, птицы, вылетающие из нор,- все попадайте в мои силки!

- Так не годится. Ведь в таком случае все прилетающие птицы попадут в твои силки. Разве кто-нибудь, кроме сяского Цзе, может так поступать? - Спросил Тан-ван и приказал этому человеку убрать силки с трёх сторон и оставить только с одной и научил его такому заклинанию:

Раньше плёл сети только паук, Теперь научились и люди. Вольные птицы! Летите куда хотите. Хотите вправо, хотите влево, Хотите парите, хотите садитесь. Но не ищите сами смерти, Попад в мои силки.

По преданию, к югу от реки Ханьшуй в то время было много маленьких стран. Жители сорока с лишним земель, слыша, что милосердие Чэн-тана простирается даже над птицами и зверями, с радостью ему подчинились.

Цзе-ван не чувствовал нависшей над ним серьёзной угрозы и по-прежнему занимался гнусными забавами и развлечениями, совершая самые невероятные поступки. Он выпустил из дворцового парка тигров прямо на рыночную площадь, заполненную народом. Видя, как люди в панике разбегаются, он весело хохотал. Если подданные осмеливались упрекать его за самодурство, он их наказывал, а иногда и отрубал головы. Число наказанных и казнённых росло день ото дня. Тан-ван, слыша об этом, очень горевал и послал людей выразить соболезнование невинно пострадавшим. Цзе-ван разгневался на Тан-вана за этот поступок, считая, что тот нарочно, привлекая симпатии людей на свою сторону, подкапывается под него. Коварный сановник Чжао Лян предложил Цзе-вану издать указ, в котором тот в пышных выражениях, не вызывающих у людей подозрения, приглашал Тан-вана к себе в столицу. Как только он прибыл, Цзе-ван, не тратя лишних слов, посадил его в тюрьму Чжун-цюань в башне Сятай. Башня Сятай была построена правителями Ся для особо важных преступников. По преданию, она находилась на юге теперешнего уезда Юйсянь провинции Хэнань и называлась также Цзюньтай. Вероятно, в ней была яма, наполовину залитая водой. Вполне возможно, что привыкший к богатой жизни и не знавший горя Тан-ван вскоре бы умер. Однако через некоторое время посланцы из страны Инь привезли с собой много дорогих вещей и драгоценностей, подкупая всех, кого только было можно. Цзе-ван любил драгоценности и при виде денег у него разбежались глаза. Недолго думая, он спокойно выпустил Тан-вана из тюрьмы.

Вскоре после освобождения Тан-вана Цзе-ван приказал своему полководцу Бяню напасть на маленькую страну Минь-шань на юго-западе. После вторжения громадного войска Минь-шань потерпела поражение и вместе с просьбой принять капитуляцию послала двух красивых девушек. Одну из них звали Вань, а другую - Янь. Цзе-ван очень их полюбил и приказал вырезать имена девушек на самых красивых кусках нефрита, которые он всегда носил на поясе. Его бывшая любимая наложница Мэй-си к тому времени, вероятно, постарела и была уже не так красива, как раньше. Цзе-ван поступил с ней, как с выброшенным старым платьем, переселив её во дворец покинутых наложниц на берегу реки Лошуй. Мэй-си была оскорблена такой жестокостью. Она вспомнила время, когда И Инь, будучи главным поваром, питал к ней нежные чувства, и решила воспользоваться этим, чтобы отомстить ненавистному Цзе-вану. Мэй-си тайком послала человека к И Иню и стала сообщать ему добытые из разных мест важные государственные тайны. И Инь в то время получил от Тан-вана важное назначение, исполняя в государстве Инь должность первого министра. Его честолюбие жаждало удовлетворения, и он мечтал помочь Тан-вану захватить всю Поднебесную. Поэтому он был очень рад получать от Мэй-си сведения, постоянно посылал к ней людей с богатыми подарками, и связь между ними не прекращалась.

Вскоре разврату и бесчинствам Цзе-вана был положен конец. Дождавшись времени жатвы, Тан-ван собрал большое войско со всех частей страны. Войска против Цзе-вана он вёл сам, сидя в колеснице со стягом и держа в руках боевой топор. Колесницей правил Фэй Чан, перешедший на его сторону. Вслед за ним ехал в колеснице И Инь. В то время

союзниками Цзе-вана были три его вассала: Вэй, Гу и Кунью. И Инь и Тан-ван составили план, по которому предполагалось сначала уничтожить одного за другим союзников и лишь затем всеми силами напасть на Цзе-вана.

Цзе-ван был в полной растерянности. С одной стороны, он собирал немногочисленных солдат, а с другой - слишком поздно хватившись, начал совершать жертвоприношения, надеясь с помощью богов разбить врага и защитить страну. Но после двух-трёх схваток в ущелье, которое было воротами в страну, пал его главнокомандующий Гэн.

Гэн с копьём в одной руке и с щитом в другой с грозным видом охранял Чжаншань. Никак нельзя было предположить, что Тан-ван одним взмахом меча отрубит ему голову. Обезглавленный Гэн поднялся с земли, но его обуял страх, он повернулся и пустился бежать. Лишь добежав до Горы шаманов, он остановился и, отыскав укромное место, не осмеливался более выходить.

Войско Тан-вана, не встречая сопротивления, быстро подошло к столице сяского Цзе. К Тан-вану явилось божество и объявило ему волю небесного правителя:

- Небесный правитель приказал мне помочь тебе в сражении. Войска в столице уже в полном смятении. Ты быстро поведешь армию на город и одержишь победу. Когда увидишь в северо-западной части города большой огонь, начинай наступление.

Сказав это, божество в мгновение ока исчезло. Тан-ван стал раздумывать, не был ли это бог огня Чжу-жун, имевший человеческое лицо и туловище дикого зверя. Он сомневался, как вдруг к нему прибежали люди с криком:

- В северо-западной части столицы Ся вспыхнул пожар!

Тан-ван вышел из шатра и увидел, что пламя за высокой городской стеной озаряет чёрный ночной небосвод. Он понял, что ему действительно являлся бог огня Чжу-жун, и поспешил отдать приказ атаковать город всеми силами, включая даже только что сдавшиеся войска Ся. Вскоре считавшиеся неприступными стены и рвы города были преодолены войском Тан-вана.

Цзе-ван в большой спешке вместе с любимыми наложницами, среди которых была и Мэй-си, покинул охваченную паникой столицу и отправился в Минтяо (в настоящее время уезд Аньи провинции Шаньси), что в нескольких сотнях ли от столицы. Тан-ван с шестью-семью военными колесницами и шестью тысячами отборных солдат быстрым маршем устремился вперёд, чтобы преследовать Цзе-вана вплоть до Минтяо. Оба войска столкнулись в сражении, и армия Цзе-вана, не выдержав напора, была разбита наголову. Кони и люди топтали друг друга, кроме раненых и бежавших, никто не уцелел. Цзе-ван с остатком войска, с Мэй-си и другими любимыми наложницами сел в старые лодки и, плывя по загадочной реке на юг, доплыл до Наньчао. По преданию, Наньчао находилось на территории нынешнего уезда Чаосянь провинции Аньхой. В его окрестностях было озеро Чаоху. Неизвестно, каким образом Цзе-ван со своими людьми на лодке приплыл туда из Шаньси. Силы постаревшего Цзе-вана иссякли, и вскоре после прибытия он умер с тоски. Перед смертью он в гневе сказал окружающим: «Я очень сожалею, что в своё время не убил Чэн-тана в замке Ся-тай. Лишь из-за него я оказался в таком печальном положении». Он не думал о том, что, кроме Тан-вана, был народ, терпевший от него множество мучений и желавший свести с ним счёты.

Тан-ван, уничтожив Ся, получил власть над всей Поднебесной. Однако вскоре после того, как он взойшёл на трон сына неба, началась ужасная засуха, длившаяся семь лет подряд. Вода в реках иссякла, от жары плавилась глина и песок, народ испытывал страшные мучения. Все молили о дожде, но дождя не было. Прорицатели, совершив гадание, объявили:

- Пусть принесут в жертву человека, и только тогда будет надежда, что пойдёт дождь.

- Дождь необходим для народа, и если для того, чтоб он полил, нужно принести в жертву человека, то пусть им буду я,- сказал Тан-ван.

Он надел одежду из грубого полотна и с пучком легко воспламеняющегося белого камыша в руках, в белой колеснице, которую везли белые лошади, поехал к священному алтарю иньского народа в Санлинь - Тутовый лес, чтобы самому помолиться верховному

правителю о ниспослании дождя.

Люди тащили треножник, несли знамёна, играли на музыкальных инструментах. Колесница Тан-вана медленно ехала вслед за ними. По дороге шаманы громкими голосами читали моления о дожде. Доехав до Тутового леса, Тан-ван увидел море людей. Перед алтарём заранее была приготовлена большая куча хвороста, в жертвенном тазу пылал яркий огонь. И несколько шаманов совершали камлание перед алтарём. Он слез с колесницы, молча пошёл к алтарю, опустился на колени и стал страстно молиться:

- Если виноват во всём я, то народ не должен страдать за мои грехи. Если виноват народ, то пусть его вина ляжет на меня.

После моления главный жрец вытащил из рукава ножницы, срезал у него волосы и ногти и кинул их в жертвенный огонь. Он, конечно, не мог сравниться с Мо Се - женой Гань Цзяна из царства У. Она, желая помочь своему мужу выплавить драгоценные мечи, самоотверженно кинулась в огненную печь. Вспыхнуло яркое пламя, и выплавленные мечи блестели, как лёд, и испускали яркое сияние. Один меч был назван Ган Цзяном, другой - Мо Се. Однако добиться у правителя, чтобы тот принёс в жертву свои волосы и ногти,- вещь тоже нелёгкая.

Ведь правители удовлетворяют свои прихоти людским потом и кровью, а для народа они не пошевельнут и пальцем.

Потом двое шаманов подхватили его и втащили на высоченную кучу хвороста. Тан-ван низко наклонил голову, слегка прикрыл глаза и торжественно стал ждать, когда наступит время и шаманы подожгут со всех сторон хворост.

Это было тяжёлое и томительное ожидание. В небе над головой стояло красное солнце и не было ни тени облачка. Десятки тысяч людей, собравшихся в Тутовом лесу на моление о дожде, невольно стали беспокоиться за судьбу мудрого правителя. Но вот протрубил рог, и шаманы зажгли факелы от огня в жертвенном тазу; они протанцевали несколько кругов вокруг костра и бросили факелы к его подножию. Языки пламени лизнули сухой хворост и охватили всю кучу. Казалось, что пучок белого тростника, привязанный к Тан-вану, с которого ручьём лил пот, вот-вот вспыхнет. Но, по счастливой случайности или в самом деле «искренняя мольба достигла неба» и судьба потомков божественной птицы тронула старого верховного правителя, свершилось чудо. Порыв бешеного ветра пригнал с северо-востока тучи, они вмиг затянули всё небо, и капли дождя, каждая величиной с соевый боб, упали на землю. На небе засверкали молнии, раздался гром и хлынул дождь. Безмерно обрадовавшиеся люди прыгали под дождём, что-то кричали, ловили струи дождя руками и хлопали себя по лбу. Тан-ван поднял голову, устремил взгляд в небеса, густые брови его расправились: он увидел, что тучи всех четырёх морей собрались в небе и дождь, примчавшийся из-за тысячи ли, с шумом полил, как из опрокинутого таза. От семилетней засухи не осталось и следа. Дождь затушил и огонь в жертвенном тазу, и хворост, остались только струйки синего дыма. Обрадованные люди от всей души пели хвалебные песни, а шаманы снимали с костра гуманного Тан-вана, который готов был отдать свою жизнь людям...

Глава X. Поздние легенды (продолжение)

1. Схожесть преданий о Цзе и Чжоу Сине. Внешность, сила и таланты Чжоу Синя. Пруд с вином и лес мяса. Жестокое наказание - огненный столб. Зверства тирана Чжоуский Вэнь-ван в темнице Юли. Отец выпивает бульон, сваренный из мяса сына. Красавица из страны Юсинь спасает от беды Си Бо.

Конец династии Ся был омрачён правлением безрассудного тирана Цзе; последние годы династии Инь были омрачены правлением жестокого князя Чжоу. История князя Чжоу повторяет историю Цзе, лишь в иной форме; аналогичны не только сами события, совершенно похожи и все действующие в них лица: у Цзе была наложница Мэй-си, у Чжоу -

Да-цзи, обе они, согласно преданию, «были порочны» и явились причиной гибели и самих тиранов, и их государств. Врагом Цзе был Чэн-тан, а врагами Чжоу были Вэнь-ван и У-ван. У Чэн-тана, покаравшего Цзе, был помощник - мудрый И Инь, у Вэнь-вана и У-вана, покаравших Чжоу, был преданный помощник Люй-ван (или Цзян тай-гун), который верно служил им обоим. Но самое удивительное совпадение состоит в следующем: Цзе взял в своё время в плен Чэн-тана и заточил его в башню Сятай, а впоследствии отпустил его; Чжоу тоже сначала схватил Вэнь-вана и заточил его в крепость Юли, но в конце концов освободил его. Всё это наводит нас на мысль - не есть ли это варианты одного и того же предания?

Весьма возможно, что сравнительно более близкая по времени и исторически более достоверная история Чжоу была использована для объяснения истории правителя Цзе - личности более далёкой и туманной.

Несмотря на то что обе истории в общих чертах одинаковы, в деталях они довольно сильно расходятся. Поэтому после того, как мы уже рассказали историю Цзе, изложим теперь и историю князя Чжоу.

Внешне Чжоу и Цзе трудно различить. У обоих осанка была величественная, оба высокого роста, и ни в храбрости, ни в воинственности никто не мог с ними сравниться. Без оружия вступали они в единоборство с дикими зверями и могли перетянуть телегу, запряжённую несколькими быками. Оба они могли поднять на крышу тяжёлую балку и подгнивший столб заменить новым. Оба они обладали мудростью древних людей. Когда они хотели доказать что-нибудь, речь их лилась рекой, и никто не мог переспорить их. Знаний их хватало на то, чтобы отвергать все советы, их образованность помогала им оправдывать свои ошибки. Они были заносчивы и самодовольны сверх меры, на людей они смотрели свысока. Среди их подданных не было ни одного человека, к которому они относились бы с уважением, потому что всех людей они считали ниже себя. Чжоу в своём самовосхвалении дошёл до того, что провозгласил себя небесным правителем. Чжоу наслаждался всеми благами жизни. Безжалостный, он нещадно заставлял людей работать на себя; десятки тысяч рабов трудились на него. Семь лет они строили в его столице Чаогэ Башню оленя - Лутай. Она была длиной три ли и высотой тысячу чи. Этажей, галерей и балконов в ней было без счёта. С высоты башни казалось, будто тучи и облака лежат внизу. Отделанные яшмой дворцы Цингун и Цюнши, построенные по приказу Чжоу, были ещё больших размеров.

В этих дворцах Чжоу поселил красивых женщин, которых насильно забирали из простых семей. Отовсюду привозили туда скакунов и породистых собак. Затем Чжоу разбил сады, воздвиг огромные павильоны и беседки со множеством дорогих птиц и редких диких зверей. Чжоу вместе с порочной, бесстыжей и лстивой знатью предавался в этих дворцах и парках необузданному разврату. Он приказывал наполнить пруд вином, развесить на деревьях куски мяса и раздеться догола всем мужчинам и женщинам. Они с хохотом гонялись друг за другом между деревьями. По его приказу музыкант Ши-цзюань сочинил несколько новых непристойных песен, которые сопровождались разнузданными танцами. Вся эта компания с утра до ночи пила и ела, ни о чём не заботясь. Прогнившая до мозга костей знать проводила всё свое время только в развлечениях.

Чжоу боялся, что люди будут осуждать его, поэтому он специально ввел жестокое наказание паогэ, которому подвергались все, кто осмеливался роптать или перечить ему. Наказание состояло в том, что бронзовые столбы мазали маслом и устанавливали их над костром, после чего велели «преступнику» босыми ногами шагать с балки на балку. Балки были горячие и скользкие, и человек, не пройдя и нескольких шагов, падал и сгорал на раскалённых углях, а Чжоу, его фавориты и любимая наложница смотрели на эту жестокую казнь и смеялись, это забавляло их.

Обычно люди, не понимая смысла этого древнего выражения, записывали его как бао ло - «медленное сожжение». Они думали, что оно заключается в том, что человека привязывают к раскалённому бронзовому столбу.

Чжоу был необыкновенно жестоким человеком. Настроение у него часто менялось, он был то грустным, то весёлым. Порой без всякой причины он мог убить человека.

Рассказывают, что однажды повар приготовил для него медвежьи лапы, но они оказались недожаренными. Чжоу разгневался и убил его. Ещё рассказывают, что как-то утром Чжоу стоял на башне Лутай и от нечего делать смотрел по сторонам. Вдруг он увидел на берегу Цишуй, протекавшей в окрестностях Чаогэ, босого старика, который собирался перейти реку вброд, но в нерешительности ходил взад и вперёд, как будто он был в затруднении. Чжоу попросил придворных объяснить ему причину странного поведения старика, и один из них объяснил ему:

- У стариков нет костного мозга, поэтому по утрам они боятся холода. Вот почему этот старик никак не может решиться войти в холодную воду.

Чжоу внезапно проявил любопытство и немедленно приказал своим телохранителям, жестоким, как волки и тигры, схватить старика. Как только старика привели, Чжоу на глазах у всех разрубил топором его ногу, из которой полилась ручьём кровь. Он хотел проверить, действительно ли у стариков мало костного мозга.

Родственник Чжоу - наследник иньского князя Би Гань - был прямым и честным человеком. Видя, что Чжоу погряз в разврате и забыл о справедливости, он часто по-хорошему увещевал его, всячески уговаривал. Своими советами он довёл Чжоу до того, что тот в порыве гнева закричал:

- Я слышал, что в сердце мудреца семь отверстий. Посмотрим, так ли это! - И тотчас приказал слугам увести Би Ганя и вытащить его сердце.

У Цзю-хоу была красивая и добродетельная дочь. Чжоу потребовал, чтобы она стала его наложницей. Но девушка не захотела стать его игрушкой, и Чжоу в порыве гнева убил её. Затем он убил и её отца, приказав разрубить его на куски и приготовить мясной соус. Когда Чжоу собирался казнить отца и дочь, сподвижник Цзю-хоу - Ао-хоу, который был таким же честным и храбрым, как Би Гань, явился к Чжоу и выступил в защиту справедливости. Он потребовал, чтобы Чжоу помиловал невинных. Гнев тирана был подобен грому, он убил и Ао-хоу, осмелившегося ему противоречить. После этого он приказал отделить его мясо от костей, разрубить на куски и высушить.

Когда Си Бо, т.е. чжоуский Вэнь-ван, услышал об убийстве Цзю-хоу и Ао-хоу, он понял, что бесполезно идти увещевать Чжоу, и только тайно вздыхал. Но о настроениях Вэнь-вана узнал сановник Чун Хоу-ху, который и сказал князю Чжоу:

- Вы должны остерегаться Си Бо. Он только притворяется хорошим человеком, чтобы подкупить сердца людей, поэтому князья и склоняются на его сторону. Когда до него дошли слухи, что вы убили Цзю-хоу и Ао-хоу, он начал стенать и охать. Боюсь, как бы это не принесло вам вреда.

Как только Чжоу услышал эти слова, он приказал немедленно схватить Си Бо и заточить его в тюрьму Юли. Это была самая большая тюрьма при иньской династии (на севере уезда Таньиньсянь нынешней провинции Хэнань). Тюрьма была вырыта глубоко-глубоко в земле, с окнами на крыше. Даже если бы выросли крылья, то вылететь из неё было невозможно.

Когда Вэнь-вана заточили в тюрьму Юли, его сановники Тай Дянь, Хун Яо, Сань И-шэн, Нань Гун-гуа, которых называли «четыре преданных друга Вэнь-вана», немедленно поехали в Юли повидать своего правителя. Преодолев много трудностей, они наконец попали в эту мрачную тюрьму и повидались с Вэнь-ваном. Но так как при свидании присутствовали тюремщики, следившие, как тигры, и ни на минуту не сводившие с них глаз, они не смогли поговорить о деле, ради которого прибыли. Мудрый Вэнь-ван, увидев, что время свидания уже приходит к концу, а они так ни о чём и не договорились, сделал несколько условных знаков своим друзьям. Сначала он подмигнул им правым глазом, что означало: «Чжоу большой любитель женщин, надо найти красавицу и подарить ему». Потом он взял лук и постучал им по животу, что означало: «Чжоу мечтает о сокровищах, разыщите-ка несколько драгоценностей и поднесите ему». В заключение Вэнь-ван быстро потопал по полу ногами, что значило: «Торопитесь! Если будете медлить, боюсь, что трудно будет мне сохранить жизнь». Друзья Вэнь-вана поняли тайные знаки, успокоенные

вернулись домой и принялись за дело.

В это время старший сын Вэнь-вана Бо И-као - заложник при иньском дворе - служил у Чжоу колесничим. В те далекие времена, для того чтобы доказать свою верность императору, посылали ему заложников. Императоры боялись измены подданных, поэтому постоянно держали при себе детей вассальных князей. Вот поэтому Бо И-као и был заложником у Чжоу.

Тиран Чжоу, едва начав сомневаться в верности Вэнь-вана, приказал посадить его в тюрьму. Не ограничиваясь этим, он приказал бросить в огромный котёл и заживо сварить его сына Бо И-као, весёлого, честного и преданного юношу. Потом Чжоу велел поднести эту похлёбку Вэнь-вану и со злорадством сказал своим приближённым:

- Святой человек не станет есть суп, сваренный из мяса его сына.

Однако посланные вернулись и сообщили, что Вэнь-ван без колебания съел его. Чжоу ликовавал:

- Кто говорил, что Си Бо мудрец? Съел похлёбку из мяса собственного сына и ничего не почувствовал. Ха, ха! Вонючий пёс - вот он кто!

С тех пор Чжоу ослабил надзор за Вэнь-ваном, считая его просто старым, безвредным дураком.

После того как Хун Яо, Сань И-шэн и другие друзья Вэнь-вана вернулись на родину, они быстро собрали много денег и отправились на поиски красавицы и разных редкостей. Красавицу они разыскали в стране Юсинь. Ещё в древности Чэн-тан во время путешествия на восток тоже добыл себе красавицу в Юси-ни и там же нашёл мудрого сановника И Иня. Затем Чэн-тан добился того, что народ в княжестве Инь стал процветать, и он основал новую династию. На этот раз красавицу подарили распутному Чжоу; ниже мы увидим, чем всё это кончилось. Друзья Вэнь-вана нашли ещё цюаньжунского скакуна. Это был необыкновенный конь пятицветной масти; его глаза сверкали, как золото, а грива переливалась, как яркий петушиний хвост. Вот отсюда-то и пошло название «петушиная колесница». Говорили, что тот, кто сможет объездить его и останется цел, проживёт тысячу лет. В стране Линьши они поймали необыкновенно редкого зверя цзоуной, или цзоуу. Он был с тигра и похож на него, только хвост его был в три раза длиннее тела. Шерсть у него была пяти ярких цветов. На этом диковинном звере можно было за один день проскакать тысячу ли. Друзья Вэнь-вана из разных мест привезли множество необыкновенных зверей, чёрную яшму, огромные раковины, шкуры и всё это поднесли Чжоу.

У Чжоу был любимец - сановник по имени Фэй Чжун. Когда все дары были доставлены в столицу, заговорщики сначала подкупили Фэй Чжуна, чтобы он как-то подготовил Чжоу, и только после этого отправились с подарками ко двору. Чжоу был очень жаден, но больше всего он любил женщин. Сидя посреди большого зала, он с радостью смотрел на дары, разложенные перед ним, и на красавицу и никак не мог оторвать от неё взора. Она действительно была красоты бесподобной. Чжоу не мог сдержать радости и сиял от счастья.

- Она одна стоит того, чтоб отпустить за неё Си Во. Зачем же ещё так много подарков? Ха-ха-ха,- засмеялся он.

Вэнь-ван был освобождён из подземной тюрьмы, и ему разрешили вернуться на родину. Это было всё равно, что водяному дракону разрешить вернуться в море, а тигру - в дикие горы. Судьба иньского тирана Чжоу была решена.

2. Близорукий Вэнь-ван. Великий мудрец, приснившийся князю. Летописец Бянь гадает Вэнь-вану. Князь на берегу реки Вэй встречает Цзян тай-гуна. Жизнь Цзян тай-гуна, полная неудач. Различные легенды о встрече мудреца и князя. Дочь божества гор жалуется Вэнь-вану.

Чжоуский Вэнь-ван, тот самый, что был брошен на льду, был потомком Хоу-цзи, которого родила Цзянь-юань после того, как она, гуляя однажды по полю, наступила на след великана.

По преданию, Вэнь-ван был высоким, темнокожим, с близорукими разного цвета глазами.

Вернувшись домой, он думал только о мучительной смерти сына и о зверствах и несправедливостях Чжоу. Он очень страдал оттого, что всё в Поднебесной должны терпеть жестокость тирана, и не мог спокойно ни есть, ни спать.

Прежде всего Вэнь-ван решил навести порядки в своём уделе и тайно объединиться с остальными князьями, чтобы, дождавшись удобного момента собрать большое войско и призвать к ответу Чжоу за все его преступления. Он хотел избавить народ от зла и отомстить за сына.

Хотя среди сановников Вэнь-вана и были такие мудрецы, как Хун Яо, Тай Дянь, Нань Гун-гуа, Сань И-шэн, ему не хватало человека, который стал бы ближайшим помощником во всех государственных и военных делах. Вэнь-вана не покидала мысль о том, что он должен найти мудреца. Он даже во сне несколько раз видел, как какой-то человек манит его рукой и улыбается ему. Однажды Вэнь-вану явился во сне небесный правитель, одетый в чёрный халат. Правитель стоял у переправы через реку Линхуцзинь. А за его спиной Вэнь-ван увидел старика с седыми усами и бровями. Небесный правитель обратился к Вэнь-вану:

- Чан, дарю тебе хорошего учителя и помощника, его зовут Ван.

Вэнь-ван поспешно поклонился старику, старик поклонился в ответ. И в этот момент он проснулся. Станный сон! Как будто он давно уже слышал, что есть какой-то великий мудрец, но кто он и где его искать - он не знал. Поэтому, отправляясь со своей свитой на охоту, он каждый раз втайне надеялся встретить этого мудреца. Однажды перед охотой Вэнь-ван приказал своему летописцу Бяню совершить гадание, и Бянь нараспев прочёл:

Если пойдёшь охотиться к реке Вэйшуй, Получишь большую добычу. Это будет не дракон, И не тигр, и не медведь. Ты получишь мудреца, Небо подарит тебе помощника

Вэнь-ван очень обрадовался и, следуя указаниям летописца Бяня, с большой свитой, на лошадях, с соколами и сворами собак отправился на охоту к Вэйшуй в Паньси. В дремучем лесу у зелёного омута он увидел старика с серебристыми усами и бородой, одетого в синее. Старик сидел на охапке белого тростника, на голове у него была плетёная бамбуковая остроконечная шляпа. Он спокойно удил рыбу. Ни ржанье лошадей, ни скрип повозки, ни крики людей его нисколько, казалось, не испугали, как будто он находился в другом мире. Близорукий Вэнь-ван прищурился, стараясь разглядеть старика, и кто бы мог подумать, что это и был тот старик, которого он видел во сне. Вэнь-ван поспешно выпрыгнул из колесницы, почтительно приблизился к старцу и заговорил с ним.

Старик ничуть не смутился и не удивился, отвечал ему непринуждённо, как будто ничего не произошло. Вэнь-ван разговаривал со стариком недолго, даже тень от тутового дерева не сдвинулась с места, но он уже окончательно убедился, что это и есть тот мудрец, превосходивший всех своими талантами и глубокой учёностью, которого он так долго искал. Вэнь-ван сердечно обратился к нему:

- Учитель, мой покойный отец часто мне говорил: «Будет время, и к нам придёт святой мудрец, и тогда народ Чжоу добьётся процветания». Может быть, вы и есть тот человек? Мы давно уже мечтаем вас увидеть.

Вэнь-ван пригласил старика сесть в специально для него приготовленную колесницу, сам занял место кучера, и они вместе вернулись в столицу Цишань. По приезде Вэнь-ван просил старика стать его учителем и пожаловал ему титул «тай-гун-вана» - «князя, смотрящего вдаль» (ван в его имени означает «смотреть вдаль»). Настоящая фамилия старика была Цзян, поэтому его часто называли Цзян тай-гун. Его предки помогли Юю справиться с потопом, за что получили удел в местности Люй. Поэтому его называли ещё Люй-шан или Люй-ван. На самом деле Цзян тай-гун был безродный бедняк и неудачник. Будучи талантливым, он мечтал, чтобы кто-нибудь использовал его знания и способности, но большая часть его жизни прошла в бедности и неудачах. Рассказывают, что Цзян тай-гун резал коров в Чаогэ, потом торговал съестным в Мэн-цзине. Возможно, и в других местах он занимался такими же мало достойными его делами. Когда пришла старость, он удалился на берег реки Вэйшуй, построил хижину и стал жить рыбной ловлей. Он проводил дни, думая только о том, где достать кусок хлеба, но в глубине души у него всё ещё жила надежда

встретить когда-нибудь мудрого князя, вроде Вэнь-вана, который вытащит его из грязи и даст ему возможность проявить свои таланты и выполнить своё высокое назначение. Однако шли годы, а он продолжал ловить рыбу в реке Вэйшуй. Время проходило зря, его усы и борода из седоватых стали совсем белыми. На камне, на том месте, где он опускался на колени при ловле рыбы, образовались две глубокие впадины, а князя всё не было. В конце концов старик отбросил и тот призрак надежды, который ещё жил в нём, и приготовился смириться с жизнью. И как раз в это время, когда его тело высохло, а огонь в сердце погас, в этом глухом углу, среди лесов и гор, он услышал вдруг лай собак, ржанье лошадей и людские голоса. Он почувствовал, что это, может быть, то, чего он ждал всю жизнь. Искра, которая вот-вот должна была погаснуть, в одно мгновение вспыхнула в его груди и разгорелась в огромное пламя. Когда он увидел, что смуглый высокий правитель, сопровождаемый свитой в богатых одеждах, приближается к нему, его сердце бешено забилося. Но Цзян тай-гун считал, что не следует обнаруживать своего волнения, поэтому он собрал всю силу воли и выдержку, которую он воспитывал в себе в течение десятков лет, и, подавив волнение, заставил себя держаться так, как будто ничего особенного не произошло. Близорукий Вэнь-ван был без памяти рад, что мудрец наконец-то нашёлся, и не заметил, как много напряжённой сдержанности было во внешне непринуждённом поведении старика. Эта драматическая встреча завершилась взаимным соглашением. Вэнь-ван побеседовал с Люй-шаном и убедился в его образованности и умении управлять государством. Это действительно был тот мудрец, которого он искал. По пути во дворец Вэнь-ван, который сидел впереди и правил лошадьми, что по обычаям того времени являлось самым большим проявлением почтительности и уважения, не мог видеть, что у взволнованного старика, сидевшего у него за спиной, горячие слёзы текут и текут из глаз, так что вся грудь, борода и усы стали мокрыми.

О встрече тай-гуна с Вэнь-ваном существует ещё одна легенда, которая рассказывает, что тай-гун был беден и не имел никаких средств к существованию. Поэтому жена выгнала его из дому, и он начал торговать мясом в Чаогэ. Часто мясо портилось, и никто не хотел покупать его. В конце концов тай-гун встретил Вэнь-вана, который оценил его и помог ему.

А ещё рассказывают, что когда Вэнь-ван был заточён в Юли, к нему прибыли Сань И-шэн и Хун Яо с друзьями, они советовались с Вэнь-ваном и, условившись обо всём, отправились в разные стороны на поиски красавицы и редких вещей, чтобы подкупить ими тирана Чжоу. После того как Вэнь-ван был выпущен на волю, он познакомился с тай-гуном и постепенно оценил его таланты.

Что касается истории о том, как мудрец ловил рыбу на берегу реки Вэйшуй, то существуют и другие версии. Одна из них рассказывает, что он три дня и три ночи подряд удил рыбу, но ничего не поймал и так рассердился, что начал срывать одежду и швырять её на землю. Тогда какой-то крестьянин дал ему совет, как ловить. Леску нужно выбирать очень тонкую, а приманку насаживать такую, чтобы нравилась рыбе; во время ловли полагается сидеть спокойно и молча - рыбак должен быть очень терпеливым и постепенно забрасывать наживку, чтобы не пугать рыбу. Тай-гун последовал совету крестьянина и скоро поймал карася, а потом - карпа. Вспоров живот карпу, он обнаружил свиток, на котором было написано: «Люй-ван получит удел в княжестве Ци».

Другая версия гласит, что старик ловил рыбу без наживки. Пятьдесят шесть лет подряд он ловил рыбу, но не поймал ни одной (как он был терпелив!), но в конце концов ему удалось поймать большого карпа, в брюхе которого лежала воинская печать.

О том, что произошло после того, как Вэнь-ван встретил тай-гуна, тоже существуют удивительные предания. Вскоре после прибытия во дворец Вэнь-ван приказал Цзяну отправиться в Гуань-тань в качестве мелкого чиновника. Прошёл год, и он навёл в Гуаньтане такие порядки и водворил такое спокойствие, что даже ветер в этой местности стал покорным и никогда не свистел в ветвях. Однажды Вэнь-вану во сне явилась красавица, которая с плачем преградила ему дорогу. На вопрос Вэнь-вана, о чём она плачет, она ответила:

- Я дочь духа горы Тайшань и жена духа Восточного моря. Сейчас я направляюсь к матери мужа, но чиновник из Гуань-таня задерживает меня и не пускает дальше. Дело в том, что как только я тронусь в путь, начнётся настоящий ураган и ливень, а это может повредить репутации чиновника. Все станут думать, что он совершил какую-то ошибку и должен принять наказание от небесного правителя. Не знаю, что и делать...

Вэнь-ван проснулся удивлённый и, призвав к себе тай-гуна, спросил о значении этого сна. Тот не знал, что ответить, но в тот же день прибыл гонец с донесением о том, что сильный ветер и большой дождь двигаются со стороны Гуань-таня. Тогда Вэнь-ван повысил тай-гуна и назначил его командующим войском.

3. Цзян тай-гун одобряет поход У-вана против Чжоу Синя. Бо-и и Шу-ци противятся походу. Божества четырёх морей, бог реки и повелитель дождей приходят на помощь. Восемьсот удельных князей лунной ночью переправляются через Хуанхэ. Стаи ястребов собираются над полем брани. Конец тирана. Да-ци. Смерть двух мудрецов с юры Шоу-яншань.

После того как Цзян тай-гун стал советником Вэнь-вана, Вэнь-ван присоединил к своему уделу несколько небольших соседних княжеств и перенёс свою столицу из Цися (в современной провинции Шэньси на севере уезда Цишань) в Фэн (в современной провинции Шэньси к востоку от Хусянь). Влияние чжоусцев распространилось на восток ещё на несколько сотен ли, и над Чаогэ, столицей тирана Чжоу, нависла опасность. Какой-то человек пытался предостеречь Чжоу, но глупый Чжоу ответил ему:

- Разве не по приказу неба я стал императором? Что может мне сделать Вэнь-ван?

И он по-прежнему предавался разврату и ни на что не обращал внимания. Вскоре после переноса столицы Вэнь-ван умер, и власть унаследовал его сын У-ван, по имени Фа. Цзян тай-гун оставался наставником в государстве Чжоу.

У-ван, так же как и отец, был близоруким, с «двойными» зубами (может быть, это значило, что позади обычных зубов у него вырос ещё второй ряд), что являлось, согласно преданию, признаком твёрдости характера. Рассказывают, когда У-ван был ещё наследником, он больше всего любил есть карасей, но его наставник не давал ему, говоря, что карась - пища недостойная, она никогда не кладётся на жертвенный стол и её нельзя подавать такому знатному лицу, как наследник. У-ван был упрям, и хотя он не осмелился открыто перечить учителю, но тайно приказал принести ему эту рыбу.

Вскоре после того как У-ван стал князем, он собрал войско и пошёл в поход против тирана Чжоу Синя. Цзян тай-гун одобрил его решение. Перед самым выступлением войск У-ван приказал главному придворному летописцу совершить гадание. Было получено следующее предсказание: «Свершится большое зло». И военачальники, и чиновники заколебались. Вдруг отважный Цзян вышел из толпы, смахнул рукавом с жертвенного стола черепаший панцирь и гадательную траву тысячелистник и в гневе стал топтать их ногами.

- Мёртвые кости, высохшая трава! Разве могут сказать они, что предвещает добро, а что - зло? В поход! В поход! Что может помешать успеху нашего правого дела?! - громовым голосом прокричал он.

Увидев такую решимость своего главного советника, У-ван обрадовался и отдал трём армиям приказ немедленно выступить.

Когда сановники и военачальники увидели, что ни князь, ни его наставник ничего не боятся, воодушевлённые, они немедленно вернулись в лагерь и приступили к приготовлениям. К тому времени Вэнь-ван был уже мертв, но ещё не был похоронен. И вот У-ван отдал приказ сделать чучело и, нарядив его в одежды отца, усадить в военную колесницу. От имени Вэнь-вана он созвал князей, чтобы пойти войной на Чжоу Синя. Все князья в Поднебесной поддержали предложение У-вана и только Бо-и и Шу-ци - сыновья Гу Чжу-цзгоня - были несогласны.

Родные братья, они столько раз уступали друг другу отцовский престол, что им обоим пришлось в конце концов бежать в соседнее княжество. Там они услышали, что Вэнь-ван заботится о всех стариках, и решили найти у него убежище. Но не успели они прибыть в

Чжоу, как узнали, что Вэнь-ван умер и У-ван, не дождавшись похорон отца, во главе всех войск хочет идти войной против иньского тирана Чжоу.

Благородные мужи не одобряли выступления У-вана и в день, когда тот отправлялся в поход, преградили ему путь, схватив лошадь под уздцы, и стали его публично увещевать. Они обвиняли У-вана в том, что он негуманен и непочтителен к памяти отца. Телохранители У-вана, услышав эти дерзкие речи, бросились к безумцам, но тай-гун крикнул стражникам:

- Пусть они уйдут, это хорошие люди!

У-ван отдал приказ, чтобы братьев придержали, пока он и армия пройдут мимо. Так начался поход. Войско У-вана направилось на восток. Почти не встречая сопротивления, оно быстро достигло Лои (в современной провинции Хэнань, на западной границе города Лояна). Когда армия уже была готова начать переправу через реку Мэнцзинь, внезапно погода испортилась. Солнце скрылось, стало прохладно, пошёл снег с дождем. Продвигаться было нельзя, пришлось разбить лагерь под Лои. Сильный снег шёл непрерывно десять дней. Всё кругом стало белым, как серебро. Снегу навалило более чжана.

Однажды утром неизвестно откуда прибыло пять колесниц. В каждой сидел сановник в полном облачении. Вслед за колесницами ехали на крупных лошадях два всадника. Колесницы остановились у ворот лагеря. Сановники выразили желание повидаться с У-ваном.

«Это опять прибыли послы князьков. Видно, они хотят присоединиться к нам и участвовать в войне», - подумал У-ван и решил, что не стоит торопиться принимать их. Но как только тай-гун выглянул за ворота, он воскликнул:

- Надо их принять! Посмотрите, кругом снег такой глубокий, они прибыли на лошадях и в колесницах, а следов нигде не видно. Боюсь, что это не обычные люди.

У-ван посмотрел и убедился, что так оно и есть. Он изумился и решил немедленно принять гостей, но он не знал, кто эти духи и откуда они явились. Боясь допустить какую-нибудь оплошность в обращении с ними, он находился в нерешительности. А тай-гун придумал хитроумный план. Он тотчас выслал за ворота слугу и приказал ему поднести гостям по чашке горячего рисового отвара и обратиться к ним с такой речью:

- Наш князь занят важным делом и не может немедленно выйти к гостям. Но сейчас холодно, поэтому он посылает вам рисовый отвар, чтобы вы немного согрелись. А я не знаю, кому из вас я должен поднести первому.

Тогда всадники, сопровождавшие колесницы, начали представлять всех по очереди:

- Сначала следует подавать ему, это князь Южного моря, потом князю Восточного моря, потом князю Западного моря, потом князю Северного моря. Потом духу Жёлтой реки. А после них подавайте нам. Один из нас - дух ветра, а другой - повелитель дождей.

После того как посланный подал им всем по очереди горячий отвар, он вернулся в лагерь и доложил обо всём тай-гуну.

- Вот теперь вы можете их принять! Те, которые сидят в колесницах, - это духи четырёх морей и хозяин реки Хуанхэ. А всадники - это духи дождя и ветра. Духа Южного моря зовут Чжу-жун, духа Восточного моря - Гоу-ман, духа Северного моря - Юань-мин, а духа Западного моря - Жу-шоу, духа Жёлтой реки зовут Фэн-и, имя повелителя дождей Юн, духа ветров зовут И. Пусть теперь телохранители называют их имена и приглашают по очереди, - сказал тай-гун.

У-ван расположился в походном шатре и начал приём. Телохранители по очереди приглашали гостей войти. Сначала назвали имя Чжу-жуна, потом Гоу-мана, затем остальных. Духи, услышав, что их называют по именам, удивились, переглянулись и пришли в восхищение:

- Как мудр этот князь! Он ещё не видел наших лиц, а уже знает наши имена.

Духи почтительно поклонились У-вану, У-ван - духам. Кончив все церемонии, У-ван обратился к ним с вопросом:

- Великие духи! В такую плохую погоду вы прибыли сюда издалека. Что вы хотите сообщить мне?

Духи отвечали:

- Небу угодно возвысить Чжоу и уничтожить Инь. Мы прибыли, чтобы дать вам в помощь духа Жёлтой реки и бога дождей. Назначьте их на какие-нибудь должности, и они помогут вам во время войны.

У-ван и тай-гун были очень довольны. Они устроили их в лагере и использовали для выполнения самых различных поручений.

Когда наступила ясная погода, У-ван повёл свои войска дальше. Ночью они начали переправу через Мэнцзинь. Вода в реке была спокойна, на небе неподвижно стояли белые облака; светила луна, и было ясно, как днём. Восемьсот удельных князей сели в лодки, лодки быстро двигались, и воины, сидевшие в них, пели о том, как они перебьют всех врагов и добудут себе победу.

Когда лодки достигли середины реки, откуда-то появился рой крупных пчёл, похожих на красных птиц. Пчёлы опустились на лодку У-вана. У-ван очень обрадовался, ведь это была хорошая примета, и приказал нарисовать этих пчёл на своём военном знамени. Впоследствии, уже после того как победа была одержана, лодку, в которой сидел в тот вечер У-ван, стали называть в честь этого события «пчелиная лодка».

Переправа окончилась, воинственный дух и воодушевление воинов возрастали. Вскоре армия подошла к Чаогэ, столице тирана Чжоу Синя, и в тридцати ли южнее столицы, в Муе, был разбит лагерь. На рассвете следующего дня У-ван в присутствии всех восьмисот удельных князей привёл войска к присяге. Когда Чжоу Синь услышал, что армия У-вана уже близка, он сам возглавил свои войска и выехал навстречу врагу.

И вот воины обеих сторон и колесницы расставлены в боевом порядке. Мечи сверкают, и дух смерти уже витает над полем. Ещё не начался бой, а уже тысячи хищных птиц, похожих на ястребов, начали кружить над армиями; из их голодных глоток вырывались хриплые крики. Все предвещало жестокую битву, в которой падут многие и много прольётся крови.

Армия У-вана боролась за правое дело, за то, чтобы уничтожить тирана и обеспечить мир и покой народу. Воины его, готовые пожертвовать жизнью, не ведали страха. Отряды сычуаньцев из Ба и Шу были настроены особенно воинственно. Готовясь к бою, они трубили в горны, пели, исполняли военные танцы. Все ликовали. Они шли на врага без малейшего страха, как идут на пир. Настроение воинов Чжоу Синя было совсем иным, в основном это были рабы. Чжоу не хватало воинов, и он заставлял рабов защищать его от врага. Воины Чжоу Синя видели, что наступили последние дни тирана, - откуда же быть у них желанию отдать свою жизнь за него?

У-ван, держа позолоченный топор в левой руке и бунчук с белым буйволиным хвостом в правой, отдавал приказания, а его воины, подобно десяти тысячам коней, ринулись вперёд. Армия тирана распалась, как обваливается земля и разбивается черепица. Чжоу Синь изо всех сил бил в барабан, но не мог остановить бегущих рабов, которые к тому же начали поворачивать копыя против него самого. Они понимали, что когда Чжоу Синь - их мучитель - будет убит, они станут свободными.

В этой битве У-вану не пришлось даже прибегнуть к помощи духов - бога ветров и бога дождей. Было ясно, что победа уже на его стороне.

Когда тиран Чжоу Синь убедился в своём бессилии, он поспешно бежал в столицу, поднялся на Башню оленя, надел платье, украшенное драгоценными камнями (оно было приготовлено заранее), и зажёл огонь, в котором и погиб.

Среди драгоценностей, нашитых на его одежду, было пять яшм «небесная мудрость». Они не только не сгорели в огне, но и сохранили труп Чжоу Синя. Когда его нашли, он был уже мертв, но на теле его не было ожогов.

Это самое распространённое предание о смерти Чжюу Синя. Другие рассказывают, что он и обе его любимые наложницы повесились в кипарисовом лесу, около Башни оленя, а некоторые говорят, что после разгрома и падения столицы тиран всё ещё думал о сопротивлении, но даже близкие не поддержали его. Он один уничтожил несколько рядов

противника, но в конце концов, обессиленный, погиб.

Как бы там ни было, но каждое из этих преданий говорит о тяжёлой и трагической смерти жестокого правителя Инь.

Когда нашли его труп, У-ван приказал отрубить ему голову и, насадив её на древко знамени, выставить напоказ.

В этом месте у читателя может появиться сомнение, а нет ли в этой истории ещё одного главного действующего лица, не сыгравшего ещё своей роли? Да, на сцене ещё не появлялась Да-цзи, любимая наложница Чжоу Синя, о которой упоминалось выше.

Автор намеренно расположил материал в такой последовательности, чтобы не рассеивать внимание читателя, к тому же она не самое главное действующее лицо. Сейчас расскажем коротко и о ней.

Согласно преданию, она происходила из княжеского рода Юсу. Так как Юсу выступил против тирании Чжоу Синя, князь Чжоу пошёл на него войной, во время которой девушка была взята в плен и стала рабыней. Её ум и красота обратили на себя внимание Чжоу, который, чтобы снискать её любовь и расположение, ещё нещаднее тиранил народ. Он старался доставить ей все удовольствия и блага жизни, и поэтому естественно, что она в глазах людей стала причиной всех бедствий. Но это не совсем справедливо. Её роль в трагедии, приведшей к гибели династию Инь, была небольшой. Даже если бы никакой Да-цзи не было вовсе, это не могло бы существенно изменить судьбы Чжоу Синя. Поэтому мы ещё не упоминали о ней. Кончила она так же, как и Чжоу Синь. У-ван приказал отрубить ей голову и насадить её на древко маленького белого знамени. Но когда ей отрубали голову, она была уже мертва.

По другой версии она вместе с ещё одной наложницей (вероятно, это была красавица из Юсини, которую Вэнь-ван подарил тирану) повесилась в саду. Однако хватит о ней. Она была рабыней и фавориткой и, сойдя со сцены, таким образом искупила свою вину.

Последним эпизодом этой трагедии была смерть стариков Бо-и и Шу-ци. После того как чжоуский У-ван уничтожил Инь и стал властителем Поднебесной, оба старика отказались есть хлеб Чжоу и бежали в горы Шоюан. Там они жили в уединении, питаясь диким папоротником и слагая песни; в них они выражали свои чувства.

Однажды, собирая папоротник, они встретили женщину, которая сказала им:

- Я слышала, что вы мудрецы и что во имя своих принципов вы отказались есть хлеб дома Чжоу. Это хорошо! Но ведь эти дикие овощи тоже принадлежат Чжоу, почему же вы едите их?

Старики были уязвлены и смущены и не смогли ответить, но в конце концов решили, что не стоит придавать большого значения словам невежественной женщины, и, успокоившись, по-прежнему продолжали собирать дикий папоротник, чтобы утолять голод. Так они жили, и неизвестно, сколько прошло времени, когда в горы пришёл человек по имени Ван Мо-цзы. Вместо невежественной и глупой женщины перед стариками предстал образованный сановник, который задал им тот же самый вопрос, что и женщина:

- Разве вы оба не едите пищу дома Чжоу и разве вы не живёте в горах, принадлежащих Чжоу? А если это так, то что скажут люди?

У стариков не было иного выхода, как отказаться и от папоротника и приготовиться к голодной смерти. Но обстоятельства часто оборачиваются совсем неожиданно. Старики голодали уже семь дней; и вот небесный правитель, увидев их твёрдость и решимость, был растроган и послал белого оленя, чтобы он кормил их своим молоком. Еле живые, они начали пить молоко, и постепенно к ним вернулись и жизненные силы, и бодрость духа. Так прошло ещё много дней. Однажды, в тот момент, когда они, стоя на коленях, с аппетитом тянули молоко, вдруг им обоим пришла в голову одна и та же мысль: «Какой же жирный этот олень. Хорошо бы отведать его мяса». Но так как олень был волшебный, он сразу понял их мысли и, боясь погибнуть от рук злодеев-мудрецов, перестал приходить кормить их. Есть пищу Чжоу старики не могли, а ничего другого у них не было, так они и умерли голодной смертью.

4. Чжоуский князь Чжао-ван отправляется на юг встретить белых фазанов. Трагедия клееной лодки. Фокусник пробуждает у Му-вана интерес к путешествиям. Цзао-фу объезжает восемь скакунов. Му-ван встречается с хозяйкой запада на горе Яньцзы. Волшебное мастерство Янь-ши. Миф о рождении сюйского князя Янь-вана. Чжоуский Му-ван умиротворяет «мятеж» сюйского Янь-вана. Меч, рубящий яшму, и бокал, сверкающий в ночи, из Кунью.

Чжоуский У-ван победил Чжоу Синя и стал править всей Поднебесной. Его власть перешла по наследству к его сыновьям и внукам, и к тому времени, когда она была в руках его правнука Чжао-вана, могущество и слава династии начали клониться к упадку. В то время на юге существовала страна Юешан, зависевшая от Поднебесной. Рассказывают, что там было приготовлено несколько белых фазанов для отправки Чжао-вану в качестве дани, но так как дорога была опасная и дальняя, они не могли быть присланы вовремя. И тогда Чжао-ван, очень любивший путешествовать, решил сам вместе со свитой отправиться на юг, чтобы получить фазанов. В тех краях, через которые проезжал правитель, народ терпел большие неудобства и притеснения из-за знатных гостей, и всем это очень надоело. Больше всего пострадали чусцы, и вот они придумали план, как отомстить дорогим гостям. Когда через некоторое время Чжао-ван и его свита, весёлые, возвращаясь домой с фазанами и зайцами, подъехали к реке Ханьнуй, погода внезапно изменилась, стало темнеть. Похоже было, что вот-вот пойдёт дождь или что-то произойдёт. Фазаны и зайцы начали кричать и беспокойно метаться в своих клетках. Чусцы уже заранее приготовили для знатных гостей красивые лодки и, причалив к берегу, ждали. Путешественники, боясь, что дождь намочит их одежды, толкаясь, поспешно расселись по лодкам и укрылись под навесами.

По-прежнему было пасмурно, но дождь не начинался. Лодки отчалили. Но как только они достигли стремнины на середине реки, раздался страшный треск, сопровождаемый криками ужаса: лодки Чжао-вана и его приближённых одна за другой развалились на части. Люди, роскошные колесницы, кони, фазаны и зайцы - всё очутилось в воде и было подхвачено волнами. В этом и состояла хитрость чусцев - они приготовили для Чжао-вана и его свиты клеенные лодки, и едва они достигли середины реки, как клей растворился в воде.

Возница Чжао-вана Синь Юй-ми был длиннорукий и необычайной силы, он плыл, рискуя жизнью, пока не отыскал своего захлебнувшегося, полумёртвого хозяина. Одной рукой поддерживая Чжао-вана, другой - рассекая волны, Синь Юй-ми переплыл Ханьнуй. Выбравшись на берег, он увидел, что, увы, глаза Чжао-вана закатились и он уже окоченел. За верность своему господину Синь Юй-ми впоследствии получил награду от удельных князей. Чжао-вана унесли, но так как он погиб, попав в ловушку, то говорить об этом считали неприличным. Поэтому не рассылали даже извещений о его смерти, а тайно сколотили гроб и похоронили его.

После смерти Чжао-вана престол перешёл к его сыну Маню. Это и был хорошо известный в истории Му-ван, любивший путешествия и развлечения ещё больше, чем его отец.

Однажды к нему с крайнего запада прибыл фокусник по имени Хуа-жэнь. Он был очень искусен: мог прыгать в огонь так, чтобы при этом не пострадал ни один волос, мог висеть в воздухе над землёй и не падать, мог перенести город с востока на запад, мог беспрепятственно проникать сквозь стены. Му-ван отнёсся к нему, как к духу, сошедшему с неба, и принял его с величайшим уважением. Однако этот удивительный человек не проявлял ни малейшей благодарности по отношению к Му-вану, который дал ему роскошные покои, изысканную еду, музыку, красавиц. Он считал, что всё это слишком низменно для него.

Однажды Хуа-жэнь пригласил Му-вана к себе. Держась за рукав Хуа-жэня, Му-ван вместе с ним взвился вверх прямо к облаку, которое стояло как раз посреди неба. Они опустились на это облако, и Хуа-жэнь ввёл Му-вана в свой дворец, сверкавший золотом, яшмой и жемчугами. Му-ван смотрел, слушал, пробовал - всё было необыкновенно, не то, к чему привыкли люди. Когда он посмотрел вниз на свой дворец, то тот показался ему кучей

истлевших бревён и глины.

Потом Хуа-жэнь пригласил Му-вана посмотреть другие места, но он не увидел ничего, кроме переливающихся красок и разноцветных бликов, слух его услаждала мелодичная музыка, в глазах у него поплыли разноцветные круги, а душа была в смятении. Му-ван не посмел долго оставаться во дворце Хуа-жэня и попросил его проводить обратно. Хуа-жэнь толкнул Му-вана, тот упал вниз, на землю, и в тот же миг проснулся, открыл глаза и огляделся.

Оказалось, что он спокойно сидит в дворцовом зале, вокруг него лишь свита - те самые люди, которых он только что видел; даже вино, налитое в чаши, ещё не отстоялось и еда на столе не успела остыть. Му-ван обратился к своим приближённым с вопросом, не отлучался ли он только что куда-нибудь. Ему ответили, что он никуда не уходил, а лишь был в забытьи. Хуа-жэнь, сидевший рядом с Му-ваном, заметил:

- Это наши души странствовали, тела же наши не двигались с места.

Этот случай заставил Му-вана ещё больше полюбить странствия. Он надеялся, что, может быть, в других местах будет ещё интереснее. И вот Му-ван совсем забросил государственные дела и перестал заботиться о народе. Он приказал запрячь в свою колесницу восемь скакунов и отправился в путешествие по всей Поднебесной. История этих скакунов необычна. Знаменитый кучер Цзао-фу добыл их в горах Куафу, сам объездил и подарил Му-вану. Эти дикие лошади происходили от тех боевых коней, которых У-ван отпустил в горы Куафу после разгрома Чжоу Синя, поэтому они при всей дикости нрава сохранили воинственный дух своих предков. Цзао-фу не только был искусен в управлении лошадьми, но знал, и как кормить их. Все восемь скакунов Му-вана были вскормлены им. Имена этих скакунов были Хуалю, Люйэр, Чицзи, Байсй, Цюйхуан, Юйлунь, Даоли, Шаньцзы.

В некоторых книгах им дают другие, но столь же прекрасные имена. Рассказывают, что некоторые из них на скаку не касались ногами земли, другие мчались быстрее, чем птица, и за одну ночь могли проскакать десять тысяч ли. У некоторых на спине росли крылья и они могли летать. Приписывали им и иные сверхъестественные качества. Му-ван приказал поместить скакунов на острове Восточного моря в окрестностях Лунчуань - Протока дракона. Там росла «драконова трава». Даже обыкновенная лошадь, поев этой травы, могла за один день проскакать тысячу ли. Можно вообразить, сколько мог в таком случае проскакать волшебный скакун. Про эту волшебную траву в древности говорили: «Один пучок драконовой травы превращает лошадь в волшебного скакуна».

Искусству править лошадьми Цзао-фу научился у своего учителя Тай-доу. Тай-доу устанавливал на земле несколько шестов (расстояние между ними было такое маленькое, что можно было только просунуть ногу), и Цзао-фу должен был пробегать между ними так, чтобы не только не свалить ни одного шеста, но даже ни разу к ним не прикоснуться. Цзао-фу учился три дня и настолько хорошо овладел этим искусством, что учитель похвалил его:

- Ты очень понятливый, тебя легко учить.

И он рассказал ему обо всех приёмах управления колесницей. Получив наставления Тай-доу, Цзао-фу тщательно обдумал их, начал прилежно упражняться и в конце концов стал самым лучшим колесничим.

Итак, когда Му-ван собрался объехать Поднебесную, он приказал Цзао-фу запрячь для него в колесницу эту восьмерку скакунов и, выбрав счастливый день, отправился в путь в сопровождении немногочисленной свиты. Путь его шёл с севера на запад. В горах Яньюйшань он встретил речного духа Хэ-бо, в горах Куньлунь осмотрел дворец Жёлтого императора; люди из племени чиу - красных ворон - подарили ему красавицу, в Хэй-шуй - Чёрной воде - он раздал земли людям из Страны долгоруких в награду за то, что они хорошо его встретили.

В конце концов он очутился на крайнем западе, в горах Яньцзышань, в месте куда

заходит солнце. Там он встретился и долгожданной Си-ван-му. Му-ван поднёс Си-ван-му белую нефритовую пластинку гуй, чёрную регалию би и несколько кусков цветного шёлка. Богиня почтительно приняла подарки, поклонилась и поблагодарила его. На второй день Му-ван устроил пир в Яочи - Яшмовом пруду в честь Си-ван-му. Звероподобная богиня Си-ван-му, внешность которой ранее описывали так: «всклокоченные волосы со шпилькой, хвост барса, зубы тигра...», к этому времени совсем изменилась. Ещё бы, ведь с тех пор как И ходил к ней за лекарством бессмертия, прошло уже более тысячи лет. За это время богиня успела приобрести вполне приятную наружность и научиться хорошим манерам. Перед началом пира она прочитала изящные стихи в честь хозяина - Му-вана. Му-ван был очень рад и ответил ей одой. Оба они испытывали удовольствие от общения друг с другом. После пира Му-ван запряг колесницу и поднялся на вершину горы Яньцзы. Там он велел установить каменную плиту и вырезать на ней крупными иероглифами: «Гора Си-ван-му». Рядом с камнем он своими руками посадил ясень. При расставании Си-ван-му опять прочитала стихи, выразившие горечь от предстоящей разлуки с гостем и надежду на новую встречу. Так они расстались...

Когда Му-ван возвращался с горы Яньцзы домой, один человек подарил ему искусного ремесленника по имени Я-ши. Му-ван подозвал его и спросил, что он умеет делать. Я-ши ответил:

- Я могу сделать всё, что вы захотите. Сейчас у меня уже готова одна вещь, не желаете ли взглянуть на неё?

- Ладно, принеси её как-нибудь с собой, я посмотрю,- сказал Му-ван.

На следующий день Я-ши и ещё какой-то странно одетый человек явились к Му-вану. Му-ван спросил у Я-ши:

- Кто это?

- Это человек, которого я сам смастерил,- ответил с поклоном Я-ши,- он умеет петь и разыгрывать сцены.

Му-ван очень удивился. Как он ни присматривался к незнакомцу, он не смог увидеть в нём ничего такого, что отличало бы его от обыкновенного человека. Сказать, что это не настоящий человек, а кукла, было бы опрометчиво. Му-ван решил сначала понаблюдать, как он будет играть, а потом уже сделать вывод. И вот он приказал своей любимой наложнице Чэн-ци и другим приближённым прийти послушать пение и посмотреть на игру удивительного человека. Гость начал разыгрывать пьесу, пел, танцевал, качал головой и двигал худенькими ручками и ножками, подпевая в такт. Танцевал он очень выразительно, ни разу не сбившись с ритма, так что ни у кого не создалось впечатления, что это не живой человек. Чем больше Му-ван смотрел, тем больше начинал сомневаться. «Может быть, это всё-таки живой человек»,- думал он.

Пьеса уже близилась к концу, как вдруг все заметили, что актёр слишком внимательно смотрит на наложниц Му-вана, ни на минуту не сводит с них глаз, подмигивает им и всячески старается показать им свои чувства.

В этот момент Му-ван перестал сомневаться. Он пришёл в страшную ярость и приказал схватить Я-ши, который осмелился так одурачить его, и отрубить ему голову. Я-ши задрожал от страха, схватил актёра, который всё ещё продолжал назойливо выставлять напоказ свои чувства, отвинтил ему голову, оторвал руки и ноги и вскрыл грудную клетку. Оказалось, что всё было сделано из кожи, дерева, лака, раскрашено цветными красками и искусно склеено. Всё внутренности - кишки, сердце, желудок, печень, лёгкие, почки, а также все рёбра, мышцы, кости, кожа, волосы, зубы, конечности - всё, что на первый взгляд было такое, как у настоящего человека, в действительности было искусно сделано. И когда все эти отдельные детали были собраны вместе и получился человек, только тогда перед глазами снова появился этот заигрывающий актёр.

Му-ван был изумлён. Он приказал вынуть у игрушки сердце, и вот чудесный человек перестал петь, потом у него извлекли печень, и он ослеп, и хотя глаза его и оставались широко открытыми, он не мог уже ориентироваться и различать страны света. Когда же

вытащили почки, ноги его перестали двигаться и он не мог сделать ни шагу. Му-ван был чрезвычайно доволен и радостно воскликнул:

- Искусство человеческих рук дошло до того, что может состязаться с великой природой! Можно даже сказать, что ты «отобрал свой талант у неба».

И вот Му-ван отдал распоряжение, чтобы изготовили колесницу, такую же красивую, как его собственная, и в ней он повёз талантливого мастера к себе на родину. По пути домой он посетил и осмотрел много красивых мест. Он задерживался там, где хотел. Вдруг до него дошёл слух, что на юге князь Сюй Я-ван поднял восстание, очевидно, намереваясь напасть на Лои. Перепуганный Му-ван поспешно передал управление колесницей искусному Цзао-фу и с небольшим отрядом отборной конницы помчался спасать династию. Не щадя коней, они делали более тысячи ли в день. Но Сюй Я-ван, выступивший так решительно, с такой же быстротой повернул обратно. Едва увидев крылатых коней Му-вана, Сюй Я-ван перестал бить в барабаны, опустил знамёна, укрылся в горах и больше уже не показывался. Волнение легко вспыхнуло и так же легко прекратилось. Когда беспорядки были улажены, Му-ван, чтобы отметить заслуги Цзао-фу, Дал ему в удел город Чжаочэн. Так Цзао-фу стал родоначальником будущих князей удела Чжао.

Сюй Я-ван поднял мятеж. Но почему же он, начав, как тигр, кончил, как змея? Легенда объясняет и это.

Рассказывают, что во дворце правителя страны Сюй (древний город к северу от уездного города Сысянь в провинции Ань хой) забеременела одна женщина. К концу десятого месяца она родила комок мяса, по форме похожий на яйцо. Обитатели дворца решили, что это дурное предзнаменование, и выкинули его на берег. Недалеко от этого места жила старая вдова. У неё была собака по кличке Гуцан. В этот день собака, прибежав на берег реки, увидела яйцо, взяла его в рот и принесла домой. Дома она начала согревать его своим телом. Прошёл день, второй, и вдруг - о чудо! - из яйца вылупился маленький мальчик. Когда он родился, то лежал на земле, как щенок, поэтому ему дали имя Я - Лежащий. По другой версии это имя ему дали потому, что он родился без костей. Необыкновенный ребёнок остался жив, и в конце концов женщина из дворца, родившая яйцо, узнала о нём и взяла его к себе. Мальчик вырос, стал умным, гуманным и добрым. Его сделали наследником престола и он стал править под именем Я-вана. Он правил гуманно, жил в дружбе с соседними государствами, народ поддерживал его, большая часть удельных князей в Поднебесной восхваляла его. Государство, которым он управлял, день ото дня становилось сильнее.

Я-ван ни в чём не походил на Му-вана, которого не интересовали государственные дела и который думал только об удовольствиях и развлечениях. У Я-вана была только одна слабость - он любил необыкновенные вещи. То он приказывал нырнуть в глубины реки и достать ему удивительных рыб, то посылал людей далеко в горы ловить редких зверей, а потом держал их в своём дворце. Во всём этом он находил удовольствие и отдых в свободное от дел время. Но это пристрастие не мешало ему управлять государством. Когда Му-ван уехал на запад и очень долго не возвращался, все дела империи были окончательно запутаны его глупыми и нерадивыми чиновниками, а страна Сюй Я крепла день ото дня. И вот Сюй Я пришла в голову мысль воспользоваться благоприятным моментом и захватить престол Му-вана. Начав заниматься благоустройством своей страны, Сюй Я сначала действовал очень осторожно. Под предлогом того, что в стране нет удобных путей сообщения, он приказал прорыть канал между уделами Чэнь и Цай (оба удела находятся на территории современных провинций Ань-хой и Хэнань), для того чтобы в будущем воспользоваться им для похода на север. Но как только начали рыть канал, из земли выкопали красный лук и пучок красных стрел. Сюй Я-ван счёл это небесным даром и счастливым предзнаменованием, и его решение стать сыном неба вместо Му-вана ещё более окрепло. Когда удельные князья из княжеств, расположенных по Янцзы и Хуайхэ, услышали о том, что Сюй Я нашёл волшебные лук и стрелы, они решили, что у него уже достаточно оснований стать сыном неба, и постепенно стали примыкать к нему. Вскоре тридцать шесть

уделов были на его стороне, и Сюй Я-ван решил поднять войска и направиться на север, чтобы свергнуть династию Чжоу.

Хотя эта мысль давно не давала покоя Сюй Я, у него не хватало духу осуществить её, и, даже выступив в поход, он не осмеливался действовать открыто. Вот это и дало возможность Му-вану примчаться с запада и спасти свой престол.

Когда Я-ван увидел, что Му-ван силён и свиреп, он понял, что прольётся много крови и что народ снова будет бедствовать. Гуманный от природы, Сюй Я не посмел подвергать свой народ тяжёлым испытаниям из-за того, что он и Му-ван соперничают друг с другом в борьбе за Поднебесную. Поэтому он был вынужден отступить, едва вступив в столкновение с войсками Му-вана. Отходя с боями, он дошёл до Пэнчэна (у подножия Дуншань - Восточной горы - в уезде Уюань). В конце концов он скрылся глубоко в горах и больше не вступал в сражения с отрядами Му-вана. Так окончилось это героическое восстание, которое Сюй Я начал, как тигр, а кончил, как змея.

Однако рассказывают, что народ не отвернулся от него, и вместе с ним в горы ушло несколько десятков тысяч человек. Гору, где поселился Я-ван, стали называть горой Сюя - Сюй-шань. Я-ван поселился в пещере в неприступном месте и прожил там до самой смерти. После смерти князя в пещере установили его изображение. Оно обладало чудодейственной силой, и люди часто приходили сюда молиться. Память о Я-ване осталась в веках.

Что же до Му-вана, то он не дождался исхода войны, потому что воины, отправившиеся вместе с ним на юг, вдруг начали перерождаться. Знатные превратились в обезьян и белых журавлей, простые - в песок, глину и насекомых. Это значило, по-видимому, что многие воины пали в этой победоносной войне и не вернулись домой. Превратился ли в кого-нибудь сам Му-ван, об этом в легендах не говорится. Если основываться на исторических документах, то он жил ещё очень долго, умер в кругу своей семьи и в число переродившихся не попал. Он не заслужил перерождения после смерти, но зато при жизни успел получить много удовольствий.

Во время поездки по стране в каждом уделе ему подносили драгоценности. Самыми известными из них были кинжал куньу, режущий яшму, подаренный западными варварами, ху, вечно полный бокал, светящий в ночи. Кинжал куньу длиной один чи мог рубить яшму, как кусок глины.

Бокал из белой яшмы вмещал три шэна. Как только наступал вечер, он весь начинал лучиться. Во время ночного пира бокал ставили в зале, и как только начинало светать, он наполнялся ароматной и сладкой росой. Тот, кто пил эту росу, мог продлить себе жизнь. Му-ван часто пил эту росу, и поэтому, несмотря на то что он много времени провёл в утомительных поездках и вёл беспорядочную жизнь, ему удалось дожить до глубокой старости вопреки всем предположениям.

5. Безвинно убитые. Чжоуский Сюань-ван не внимлет увещаниям Цзо Жу. Дух умершего Ду Бо убивает стрелой Сюань-вана. Большой котёл рода Инь. Бао Сы - любимица чжоуского Ю-вана. Наследник И-цзю пугает тигра. Миф о двух странных драконах. Деревенские старик и старуха, продававшие лук из горного тута и колчан из бобовой ботвы. Удивительная судьба сироты Бао Сы. Игра с сигнальными огнями. Трагическая развязка и конец эпохи мифов и легенд.

После смерти Му-вана престол перешёл к его потомкам и через несколько поколений попал в руки Ли-вана. К этому времени чжоуское государство пришло в ещё больший упадок. Ли-ван, жадный и жестокий, в конце концов был изгнан своим народом и умер от старости где-то на чужбине. Его сын Сюань-ван, унаследовавший Поднебесную, согласно единодушному признанию всех историков, был достаточно разумен и несколько укрепил положение династии. Но процветание длилось недолго. Ошибки Сюань-вана вернули всё в прежнее состояние. Сам Сюань-ван совершал неблагоприятные поступки, которые подорвали его репутацию, и, согласно преданию, он трагически погиб от руки «мстительного злодея». История его гибели такова.

Рассказывают, что сановником при его дворе был правитель удела Ду (в современной

провинции Шэньси, на юго-востоке уезда Чанъань) по имени Хэн. Его называли ещё князь Ду-бо. У Сюань-вана была наложница по имени Нюй-хан, которой нравился молодой и красивый Ду. Она захотела вступить с ним в преступную связь, но честный Ду сначала мягко, а потом в очень резкой форме отказал ей. Разгневанная женщина пошла с плачем к Сюань-вану и оклеветала Ду:

- Этот мерзавец Хэн, как я - его ненавижу! Он осмелился среди бела дня грубо приставать ко мне!..

Когда Сюань-ван услышал об этом, он не стал разбираться, правда это или нет, поверил всему и пришёл в ярость. Он приказал схватить Ду и посадить его в темницу в Цзяо (в современной провинции Хэнань к югу от г. Шаньсянь), повелев чиновникам Сюэ Фу и Сы Гун-ци учинить Ду допрос и сказав, что он успокоится только тогда, когда Ду-бо будет казнён.

Ду уже собирались казнить, хотя расследование и не доказало его вины. В то время один из его друзей, тоже служивший чиновником при дворе, узнав, какому несправедливому обвинению подвергся Ду, возмущённый и разгневанный, смело пошёл к Сюань-вану, чтобы опровергнуть обвинение, выдвинутое против друга. Цзо Жу, так звали чиновника, долго уговаривал Сюань-вана, однако упрямый правитель не хотел слушать укоров и в свою очередь обвинил заступника:

- Так вот ты какой? Выступаешь против своего господина и покрываешь друга!

- Говорят, если князь поступает справедливо, а друг - несправедливо, то следует подчиниться князю и наказать друга. Но если друг поступил правильно, а князь не прав, нужно стать на сторону друга и пойти против князя,- ответил Цзо Жу.

Сюань-ван, услышав такие речи, рассердился и воскликнул:

- Какой ты храбрый! Если ты немедленно откажешься от своих слов, я подарю тебе жизнь, если не откажешься,- я казню тебя.

Цзо Жу холодно засмеялся:

- Я слышал, что в древности рыцари не искали глупой смерти, но и не изменяли своим убеждениям, чтобы сохранить себе жизнь. Умирать так умирать! Пусть я своей смертью докажу, что мой друг Ду не совершил никакого преступления! Пусть моя смерть будет свидетельством того, что убийство Ду - ваша ошибка!

Сюань-ван тотчас же, без лишних проволочек, казнил невинного Ду. Цзо Жу понял, что Сюань-ван и впредь намерен злоупотреблять своей властью и не способен слушать увещаний. Вернувшись домой, он покончил жизнь самоубийством. А ещё говорят, что Ду перед смертью гневно сказал:

- Князь убивает меня, но я чист и не совершал преступления. Если после смерти люди перестают сознавать что-либо, то ничего не поделаешь. Но если и после смерти человек сохраняет способность думать и действовать, то не пройдет и трёх лет, как я заставлю князя понять, что он казнил безвинного.

Время течёт, как вода. Три года прошли незаметно, и люди забыли о предсмертных словах Ду-бо. Но день расплаты пришёл. Однажды Сюань-ван собрал удельных князей, чтобы отправиться на охоту в болота Путянь (в современной провинции Хэнань, к юго-западу от уезда Чжунмоу). Несколько сотен колесниц в сопровождении десятков тысяч слуг собрались в болотах. Знамена, флажки, бунчуки закрыли все окрестности. Вдруг ровно в полдень появилась необычная колесница. Она была белая с запряжёнными в неё белыми лошадьми. В ней сидел человек, одетый во всё красное, в красной шапке, в руках у него был красный лук и красные стрелы. Все сразу узнали в нём князя Ду, казнённого ровно три года тому назад. Он нисколько не изменился за это время, только лицо у него было таким, будто он собирался кого-то убить. Люди со страха бросились в разные стороны. Колесницы и лошади беспорядочно смешались. Ду погнался за колесницей Сюань-вана. Когда Сюань-ван обернулся и увидел Ду, он побледнел. Сюань-ван собирался натянуть тетиву и выстрелить из лука в безвинно загубленную, неуспокоившуюся душу, но быстрая, как ветер и молния,

колесница Ду обогнала колесницу Сюань-вана. Лук у Ду был, как полная луна, а стрелы, - как падающие звёзды; со свистом вылетела стрела и попала прямо в сердце Сюань-вана. Сюань-ван схватился обеими руками за торчащую стрелу, глаза и нос его скривились на сторону, его тело качнулось назад, потом вперёд, и он упал на свой лук и больше уже не двигался. Подул слабый ветер, и белая колесница в мгновение бесследно исчезла. Колесницы удельных князей, как муравьи, расплзшиеся в разные стороны, стали опять собираться, и князья увидели Сюань-вана, пронзённого стрелой и только что испутившего дух. Его тело ещё было тёплым. Потом его унесли, осмотрели и установили, что, после того как стрела попала в него, он мучился недолго, так как стрела пронзила позвоночник.

После смерти Сюань-вана правителем стал его сын Ю-ван. В то время знатный вельможа по имени Инь ши ведал всеми делами при дворе и запутал всё в государстве. Народ ненавидел его, но боялся, как ядовитую змею, и, затаив злобу в душе и прикусив языки, не смел сказать ни слова. Инь-ши принадлежал к большому роду. В течение нескольких поколений ни один человек из его рода не уходил из семьи. Даже слуги и рабы - их было несколько тысяч человек - все ели вместе в одном помещении. Согласно преданию, в каком-то году был неурожай и даже эта знатная семья ощутила голод. В это время к столу перестали подавать белый рис, собрали все котлы и треножки и стали в них варить жидкую кашу. Когда вся семья ела эту кашу, то раздавалось такое чавканье, что было слышно на несколько десятков ли вокруг.

Однажды, как раз перед самым началом обеда, посчитали людей и вдруг обнаружили, что не хватает тридцати человек. Искали повсюду, пока, наконец, не нашли их на дне большого котла, где они скребками и мотыгами скребли кашу со стенок котла. Таким многочисленным был этот могущественный род Инь-ши.

Из-за того что Инь-ши запустил дела, народ не мог спокойно жить. Появились странные слухи, которые дошли до следующих поколений, например, что реки Цзин, Вэй и Ло, которые вытекали с гор Цишань, вдруг пересохли, и сама гора Цишань, которая была залогом счастья народа Чжоу, рухнула, что несколько хороших быков превратились в огромных тигров, а стадо баранов - в стадо волков. Волков было так много, что пришлось построить город Билан - «Город, куда прячутся от волков», - на южном берегу реки Ло, чтобы можно было укрыться от них. Эти бедствия, по преданию, являлись предзнаменованием скорой гибели государства.

Летописцы древности старательно записали все эти мифы и предания в исторических анналах.

В этих хрониках можно прочитать ещё одну историю, согласно которой люди приписывали все беды в государстве жалкой одинокой женщине по имени Бао Сы, считая, что она, а также Мэй-си, которая жила при императоре Цзе во время династии Ся, и Да-цзи, наложница иньского императора Чжоу, - это «три ножки треножки» и что эти женщины привели «гибели три династии». В действительности эта женщина, которую называли «причина гибели государства», была и более несчастной и менее виновной, чем две другие.

Бао Сы - любимая наложница Ю-вана - была безродной сиротой. Во дворец вана её отдал один человек из княжества Баю, который таким путём откупился от какого-то преступления. Подобно тысячам других женщин рабынь, прислуживавших во дворце, вначале она не привлекала ничьего внимания. Но вот однажды, - когда это случилось, неизвестно, - Ю-ван, любитель красавиц и жадный до удовольствий, прогуливаясь по женским покоям, наткнулся на неё, и она приглянулась ему. Ю-ван, как говорится, поднял этот прекрасный цветок из мрачной долины прямо на синие облака, но её несколько не радовали ни богатство, ни роскошь, ни любовь Ю-вана, чужого ей человека. Она всегда была печальна, тосковала и чувствовала себя очень одинокой и незащищённой в этом мире. Ведь у неё не было ни отца, ни матери, ни братьев, и она ничего не знала о своём происхождении. Привыкший к лстивым улыбкам и угодливости женщин, Ю-ван, глядя на эту необыкновенно красивую, но замкнутую девушку, почувствовал, что в ней есть что-то необычное, и его любовь стала ещё сильнее. Она родила Ю-вану сына по имени Бо-фу.

В то время императрицей была Шэнь-хоу, дочь князя из удела Шэнь. У неё был взрослый сын по имени И-цзю. И-цзю давно уже был объявлен законным наследником. Когда родился Бо-фу, Ю-ван решил разжаловать Шэнь-хоу, убить наследника и сделать императрицей свою любимую наложницу Бао Сы. Рассказывают, что однажды Ю-ван и наследник И-цзю гуляли в парке. Ю-ван как будто нечаянно выпустил из клетки тигра, надеясь, что он съест И-цзю. К счастью, наследник оказался храбрым. Он крепко упёрся ногами в землю и, глядя в упор на тигра, громко прикрикнул на него. Этот окрик очень походил на тот, с которым к нему обращались его укротители. И тигр, который уже выпустил когти и оскалил зубы, прижал уши, покорно лёг на землю и не смел шевельнуться. Ю-вану на этот раз так и не удалось избавиться от наследника. Но через некоторое время он всё-таки лишил императрицу титула и изгнал наследника. Императрицей он сделал Бао Сы, а наследником объявил Бо-фу. Один из придворных историков, Бо-ян, видя, что при дворе всё идет кувырком, начал внимательно просматривать хроники и в одной из них обнаружил короткое предание, из которого ему стало ясно, что императрица Бао Сы «была оборотнем». Он не удержался от громкого восклицания:

- Смута наступила! Государство Чжоу обречено на гибель, спастись нельзя!

Рассказывают, что много-много лет тому назад, когда судьба династии Ся уже была предрешена, неожиданно с неба спустились два дракона - самец и самка. В большом зале во дворце императора у всех на виду они переплели свои хвосты и сказали, что они некогда были князем и княгиней из государства Бао. Правитель и сановники испугались и не знали, что же им делать с этими странными драконами: убить их, или выгнать, или предоставить события их естественному ходу? Погадали на костях, и результат был неблагоприятный. Тогда одному человеку пришла в голову блестящая идея: он предложил попробовать собрать их семя. Погадали, и ответ был: «Великая удача». Тогда перед этими драконами поставили яшму, кожу, коня, нефритовую пластинку гуй, круглую яшму би и шёлк, написали своё пожелание на пластинке и, помолясь перед драконами, испросили их согласия. Это имело благоприятный исход. Драконы сразу же исчезли, а на земле осталось немного семени, которое по приказу Ся-вана собрали в коробочку и спрятали. Коробка перешла от династии Ся к Инь, от Инь к Чжоу. Сменились три династии, но никто ещё не осмелился заглянуть в неё. Наконец чжоуский Ли-ван в последние годы своего правления из любопытства открыл коробку, и это повлекло за собой большие бедствия. Семя дракона оставалось в зале, но было грязным и вонючим. Когда убрали грязь, Ли-ван приказал голым женщинам громко крикнуть на эти семена и таким образом изгнать нечистую силу. Но как только они крикнули, семя собралось в кучку и превратилось в большую чёрную ящерицу, которая побежала в задний дворец. Люди во дворце, увидев, что прибежала ящерица, в панике бросились бежать в разные стороны, только одна девочка, лет семи-восьми, у которой менялись зубы, не успела убежать и столкнулась с этой ящерицей. Когда она стала взрослой, она забеременела и в срок родила девочку. Так как ребёнок был неизвестного происхождения, то женщина испугалась и выбросила его за дворцовую стену. К этому времени Ли-ван уже умер, и Сюань-ван унаследовал престол. За два года до того как случились эти события, по улицам города ходили мальчишки и пели такую песенку:

Лук из горного тута И колчан из бобовой ботвы Принесут беду Чжоу.

Эта детская песенка распространилась повсюду и дошла до дворца. Даже Сюань-ван знал её. Он был очень удивлён и, стараясь разгадать её смысл, тайно приказал расследовать причину этой «беды».

И вот однажды какой-то человек из деревни пришел со своей женой продавать луки из тутового дерева и колчаны, сплетённые из бобовой ботвы. Они долго кричали:

- Купите луки из горного тута! Купите колчаны из ботвы!

Тайные шпионы Сюань-вана, услышав эти крики, сразу же побежали и доложили ему обо всём. Сюань-ван приказал схватить супругов и убить их. Кто-то пожалел двух деревенских людей, которых должны были убить, и потихоньку шепнул им, чтобы они бежали из города. Перепуганные супруги быстро собрали непроданные луки и колчаны,

подняли свои коромысла и, спотыкаясь и толкая друг друга, побежали из города. Некоторое время они бежали куда глаза глядят. Они хотели только выбраться из столицы, но попали в запретный дворцовый парк. Они долго блуждали по парку и не могли из него выйти. Уже начало темнеть, вскоре стало совершенно темно, и затем наступила ночь. Супруги очень торопились, но вдруг услышали где-то неподалёку плач младенца. Они пошли на плач и стали искать ребёнка. И вот у стены они нашли несчастную девочку, которую кто-то подобрал. При свете луны и звёзд они увидели, что девочка красива. Они очень растрогались и, хотя сами находились в опасности, решили взять на воспитание несчастного ребенка. Они превратили корзинку с коромыслом, на котором несли луки и колчаны, в удобную колыбель для девочки. Она заснула в ней и больше уже не плакала, а на её детском лице появилась счастливая улыбка. Супруги по очереди несли коромысло. Они ещё долго плутали, пока наконец, не рассвело, и, смешавшись с толпой у городских ворот, они выбрались из столицы. Они отправились на юго-запад и пришли в княжество Бао (в современной провинции Шэньси, на юго-востоке уезда Баочэн). Им не на что было жить, и они продали себя сановнику по имени Бао Сюй в рабство. Девочка выросла среди рабов и тоже стала рабыней. У неё не было фамилии, и так как она принадлежала хозяину по фамилии Бао, её стали называть Бао Сы.

Потом Бао Сюй переехал в столицу, где занял какой-то чиновничий пост. Случилось так, что он нарушил императорский указ и был посажен в тюрьму. И тут он вспомнил о своей рабыне Бао Сы, которая уже выросла и стала ещё красивее, и попросил разрешения откупиться ею от своего преступления. Его просьба была удовлетворена. Бао Сы отправили в императорский дворец, а Бао Сюя выпустили из тюрьмы.

Найдя в хрониках эти сведения о происхождении Бао Сы, придворный историк Бо-ян решил, что она оборотень, который вышел из дворца, а потом опять оказался там. Нет нужды говорить, что здесь много фантастического, внесённого старым учёным, охваченным справедливым гневом.

В Бао Сы, если смотреть на неё глазами Бо-яна, действительно можно было найти что-то от оборотня. Самым ярким доказательством этого являлось то, что она не любила смеяться. Император её любил, дал ей высокое положение и большое богатство, обходился с ней внимательно и почтительно. Казалось, она должна была бы веселиться и смеяться даже во сне, но на её лице никогда не появлялось и тени улыбки. Император испробовал тысячу разных способов и сотни планов, чтобы заставить её засмеяться, но все его попытки были тщетны. С точки зрения простых людей, это можно было объяснить, только приписав ей колдовские чары. И через тысячи лет нам тоже нелегко разгадать эту загадку. Кто может понять радость и горе, спрятанные в глубине сердца раба? Быть может, это воспоминание о надоедливой, любви или позор унижения, которое она испытала? Трудно ответить, как было на самом деле, и не нужно пытаться найти отгадку.

Итак, Ю-ван всяческими способами хотел заставить Бао Сы засмеяться, но всегда терпел неудачу. Впоследствии он придумал способ, который показался ему очень мудрым, а на самом деле был очень недалёковидным.

Он приказал зажечь на сторожевой башне сигнальный огонь и громко бить в барабаны. Тогда и на всех других таких башнях зажгли огни и забили в барабаны. Настоящее название сторожевой башни - башня сигналов о бедствии. Если сигнальный огонь о бедствии зажигали днём, то огонь называли также «волчий дым», так как для разжигания его брали волчий помёт. По преданию, дым даже на ветру поднимался прямо вверх и его можно было видеть на очень большом расстоянии. Вечером зажигали обычный сигнальный огонь: на башне устанавливали журавль, на журавль вешали железную клетку, а в клетку клали хворост. Когда хворост зажигали, получался факел высотой до облаков. От столицы и до самых границ - всюду на главных дорогах строили такие сигнальные башни, и на каждой башне сидел наблюдатель. Если на границе становилось беспокойно, то известие об этом передавалось в столицу, а если в столице возникали беспорядки, то об этом сообщалось на окраины. Эту систему передачи сигналов государственной важности преступный Ю-ван

превратил в забаву.

Когда загорелся сигнал бедствия, князя, увидев огонь, быстро собрали свои отряды и, хотя они и не знали, что случилось в столице, выступили изо всех областей на помощь правителю. Когда же они прибыли в столицу, то выяснилось, что там ничего не случилось. Это было похоже на то, как будто маленький мальчик расшевелил муравейник, отнял у муравьёв пищу, которую они тащили к себе, и заставил их повсюду искать её. И вот они, толкаясь, сбиваются в кучу, а потом, недовольные и разочарованные, начинают разбегаться в разные стороны. Увидев всё это, Бао Сы, которую Ю-ван, чтобы развеселить её, взял с собой на сторожевую башню, громко расхохоталась. Представьте только себе, как на перекрёстках больших дорог смешались лошади и люди, знамёна перепутались, колеса повозок зацепились друг за друга, военачальники возмущались, командиры громко кричали, солдаты галдели и злились! В одном направлении сошлось несколько отрядов и получился затор, возникли недоразумения и столкновения. Неразбериха была такая, что люди и лошади смешались и не могли разойтись. И в то же самое время верхом на лошадях прибыли разведчики из пограничных отрядов. Они построили в лесу площадки на деревьях, спрятались и высматривали оттуда врага. Это действительно было очень смешно, поэтому-то Бао Сы и расхохоталась. Глупый правитель, увидев очаровательную, несравненную улыбку красавицы, обрадовался тому, что нашёл способ развлекать её и себя. И потом каждый раз, когда он хотел заставить Бао Сы засмеяться, он приказывал зажечь огонь на сигнальной башне. Однако с каждым разом одуроченных князей приходило всё меньше и меньше, и смех Бао Сы с каждым разом тоже становился менее весёлым. В конце концов наступил такой день, когда человека, устроившего эту глупую комедию, постигло жестокое наказание.

Шэнь-хоу, дядя бывшей жены императора Ю-вана, был очень влиятельным князем. Его чрезвычайно разгневало то, что Ю-ван без всякой причины выгнал жену и неоднократно замыслил убийство наследника И-цзю. Когда Ю-ван назначил негодяя Го Ши-фу канцлером, возникло всеобщее недовольство. Шэнь-хоу воспользовался этим и объединил племена западных и, цзэн и собачьих жунов и выступил в поход против Ю-вана. Ю-ван затрепетал от ужаса и поспешно приказал зажечь сигнальные огни, чтобы вызвать подкрепление. Но ни один воин не пришёл на помощь. Ю-ван, бежавший вместе с Бао Сы на восток, был убит у подножия горы Лишань (в современной провинции Шэньси, на юго-востоке уезда Линьтун), а Бао Сы была захвачена в плен племенем собачьих жунов и отправлена на запад. Остальные князья вместе с Шэнь-хоу поддержали наследника И-цзю и провозгласили его сыном неба. Его назвали Пин-ван. Чтобы избежать беспокойств со стороны племени собачьих жунов, которое с каждым днём становилось всё могущественнее, Пин-ван перенёс столицу из города Хаоцзин на восток, в Лои. С того времени государство Чжоу пришло в ещё больший упадок. Название ещё существовало, но в действительности династия уже погибла. Позже, с эпохи Вёсен и Осеней, начинается период сравнительно подробных исторических записей. Эпохе мифов и преданий приходит конец.

Таблица китайских мер

Жэнь - мера длины, равная около 2,5 м.

Му - мера площади, равная 1/16 га (в древности, до III века н.э., ок. 225 м²)

Ли - мера длины, примерно 0,5 км (в древности ок. 400 м)

Фынь - мера длины и площади, равная 0,1 цуня, 0,01 чи, 0,1 му.

Цзинь - мера веса, около 0,5 кг (в древности 228-258 г).

Цинь - мера площади, около 6 га.

Цунь - мера длины, равная 3,2 см (в древности 2,4-2,7 см).

Чжан - мера длины, в современном исчислении 3,2 м (в древности 1,9-3,4 м).

Чи - мера длины, равная 32 см (в древности 24-27 см).

Шэн - мера объёма, равная 1,04 л (в древности 0,19-0,34 л).

Изучение китайской мифологии и книга профессора Юань Кэ

Фантазия древних китайцев населила неведомые земли длинноухими и крылатыми существами, людьми с дырявой грудью или тремя лицами.

В китайских мифах нет прекрасной пластичности и стройности греческих богов и героев, они поражают наше воображение скорее смелостью и неожиданностью фантазии. Хунь-тунь - Хаос - бесформенная, но живая масса, в которой её друзья пытаются просверлить отверстия, чтобы дать приятелю возможность видеть и слышать, как люди. Шижоу - зрячая плоть - не менее удивительное существо, похожее на печень зверя, но обладающее зрением. К сожалению, древние китайские мифы очень рано стали забываться и исчезать из народной памяти. Они сохранились лишь в многочисленных отдельных фрагментах, как осколки древней вазы, сложить и склеить которые дело опытного археолога и реставратора. Таким реставратором и выступил автор книги Юань Кэ.

Исследователи выдвигают различные объяснения раннего забвения древнекитайских мифов. Видимо, одна из причин заключается в быстром переходе от мифолого-поэтического объяснения мира к рационалистическому, отвергавшему все непонятное и мистическое.

Мифологическое мышление в Греции и Риме питало творчество поэтов и скульпторов, мастеров чеканки и лепки. И в Китае мифология не могла не привлечь к себе внимания поэтов и художников. Однако уже первый известный нам поэт древнего Китая Цюй Юань (IV-III вв. до н.э.) создал стихи, полные сомнений в истинности мифологического объяснения мира. Он писал:

Бездонных рек разлив - потоп! - Где Юй взял землю для запруд? Тонули девять округов... Как насыпь вырастил он тут?

Его последователь Сун Юй тоже не целиком верил в это объяснение мира. А начиная с ханьской эпохи (конец III в. до н.э. - III в. н.э.) поэты стали уже использовать древние мифы лишь в виде красивых метафор, символов, аллегорий или просто образов для сравнения. Иногда, правда, такое мифолого-поэтическое осмысление мира вдруг давало новую вспышку, находя себе воплощение в каком-либо стихе или поэме. Так, например, у Цао Чжи, поэта печальной судьбы, жившего в III в. н.э., среди многих его весьма реалистичных стихов вдруг появляется тонкая лирическая поэма «Фея реки Ло», полная тоски о призрачной встрече с хозяйкой реки, что «хризантемы осенней прекрасней».

Иное было в прозе, философской и художественной: Древние философы, главным образом IV-III вв. до н.э., часто обращались к общеизвестным тогда мифам, чтобы пояснить свои учения о том, как управлять государством и как должен вести себя человек; философы-даосы, последователи учения Лао-цзы, особенно Чжуан-цзы, Хуайнань-цзы, Ле-цзы, донесли до нас многие мифологические образы. На их сочинения часто ссылается автор книги. Конфуцианцы стремились подправить мифы, выхолостить из них всё необычное и дать им сухое рационалистическое толкование, доказывали нелепость мифов с точки зрения нового, рационального осмысления мира. Выступал против остатков мифологического мышления и наивный материалист Ван Чун (I в. н. э.), который в своих «Критических рассуждениях» писал так: «...говорят, что „И стрелял в десять солнц и поразил девять, а одно постоянно восходит"... Явная нелепость!.. Разве можно, стреляя в огонь, потушить его?» Едва ли он думал, что некоторые мифы сохранятся для потомков именно благодаря тому, что он упомянул их в своем критическом труде.

Но полного исчезновения мифов древности не произошло. Представители конфуцианства - одного из основных учений средневекового Китая, переосмыслив образы мифических героев и превратив в деятелей истории, стали использовать их для проповеди своего учения. Мифические императоры Яо, Шунь, Юй были превращены в идеальных правителей древности, которым должны были подражать последующие поколения. Однако новых рассказов об их подвигах не появлялось.

Древняя мифология превратилась в историю и жила уже как часть традиционной истории Китая. Вот потому-то теперь, реконструируя систему древних мифов, очень трудно

очистить их от этих исторических наслоений. Древние божества часто выступают как правители и обозначаются термином ди - «император», их помощники и окружение воспринимаются как сановники, хотя все действие отнесено к далёкому мифологическому времени, когда не было и не могло быть подобной иерархии, напоминающей развитое рабовладельческое или феодальное общество.

Эти обработанные, историзованные мифы продолжали жить в сочинениях философов и учёных. В XII в. литератор Ло Би сделал даже попытку составить мифологический свод - «Древнейшую историю», в которой все мифические персонажи представлены в виде исторических деятелей.

В начале нашей эры в Китае возник интерес ко всему не обычайному и удивительному, возможно, как реакция на сухой практицизм конфуцианцев. Стали записываться остатки ещё сохранившихся мифов, народные легенды, предания. Об интересе к странному и непонятному говорят даже заглавия книг того времени: «Описание чудесного и удивительного», «Рассказы о чудесах», «Повествование о неповторимом и удивительном». Некоторые из таких книг строились в подражание древней «Книге гор и морей», основному источнику для всякого изучающего древнекитайскую мифологию. Эти сборники повествований о чудесах дали богатый материал исследователям. Они оказали влияние и на развитие китайской новеллы, черпавшей из них сюжеты и мотивы. Много веков спустя, в XVI в. Сюй Чжун-линь создал по материалам мифов роман-эпопею «Возвышение в ранг духов», где развил фантазию древних. Чжоу Ю, живший уже в XVII в., сделал попытку объединить мифы в эпопею, названную им «Сказание о сотворении мира».

В XIX в. к мифологическому материалу обратился Ли Жу чжэнь, который использовал образы «Книги гор и морей» для своего сатирического романа «Цветы в зеркале», где приключения героя-торговца в чудесных заморских землях напоминают нам путешествия Гулливера. Эти попытки изложить мифы в форме традиционного многоглавного романа-эпопеи продолжают в Китае и по сей день. В 1935 г. такое произведение создал Чжун Юй-лун, в 1954 г. аналогичную работу проделала историк Чэнь Чжи-чан, которая попыталась соединить древние мифы с новейшими историко-этнографическими представлениями, тоже в форме традиционного романа.

Не обошли мифологические сюжеты и современные китайские писатели. Ещё в 20-30 е годы к ним обратился Лу Синь, который на основе имевшегося мифологического материала создал принципиально новые художественные произведения. По свидетельству исследователей, Лу Синь написал сатиру на своих идейных противников, реакционеров и ретроградов, а материалом для этого послужили наиболее цельные древние мифы о Нюй-ва, создавшей людей из глины и починившей пролом в небосводе, о стрелке И и его жене Чан-э, о великом Юе, усмирителе разбушевавшейся стихии. Его «Старые легенды, рассказанные по-новому», представляют самостоятельную эстетическую ценность.

Интерес к мифологии в наше время виден и в создании традиционных драм на мифологические сюжеты. Так, огромной популярностью в столичном театре - цзинцзюй пользуется пьеса «Чан-э улетает на луну». Она была создана несколько десятилетий назад видными актёрами Китая Мэй Лань-фаном, Чэн Янь-цю и др.

В истории китайского искусства также можно проследить влияние мифологии. Древняя бронза даёт образы некоторых мифических персонажей, прежде всего прожорливого чудовища таоте. Больше всего изображений мифологического характера дошло до нас от ханьского времени (III в. до н.э. - III в. н.э.). Многочисленные рельефы на камне в гробницах и храмах свидетельствуют о ещё развитом мифологическом мышлении, хотя и здесь заметно стремление «очеловечить» древних героев, сделать их историческими, а не легендарными предками. Это можно видеть на примере рельефов из храма Улянцы в Шаньдуне. Изображения ханьской эпохи ещё весьма грубы, тут сказался и материал - камень, но заметно постепенное движение к пластичному, более легкому, невесомому образу. Это происходит не без влияния буддийского искусства. Те же герои - Фу-си и Нюй-ва, но одно

изображение было сделано во II в., а другое несколько веков спустя. Вместо простой одежды - развевающиеся складки, вместо грубо высеченных лиц - тонкие овалы, которые ближе нашему восприятию, чем нормам древности.

Буддийское искусство всё больше вытесняло древние мифологические образы. И если иногда художники и обращались к родной мифологии, то это было скорее исключением, чем правилом. Таким же исключением как поэма Цао Чжи о фее реки Ло выглядит и картина Гу Кай-чжи (IV в. н.э.) на тот же сюжет, написанная под влиянием поэмы.

Впоследствии, уже в наше время, художники стали вновь обращаться к героям древних мифов, чтобы прославить силу и мощь народа: известна картина Сюэ Бэй-хуна о Юе, созданная еще в 20-е годы, некоторые скульптурные изображения последних лет.

Но вообще в живописи древние мифологические образы весьма редки, их вытеснили буддийские и даосские герои, не говоря уже о реальных жизненных персонажах.

Мы привыкли к тому, что когда речь идёт, например, о греческой мифологии, то подразумевается одна мифологическая система, один пантеон божеств и древних могучих героев. У китайцев же можно условно выделить несколько различных мифологических систем: древняя народная мифология, которую можно сопоставить с античной, египетской и мифологическими преданиями других древних народов и которой посвящена эта книга; затем возникшая уже в средневековый период даосская мифология, буддийская, пришедшая в Китай из Индии в начале нашей эры со своим пантеоном божеств, и, наконец, поздняя народная мифология, сложившаяся постепенно на протяжении последних двух тысяч лет. Все эти мифологические системы отличаются не только пантеоном своих героев, на них наложило отпечаток и время создания. Древняя мифология объясняет мир, его создание, рассказывает о фантастических чудовищах и необычайных обитателях далёких земель. Герои буддийских и даосских мифов более антропоморфны, очеловечены, они не участвуют в творении Вселенной, а действуют уже среди привычной нам природы и людей.

У даосской и поздней народной мифологии есть одна общая черта - среди их героев много обожествленных реальных исторических персонажей, в биографии которых причудливо вплетаются рассказы о чудесах и таинственных превращениях. Закрепление буддизма на новой национальной почве в первых веках нашей эры, постепенное превращение даосизма из философского учения в религиозную систему ускоряют вытеснение древней системы мифологических представлений и образов.

Но некоторые образы древней мифологии были перенесены в даосский пантеон. Так, например, даосы не только заимствовали образ Си-ван-му, но и вдохнули в него новую жизнь. Они создали новые сказания о Си-ван-му, а может быть просто обработали древние, бытовавшие в народе. Так появилась легенда о путешествии восьми бессмертных к хозяйке Запада.

Отдельные детали и образы поздней народной мифологии перекликаются с образами древних мифов, хотя на первый взгляд эта связь и не всегда заметна. Так, к образам древних божеств вод, о которых рассказывает Юань Кэ, постепенно присоединяются сказания о Ли Вине и его сыновьях, которые, придя на смену древним мифам, остаются жить в фольклоре. Постепенно к нему добавляются и другие божества вод: Ян-четвертый, Сюй - Истинный государь и т.п. Некоторые из них - просто обожествлённые исторические личности, например жена Лю Бэя - правителя царства Шу, жившего в III в. н.э. Иногда от древних мифов в более поздние переходят лишь отдельные детали. Когда исследователь Хуан Чжи-ган стал выяснять, почему в народе справляют день рождения Эрлана и Яна-четвертого в один и тот же день, то оказалось, что этот день - шестое число шестой луны - считался когда-то днём рождения Юя, покорителя вод. Так маленький штрих связывает древние образы с позднейшей народной мифологией.

Так же как и древнегреческая мифология была создана фантазией многих племён и народов, объединённых греческой культурой в единый комплекс, так и древнекитайская мифология создавалась многими племенами, населявшими территорию Китая. Некоторые из них в силу различных историко-экономических причин отстали в своём развитии и почти вплоть до наших дней сохранили древние общественные формы, в некоторых случаях - первобытнообщинный строй, в других - раннефеодальный с элементами рабовладения. Сохранили эти народы в живом бытовании и свои мифы. Подвиги мифических героев воспеваются в песнях. Это даёт основание предположить, что и в древнем Китае мифы излагались в песенной форме. Такие древние песни сохранились у народа чжуан в юго-восточном Китае, у народов и, мяо и других. Возьмём для примера миф о стрельбе в солнце. У народа чжуан до сих пор бытует песня о Тэкан, совершившем подвиг, аналогичный подвигу стрелка И в китайских мифах. У чжуанцев в песне двенадцать солнц по числу месяцев, и Тэкан тоже хотел Застрелить все светила, но народ стал умолять его оставить одно солнце, чтобы зрели злаки и было тепло людям. И народ мяо сохранил песню о стрельбе героя Ян Я в солнца, которые светят вместе с лунами. У мяо в песне подробно рассказывается о том, как были выкованы из золота солнца и из серебра луны, как оставшиеся одно солнце и одна луна испугались и не хотели больше выходить на небо, пока их не позвал петух. По другой, более поздней легенде мяо, этот подвиг совершил Чжан Го-лао (бессмертный, образ которого мяо заимствовали из даосской мифологии). Есть этот же миф и у народа буи, героя его зовут Ван Цзян, а солнц также было двенадцать. Однако у буи миф этот связан с мифом о потопе, который очень похож на историю, приведённую Юань Кэ. Все это говорит о том, что народы, родственные китайцам, сохранили в устной традиции древние мифы, и их изучение в комплексе может дать очень интересные результаты, помочь понять многие мотивы и детали, которые оказались утерянными или затемнёнными позднейшими наслоениями. Так, если в китайской мифологии стрелок И выступает уже как божество, то у чжан, мяо, буи стрелок (пусть он носит другие имена) типичный «культурный герой», т.е. древний первопредок, совершающий подвиги, способствующие установлению первобытной цивилизации на земле.

Китайская мифология так же богата и интересна, как и древнегреческая или египетская, но в отличие от последних, которые известны каждому образованному человеку, мифы китайцев до сих пор остаются достоянием немногих специалистов-синологов.

К сожалению, в работах по общей мифологии или первобытной культуре меньше всего ссылок на китайскую мифологию. В конце XIX в. немецкий исследователь Г. Шурц, например в «Истории первобытной культуры», упомянул Китай, только чтобы сказать, что у китайцев нет мифа о потопе. И даже такой знаток фольклора, как английский учёный Дж. Фрезер, собравший около 200 мифов о потопе у разных народов, не знал его китайского варианта.

Все это результат недостаточной исследованности китайской мифологии. Среди работ по древнекитайской мифологии, созданных за последние 10-15 лет, заметно выделяется богатством собранного материала и удачным построением книга сотрудника сычуаньского отделения Союза китайских писателей, проф. Юань Кэ. Это первый опыт изложения мифов на основе строго научного изучения материала. Автору пришлось изучить сотни древних памятников с многочисленными комментариями, которыми они обросли за две тысячи лет, потратить много времени для выяснения первоначального смысла мифов, намеренно или произвольно затемнённого древними толкованиями.

Юань Кэ во многом помогли, конечно, работы его предшественников - китайских исследователей мифологии. Но нам неизвестно ни одной книги, где было бы использовано такое количество древних источников, как в книге Юань Кэ. И то, что автор даёт изложение древних мифов и в комментариях приводит все фрагменты из древних книг, на основе которых он строит своё изложение, делает книгу одинаково полезной и для широких кругов читателей, и для специалистов.

Книга сразу же привлекла внимание читателей и критики и даже вызвала подражания.

Так, Сюй Цзюнь-хуэй, автор небольшой книжки «Древние мифические сказания Китая», пишет в предисловии, что, увидев книгу Юань Кэ, он тоже решил написать популярные рассказы на мифологические сюжеты".

В 1960 г. вышло в свет третье дополненное и исправленное издание книги. Одновременно Юань Кэ делает и более популярное изложение мифов для юношества, которое издаётся в 1961 г. под названием «Мифы и легенды в новом изложении».

Труд Юань Кэ привлёк к себе внимание и прессы. В газете «Гуанмин жибао» появилась большая критическая статья Гань Цзяна и несколько позже обстоятельный ответ Юань Кэ. Критик подошёл к труду Юань Кэ как к научному исследованию, считая, что автор должен был расположить все мифы в строгом соответствии с этапами развития первобытного общества. Как правильно объяснил потом Юань Кэ, перед ним стояла задача дать художественное изложение мифа, поэтому он не мог ломать исторически сложившиеся мифологические сюжеты, менять их последовательность и переставлять эпизоды.

Гораздо более серьёзной представляется рецензия Мэн Чжоу на последнее издание книги. Мэн Чжоу отмечает удачное изложение мифов о Гуне и Юе, усмиривших потоп, о древних «правителях» Шао-хао и Чжуань-сюе и т.д. Но, как и Гань Цзян, не согласен с той последовательностью, в которой Юань Кэ излагает мифы о происхождении мира. Рецензент высказывает и своё мнение о причинах раннего забвения древнекитайских мифов, видя его в сложности письма в рабовладельческом Китае. Именно поэтому, утверждает Мэн Чжоу, до нас дошло слишком мало текстов эпохи рабовладельческого строя, а когда общество вступило в период феодализма, то развитие культуры ушло слишком далеко от первобытного общества и мифы уже почти не записывались. Думается, что это мнение не лишено оснований.

Не со всеми, однако, утверждениями Мэн Чжоу о книге Юань Кэ мы можем согласиться, например, с взглядами критика на то, что большинство героев мифов, по всей вероятности, были реальными персонажами.

Книга привлекла к себе внимание и в Японии, где в 1959 г. появился перевод её с кратким послесловием Такабатакэ Юд-зуру, в котором труд Юань Кэ оценивается исключительно высоко. Одновременно группа литераторов, возглавляемая Инада Такаси, создала труд «Мифы и легенды Китая». Некоторые главы книги целиком основаны на работе Юань Кэ. Положительно отозвался о книге Юань Кэ и японский профессор Окуно Синтаро.

В отличие от своих предшественников Юань Кэ в теоретической части (главным образом в гл. I) основывается на высказываниях М. Горького. Однако иногда автор отталкивается от некоторых не совсем верных утверждений Горького. Как известно, Горький всячески сближал миф и сказку, резко противопоставляя их религиозным воззрениям. На таких же позициях стоит и Юань Кэ. Как доказано в советской науке, неправомерно резко противопоставлять мифы и религиозные представления. Мифы рождаются из естественной пытливости человеческого ума на основе опыта. Следовательно, по своему происхождению мифы не связаны с религией, но «уже на ранних этапах своего развития мифология органически связывается с религиозно-магическими обрядами...». Исследование мифов различных народов, стоявших совсем недавно на низкой ступени общественного развития, показывает, что противопоставление мифа религиозным верованиям, как это делали некоторые авторы, считающие, что мифы воодушевляли людей на борьбу в отличие от религиозных воззрений, проповедовавших пассивность, ошибочно, так как упрощает сложный вопрос о соотношении мифологии и первобытной религии (в книге Юань Кэ она именуется суевериями).

Как указывалось уже в китайской критике, Юань Кэ уделил недостаточно внимания жизни первобытного общества. Отсюда, видимо, и проистекают некоторые неверные формулировки, связанные с вопросами возникновения религии. Так, автор пишет, что «боги создавались людьми в соответствии с их трудовыми представлениями и первоначально их назначение заключалось в том, чтобы воодушевлять людей в труде». Правильнее здесь было бы говорить не о богах, а о культурных героях, которым приписываются различные

культурные деяния: очищение земли от чудовищ, изобретение огня, орудий труда и т.п., олицетворявших силы племени и идеализировавших активную творческую деятельность родо-племенного коллектива. «Культурный герой древнее бога, он порождение первобытно-синкретической мифологии, более близкой поэтическому творчеству, чем религиозному», - пишет советский исследователь Е. М. Мелетинский. Юань Кэ не учитывает первобытного синкретизма, недифференцированности представлений первобытного человека о природе и обществе. Отсюда и противопоставление первобытных мифов первобытной религии.

Разбирая вопрос о соотношении мифов и суеверий (под последними в данном случае, видимо, надо понимать древние религиозные представления), Юань Кэ пишет: «...мифы совсем не то, что суеверия», и приводит в качестве примера суеверий мифы о так называемом непорочном зачатии, корни которого «уходят в глубочайшую древность - в эпоху, когда господствовал групповой брак, делающий факт физиологического отцовства не только недостоверным и неочевидным, но и просто безразличным». Думается, что в данном случае мы ещё не имеем дела с суеверным представлением, которое возникает много позже, уже в историческую эпоху, и с которым связаны предания о чудесном рождении реальных исторических деятелей, например Александра Македонского. На недостаточный историзм Юань Кэ в этих вопросах уже указывалось в рецензии Мэн Чжоу.

Спорным представляется и толкование Юань Кэ мифа о Стране Крайнего Севера - Чжунбэйго, обитатели которой могут не трудиться, а «быть сытыми и одетыми». «Может показаться, что этот миф характеризует китайцев как людей ленивых, однако в действительности он является обычным приёмом, при помощи которого эксплуатируемые в древние времена высмеивали эксплуататоров и выражали протест против них». Критик Мэн Чжоу видит здесь типично даосские представления и считает, что этот миф не имеет никакого отношения к народной фантазии. Вероятнее всего, это - древний миф, отражающий мечты первобытного человека, вся жизнь которого проходила в тяжелой борьбе за существование.

С некоторой излишней социологизированностью взглядов автора связано и положение о создании народом своих богов в противоположность богам, созданным эксплуататорами. Если следовать Юань Кэ, то получается, что более древние герои типа стрелка И, Гуня или Юя, умиротворителей потопа, были созданы уже в эпоху классового общества. В действительности, это типичные образы «культурных героев», созданные явно ещё при первобытнообщинном строе. Речь, видимо, должна идти о том, что народные массы в эпоху рабства продолжают сохранять более архаические образы, отражающие коллективную мощь племени и рода. Создание же народных религий, противопоставленных официальной церкви, - дело гораздо более позднего времени. Автор подошёл к этому вопросу слишком упрощённо.

Юань Кэ местами, увлекшись повествованием, теряет ту дистанцию, которая должна быть между автором - человеком XX в. - и древними сказаниями, отсюда рационалистические замечания о невозможности того или иного деяния древнего мифического героя.

Книга выиграла бы, если бы автор ввёл в неё больше сравнительного материала, в частности если бы он обильнее привлекал мифы как родственных китайцам народов, так и типологически близкие мифы Древней Греции, Египта и других стран. Перевод книги на русский язык был начат по второму изданию 1957 г., исправлен и дополнен по новейшему изданию 1960 г. Кроме того, для русского издания проф. Юань Кэ прислал свои добавления и исправления - результат непрекращающейся работы автора над источниками.

При переводе книги переводчики и редакция столкнулись со многими трудностями. Например, в китайском языке отсутствует грамматическое понятие рода. В связи с этим было крайне сложно дать перевод в тех случаях, когда неизвестно, какого пола тот или иной мифический персонаж. В таких случаях пришлось основываться на более поздней интерпретации пола героя. Большую сложность представляло и транскрибирование имён мифологических героев. В книге приводится огромное количество источников. Для удобства

читателей большинство названий переведено на русский язык и лишь незначительное число их дано в транскрипции. Сказанное относится и к многочисленным географическим названиям, тем более что речь идёт по большей части не о реальных названиях современной географии, а о чисто фантастических, условных названиях гор и рек. При этом рядом оставлена и транскрипция.

Для исследователя мифологии большое значение всегда имеет датировка источника, из которого почерпнуты сведения. Имеем ли мы запись мифа, сделанную задолго до нашей эры, или же перед нами изложение средневекового автора - всё это отнюдь не праздный вопрос. В китайском издании эти сведения отсутствовали.

Редакция обратилась к автору книги с просьбой датировать все упоминающиеся в книге памятники. Проф. Юань Кэ любезно прислал все необходимые данные. О датировке ряда упомянутых в комментариях сочинений в науке есть различные точки зрения, в книге всюду принята та датировка, которой придерживается автор.

Во всех китайских изданиях книги и в японском переводе отсутствуют иллюстрации. В книгах, написанных под влиянием работы Юань Кэ (например, Сюй Цзюнь-хуэя или Инада Така-си), иллюстрации сделаны современными художниками в стиле «этнографических» картин, изображающих жизнь первобытного человека. Думается, что это дисгармонирует с поэтическим содержанием книги и нарушает единство книги. Поэтому редакция обратилась к художнику Л.П. Сычёву, большому знатоку искусства Китая, с просьбой сделать реконструкции изображений мифических героев, относящихся к первым векам до нашей эры либо к первым векам нашей эры. Художником составлен специальный перечень иллюстраций с необходимыми пояснениями. К книге приложена библиография работ на китайском, японском и европейских языках. Бесспорно, что, как всякий первый опыт, она неполна, но мы надеемся, что она может оказаться полезной тому, кто заинтересуется древнекитайской мифологией.

К сожалению, до сих пор нет критического обзора того, что уже сделано китайскими, японскими и некоторыми европейскими учёными в области древнекитайской мифологии. Беда многих авторов, пишущих о китайской мифологии, в том, что они работают в полном неведении своих предшественников. По книге Юань Кэ у читателя может создаться впечатление, что перед ним едва ли не первая работа в этой области. Вот почему нам представляется целесообразным дать в послесловии очерк истории изучения китайской мифологии, тем более что изучение это началось именно у нас в стране.

Первое исследование древнекитайской мифологии появилось в России в 1892 г. Это была книга профессора Петербургского университета С.М. Георгиевского «Мифические воззрения и мифы китайцев», давно ставшая библиографической редкостью и оставшаяся незамеченной. Георгиевский дал классификацию китайских мифов. Он подробно изложил древние представления китайского народа об образовании мира, космогонические мифы, сказания о необычном рождении древних правителей и т.п. Автор правильно понял многие проблемы китайской мифологии, например соотношение даосской и древнекитайской мифологии. Однако книге Георгиевского свойственны крупные методологические недостатки: смешение воедино сведения из источников, относящихся к различным эпохам, переоценка (вслед за Вундтом) роли сновидений и других «психологических» факторов в формировании мифов, объяснение многих мифологических сюжетов затемнённой первоначального смысла слова.

Такое объяснение давали мифу ещё древние греки. В XII в. к этому же взгляду в Китае пришёл известный философ Чжу Си, основоположник неоконфуцианства. В XIX в. немецкий учёный Макс Мюллер вновь возродил эту теорию уже на более глубокой филологической основе. Видимо, именно эти взгляды и воспринял С. Георгиевский, хотя книга его остается полезной и по сей день.

Европейские китаеведы, много позже обратившиеся к китайской мифологии, долго не могли подняться до уровня исследования русского учёного. Только через тридцать лет после Георгиевского английский синолог Вернер выпустил большой том «Мифы и легенды

Китая», в котором, как это ни странно, древнейшие китайские мифы почти совсем не представлены. Вернер основывался только на четырёх источниках, один из которых, причём основной, - это роман «Возвышение в ранг духов» (Фэн-шэнь янь), написанный Сюй Чжун-линем. Два других источника - даосские обработки различных преданий о бессмертных, которые ещё Георгиевский считал необходимым отделять от подлинно мифологических источников, и только четвёртая книга - «Записки о поисках духов» Гань Бао (IV в. н.э.) содержит ряд мифологических сюжетов в поздней интерпретации. Не отделив позднейшего авторского от древних народных вариантов, Вернер включил в свою книгу и буддийских богов, которые уж совершенно не относятся к подлинно китайской мифологии. Пускаясь в рассуждения об истоках китайской мифологии, Вернер проповедует давно отброшенное учёными даже в его годы вавилонское происхождение китайских мифов: они-де были занесены в Китай где-то около 820 г. до н.э. Если, по мнению автора, первобытные мифы были занесены в Китай, то потом они создавались почему-то главным образом во время древних войн, а затем лишь после появления буддизма в Китае в I-II вв. н.э. Все эти суждения крайне несостоятельны. Например, период конца Инь и начала Чжоу выделен английским синологом только потому, что он описывается в фантастическом романе «Возвышение в ранг духов». «Я думаю, - ядовито писал китайский литератор Шэнь Янь-бин, - господин Вернер не знал, что основной источник китайских мифов, на который, он обратил внимание, роман «Возвышение в ранг духов», был создан на рубеже юаньской и минской эпох, а то бы он написал, что большая часть китайских мифов, а может быть и все они, были собраны литератором из устного бытования всего лишь шестьсот лет назад».

Столь же фантастичны и нелепы и другие положения Вернера, вроде утверждений о застое в сознании китайского народа, произошедшем в какие-то весьма отдалённые от нашей эры времена. В связи с этим якобы и не была создана в Китае столь богатая мифология, как в Греции или Северной Европе.

К сожалению, эта книга до сих пор пользуется незаслуженной известностью и популярностью у многих западных мифологов, не знакомых с трудами китайских и японских учёных, написанными за последние сорок лет.

В 1932 г. появляется новая работа Вернера, на этот раз в виде объёмистого «Словаря китайской мифологии». Прошло восемь лет с того момента, как Шэнь Янь-бин дал критику первой книги Вернера, но английский автор по-прежнему смешивает древние мифы с позднейшими авторскими обработками и буддийскими и даосскими сказаниями, совершенно не использует ни древние источники, ни работы китайских учёных, созданные за годы, прошедшие со времени появления его первого труда.

К сожалению, не лучше представлена древнекитайская мифология и в современных западных мифологических словарях, например в новейшей «Энциклопедии мифов и легенд всех народов».

В Китае одним из первых к изучению древних мифов обратился Лу Синь. В «Краткой истории китайской художественной прозы» - конспекте лекций, читавшихся им в 1920-1924 гг., опубликованной в 1923 г., он выделяет главу «Мифы и легенды», где впервые в Китае ставит вопрос о происхождении мифов, решая его с материалистических позиций, о гибели первобытной мифологии китайцев, об источниках для изучения древней мифологии. После Лу Синя стало традицией во всех историях китайской литературы отводить место и для рассмотрения древней мифологии.

Специально исследованию древней мифологии посвятил свои работы Шэнь Янь-бин. Желание написать работу об отечественной мифологии возникло у него именно после знакомства с английскими книгами по китайскому фольклору, не удовлетворявшими элементарным научным требованиям.

Шэнь Янь-бин пишет большую статью, в которой приводит фрагменты древних мифов и старается истолковать их с помощью сравнительно-исторического метода, сопоставляя китайские мифы с древнегреческими, индийскими и скандинавскими. Этнографический подход даёт возможность исследователю оспорить многие традиционные точки зрения. Так,

он считает, что образ Нюй-ва древнее мифического императора Фу-си, хотя в письменных памятниках утверждается, что Нюй-ва наследовала Фу-си. Именно в новизне подхода к традиционным образам, критическом отношении к источникам и материалу, в стремлении использовать опыт сравнительной мифологии и заключается положительная сторона исследования.

На эту статью сразу же обратил внимание Лу Синь. В письме к студентам, заинтересовавшимся мифологией, он отмечает правильность критики европейских авторов, по укалывает, в частности, на недостаточное знание источников самим Шэнь Янь-бином. Лу Синь предлагает делить все источники на три группы в зависимости от времени их создания: сочинения, написанные за период от глубокой древности до конца Чжоу (255 г. до н.э.) и в большом количестве содержащие древние мифы, сочинения периода Цинь-Хань (III в. до н.э. - III в. н.э.), в основе своей связанные с шаманством, но содержащие уже элементы даосских учений, и сочинения периода Шести династий (IV-VI в. н.э.), в большинстве своем заполненные даосскими сказаниями о бессмертных, которые не относятся к древней мифологии.

Через пять лет после первой работы Шэнь Янь-бина появляются одновременно две его книги: «Основы исследования китайской мифологии» и более популярная - «Разные статьи по мифологии». Автор излагает мифы народов мира, пытается определить место китайских мифов (в частности, о сотворении мира) в ряду мифов других народов и показать их общность (объясняя её, правда, с помощью психологической теории Э. Лэн-га, считающего, что общность мифов разных народов определяется общностью психического склада людей в эпоху мифотворчества, а не условиями материальной жизни).

Особое внимание Шэнь Янь-бин уделяет причинам быстрого исчезновения древнекитайской мифологии. Исследователь выдвигает две причины раннего исчезновения мифов. Во-первых, переработка мифов в историю и превращение мифических героев в исторических, а во-вторых, отсутствие великих деяний, способных всколыхнуть душу всего народа и вдохновить поэтов мифологической эпохи. Если первая причина представляется бесспорной, то вторая вызывает сомнения, так как мифы, как правило, не воспроизводят определённые исторические события.

Критикуя абсурдную теорию прагматиста Ху Ши, который считал, что развитая мифология может быть только у жителей тропического пояса, а в Китае основные мифы созданы населением юга, исследователь показывает, что и Северный и Центральный Китай имеют свои мифы, которые передавались из одной области в другую, и что не следует переоценивать особенности культуры отдельных областей древнего Китая. Это был один комплекс, сложившийся в древнейшие времена.

Почти одновременно с литераторами к мифологии обратились и некоторые китайские учёные из Школы критики древней истории, возглавлявшейся профессором Гу Цзе-ганом. Представители этого направления считали, что освещение древнейшего периода в истории Китая следует критически пересмотреть, отделив мифы от реальных событий и фактов. Сомневаясь в традиционных и общепринятых ещё в начале XX в. утверждениях древних историографов и философов, Гу Цзе-ган решил критически пересмотреть источники. Его особенно заинтересовал образ Юя, победителя потопа. Он пришёл к выводу, что в древнейших текстах Юй предстаёт перед нами как бог-демиург - творец неба и земли. В следующих текстах он уже самый ранний правитель среди людей, ещё позже ему приписываются черты князя землепашцев и на последнем этапе Юй изображается в окружении людей позднейших поколений. Знание древних текстов дало возможность Гу Цзе-гану и его последователям пересмотреть некоторые принятые точки зрения. Многие выводы и наблюдения этих учёных заслуживают внимания, но Гу Цзе-гану, как и другим авторам, не хватало необходимых этнографических знаний, без которых невозможно разрешить сложнейшие вопросы мифологии, не говоря уже о незнакомстве исследователей с марксистской методологией, в частности с работами Ф. Энгельса о первобытном обществе.

Хотя Гу Цзе-ган и выступал критиком старых нелепых концепций, но он придавал,

чрезмерно большое значение письменным источникам. Он, например, совершенно упускал из виду, что отсутствие имени того или иного героя (например, Юя) в каком-либо памятнике вовсе не обязательно свидетельствует о том, что в момент создания памятника этот образ был неизвестен.

Следует сказать, что доказательства Гу Цзе-гана иногда весьма прямолинейны, он не всегда учитывает образность древнего мышления. Так, основываясь на сообщении «Книги гор и морей» о том, сколько тысяч ли пришлось исходить Юю во время борьбы с потопом, и зная из других источников, сколько лет боролся герой со стихией, он делает арифметический подсчёт и приходит к выводу, что столь быстро могло двигаться лишь божество.

В середине 20-х годов интерес к китайской мифологии, к подлинно научному её изучению пробуждается в Европе и в Японии. Сначала к мифологии обращается крупнейший французский синолог Анри Масперо, который публикует исследование об отражении мифов и легенд в «Книге исторических преданий» - «Шуцзине». Автор выступает против историзации мифологических героев старыми китайскими учёными, пытается вскрыть первоначальный облик мифа, используя для этого данные более поздних авторов (что вызвало впоследствии малообоснованную критику со стороны известного шведского китаевода Б.Карлгрена), а также данные мифологии тайских народов Индокитая.

Через два года после работы Масперо появляется исследование немецкого китаевода Эдуарда Эркса. Он проводит параллель между мифом о стрелке И и известными мифами о множестве солнц у народов Крайнего Севера (чукчей, алеутов и североамериканских индейцев).

Его работа отличается серьёзностью и историчностью подхода к материалу. Исследование этого сюжета в 30-е годы продолжил Меншен-Хельфен, сопоставивший мифы о стрелке И и о Геракле.

Из японских исследователей китайской мифологии, писавших в 20-е годы, следует назвать Идзуси Ёсихико, Фудзита Тоёхатси, Огава Такудзи. Различен подход этих учёных к китайским мифам, он часто обусловлен их узкой специальностью, но общим для всех них является отличное знание древних источников, попытка прояснить мифологические сюжеты, затемнённые учёными-конфуцианцами на заре китайской истории.

Ещё в конце XIX в. японские историки Сиротори Кураёси и Найто Конан впервые подняли вопрос о том, что многие факты, представленные в традиционных китайских исторических сочинениях, касающиеся древнейшего периода истории, следует отнести к мифологии. Но это были лишь отдельные замечания.

Огава Такудзи, специалист по исторической географии Китая, пришёл к мифологии от изучения географических сочинений, наполненных сообщениями о чудесах и чудовищах. В 1912-1913 гг. он сделал попытку вернуть древним историческим рассказам китайцев первоначальную форму мифа. Он исследовал «Книгу гор и морей», «Жизнеописание царя Му» и другие древнейшие географические сочинения, которые одновременно являются и сводами древних мифов. Впоследствии он написал специальные работы, как-то: «Сказание о начале мира и великом потопе в Китае», «Горы Куньлунь и Си-ван-му» и др. Показывая, как конфуцианцы пытались превратить миф в историю, автор привёл довольно большой сравнительный материал из греческой и шумеро-аккадской мифологии. Такие аналогии помогли исследователю доказать мифологичность материала, а иногда, хотя может быть и не всегда убедительно, указать на первые фольклорные связи, например на проникновение сказания о Си-ван-му с Запада. Едва ли он прав, однако его осторожные формулировки, как и всё исследование, значительнее того, что писал в начале XX в. немецкий учёный А.Форке, серьёзно утверждавший, что царь Му путешествовал к царице Савской, которая и есть Си-ван-му. Однако в работах Огава Такудзи заметна определённая двойственность. Автор понимает, что рассматриваемые им древние записи суть изложение мифа, но как географ, он всё-таки пытается совершенно точно локализовать топонимику мифов. Не удивительно, что доказательства его вызывают недоверие.

Другой японский исследователь - Фудзита Тоёхати известен своими работами тоже в

области исторической географии Китая, главным образом исследованиями связей древнего Китая с Индией и странами Южных морей. Его работы по мифологии Китая касаются связей образов китайской мифологии и индийских Вед. Исследователь исходит из весьма сомнительной посылки о том, что китайская мифология не достигла полного развития, потому что китайцы были больше склонны к реальным знаниям, чем к фантазии. Он не отрицает, что у них были свои мифы, но считает, что часть мифов была заимствована из Индии. В качестве доказательства, кроме конкретных, но как нам представляется весьма шатких сопоставлений мифа о горах, поддерживаемых на спине (по толкованию Юань Кэ, на головах) черепах, плавающих в море, с мифом о горе Мандара, которая была по «Махабхарате» взвалена на спину царя черепах Курма и других подобных сопоставлений, японский исследователь приводит и иное. Он считает, что так как в «Книге песен», где собраны песни различных царств чжоуской эпохи, нельзя отыскать следов мифов, распространённых в последующие века, то это нельзя объяснить иначе, как приняв эти мифы за занесённые извне. Мы не отрицаем возможности влияния одной мифологии на другую, но доказательства должны быть более солидными и убедительными, в противном случае в силу общности фольклорных мотивов различных стран и народов легко «доказать» самые невероятные влияния и заимствования. А почти полное отсутствие мифологических элементов в «Книге песен» может объясняться и позицией конфуцианцев, её составлявших и редактировавших, и тем, что мифы, возникшие много раньше лирической поэзии, могли излагаться, например, и в прозаических сказаниях, как это и было у многих народов.

Идзуси Ёсихико посвятил свои труды специально древнекитайской мифологии. Он исследовал происхождение образа дракона, феникса, миф о горах, стоящих на плавающих в море черепахах, и т.п. Он дал общий обзор китайской мифологии и работ своих предшественников как в Китае, так и в Европе, и занялся изучением различных аспектов и образов китайской мифологии в её историческом движении. Уже после его смерти работы Идзуси Ёсихико были изданы отдельной книгой с предисловием известного японского синолога Цуда Сокити.

Одновременно с развитием общественных наук в самом Китае шло и развитие исследований по мифологии. Этому способствовало как изучение этнографии и фольклора национальных меньшинств, так и появление специальных книг о развитии мифологии на Западе. Работы археологов, находки произведений ханьского искусства и необходимость научной интерпретации их сюжетов также стимулировали развитие исследований.

Популярная книжка Линь Хуэй-сяна «О мифах» даёт читателю обзор различных теорий происхождения мифов. Автор близок к антропологической школе и излагает материал в соответствии с идеями Тэйлора, в частности сопоставляя мифы о небесных явлениях у разных народов земного шара. Книга Линь Хуэй-сяна была полезной именно как краткий, хотя и не глубокий, очерк некоторых аспектов мифологической теории Запада и основных мифов крупнейших народов земного шара. Однако автор почти совсем не использует в ней данные китайской мифологии.

В 1936 г. печатается обстоятельное исследование Чэнь Мэн-цзя «Мифы эпохи Шан и шаманизм», хотя и исходящее из неверных теоретических посылок (деление мифов на естественные и искусственные, утверждение о превращении реальной истории в миф), но содержащее большой фактический материал и интересное стремлением выделить мифы одной эпохи в связи с шаманизмом.

Известный поэт, блестящий критик и учёный-филолог Вэнь И-до, пожалуй, первым подошёл к изучению китайской мифологии одновременно и как литературовед-фольклорист, и как этнограф, и как филолог-лингвист, знаток древнего языка и древней письменности.

Первое, что отличает работы Вэнь И-до от трудов его предшественников - это обилие материала из фольклора народов Юго-Западного и Южного Китая (мяо, яо и др.), а также привлечение для исследования свидетельств археологии и изобразительного искусства, фольклора самых различных народов мира.

Вэнь И-до создаёт несколько исследований по китайской мифологии. Наиболее

значительное из них «Разыскание о Фу-си», в котором учёный исходит из реального знания истории первобытного общества, по-новому освещает многие вопросы китайской мифологии, показывая, что нельзя доверять лишь самым древним текстам, слишком лаконичным и превратно истолкованным составителями, когда речь идёт об образах мифологии. Это может показаться странным, но, как убедительно доказывает Вэнь И-до, зачастую как раз не самые древние тексты дают нам представление о первоначальном облике мифа. Исследователь приводит пример с Фу-си и Нюй-ва. По самым древним записям, они - братья, в более поздних памятниках о них говорится, как о брате и сестре и уже в ещё более поздних как о муже и жене. Материалы археологических раскопок, легенды об этих же персонажах, записанные совсем недавно у народов Юго-Западного Китая, и данные сравнительной этнографии - всё это дало возможность Вэнь И-до убедительно реконструировать миф о Фу-си и Нюй-ва как повествование о брате и сестре, оставшихся в живых после потопа, ставших мужем и женой и давших продолжение человеческому роду.

Попутно Вэнь И-до по-новому толкует и образ дракона. Исследователь доказывает, что он возник как тотемический образ первопродка у многих народов Китая, отличный в деталях, но единый в своей основе: всюду мы находим представление о змее. Недаром ведь и на древних барельефах Фу-си и Нюй-ва изображаются как существа с человеческими головами и туловищем змеи, причём хвосты их обычно переплетены, а это означает соединение супружеской пары. Вэнь И-до ищет ещё более ранний этап в древних верованиях китайцев и показывает, что таким этапом было представление о божестве, выступающем целиком в зверином облике, и что, следовательно, в образах Фу-си и Нюй-ва мы имеем уже второй этап развития этих представлений.

В небольшом исследовании «Дракон и феникс» Вэнь И-до даёт толкование образа феникса, доказывая, что если дракон был тотемом племен ся, то феникс был тотемом племен инь.

Следует отметить новаторский характер работ Вэнь И-до, высокий научный уровень и плодотворность комплексного историко-филологического и фольклорно-этнографического метода исследования. Труды Вэнь И-до до сих пор остаются одними из лучших в этой области.

Вэнь И-до писал свои исследования в конце 30-х - начале 40-х годов. Примерно в это же время (в 1939 г.) к мифологии обратился и китайский историк Сюй Сюй-шэн, который написал книгу «Легендарный период древнейшей истории Китая». Интерес у Сюй Сюй-шэна к проблемам мифологии и древнейшей истории возник, как он сам пишет в предисловии, ещё в 20-е годы, после появления работ Гу Цзе-гана. Автор обращается к проблемам древнейшей истории Китая, пытаясь отделить чисто мифологические элементы от исторических, найти в мифологических сказаниях отражение реальных исторических событий жизни древнейших племён и восстановить, хотя бы в общих чертах, наиболее ранние периоды китайской истории. Книга Сюй Сюй-шэна (первое её издание вышло в 1943 г.) - серьёзное научное исследование. Особое внимание автор обращает на возможность реконструкции древнейших родо-племенных союзов на территории Китая, подробно исследует миф о потопах, привлекая для этого известную работу Фрезера. Сюй Сюй-шэна особо привлекла проблема исторической последовательности различных преданий, в частности о древнейших мифических правителях. Пафос исследования заключается в выяснении связи того или иного мифа с определённым родо-племенным союзом.

Сюй Сюй-шэн, так же как и Вэнь И-до, выступает против традиционного взгляда, согласно которому только из древнейших памятников можно извлечь достоверные факты для исторического или филологического исследования.

Большая заслуга Сюй Сюй-шэна и в том, что он понимал, что мифы и сказания, отраженные в поздних записях, вовсе не обязательно были созданы в ту эпоху, когда оказались зафиксированными в письменных источниках, а гораздо раньше, и к моменту записи могли пройти длинный путь развития. Так, разбирая проблему Фу-си и Нюй-ва, он говорит об отражении матриархальной стадии в образе Нюй-ва и трансформации этого мифа

уже при патриархате. Заметим попутно, что раздел этот менее интересен, чем исследование Вэнь И-до, которого автор даже не упоминает. Книге Сюй Сюй-шэна, в которой мы находим множество интересных интерпретаций мифов -, свойственны и весьма существенные методологические недостатки. Как замечает сам автор, он не был ещё знаком с трудами классиков марксизма, когда писал эту книгу, а испытал некоторое влияние идей «функционалиста» Б.Малиновского - представителя новейшего направления социологической теории мифа, понимающей миф как непосредственное отражение связи первобытного общества с окружающей средой и как «переживаемую реальность» и обоснование социальной практики. Хотя Сюй Сюй-шэн и не принял целиком взгляды В.Малиновского, но влияние их чувствуется в книге. Чтобы придать этим сказаниям достоверность, Сюй Сюй-шэн утверждает, что речь в большинстве случаев идёт не об отдельных личностях, а о руководимых героем родах или племенных союзах. Автор недостаточно учитывает образную природу мифологии, и это мешает ему понять всю сложность древнейшей мифологической системы. Несмотря на эти недостатки, книга Сюй Сюй-шэна, вновь переизданная в расширенном виде в 1960 г., представляет интерес для всех изучающих древнюю мифологию Китая.

Одновременно с изучением мифологии в Китае разработка проблем китайской мифологии продолжалась в 30-40-е годы и в Японии, и в Европе. Из японских исследований этого времени необходимо отметить серьёзную книгу профессора университета в Осака Мори Микисабуро. Автор даёт своеобразные «жизнеописания» основных героев древнекитайских мифов (Фу-си, Да-хао, Нюй-ва, Шэнь-нуна и т.д.), затем излагает космогонические и этнологические мифы. Специальная глава отведена более поздним образам духов-охранителей (стражам дверей, духу очага). Заканчивает книгу глава «Мифы и китайская культура». Мори Микисабуро приводит точки зрения Лу Синя, Ху Ши, Шэнь Янь-бина по вопросу о судьбе древних мифов и даёт им критическую оценку. Мори Микисабуро становится целиком на сторону Шэнь Янь-бина, когда тот критикует неправильные взгляды на будто бы неразвившуюся мифологию в Китае. Однако он подмечает и слабые стороны его концепции (неясность понятия «поэт мифологической эпохи» и т.п.). Мори Микисабуро говорит о том, что положение Шэнь Янь-бина об историзации мифов конфуцианскими учёными, высказанное в довольно лаконичной форме, было более подробно разработано ещё в самом начале XX в. в трудах известных японских историков Сиротори Кураёси и Найто Конан.

Мори Микисабуро излагает и свои интересные соображения по поводу того, почему китайские мифы не сложились в большую развитую систему и не оказались как-то объединёнными в эпической поэзии. Исследователь говорит главным образом о двух факторах. Во-первых, об обширности территории Китая по сравнению с территорией других стран, например Греции, Северной Европы, где были созданы крупные мифологические эпосы. Автор высказывается об этом более чем осторожно, но думается, что его предположение об обширности территории Китая как причине, в силу которой мифы не смогли сложиться в комплекс, заслуживает внимания. Во-вторых, Мори Микисабуро выдвигает вопрос о слабости «национального единства» китайцев в эпоху сложения мифов. В этом он видит причину относительной бедности дошедшей до нас китайской мифологии. К сожалению, нам неизвестно, чтобы кто-нибудь из учёных специально рассмотрел эти объяснения.

Однако книга японского учёного страдает некоторой традиционностью изложения материала, которая особенно видна при сравнении его труда с работами китайских исследователей, писавших в те же годы. Автор как-то совсем обходит вопросы этнографического и фольклорного порядка, не затрагивает и основных проблем первобытного общества, без которых нельзя правильно понять и истолковать миф. Обратимся, например, к мифу о Фу-си и Нюй-ва, который анализировали Вэнь И-до и Сюя Сюй-шэн. Уже одно то, что автор ставит на первое место Фу-си, затем его помощника Да-хао, а уже потом Нюй-ва - образ, принадлежащий к эпохе матриархата, а следовательно,

более древний,- говорит о недостаточной историчности взглядов автора. Не все его толкования убедительны. Например, он говорит, что причина выбора разноцветного камня, которым Нюй-ва починила сломавшийся небосвод, лежит в поклонении камням, характерном для древнего Китая. Не опираясь на этнографический материал и не зная, видимо, мифологических сказаний народов Юго-Западного Китая об этих же героях, исследователь отмечает лишь, что Фу-си и Нюй-ва - это образы создателей вселенной. А что касается их изображения как полулюдей, полузмей, то японский мифолог просто считает это поздней версией, придуманной где-то в начале нашей эры. Также позднейшим считает автор и версию о браке Фу-си и Нюй-ва. Игнорирование науки о первобытном обществе и фольклорно-этнографических данных привело исследователя к выводам прямо противоположным тем, к которым пришли учёные Китая.

Традиционность точки зрения японского автора проявляется и в том, что он хотя и говорит о некоторых мифах как об очень древних, однако утверждает, что многие из них были созданы между V-I вв. до н.э., т.е. фактически время фиксации мифа считает временем его создания. Всё это не могло не сказаться отрицательно на серьезной работе японского исследователя, которая осталась незамеченной в китайской и европейской науке.

В 30-40-е годы продолжает развиваться и европейское китаеведение. Если в 30-е годы ещё появляются весьма поверхностные работы, вроде книги Хэнца, объясняющей китайские мифы с позиций давно устаревшей мифологической школы (Юй - солнце, его жена - луна и т.п.), то в 40-е годы выходят серьёзные исследования о древнекитайской культуре. В 1942 г. увидели свет два тома труда «Местные культуры в древнем Китае» немецкого учёного В.Эберхарда, уехавшего из фашистской Германии в Турцию и продолжавшего в стенах Анкарского университета свою работу. Труд Эберхарда - не специальное исследование по мифологии, но касается многих вопросов, связанных с ней. Развивая свои взгляды о большом значении местных культур и местного колорита в китайской культуре вообще и фольклоре в частности, автор пытается как-то распределить и мифологических персонажей в связи с отдельными местными культурами. Происходит обратное тому, что делали все учёные до Эберхарда, стремившиеся связать осколки китайских мифов в единую систему. Различные божества оказываются у немецкого синоведа отнесёнными к различным культурам: так, великан Куа-фу, догонявший солнце,- к тибетской культуре, Нюй-ва - одновременно к тибетской и к сычуаньской культуре Ба и т.п. Как это часто случается с исследователем, выдвинувшим какую-то новую точку зрения, Эберхард слишком увлёкся в своём стремлении точно локализовать всякое явление. Мори Микисабуро, говоря об обширности территории древнего Китая, указывает, что связь между отдельными частями страны в древности была не так уж затруднена географическими условиями. Следовательно, нельзя и переоценивать значение местного начала в том или ином явлении. Надо иметь в виду, что до нас дошли (особенно по мифологии) разрозненные осколки в весьма разновременных и разнохарактерных памятниках, по которым трудно судить о локализации древних мифов. Не всегда чётко разделяя материал в хронологическом отношении, занимаясь только вопросами локализации, Эберхард нередко упускает из вида вопросы исторического развития образа, хотя и нельзя сказать, что он совершенно игнорирует его. Эберхард рассматривает подъём китайской цивилизации как результат слияния различных культурных компонентов, которые, по его мнению, в древности сильно отличались как этнически, так и регионально. Нельзя не видеть в теории Эберхарда положительного зерна, но нельзя и полностью доверять ей, так как она представляет собой крайность, обратную теориям тех учёных, которые рассматривают древнекитайскую культуру как единое целое.

Взгляды на вопросы китайской мифологии были высказаны Эберхардом и несколько лет спустя в связи с работой Б.Карлгрена «Легенды и культы в древнем Китае». Б.Карлгрен провёл кропотливое историко-филологическое исследование древних текстов в связи с развитием культа предков.

Однако с теоретическими его посылами мы не можем согласиться. Карлгрен придерживается старой теории, считавшей героев мифов обожествленными реальными

историческими персонажами. Эта точка зрения в этнографии близка и к традиционному взгляду древнекитайских авторов на мифические образы как на исторические, так что сама основа исследования Карлгрена во многом традиционна. Б.Карлгрен подошёл как текстолог к специфическим вопросам мифотворчества. Он разделил все древние тексты на так называемые свободные, относящиеся к периоду Чжоу, и «систематизированные» тексты позднечжоуского времени и особенно ханьской эпохи (с 221 г. до н.э.), написанные в соответствии с определённой философской теорией (по Карлгрену, главным образом с теорией пяти элементов). По мнению исследователя, для изучения мифов следует привлекать только «свободные» (читай доханьские) тексты. Карлгрен стоит на точке зрения, прямо противоположной выводам Вэнь И-до, который показал, что нередко более поздние памятники отражают первоначальную или близкую к ней стадию мифа.

Шведский учёный утверждает, что мифы в чистом, древнем виде существовали и записывались лишь в связи с их отношением к культу предков крупных родов эпохи Чжоу. Когда же в конце III в. до н.э. началось разрушение старого социального строя, культы предков больших домов потеряли своё практическое значение. Тогда память героев мифов и сказаний оказалась отделённой от практики культа. Вот тут-то, по Карлгрену, и был открыт путь для фантазии и «антикварных» спекуляций ханьских авторов. Думается, что прав В.Эберхард, который в своей рецензии на это исследование писал, что на рубеже III -II в. до н.э. уже не было необходимости в таком разработанном родовом древе, так как появилась новая аристократия. И начиная с этого времени, комментаторы могли снова вернуть героям божественный облик и излагать миф в первоначальном варианте. Добавим к этому от себя, что авторы более позднего времени ставили перед собой и совершенно иные эстетические задачи, например описание необычного, удивительного, и поэтому им не нужно было превращать миф в историю. Следовательно, точка зрения Б.Карлгрена мало что даёт для исследования и реконструкции древнекитайской мифологии.

Б.Карлгрен придерживается традиционной старокитайской точки зрения, фактически отождествляя время создания мифа и время его письменной фиксации. В действительности же чжоуские авторы брали миф из фольклора, в котором он мог просуществовать уже много столетий. На это также указывает В.Эберхард.

В особенности резко нападает В.Эберхард на положение Карлгрена о мифических героях как реально существовавших личностях (по Карлгрену, древние китайцы представляли своих героев сверхчеловеками, но не совершенными богами и не простыми смертными). Немецкий синолог пишет по этому поводу: «Если бы эта точка зрения была правильной, то китайская мифология представляла бы величайшее исключение, когда-либо известное в мировой этнографии. Китайцы должны были вначале создать своих героев и только потом сделать из них богов и даже животных». Правильно подмечая слабые стороны концепции В.Карлгрена, В.Эберхард настаивает на своей теории локальных культур. «Сравнивая структуру [локальной] культуры с характером и содержанием мифов, мы можем раскрыть изменения, произошедшие в мифах, и реконструировать их первоначальную форму», - пишет он, указывая на важность изучения в связи с вопросами китайской мифологии прототайской, протоиндонезийской и прототюркской культур. В.Эберхард безусловно переоценивает значение этих факторов, особенно важность двух последних культур для исследования древнекитайской мифологии.

В 50-60-е годы ни в Европе, ни в Японии не появилось специальных больших монографий по китайской мифологии. Исключение представляет книга К.Финстербуш «Отношение «Книги гор и морей» к изобразительному искусству», изданная в ГДР в 1952 г. Автор проделала большую и кропотливую работу, выбрав и переведя на немецкий язык значительное количество фрагментов из «Книги гор и морей» и связав эти описания с фантастическими изображениями в древнекитайском искусстве. Автором составлен и индекс всех упоминаемых в «Книге гор и морей» мифологических существ, народов, стран и т.п. с переводом названий и прозвищ. Но книге К.Финстербуш присущ один общий для большинства работ по китайской мифологии недостаток - незнание своих

предшественников. Здесь он особенно заметен. Автор не упоминает в списке литературы ни одной работы современного китайского исследователя, так же как и японских авторов.

Сама «Книга гор и морей» известна исследовательнице лишь с комментариями Го Пу и Би Юаня, тогда как ещё в 1924 г. А.Масперо ссылался на комментарии У Жэнь-чэня, Ян Шэня и на два комментария Хао И-сина. Из книги Юань Кэ, в частности, видно, как много дают для исследователя все эти толкования старых китайских учёных. Прав был Мен-шен-Хельфен, который указывал в своей рецензии, что тема эта не так уж нова в западной синологии и что автору следовало ознакомиться и со многими исследованиями (например, А.Масперо, Б.Карлгрена, Ф.Вотербари), и с переводом большей части «Книги гор и морей», сделанным Росни и изданным в 1891 г. в Париже.

Среди последних японских работ по китайской мифологии необходимо отметить интересную книгу Каидзука Сигэки «Рождение богов».

Автор - известный историк, профессор Киотского университета, подошёл к китайским мифам как историк и археолог, книга его нетрафаретна, в ней много интересных попыток выяснить историческую основу мифов, есть сведения об идентичности некоторых образов китайских и японских мифов. Автор широко использует работы китайских учёных.

Из самых последних статей по китайской мифологии на Западе выделяется очерк крупного историка-китаевода Д.Бодде, специально написанный для книги «Мифология древнего мира». Д.Бодде дал научный и в то же время популярный очерк китайской мифологии (из-за небольшого объёма он ограничился изложением лишь космогонических мифов), предпослав ему интересное введение об общих проблемах исследования китайской мифологии. Американский учёный подчёркивает принципиальное отличие древнекитайской мифологии от пантеона поздних народных божеств различных религий и местных культов. Автор выступает и против утверждения, что в Китае нет мифологии или есть только мифы, созданные индивидуальными литераторами. Он присоединяется к тому взгляду, что герои китайских мифов не есть исторические персонажи, показывает различный подход конфуцианских и даосских авторов к мифологическим героям, подчёркивая, что даосские писатели включают в сочинение мифологический намёк, как правило, «только для философского или литературного эффекта, а не потому, что даосские авторы действительно в них верят».

Д.Бодде, говоря о различиях текстов чжоуского и ханьского времени, справедливо подчёркивает народность, фольклорность материалов ханьских авторов. Исследователь в связи с этим подробно разбирает и спор между Б.Карлгреном и В.Эберхардом. Склоняясь к точке зрения В.Эберхарда по поводу того, какие источники более достоверны и важны для исследователя древнекитайской мифологии, Бодде, видимо, прав, советуя держаться «золотой середины», не впадая в крайности «локализации» В.Эберхарда, с одной стороны, и механистического историко-филологического подхода Б.Карлгрена - с другой.

Конечно, есть вопросы, по которым нам трудно согласиться с американским исследователем. Так, едва ли можно признать, что миф о Юе, отражающий, видимо, переход к земледельческому обществу, - самый древний из китайских космогонических мифов, изложенных исследователем. Из изложения получается, что речь идет лишь о мифах эпохи Чжоу (по Бодде, существовавших в эпоху Чжоу). Видимо, следовало как-то показать, когда, в какую эпоху мог быть создан тот или иной миф (в зависимости от того, какой этап истории человечества он отражает). В целом очерк Д.Бодде несомненно удачен и полезен своей чёткостью и хорошим знанием оригинального материала. В библиографии Д.Бодде упомянул и книгу Юань Кэ, подчеркнув ценность обильных цитат из древних памятников. Однако из библиографии почему-то выпали работы японских исследователей, труды Шэнь Янь-бина, Вэнь И-до и некоторых других китайских учёных.

В последние годы к мифологии Китая обратились вновь и советские авторы. Правда, сделано в этой области пока ещё немного. Мы имеем лишь серьёзную статью Э.М.Яншиной «О некоторых изображениях на рельефах ханьских погребений». Автор рассматривает различные мифологические сюжеты, дошедшие до нас в изображениях могильных рельефов

(III в. до н.э. - III в. н.э.). Особенно подробно изучаются тотемические изображения и рельефы Фу-си и Нюй-ва. Работа основана на исследованиях современных китайских учёных, даёт большое количество извлечений из первоисточников. Однако, принимая в целом концепцию Вэнь И-до, Э.М. Яншина всё-таки в конце работы становится на традиционную точку зрения, утверждая, что «в ханьской официальной историографии Нюй-ва превращается в приемницу Фу-си, его младшую сестру или жену». Тем самым исследователь фактически отбросил концепцию Вэнь И-до о Фу-си и Нюй-ва как о брате и сестре, вступивших в брак (что отражает весьма древние представления), и как бы возвращается к мнению о том, что источники более поздние не могут сохранить для нас более ранних, архаических представлений. Следует заметить, что, с другой стороны, автор даёт интересное объяснение тому, почему образ Нюй-ва появляется лишь в сочинениях ханьской эпохи: «В процессе превращения конфуцианства во II - I вв. до н.э. в официальную религию в ханьской рабовладельческой империи появляется тенденция использовать в борьбе с местными аристократическими культами народные верования в интересах господствующей идеологии». К сожалению, автор никак не доказывает это положение, которое, если оно будет обосновано, может также дать объяснение тому, почему в ханьских источниках мы находим больше чисто фольклорного материала, чем в доханьских. Э.М. Яншина говорит, что на ханьских рельефах Нюй-ва «выглядит не полноценным героем, а парой, придатком к Фу-си». Оснований для такого утверждения недостаточно. Однако все эти сомнения и некоторые другие спорные толкования (например, перевод сюань-няо - «черной птицы», по многим толкованиям, ласточки, как «пурпурной») не мешают считать статью Э.М. Яншиной полезной для нашего читателя.

За последние пятнадцать лет китайские исследователи сделали много в области изучения своего классического наследия.

К сожалению, вопросам мифологии в эти годы уделялось сравнительно мало внимания. Были переизданы исследования Вэнь И-до, появилось расширенное издание книги Сюй Сюй-шэна, написаны интересные статьи, например «Относительно легенд о стрелке И» Ху Нянь-и, «Цюй Юань и древние мифы» Ху Сяо-ши, «Поговорим о древних мифах» Ли Дань-янем и некоторые другие. Мифологии касаются и все авторы историй литератур. В одних она занимает меньшее место, например в «Истории китайской литературы», написанной коллективом Института литературы АН КНР или в четырёхтомной истории литературы, созданной коллективом Пекинского университета, в других большее, - например в книге «Китайская литература» профессора Ян Гун-цзи, или в «Истории китайского фольклора» коллектива Пекинского пединститута.

Перечисленные выше статьи разбирают главным образом конкретные вопросы китайской мифологии. Ху Нянь-и, например, доказывает, что миф о стрелке И отражает изобретение лука и борьбу с населявшими землю гадами и дикими зверями. Он приводит интересные данные о различных вариантах мифа, об эволюции его и об отношении к образу стрелка И различных авторов: одни, следуя народной традиции, возвышали его образ, другие, исходя из конфуцианских принципов, толковали его как правителя, увлекшегося охотой и забывшего о делах управления. (Чтобы как-то оправдать это противоречие, была изобретена даже теория о двух разных И.) Статья Ху Нянь-и даёт наиболее подробное исследование одного из лучших образов китайской мифологии, однако в ней видны и следы старой теории, считавшей, что герои мифа суть реальные люди - предки. Автор пишет: «Возможно, что И - это старейшина какого-либо рода в древности, возможно, в действительности и был такой человек, но это не есть предмет нашего исследования». Думается, что у нас нет оснований считать стрелка И, стоящего в одном ряду с образом Геракла, реальным лицом, это типично собирательный, обобщенный образ древнего героя, олицетворяющего собой мощь племени. Примерно так и понимаются все эти мифологические образы в истории литературы Пекинского университета и в «Истории китайского фольклора».

Важно отметить, что работы, созданные в последнее десятилетие, исходят из трудовой

теории происхождения искусства, что бесспорно правильно. Они связывают миф с реальной действительностью, нередко, правда, слишком прямолинейно, в чём сказывается влияние вульгарного социологизма. Например, авторы «Истории китайского фольклора» пишут, что раз «в действительности были люди и были змеи, то только так мог быть создан образ Нюй-ва с человеческим лицом и туловищем змеи».

К сожалению, авторы не показывают, что Нюй-ва была в представлении древних водяным божеством. Вообще в последних работах заметна явная тенденция обойти образ Фу-си и его отношение к образу Нюй-ва. Ни в «Истории китайского фольклора», ни в историях литературы Пекинского университета и Института литературы Фу-си вообще не упоминают.

Из положительных тенденций, проявляющихся в последних работах, нельзя не отметить стремления связать миф не столько с той эпохой, когда он был записан, сколько с тем периодом в развитии человечества, когда он мог возникнуть. Об этом говорят, например, авторы истории фольклора, разбирая миф о починке неба. Одновременно многие авторы считают возможным подчеркивать романтизм (а иногда и реализм) мифов.

«Основа мифа - это реализм, а форма - романтизм», - пишут авторы истории фольклора, поясняя, правда, что под реализмом они понимают здесь отражение в мифах жизни первобытного человека, полной борьбы с природой. Думается, что использовать эти конкретно исторические литературоведческие понятия применительно к мифологии явно не стоит, ведь миф отражает принципиально иную стадию художественного, образного мышления. Видимо, с недостаточным пониманием исторического движения художественного мышления связано и утверждение авторов истории фольклора о том, что превращение образа Си-ван-му из страшного чудовища в прекрасную царицу - хозяйку Запада - есть результат редактирования и искажения мифа господствующими классами.

В последней истории литературы, созданной Институтом литературы, небольшой раздел о мифах написан более чётко и без таких упрощённых взглядов, хотя и там есть неудачные формулировки. Наличествуют в разделе и те же отголоски старой теории, считавшей мифических героев реальными персонажами (в написании принимал участие Ху Нянь-и).

Общим же недостатком всех работ, перечисленных нами выше, является невнимание к этнографическим данным, к сравнительной мифологии, которыми широко пользовался Вэнь И-до, а отсюда и отсутствие конкретных, убедительных объяснений многих мифологических сюжетов, не всегда четкое понимание того, какой миф был создан раньше, а какой мог возникнуть позже, и т. д.

Совсем недавно интересные работы по древней мифологии выпустил Ли Гуан-синь. Он доказывает, например, матриархальность образа Хоу-цзи - Князя-просо, пытается реконструировать древнейшую форму мифа.

Аналогичную попытку восстановить древний облик мифа предпринял и Юань Кэ в своей недавней статье «Эволюция мифа о борьбе Шупя и Сяна» (журн. «Цзянхай сюэкань», 1964, № 2), доказывая, что Шунь в древнейших сказаниях изображался охотником на слонов.

Книга самого Юань Кэ как бы подводит итог огромному, уже собранному буквально по крупинкам материалу. Она показывает, что китайская мифология близка творчеству других древних народов - Греции, Египта, Мексики и даёт интересный материал для сравнительно-исторического изучения мифов.

Б. Рифтин

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)